

ЮРИЙ ЗАПЕВАЛОВ

ЗАПИСКИ ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА

КНИГА ПЕРВАЯ
ДОНОС

Издательство «Написано пером»

Аннотация

Горный инженер. Более сорока лет добывал золото, платину, алмазы в экстремальных условиях Крайнего Севера и Урала. Прошел производственный путь от рабочего до директора Алмазодобывающего Горнообогатительного Комбината. К своему 75-летию написал и издал книгу о своём поколении, о своих сверстниках, о своих современниках. О том поколении людей, которые в детстве пережили большую войну, в юности – восстановление страны, в зрелом возрасте – её могущество, а в старости – её разрушение. Эта книга не выдумана. В этой книге – Правда! Член Союза писателей России, Лауреат литературной премии им. А. П. Чехова, лауреат юбилейной медали «В честь 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина», лауреат литературного конкурса «Золотой диплом» имени А. М. Горького, член Щелковского районного литературного объединения «Слово». «Почти два месяца катался я по Уральским золотым приискам и рудникам в поисках своего героя. Мне поручила редакция написать очерк о золотодобытчиках. Сам я уроженец Миасса, еще недавно одного из основных Российских центров золотодобычи. «Миасский треугольник» и сегодня самый крупный из найденных в России золотых самородков. В редакции так и сказали – ты потомок старателей, тебе и «лоток» в руки. Я взялся за Миасских «золотарей» – старателей и государственных работников. Одни добывали, как я тогда считал, для себя, другие работали на государство, одни жили с того, что «подфартит», другие имели постоянную и гарантированную зарплату. То, что я увидел на приисках, меня повергло в журналистский «шок». Полный упадок золотодобычи, неряшество, нераспорядительность, безразличие, полная незаинтересованность в результатах своей работы...»

Тысячи дорог ведут не туда, Куда стремится человек.

Деду

Георгию Мироновичу Красноперову

Посвящается

Проза будущего потребует другого. Заговорят не писатели, а люди профессии, обладающие писательским даром.

И они расскажут о том, что знают, что видели.

Достоверность – вот сила литературы будущего. В. Шаламов «Колымские рассказы»

Почти два месяца катался я по Уральским золотым приискам и рудникам в поисках своего героя. Мне поручила редакция написать очерк о золотодобытчиках. Сам я уроженец Миасса, еще недавно одного из основных Российских центров золотодобычи. «Миасский треугольник» и сегодня самый крупный из найденных в России золотых самородков. В редакции так и сказали – ты потомок старателей, тебе и «лоток» в руки. Я взялся за Миасских «золотарей» – старателей и государственных работников. Одни добывали, как я тогда считал, для себя, другие работали на государство, одни жили с того, что «подфартит», другие имели постоянную и гарантированную зарплату. То, что я увидел на приисках, меня повергло в журналистский «шок». Полный упадок золотодобычи, неряшество, нераспорядительность, безразличие, полная незаинтересованность в результатах своей работы.

Начало девяностых. Шли первые годы новых «демократических» преобразований. Страна

распродавалась по частным компаниям, золото скупалось не граммами – месторождениями.

Мне стало все это неинтересно, я не собирался разбираться в причинах упадка золотодобычи, не моя это тема, хотя, конечно, интересно было узнать, как это можно за два неполных года «нового хозяйствования» развалить одну из богатейших и доходнейших отраслей, умудриться за столь короткий срок прибыли превратить в убытки.

– Слушай, – спросил я у одного из «увядающих» начальников, – неужели ни на одном советско-российском предприятии золотодобычи нет ни одного человека, о ком можно было бы написать, ну пусть не книгу, но хотя бы приличный очерк?

– Поезжай в Свердловск, в «Уралзолото». Не знаю, живет ли оно еще. Но если и не живет, то, по крайней мере, кто-то из золотарей им завладел и управляет, или командует, или просто дурака валяет в этом безвластии, переживая «смутное» время. Или ищет настоящего хозяина, который сумел бы навести элементарный порядок. Это же золото! – все равно спохватятся, никуда им, ни новым, ни старым, и русским, и нерусским – никуда им без нас, без золота, не деться. Вот и мы выжидаем. Ты нас не осуждай, не думай о нас как о «дебилах». Мы ведь «намыли» для родной державы не десятки, сотни тонн этого золота. Но писать тебе о нас сегодня – тебе же дороже будет, никто сейчас не раскроется, не распахнет. Ты поезжай, там, у свердловчан, колоритнейшие есть фигуры, то, что тебе как раз и надо, то, чего ты, я так понимаю, и ищешь.

Что делать, поехал в Свердловск. Он, правда, стал уже Екатеринбургом. Но все «золотари» упорно продолжали называть его Свердловском – «мы к этому названию прикипели», заявили они при нашей встрече. Мне и в Свердловске опять посоветовали, да, да, посоветовали, мы же «страна советов», поехать в Краснотурьинск, на прииск «Южнозаозерский». «Там мощный директор, Виктор Жлудов, потомственный золотодобытчик. Но не он герой ваших поисков, он золотарь твердый и без «заскоков», родился на золоте и не отойдет от него до самой своей кончины, упаси его от этого господи, вам же, как мы поняли, нужен человек с приключениями, с биографией сложной, неординарной, найдут они, думается нам, найдут вам такого героя».

Поехал. «Поезд Свердловск – Краснотурьинск» очень удобен, в том смысле, что уходит не поздно и прибывает рано утром, можно все, что наметил в городе, сделать за один день. В вагоне разместился в купе на четверых, но нас, пассажиров, оказалось в купе только двое. Пожилой, приятного обхождения попутчик мой, Александр Васильевич, предложил испить чайку, у него какая-то особая приготвления заварка, быстро разжились у проводника кипятком, как и у меня, у него тоже оказался «запас» в виде коньячка, поужинали, немного выпили, разговорились.

– Да, я золотодобытчик, да, со стажем, вот уже более тридцати лет добываю не только золото, но и платину, да, конечно, в руководстве, нет, не города, в руководстве прииска, конечно, знаю практически всех, кто хоть как-то связан с золотодобычей. А вы, простите, «ху есть ху»?

– Я журналист. Имею задание написать что-то интересное о золотодобыче. О ваших людях, о вас. Да, время не очень удачное. Но, понимаете, я хочу писать не просто о «старателях», золотарях, мне нужен человек необычной судьбы, с приключениями, какими-то жизненными неурядицами, спадами и взлетами, с чем-то не рядовым, неординарным. В общем, как сегодня говорят, мне нужен человек «с заскоками». Вот, скажем, Новак, директор «Уралзолото», талантливый человек, есть о чем написать и о чем рассказать. Но все, как говорится, «при нем» – начал с мастеров, дослужился до крупной, одной из самых ведущих в золотодобыче должности, аж до директора Горно-обогадательного комбината. И ни одной оплошности, ни одного проступка, никаких отклонений. Интересно? Да, очень, и кто-нибудь обязательно об этом напишет – но, не моя это тема. Мне нужен человек с падениями и взлетами, человек если и не талантливый, то хотя бы со способностями, разносторонний. Неуступчивый, но не нахал, бунтарь, но не «Пугачев», авантюрист,

но не злодей, не «террорист» какой-то. Я понимаю, что витаю где-то далеко и высоко, но ищу, а вдруг! Вы же золотари, старатели, по сути своей все вы немного «чокнутые», вы уж извините за обобщения, но так мне дед мой, тоже золотарь, говорил когда-то. «Мы, – говорил дед, – за золотой легендой куда угодно пойдём, расстараясь и найдем легенду эту, было бы что искать, если есть – найдем, мы же все «чокнутые», старатели, от нас не уйдет!».

– Я начинаю понемногу понимать, что вы ищете, кто вам нужен. И знаете, я бы, наверное, смог вам посоветовать к кому обратиться. Только не знаю, где теперь этот человек, каков в здоровье, жив ли еще. Но могу дать, как теперь говорят, «контактный» телефон. Номер телефона людей, которые знают о нем – где и что – так как, по моему разумению, постоянно с ним в связи.

– А вы сами что-то знаете о нем? Кто, что. «Ху есть ху», как вы говорите?

– Да, когда-то мы вместе работали. Думаю и карьерой своей я ему как-то обязан. Нет, не то, чтобы он меня двигал, нет, но был момент, когда от него зависело, дать ли согласие на мое новое назначение.

– И где же он теперь, да и кто это? Остался он в вашей работе, в вашей отрасли? Может, он теперь большой, ну уж очень большой, начальник?

– Я этого теперь не знаю. Мои последние известия о нем скудны, но знаю, что он действительно стал большим начальником, где-то, по-моему, в алмазодобыче, затем занялся финансовым бизнесом, ворочал большими капиталами, скупал крупные партии золота, но в последние годы как-то выпал из информационных сообщений, я имею в виду – сообщений специальных, по нашим каналам. Он коренной уралец, ваш земляк, с Южного Урала, чуть ли не из вашего же Миасса, по крайней мере за то время, что мы знали друг-друга, он ездил в Миасс к каким-то родственникам довольно часто.

– Вы советуете мне его найти? Тогда скажите мне, кто он, как зовут, как фамилия...

– Не торопитесь, что вы как на «допросе»? Вы же журналист, должны знать, что в нашем деле не часто раскрывают знакомых. Вы поезжайте, куда наметили, а я разузнаю по своим каналам, где этот человек теперь, как он, можно ли с ним связаться. Оставьте свой телефон, если что-то узнаю, я вам обязательно сообщу. А знаете, – заметил он укладываясь на ночлег, – фамилия у вас заметная и тому человеку, что я вам рассказал, очень даже известная. Думаю, в любом случае вам интересно будет с ним познакомиться.

Заинтригованный, уснуть я уже не мог. Что-то заело, чувствовал я по своей журналистской интуиции – да, это и есть то, то самое, что я ищу. Но если мы разойдемся сейчас с моим попутчиком, разъедемся – где он сказал выходит? – где-то на Вые какой-то, если расстанемся сейчас – потеряю, не найду больше, не узнаю, где и кто, и как найти, и как познакомиться. Что-то надо делать, что-то придумать. Есть коньяк, но он как-то не очень к нему. Думай, думай, журналист, потеряешь находку!

Выходить! Надо вместе с ним выйти на этой загадочной станции, как она? Выя – чертовщина какая-то «гоголевская». Но, может, это как раз и есть то, раз в жизни найденное? Надо выходить, познакомиться поближе, посмотреть на прииск, с людьми поговорить, что-нибудь да найду!

Так я познакомился с Среднеуральским прииском, побывал на его горных участках добычи золота, на драгах, гидравликах. Плотины, очищенные от извечной приисковой грязи чистые водоемы, зоны отдыха. Прииск мне понравился. «Не найду то, что ищу, напишу хоть о прииске. Замечательный прииск».

Заметил, что многих смущает моя фамилия.

– Вы не родственник?

– Чей?

– Нашего начальника давнишнего, Георгия Александровича.

– Не знаю, женщины, о ком вы говорите, и не знаком, и не слышал.

– Ну как же, Георгий Александрович, ваш земляк, кто же его не знает, кто ж о нем не слышал?

Так я впервые услышал об одном из бывших руководителей прииска, много лет прошло, а поди ж ты, знают, помнят, да еще и с такими подробностями.

Александр Васильевич действительно дал мне обещанный контактный телефон, я прилетел в Москву, встретился с дочерью моего разыскиваемого героя. Светлана, моложавая, симпатичная женщина, добрые и какие-то удивительно приветливые глаза. Мать двоих сыновей, один из которых уже студент, второй школьник, но хитрющий, сразу видно – казак. Светлана мне и поведала, что да, Георгий Александрович Красноперов живет в Подмоскowie. Можно его, конечно, посетить. Но он болен, после инфаркта. Она узнает, когда к нему можно приехать. Нет, позвонить ему нельзя, у него сотовый телефон с односторонней связью, звонить может только он. Телефон стоит дорого, а Георгий Александрович живет на голую пенсию, ни от кого помощи не принимает. После того, как его родное предприятие отказало ему в элементарной просьбе – оплатить затраты по переезду с Крайнего Севера, хотя все это и оговорено в трудовом договоре, он нам, детям, заявил после этого, что все, хватит, что заработал, то и получаю, тем и жить буду. Его жена еще пыталась писать в разные инстанции от его имени, но ничего не изменилось. Поэтому живет он очень экономно, и звонить ему по телефону никому не разрешает. Я все узнаю сама и вам сообщу. Оставьте ваш телефон, как только я получу разрешение посетить отца в деревне, я вам обязательно сообщу.

Звонка этого ждал я несколько дней. Все говорило о том, что никто со мной встречаться не хочет. Но нет, дождался, звонок.

– Приезжайте ко мне. Я вам расскажу как доехать. Вас ждут.

– Может, поедем вместе? Для первого раза. Познакомите нас.

– У меня вдруг возникло какое-то непривычное для журналиста смущение.

– Нет. Приезжайте, я вам всё расскажу, но поедете вы один.

И вот, мы сидим в уютном, небольшом доме моего земляка и наверное родственника, я смотрю на человека, который посвятил свою жизнь добыче золота, платины, алмазов – драгоценных камней и металлов, я смотрю и слушаю человека, которого так долго искал – теперь я уже уверен, что искал именно его. Мы неспешно беседуем, я убеждаю его, что о нем хочу написать и напишу, как бы он ни сопротивлялся. Я его убеждаю, что жизнь его, это не его биография, это биография целого поколения, эта жизнь стоит того, чтобы о ней узнали люди.

Наконец он согласился, что да, может, и нужно рассказать людям всё, что пришлось пережить этому непростому поколению, этим детям войны, детям первых послевоенных героических, но и жестких, жестоких лет, да, надо, наверное, рассказать.

– Если хотите, мы можем изменить и имена, и фамилии. Но это будет уже не та история, подложная, что ли, придуманная какая-то, подставная. Я предлагаю, давайте напишем все, как есть, с полными координатами, адресами, именами, опишем настоящих живых людей.

– А что, писать, так откровенно, согласен, только вот рассказ-то мой будет длинным. Выдержишь?

– А куда нам спешить, спешить нам некуда.

– Ты где на «постой» остановился?

– Да – пока нигде.

– Вот и прекрасно. Жить будешь здесь, у меня. Будем с тобой работать на дому. Ну что ж, Георгий, давай, завтра с самого утра и начнем! Рассказ я записал дословно, стенографически, даже обороты речи и интонацию сохранил, как она была, убрал только некоторую горячность, некоторые отступления, не относящиеся к жизни моего героя. Все оставил в этом удивительном рассказе – как он был.

...

Георгий Красноперов,

журналист

1

Душно в камере, жарко. Лампочка ярко горит на потолке. Тоже греет. Спят люди в камере полураздетые. Но все равно потеют. Жарко.

– Саныч, ложиться будешь?

Проснулся Илья. Мы спим с ним на одной «шконке». Вверху, на втором этаже, на верхнем ярусе металлических, сваренных попарно жесткой сваркой тюремных кроватей.

– Поспи еще.

Мы с Андреем пьем чай. Молча. Рано. Даже по тюремному распорядку еще очень рано, все, или вернее сказать, почти все, тем, кому положено, чья подошла очередь, спят. «Разносчики» только что принесли хлеб. Мы получили на всех. Такой у нас в камере порядок – хлеб получает тот, кто не спит.

Не спим мы с Андреем. Молча пьем чай. Чай не очень сладкий, даже можно так сказать, что он не сладкий, а подслащенный. Впрочем, сладкий я и вообще-то не очень люблю. Но сегодня у нас с сахаром заминка. Вернее – ограничение. Три дня подряд мы не получали ни одной «дачки». Альберт заметил «вскользь», ни к кому не обращаясь:

– Чаю пьем много, а сахар кончается. Поосторожничать бы надо.

Альберт у нас «старшой». Не бригадир, нет. И не «смотрящий». Он не любит «начальственных» званий. Мы зовем его «Старшой» – и этого ему достаточно. Он сам не хотел быть ни бригадиром, ни старостой. Когда камеру посетили французы – какая-то у них была проверка по международным обязательствам – они спросили – «кто в камере староста» – мы все друг на друга посмотрели с недоумением, мы такого вопроса просто не ожидали. Володя, немного погодя, отозвался – «у нас нет старосты». Французы удивились, но промолчали.

«Старшой». По моему, это звание Альберту и самому нравилось. В камере он не пользовался единоличной властью. Советовался. Главным образом с Володей и Андреем. Но все, кто находился в камере – и постоянные жильцы и те, кого поселяли временно, на один-два дня, окончательные решения признавали за Альбертом. Он не делил «шконки» или места в камере, не устанавливал очередь на сон или к обеденному столу. Но чуть менялся тон в его голосе, ясно становилось, что не так что-то делается. И кто не так делает, тоже понимал сразу, без уточнений.

В камере был порядок. За этим порядком следил Андрей. Он у нас и завхоз, и постоянный дежурный, и повар, и главный распорядитель. Все эти обязанности он выполнял добровольно, с большой охотой и довольно умело. По-моему, он просто в этих делах никому не доверял. Он сам мыл и чистил камеру, перебирал постели, следил за тем, чтобы все ходили в назначенный день в баню. Ворчал:

– Вшами обростем. «Мандавошки» заедят! – Все в камере принимали его требования без ропота,

без сопротивления. Помогали, когда он разрешал помогать.

Андрей толкотни не любил и когда устраивал генеральную уборку, то попросту загонял всех на «шконки», а все работы выполнял сам. Это, как он сам утверждал, и качественней, и быстрее, и без всякой суматохи. Альберт его поддерживал, все это видели, понимали и старались чем-то помочь.

В камере было чисто, у нас не было вшей и других насекомых. И это благодаря Андрею, его чистоплюбию и аккуратности. Это понимали и наши новички, которые появлялись и менялись в камере почти ежедневно, иногда по несколько человек в день. Они-то и могли приносить в камеру всякие «сюрпризы», не будь таким внимательным и требовательным Андрей.

Камера – это небольшая тесная комната, шириной два с половиной метра и длиной около шести. Высота ее достаточна для установки в два яруса кроватей – «шконок». Рассчитана камера на четырех человек. Постоянно же в ней содержится шесть-семь. Временно, на один-два дня, «набивалось» и более десяти.

Наверху, в торцевой стене, окно. Снаружи окно закрыто металлическим листом таким образом, чтобы дневной свет проникал в камеру снизу, из-под этого металлического листа. Увидеть что-либо из такого окна невозможно. Это еще одна глубоко продуманная изоляция камеры. Чтобы мы, живущие в этой камере, уже осужденные, но пока не отправленные на «зону», или еще подследственные, собравшиеся не по своей воле вместе в этой камере – преступники и подозреваемые, чтобы мы не могли общаться с внешним миром.

У торцевой стены, под «замаскированным» окном – небольшой столик, сооруженный самими жителями этой тюремной камеры, зажатый двумя «шконками». Он еле-еле вмещал на себя скудные обеденные приборы и хлеб. Когда наступало время обеда. И шахматную доску, когда определялось время отдыха.

В шахматы играли. Целые турниры проводились среди обитателей камеры! А вот в карты у нас, в нашей камере, не играли.

В углу, у двери «параша», не помойное ведро, нет, «параша» оборудована смывом, стенки её выложены из кирпича, выложенные высотой чуть больше метра, они отгораживали «парашу» от камеры. Не унитаз, но и не яма, на небольшом возвышении, её закрывали «шторкой» из простыни. Тоже изобретение Андрея. У противоположной стены хорошо оборудованное спальное место, с хорошим матрацем, подушкой и двумя одеялами, чистые простыни, спать здесь не считалось, что спать «под парашей».

У каждого сидящего в камере свои статьи обвинения. Здесь не принято расспрашивать кто и за что сидит. Кому положено знать, те знают. Но тяжесть обвинения определяла положение в камере, временный «статус», поэтому те, кто находился здесь постоянно, «на хате», знали друг о друге достаточно. Люди же не молчат, обмениваются замечаниями после вызова к следователю или после судебного разбирательства. Не скрывают и определенные судом сроки «отсидки».

В камере царит атмосфера заботы о тех, кто переводится на «зону». К такому переводу готовятся. Обменивают теплые вещи, запасаются консервами, чаем, сахаром, конфетами. И все, кто находится в этой камере постоянно, вместе, не препятствуют такой подготовке, помогают, откладывают что-то от себя, с общего стола. Каждый знает – придет и его время, и его будут «собирать» в неизвестность вот этим тюремным людям.

В камере не было такого озлобленного злорадства, как это часто описывается в «эзковской» литературе. Я здесь говорю о царившем порядке в нашей камере. Может быть, и наверное, в других местах и другие порядки были. Иногда к нам «подсаживали» на недолгое, как правило, время

озлобленных и даже «обиженных», но они зачастую проходили через нашу камеру «транзитом», надолго не задерживаясь. Практически, мы с ними и не общались. Тем не менее, из их коротких рассказов мы узнавали, что да, не везде, не во всех камерах этого СИЗО, порядки одинаковые.

Такие «транзитные» подселения в «маломерных» камерах случались довольно часто, от чрезмерной, видимо, перенаселенности, когда уж совсем не было мест в общих камерах. Но в четырехместной камере одиннадцать человек долго прожить не могут. Шесть-семь человек, это да, это постоянно. А если, скажем, за ночь «набьются» более десяти, так, что и стоять трудно, через день все равно камеру «расселят».

Когда меня поместили в эту камеру – я был всего лишь пятым. Место мне отвели на полу, в углу, у двери. Там, где Андрей и оборудовал резервное место – полная постель: матрац, подушка, одеяло – все это в приличном виде, довольно чистое.

После «иваси» и «транзитной» камеры место это показалось мне «гостиничным».

В момент моего заселения в эту камеру на верхних «шконках» размещались Эдик и Андрей, на нижних – Альберт и Володя. Познакомились сразу, было это в три часа ночи, я только-только вырвался из общей «транзитной» камеры, из чудовищного кошмара, мне эта камера – четыре человека, я всего лишь пятый, мне эта камера показалась Раем Небесным.

Шел восемнадцатый день моего ареста.

* * *

– Ну хорошо, тезка, «достал» ты меня, согласен, пиши, расскажу, только ты мне скажи, что ты от меня хочешь услышать, что рассказать тебе, о чем?

– Обо всем!

– Да ты что, Георгий, разве можно рассказать – обо всем? Ладно, перестань прикидываться простачком, я понимаю, ты хочешь «расколоть» меня на что-то «пикантное», на что-то запрещенное, еще бы, всю жизнь человек провел среди золотарей, алмазников, хитрых старателей, вечных участников добычи и сбыта драгоценных металлов, драгоценных камней, владельцев рынка «больших денег», причастных к «большой политике», «большому бизнесу».

Хорошо, согласен на предложенных тобой условиях, а у меня условие одно, писать, если будешь писать, только правду, ничего не сочинять «от себя». Ладно, давай поработаем, если что-то не так, ты один в ответе за истину.

Только, сразу предупреждаю – не ждите вы, Георгий, и ты, и твои читатели, не ждите вы от меня чего-то необычного, все мы, и золотодобытчики, и алмазодобытчики, и даже самые загадочные в нашей отрасли – ювелиры и огранщики, все мы обычные, простые люди, со своими странностями, привычками, со своими правилами, своими отношениями с родственниками, друзьями, знакомыми и незнакомыми, с извечной настороженностью к вам, журналистам, ибо никакого отношения не имеем мы ни к «рынку больших денег», ни к большой политике, ни ко всему тому, что вы так любите «смаковать». Не ждите вы, Георгий, в моих рассказах чего-то необычного. Рассказывать, Георгий, я буду тебе, не твоим читателям, а ты уж записывай и передавай как сумеешь.

Ну что ж, тезка, давай, начнём! С чего начинать будем?

– Как с чего? Начните с «самого начала»! Расскажите о себе, о своих «корнях», кто вы, что вы, из «каких» будете?

– Из Казаков! «Мы», Георгий, будем из казаков. Из славного, когда-то большого, дружного рода Красноперовых! Войны, революции разбросали нас по «Белу свету», но все мы знаем, помним, гордимся родом-племенем своим – казачьим родом Красноперовых!

* * *

Да! Это был большой казачий род – Красноперовы.

Именно из этого, уважаемого в казачестве семейства, вышли и расселились сегодня по Белому Свету все Красноперовы. И породнившиеся с ними, перемешавшиеся с ними – Запеваловы.

Обе фамилии широко расселились со временем по Миру, по родной Земле нашей Матушке.

Как среди Красноперовых, так и среди Запеваловых, до сих пор живет старая-престарая легенда. Рассказывал мне её дед, когда я был совсем малый, чуть более трёх лет было мне тогда. Но запомнил! Запомнил всё! Так запомнил, что когда повзрослел, сам «рыться» стал в бумагах всяких, да в летописях древних, изучая историю происхождения «казачества»...

Дед, Георгий Миронович Красноперов, отец моей матери, Алевтины Георгиевны. Приезжал к нам дед в гости, незадолго до начала Войны, в нашу деревню-станицу, из далёкой от нас Перми, куда уехал дед в период опасного для казаков «раскулачивания». Рассказывал историю своего рода-племени, так он тогда выражался, дед, конечно, не мне одному, рассказывал всем детям, что дружно садились вокруг дедушки на деревенские скамеечки и слушали, с замиранием сердца, слушали его увлекательные рассказы о нашем прошлом, о прошлом нашей большой казачьей семьи... Собирались вокруг деда и наши «взрослые», тоже слушали. Запоминали!

И проплывали перед глазами нашими далёкие, загадочные картины...

...Давно когда-то, на стыке первых тысячелетий, в охране Киевского князя, сосланного на княжение в далекую от Киева Тмутаракань, служил лихой дружинник по прозвищу Красное Перо, бесстрашный, преданный Князю, выходец из немногочисленного племени оседлых казаков, что издревле селились по Тереку и Кубани, а затем, в течение нескольких веков, расселились постепенно по низовьям Дона, а с годами и по рекам да речкам Южного Урала.

По этому преданию отважный княжий охранник погиб, защищая Князя, попавшего в западню изменой коварного греческого правителя Таврии. Этой своей героической смертью прославил себя легендарный казак, увековечил имя свое в последующих поколениях.

Он и стал Прародителем огромного, расселившегося по всему миру рода Красноперовых. И где бы они, Красноперовы, сегодня ни были, где бы ни жили, с кем бы ни роднились, все они от него, от славного Казака – все они Красное Перо!

Размножились и выросли казачьи наследники, прошли через бури веков, дожили до дней наших. Из гнезда славного героя пошел древний род казаков Красноперовых, сохранивший имя знаменитого предка, унаследовавший его преданность клятве, присяге, службе, его бесстрашие, смелость, самопожертвование.

Старики постоянно твердили нам – казаки не сословие, казаки Народность, народность древняя. Не скифы мы и не хазары, не касоги и не гузаки – нет, мы Казаки, древняя народность, пережившая многие волны нашествий разных кочевников и не перемешались с ними.

Сберегали в веках предки наши чистоту казачьей крови! Выжили Казаки и сохранились еще задолго до появления Руси! А беглые, да другие «инородцы», примкнувшие к казакам, выдававшие себя казаками, так это все позднее, через многие века, когда ослабла жесткая требовательность казачья к порядку в соблюдении чистоты племени, к соблюдению устоев родовых казачьих, когда складывались первобытные

народности в разные объединения, в государства.

Эти примкнувшие инородцы и создали своими разбойными замашками миф о непокорных дашельных казаках, будто все мы, Казаки, тем только и жили всю жизнь нашу, что разбоем да «воровством».

Нет, говорили нам старики, наши предки выращивали скот, занимались коневодством, земледелием задолго до появления в наших краях разных кочующих народов, задолго до походов многочисленных восточных полководцев.

Легенда сохранила в памяти казаков загадочное имя одного из таких полководцев – Дарилу. Могучего, рассказывают, в древности завоевателя, который не стал, по преданию, нас, казаков, воевать, преследуя скифов, стороной обошел нас, наши селения казачьи, *подарил нам, казакам, жизнь.* От того и Дарила.

Об этом походе восточного полководца у нас, казаков, сохранились легенды, значит и жили мы раньше его похода! Даже имя его укрепилось у казаков. В честь полководца стали давать его имя казачатам. Мужское – Дарило, не закрепились, а вот Дарья – женщина, мать, дарующая жизнь – живет до сих пор, прошло это дарующее казакам жизнь имя женское через века и тысячелетия, и сохранилось, выжило, утвердилось.

Городки, хутора, станы, станицы – всё это зарождалось и возникало потом, позже, через тысячи лет, хотя именно от этих городков да хуторов и считают историю казаков многие умы Российские. Но это не история Казаков, это и не история Казачества.

Много в истории потеряно разных народов, с их названиями, обычаями, неписучие те народы были, не оставили о себе памяти «летописной». Потерялись на какое-то время и мы, казаки, но нашлись, отыскались во тьме веков, воспряли, напомнили о себе, ожили, создавая новую историю, обрастая новыми легендами.

Придумали же, будто Казак получил имя свое от понятия басурманского – то ли «гузак», то ли «гозак». Нет, это турки, изначальные завоеватели, встретив сопротивление в своих победных нашествиях небольшого, но смелого, свободолюбивого народа, побоялись продвигаться дальше, в земли непонятные и воинственные, это они назвали своих воинов, легко вооруженных, ловких на послушных, быстрых и выносливых конях, именем казаков. После знакомства с нами, казаками, стали они создавать вот такие же свои подвижные, лёгкие на подъём, отряды «гузаков».

А то, что беглые будто создали казачество, так это от Днепра, это «запорожцы».

...Откуда появились Запорожские казаки? Вот как нам об этом рассказывает Гумилев:

«Наши предки дружили с половецкими ханами, женились на «красных» девках половецких, принимали крещенных половцев в свою среду, а их потомки и стали запорожскими казаками, сменив традиционный славянский суффикс – «ов» (Иванов), на тюрский – «енко»(Иваненко)».

Да, запорожские казаки наши близкие родственники, но только более молодые, лет так тысячи на полторы-две помоложе. А принимать беглых пришлось им по историческому предназначению: в 16–17 веках запорожские казаки стали главной государственной и управляющей нацией Украины. Они возглавили восстание против поляков, объединили вокруг себя весь украинский народ, который весь и стал в те воинственные времена «казачьим» народом. А потому – главным у запорожцев стал Гетьман (Вождь, Глава государства), а у терских да донских казаков был и остался – атаман (отец).

И победили украинские Казаки настырных поляков! Не посрамили казачью честь и доблесть!

Но все это появилось когда? Через столетия после того, как узнали люди русские о жизни нашей казачьей и восхитились нами!

В работах Льва Гумилёва, с которыми «поближе» познакомился Георгий в семидесятые годы, Красноперова поразило совпадение выводов Гумилёва о происхождении казаков с рассказами деда Георгия, услышанные им в сороковом году. Не мог знать дед об изысканиях Гумилёва. Тот к своим выводам и заключениям пришел только в «шестидесятых», когда деда уже не было и в живых! Значит, верны древние легенды и обычаи, живущие в казачьих станицах!

...То, что мы народность самостоятельная, ни от кого по рождению не зависимая, так это известно и по современной истории. Вспомните – Уложение Войска казачьего подписано царем только в 1836 году! И даже тогда, практически в «наше» время, в нем, в этом документе, царская семья убеждает казак^{ов}жить в мире, в согласии воинском с великим русским народом. Уже это одно подтверждает нашу особую национальную независимость – Россия просит Казаков объединиться, и в трудные времена стоять вместе.

Выходцы из казаков остались и в истории древней Руси – вспомним хотя бы князей Глинских, родоначальником которых был «Мамаев казак». А это ведь задолго не только до «запорожцев», а и до Донского – «родового» казачества – потомков старых казачьих племен, объединившихся в Донское казачье войско. Так нам старики издревле и постоянно внушали, так берегли они нашу, казаков, историю и нам, тогда ещё молодым, передавали знания свои для сбережения.

– Что ты, Санька, всё время улыбаешься? Да так, главное, скептически, с недоверием... Думаешь, если мы сейчас постарели, так и молодыми никогда небыли? – обращался дед к старшему внуку, к Александру, вечно тот ко всему относится с недоверием. А тут, на тебе – дед, а туда же, нам, мол, «молодым», «старики» рассказывали! – Да, Саня, были ведь и мы «пацанами», и наши деды когда-то вот так же, как я вам сейчас, все эти истории рассказывали. А я очень надеюсь, что и вы, вот вырастаете, детишек своих народите, соберёте их вечером, вот так же, как мы с вами сейчас, соберётесь, и расскажите вы им, своим уже детям да внукам, нашу «былину» казачью. Расскажите?

Дети дружно, смеясь, кивали головами – расскажем, мол...

– Ну, ладно, слушайте далее...

...Малочисленное племя казаков пережило бурное время кочевий и нашествий степняков, не затерялось, не растворилось среди «басурман», сохранило и обычаи свои и религию.

Местами нашего проживания всегда были плодородные земли между Доном, Кубанью и Тереком. Это значительно позже, через многие века после зарождения нашего казачьего рода, размножившись, разделившись, когда вошел «этнос» казачий – по Гумилеву – в «фазу подъема великой активности», вот тогда наши предки и расселились по южным окраинам Дона, Дуная, Днепра, Урала, расселились по Сибири, добрались до далекого Забайкалья и даже до еще более далеких берегов Тихого океана.

Побывайте в тех местах, там сам воздух насыщен «казачеством». И покорили те места действительно Казаки – родовые казачьи герои.

Уж больно охоч стал казак, в новое-то время, к переселению, к поискам новых мест! Но не от страха, по которому часто меняли жилае древние славянские поселения, нет, казака тянула романтика завоеваний! Охоч стал казак к владычеству, к старшинствованию, к командованию, не терпел казак ни приказов чужих, ни повелений, особенно не любил подчиненности от размножающегося начальства. Только в своем, в казачьем войске, знал казак кому и в чем он подчинен. И покорила Казак Сибирь не от «развернись плечо», а от того, что дисциплинирован на службе, верен присяге, клятве.

Казак^{ом}, внушали нам старики, нельзя «стать», нельзя вступить в казачество, как в общество какое-то или в какое-то добровольческое воинство! Нет! Казак^{ом} можно только родиться. Родиться в семье, где хотя бы один из родителей был Казак^{ом}. Не отец, как у руссов, не мать,

как у иудеев, нет, у Казака кто-то один из родителей должен быть казачьего роду, хоть мать, хоть отец, но из казаков – рожденных, «куренных» – тогда и дите казак.

У казака, говорили нам старики, и в древности была своя религия, отличная и от окрестных оседлых племен, и от приносимой веры кочевников.

Казак всегда верил в Солнце-отца, в Землю-мать, в Небо-брата, в Воду-Сестру.

С приходом Христа, Казаки, задолго до Крещения Руси, до великой Ольги и Владимира Красное Солнышко, приняли веру христианскую, строили часовни и дома молельные – христианские, уверовали в учение Христианское, а приняв – не предавали веры своей, Христианской, ни в гонениях, ни в клевете на их казачье существование, ни в посулах привилегий да льгот, взамен на отступничество в вере, за поддержку князей некоторых, кто за деньги, за власть готовы были завсегда продать и веру, и народ свой подневольный, хоть и ропщущий на князей тех, да чаще всего – безмолвный.

Нет, казаки ни в радостях не предавали веры своей, ни в беде. Так передавали нам, молодым, старики свои казачьи обычаи и сохранившиеся легенды, и переходили эти сказания, эти обычаи и легенды – из одного поколения в другое.

А потому – Казаки, это Нация.

...«Поэтому и не сломило казаков советское «рассказывание» – делал вывод значительно позже повзрослевший Георгий. – «Разве можно из «турка» сделать «англичанина» по чьему-то указу? Вот, и из «казака» не смогли сделать «русского» крестьянина по велению власти.

Историки – и древние, и современные – знали о нас, казаках, давно и писали о том, что Казаки – это не русские, это отдельная народность. Карамзин, давая определение народу с именем *Казаки*, пишет, что «оно древнее Батыева нашествия. Торки и берендеи назывались *черкасами*, и казаки также. Вспомним *касогов*, обитавших между Каспийским и Черным морем, вспомним страну *Казакию*, полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах, прибавим, что осетинцы и поныне именуют черкесов *казаками*, столько обстоятельств вместе заставляют нас думать, что торки и берендеи, называясь *черкасами*, назывались и *казаками*».

Еще более конкретен Гумилев. При раскопках в низовьях Волги и по реке Тереку его удивило сходство скелетов в древних захоронениях Хазарии и Гребенских казаков. Гумилев делает вывод, что казаки у гребня Кавказских гор и жившие рядом хазары – родственники. Расшифровывая одно сомнительное высказывание игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра в «Повести временных лет», Гумилев пишет: «Это высказывание относится к хазарам-христианам, окрещенным в 860 году святым Кириллом и упоминаемым в «Повести временных лет». Их потомки жили около развалин древнего Семендера и назывались – «гребенские казаки». Часть их распространилась в IX веке на Нижний Дон, принесла туда культуру кавказского винограда и позднее стала известна под названием «бродники». Забегая вперед, скажем, что в XI веке потомки тюрко-хазар отказались от своего этнического имени и стали называть себя сначала по-славянски *бродниками*, а потом по-тюрски *казаками*...».

И далее...«В 1117 году русское население (проиграв войну с половцами) покинуло Белую Вежу, крепость, которая стояла в займище, на широком лугу, большая часть которого заливалась половодьями Дона. Здесь половецкая конница могла действовать беспрепятственно. Но в лесах долины Дона уцелело и

сохранилось местное население, аборигены, получившие прозвище – «бродники». Бродники говорили на русском языке и исповедовали православную веру, но современные им летописцы никогда не смешивали бродников и русских. Они считали, что это два разных народа... На развалинах Белой Вежи был построен поселок из саманного кирпича, такого же, как на Тереке, у терских казаков. Донской виноград ведет свое происхождение от терского. Овцы постепенно заменяют на Дону коров, а овца – жертвенное животное у хазар. Бродники – народ хазарского происхождения, смешавшееся в древности с каким-то славяноязычным племенем. Пока киевские князья воевали с половцами бродники были их союзниками, когда же киевляне столковались с половецкими ханами, бродники нашли союзников в лице монголов и помогли Субутай-батыру выиграть битву при Калке. Золотоордынские ханы умели ценить оказанную им помощь и оставили бродников спокойно жить в долинах Дона и Терека. Позднее, потомки бродников стали называться тюркским словом – казаки. Принято думать, что казаки – это русские крестьяне, бежавшие на Дон от ужасов опричины... Но мог ли не погибнуть русский крестьянин, попавший в непривычную ему природную обстановку, когда в степях Причерноморья господствовали ногаи, промышлявшие ловлей людей и продажей их в рабство? Невозможно ответить и на вопрос – почему московское правительство, очень нуждавшееся в налогоплательщиках, допускало уход своих подданных за границу, если один конный отряд мог выловить сколько угодно безоружных беглецов? И, наконец, для того, чтобы из земледельца-пахаря превратиться в воина и охотника, нужно время и выучка не одного поколения. Значит на Дону жили потомки бродников, а не какие-то беглые... Но не противоречит ли нашим соображениям то, что великая держава Золотая Орда терпела на своей территории такое инородное тело, как бродники-казаки? Нет! Бродники были врагами не татарских, а ногайских ханов, постоянно восстававших против слабеющих потомков Батыя. Золотоордынские ханы были естественными союзниками бродников, а ногайцы – врагами. Из Москвы, отвечая на жалобу ногайского мурзы, писали: «На поле ходят казаки многие. И у наших окраин казаки ходят и те люди как вам тати, так и нам тати».

Определяя историческое место хазар и казаков в истории народов России, Гумилев в великолепном исследовании «Открытие хазарии» выводит формулу для заселения речных долин Волги, Терека и Дона:

«Аланы – хазары – бродники – казаки гребенские и донские». Меняются через века и тысячелетия народы, но соотношение между ними постоянно!».

* * *

Красноперовы извечно группировались вокруг казачьей станицы Травники, что на Южном Урале, на своих родовых землях, числились в составе Уральского казачьего Войска, в Чебаркульском Казачьем полку.

Одним из ответвлений могучего дерева, выросшего из знатного древнего корня, было давно объединившееся с Красноперовыми семейство Запеваловых.

Иногда казачата, родившиеся Запеваловыми, с раннего детства росли Красноперовыми, так как отцы их, Запеваловы, погибли в Первую мировую войну, а матери вторым браком стали Красноперовыми и дети стали теми же Красноперовыми. Но только в станице, без изменения в документах, которых тогда, кроме записей церковных, никаких и не было. Так же было и наоборот, Запеваловы, вырастая, становились неожиданно для себя Красноперовыми. Много тогда зависело еще и от грамотешки сидевшего в сельсовете писца – многих он записывал по своим «понятиям», у него Запеваловы превращались в Запеваловых, а уж где кто Запевалов или Красноперов – это запутано хитрыми писцами до невозможности.

Так было и с Александром Красноперовым – ему едва исполнилось семь лет, когда погиб на первой мировой войне его отец Петр Запевалов. Мать, Евгения Гавриловна, вышла замуж вторым браком за Красноперова и потому Александр рос в станице как Санька Красноперов и узнал, что он Запевалов, а не

Красноперов, только когда пришла ему пора служить, по Советскому уже призыву, в Армии.

Посмотрел Военком документы.

– Ба, Санек, да ты у нас оказывается Запевалов, а не Красноперов!

– С детства я Красноперов, как же я служить пойду Запеваловым?

– Да нет уж, Саша, давай как в документах. Служи Запеваловым. Так Александр, первый раз при рождении, а вторично на призыве в Армию, снова и теперь уж окончательно стал Запеваловым. Под этой красивой певучей фамилией женился он на Алевтине Красноперовой, создал семью, народил и вырастил детей, дожил и до внуков.

А ушел из жизни рано, не допел своего, не доработал, не дожил. Не дослужил.

Это его, великое, трагическое поколение, пережило две революции, гражданскую войну, первым встретило, а потому почти полностью и полегло, июньские разгромные немецкие налеты Второй Мировой, а для них Отечественной войны.

С первого дня, с 22 июня, ушел добровольцем на фронт. Три ранения, одно из них тяжелое, из строя выбыл почти на целый год, но встал, вылечился, снова на передовую, снова в бой.

Минометная рота – это всегда объект особого прицела. В минометной роте трудно уцелеть живым и остаться не раненым.

Его поколение не могло дожить до своего предела, до того срока, что предназначалось при рождении. Не только война укоротила сроки их жизни, после войны тоже досталось им...

Казачьи семьи почти всегда были большими, многодетными. У Александра был брат Перфилий, две сестры – Шура и Аня. Да у жены Алевтины – брат Григорий и три сестры. Жили вместе, одним хозяйством, хотя и разными домами – каждая семья жила в своем отдельном доме. Перфилий до женитьбы жил в семье Александра. Женился перед самой войной. Но не успел нарадоваться с Ольгой, молодой женой. Призвали в армию. Провожали всей семьей, да и всей деревней, как к тому времени стала называться казачья станица.

Войну начал рядовым, в артиллерии. Имел награды, имел и ранения. Писал обо всем подробно не только жене, писал и Алевтине, которую звал – мама Аля. В тоскливые военные вечера Алевтина, собрав вокруг себя детей, читала им письма, письма отца и Перфилия. Радовалась семья наградам, плакала при ранениях.

Погиб Перфилий в самом конце войны, в Берлине. В звании капитана.

Боевые друзья его приезжали после войны в станицу, к Ольге. Искали Алевтину с детьми – многое Перфилий о ней рассказывал. Не нашли, да и не могли найти: Александр с Алевтиной, с детьми жили после войны на Украине, где Александр служил в должности заместителя командира батальона. Много позже после войны узнали мы, что Перфилию в самом конце войны присвоено было звание Героя Советского Союза, но узнал ли он об этом до своей смерти, ничего нам не известно до сей поры.

Война раскидала по разным землям семьи большого казачьего гнезда. Вернувшись на Урал, Александр с сыновьями пытались наладить утраченные связи с многочисленной, разбросанной войной родней. И многое им удалось. Но некоторые близкие так и не отыскились.

Так было и с Ольгой, женой Перфилия. Ни в Травниках, ни в Запевалово, есть на Южном Урале, такое село ни отыскать, ни узнать послевоенную судьбу Ольги не удалось. Позже уж и не искали – время было голодное, не до того было, хлеб добывали насущный.

В который уже раз – выживали.

Из всего огромного семейства, из всех этих многочисленных зятевьев, сватов, шуринов и деверей живых мужиков с войны вернулось двое – Александр и брат Алевтины Григорий. Он в самом начале войны не смог выйти из окружения, раненым, в беспамятстве, попал в плен. Вернулся, но и после войны хлебал еще горе до середины пятидесятых в северных лагерях. Не в немецких, в родных, советских.

Александр ушел на фронт рядовым. До сорок третьего – непрерывно на передовой. В минометной роте. Уже через полгода – политрук. Два легких ранения – ранение может быть легким? – залечил прямо там, на передовой. В конце сорок третьего в одном из кровопролитнейших боев в Карелии получил тяжелое осколочное ранение в ногу. Ногу врачи спасли, а самого комиссовали.

Почти год лечился, но в сорок четвертом добился таки отправки на фронт.

2

Шел восемнадцатый день моего ареста. Ареста странного, страшного, непонятного.

«Получение векселей по фальшивой доверенности».

Если бы мне надо было получить эти векселя, то зачем мне доверенность? Если я подписал какую-то доверенность, то почему она фальшивая?

Все «высосано из пальца», все «притянуто за уши». Значит – все это кому-то надо?

Восемнадцатый день в СИЗО.

Я многое повидал и пережил здесь. Камера с общими нарами на «ИВАСИ» – изолятор временного содержания – ИВС. По местному – «Иваси».

Пережил «ТРАНЗИТ» – камера предварительного содержания, «отстойник». Семнадцать металлических кроватей, «сваренных» попарно и одна в углу для «смотрящего». Семнадцать спаренных в два яруса «шконок» более чем на восемьдесят человек. Народ стоит, какое там лечь, присесть на «корточки» негде. Спят многие стоя. На «шконках» люди постоянно меняются. Никто этим процессом не управляет. Меняются самостоятельно, добровольно. Познакомившись, быстро объединяются в группы – «семьи». В одном проходе, в четырех «шконках» – вот и «семья». Так как на «шконках» размещаются по двое, объединяются и с той, и с другой стороны. Как в вагоне поезда пассажиры. Встретились, познакомились, пока едут – вместе.

Здесь вместе до распределения по «хатам» – постоянным камерам. Состав участников непрерывно меняется. Одних уводят на распределение или возвращают в старые, уже обжитые камеры, из которых для каких то целей вызывали. Других приводят – или новичков или откуда-то возвращают – из зала суда, например, или из других подобных мест. Привозят из «зоны» – этих в основном в больницу. Многие знают друг друга, эти быстро объединяются.

Нормальные люди, не угнетены, не озлоблены, тюремный юмор, анекдоты. Удивительно, но все вновь прибывшие, каким-то для меня непонятным чутьем, только заходили в камеру, знали с кем и как себя вести, кого внимательно слушать, кого слушаться, а кого спокойно игнорировать или даже послать «подальше». Но не матом, без оскорблений – в тюрьме за «базаром» следят и за «базар» отвечают.

Те, кто не впервой, осваиваются быстро, устраиваются по-домашнему. Новичкам тяжело, особенно тем, кто впервые, кто не знает теремных правил, тюремного распорядка. У них нет посуды, значит «баланду» взять не во что, не из чего попить чаю или даже просто воды из под крана. Тебя никто не знает, значит ни посуду для пищи, ни кружку для воды тебе никто не даст, мало ли кто ты есть. Неизвестно, можно ли еще и стоять-то рядом с тобой! Родственники не знают где ты есть.

Значит, нет надежды на передачу.

Голодный, подавленный – ты просто не знаешь, а что же дальше? И так до перевода в постоянную камеру, где ты, наконец, получаешь хоть какой-то статус, какое-то определение, какой-то адрес.

Я пробыл в «транзите», в камере временного пребывания, куда заводят на день-два, шесть дней. Считается, это много. Но и на «Иваси» меня продержали тринадцать дней, хотя предельный срок содержания там – десять. Видимо и этого тоже кто-то очень хотел. Условия содержания – тоже мера воздействия, а, возможно, и устрашения. Сказал же мне следователь, когда меня выпустили, и когда мы в чем-то не сошлись:

– Мало вы посидели в тюрьме, Георгий Александрович, ничего-то вы не поняли.

Шесть дней в транзите – это считается много. Посуды у меня не было, спать мне было негде. Однажды позвал меня молодой парень и дал поспать на своем месте. Почти целую ночь. На голой «шконке», на «лыжах», как называют в камере узкие металлические полоски, наваренные к спинкам кроватей вместо сетки. Ни матраца, ни подушки – но какое это было блаженство лежать, вытянув ноги и спать, спать, спать.

Этот же парень напоил меня чаем. Не помню его имени, не помню даже называл ли он мне свое имя, но благодарен ему и помню доброту его до сей поры.

В другой раз меня позвали к себе уверенно обжившиеся в углу молодые парни:

– Старый, давай меняться. Ты нам свои туфли, мы тебе вот эти ботинки. Смотри какие они мягкие и теплые. Тебе в них и сейчас будет тепло и зимой.

– Спасибо ребята, не надо – повел я себя довольно нагло – пусть уж лучше я останусь в своих туфлях. – Я вернул им помятые войлочные боты.

– Да ты что, старый, – опешили ребята, – человеку надо помочь, освобождается, а на волю выйти не в чем.

– Ничего, раз освобождается, найдет обувь. Придумает, в чем домой появиться. Мне мои туфли пока нужны. Да и нравятся они мне!

Ребята переглянулись, спросили озадаченно:

– Да ты кто есть-то, старый?

– Узнаете. Если положено вам знать, узнаете, – спокойно ответил я и отошел в дальний угол.

И сразу почувствовал вокруг себя напряженность. Пустоту. Вроде, вокруг те же люди, но уже и не те. Пустые замороженные взгляды, тебя вдруг не видят и не слышат. Если ты «захотел» и направился к «параше», там тут же создается очередь, захотел попить, но кран «занят». Пошел присесть на освоенное уже тобой место у стены, присесть хотя бы на «корточки», а там уже спиной к тебе люди.

Эта «напряженка» была снята самым неожиданным для меня образом.

После раздачи обеда, когда «кормушка» захлопнулась, ко мне подошел немолодой, но довольно бодрый, уверенный в себе человек. Подошел он не из «командного угла», а откуда-то из глубины камеры. Назвался Григорием.

– Привет, старый. Почему не ешь?

– Посуды нет. Взять не во что.

– Почему не возьмешь у соседа? – он мягко взял меня под локоть, мы отошли к стене, всего-то

три-четыре шага, но в этой несусветной тесноте перед нами быстро расступались, мы шли, словно на городской прогулке по бульвару, к свободной скамеечке. – Ты что, один хочешь прожить в этом доме?

– Не знаю, я первый раз. Неуютно как-то. Порядков здешних не знаю. Непривычно все.

– Еще бы, – он помолчал, внимательно поглядел на меня. – Мы знаем о тебе. Знаем откуда и за что тебя взяли. Неплохо ты вел себя с нашими пацанами на «иваси». Замерзли пацаны, согрел ты их. Поживем – увидим, может, и сгодимся друг дружке еще для чего-нибудь. А, как думаешь? Ты нам – мы тебе!

– Может, и сгодимся.

– Ладно, посмотрим. Молодец – рассмеялся он – первый раз в тюрьме, а не спросил, как это всегда бывает с людьми твоего уровня – а кто это «мы». Так и держи себя, главное, не тушуйся, не суетись. Слушай меня внимательно и запоминай. Во-первых, знай, что тебя посадят в камеру с «подсадкой». Тебя будут слушать и передавать твои рассказы. Кому – надеюсь понимаешь. Во-вторых – тебе навяжут адвоката из «ментов». Бывших или сегодняшних, не знаю, но из них. Так что, будь осторожен. В-третьих – где тебе «сидеть», в какой «хате», уже определено. Сам не высовывайся. «Транзит» – это для тебя испытание, чтобы дрогнул. Мы тут посоветовались, решили тебе помочь. Чтобы не загубили. Нам, сам понимаешь, насолить лишний раз «ментам» – за счастье. Так что, с этой минуты ничего больше с тобой не случится. Никто тебя не тронет. Не бойся. Но и сам не «залупайся», этого здесь не любят. Ну и последнее. Тюрьма знает о тебе. По «иваси». Смотри, не скурвись. Ну да, говорят, да и сам вижу, не из тех. Если что, дашь знать вот куда – показал мне номер – это моя «хата», передашь «мулькой», не бойся – дойдет. Но это, если уж очень приспичит. А так, ничего, живи, отсиживайся, место в камере у тебя будет и поглядывать за тобой будут.

– Что требуется от меня?

– Пока ничего. Будь самим. Там посмотрим.

– Имей в виду, денег у меня нет.

– Нам деньги не нужны – засмеялся он – свои пока есть. Живи и не суетись. Чаем тебя попоят, хлеб сам бери, не брезгуй, хлеба дают достаточно. Кружку вон у того парня брать будешь. Он сам подойдет. Пей чай. За стол не садись, не надо, как бы не вышло чего. Защищать ведь, сам знаешь, никто не кинется. Не начальник теперь. Спать не просись, тебя позовут. И смелее, спокойнее будь. Не тушуйся. Ну, с богом. Я больше не подойду. И ты меня не узнавай, не надо. Будь.

И ушел. Больше не подходил. Если случайно встречались – в одной камере все же были – на меня не смотрел. Пока мы говорили, около нас вертелись какие-то два парня. Но только разошлись и парни исчезли. Народу в камере битком, всех не рассмотришь, не различишь.

Да и рассматривать охоты нет.

Ночью у меня случился почечный приступ. Боль нестерпимая. Пробрался к двери, начал стучать. Три часа ночи. В камере тихо. Но стучу, мочи нет, больно. Вдруг слышу:

– Так не достучишься. Долби ногами.

– Так разбужу же всех.

– Да и так не все спят. Стучи, может, подойдет кто. – Никто не подходил. Видно – охране не до нас. Кто-то подошел из глубины камеры:

– Не стучи, бесполезно. Кому ты там нужен. На вот, попробуй, это пенталгин. Может, поможет.

И помогло. Боль стихла. Я сел где-то у стены на «корточки», слегка раскачиваюсь, усмиряю боль в

боку, в поясице.

– Эй, старый, иди сюда, ложись вот, поспи. – И абсолютно пустая «шконка»!

Не раздеваясь, не разуваясь взбираюсь на верхнюю «шконку», вытягиваюсь на голых «лыжах» и засыпаю. Мгновенно.

** * **

Так уж получилось, что история большой семьи Красноперовых-Запечаловых ранее Петра Васильевича, пра-пра-деда нашего, погибшего в первую Мировую войну, в рассказах не передавалась. Может, и передавалась кем-то и где-то, но до нас те рассказы не дошли.

Все члены семьи до зрелого возраста считались Красноперовыми. В станице ведь как – в одном краю жили почти сплошь Запечаловы, а в другом краю, одни Красноперовы. А иных фамилий в станице практически и не было.

Это старые казачьи фамилии. Красноперовы, это вообще – одна из самых старых – можно сказать, даже самых древних, казачьих фамилий, среди сохранившихся Уральских казачьих родов.

Историю семьи вел и хранил дед Георгий. Егор, как его звали в станице. Но он в период раскулачивания уехал в Пермь, увез с собой все свои записи по истории семьи. После его смерти записи затерялись. А может, и нет, может, и хранятся где-то у его новых, «пермских», потомков.

Много интересных историй помнила наша мама, Алевтина – его дочь. По вечерам, особенно в длинные «военные» вечера, она любила рассказывать эти истории детям. Рассказчицей она была великолепной и для младших детей не было большего удовольствия, чем слушать ее рассказы.

Многое впоследствии забылось. В то беспокойное время не до записываний было, а записывать и вовсе не приходило в голову. Поэтому, многие семейные истории забыты, потеряны. Например, рассказы деда Василия, отца Петра Васильевича, о службе в Петербурге, в период русского бунта в 1905 году, бунта, который чуть позже громко обозвали Революцией! Потеряны и многие другие воспоминания, но кое-что все же сохранилось.

В памяти, рассказах.

Любила рассказывать семейные истории тетя Шура – так ее в семье звали все.

Тетя Шура. Александра Петровна. Удивительная это была женщина. В Челябинской нашей общине всё держалось на ней и крутилось вокруг неё. Кто-то приходил узнать о своих родных – в суматохе тех лет это было постоянно. Всё тогда перемешалось, перепуталось. Одни ехали на Запад, другие на Восток. Многие уезжали на Север, на заработки. На шахты ехали, на новые заводы. Тогда же вся страна строилась! Кто приезжал в Челябинск – останавливались у неё, у тётки Шуры. Кто-то хотел узнать о своих родственниках, спросить адреса – приходили к тётке Шуре. Она знала всё и обо всех. И все наши знали, что тётка Шура знает. Если кто-то куда-то уезжал, поступал на какую-то работу, приходил к тётке Шуре, старался сообщить о своих изменениях в жизни.

– Тётка Шура, вдруг наши объявятся, сообщи там. Вот наши новые адреса. Может, не потеряемся, найдёмся, встретимся!

Мы с ней дружили. Я часто гостил у них в дни школьных каникул под Челябинском, в отделении Южный, Митрофановского совхоза.

Время покосов, мы с тетей Шурой на ее покосе работаем вдвоем. Косим, сушим, копним, таскаем, скирдуюем. А вечером – чай. Бесконечный. Бывало, за вечер выпивали самовар. Старинный, деревенский,

ведерный самовар. Под неторопливые тети-Шурины рассказы о нашей семейной, довоенной и даже дореволюционной, жизни. О жизни когда-то большой, но разбросанной революциями, войнами, рассыпавшейся казачьей семьи.

Деда Георгия я хоть и туманно, но помню. Вспоминается, как сонного, поздней ночью, стаскивает меня с печи большой бородатый дед. Дед Георгий. Жил он тогда уже в Перми, приехал погостить в родную станицу-деревню, в гости к отцу с матерью, поглядеть на родившуюся младшую внучку. Приехал с редкими для того времени подарками. Брату привез коньки, «снегурочки», на них Санька катался не только по льду, но и по укатанным санным дорогам. Мне привез настоящие городские санки. С этими санками я «рассекал» утоптаный снег на санной горе, не обращая внимания на строгие материнские окрики.

В зимние дни на горе много катающихся. Кто на чем – лыжи, сани, коньки. Пацаны, молодежь. Шум, смех, крики. Оживленный деревенский гвалт. Гармошка, песни, частушки.

Молодежи в станице-деревне до войны было много. Вечером все на улице, на горках, на морозе. А по редким выходным или праздникам собирались поочередно в больших хатах, хозяева ставили на стол небогатые угощения, что-нибудь обязательно и гости приносили с собой, устраивались «вечеринки». Клубов тогда не было, а молодежи надо же где-то встречаться. Вот и собирались – то здесь, то там – устраивали «посиделки», пели веселые песни да пляски устраивали под гармошку.

Мать рассказывала, что отец, когда еще не был женат, гармонистом-заводилой был на этих посиделках. И выдумщик разных розыгрышей. Но однажды при таком розыгрыше досталось и ему.

На масленицу наряжались молодые люди в костюмы разные. Вот, здесь и розыгрыши.

Однажды собрались парни да девушки в очередной избе. Пели, танцевали, а потом сказки страшные рассказывать стали, да что пострашней, то и лучше. Девки повизгивают, друг к дружке жмутся, а все поторапливают «ну, а дальше, а дальше?..».

Вдруг в окне выставляется страшная светящаяся рожа! Плечи выползают в окне в белом саване, подымается свист и вой жуткий. Все так и попадали. И девки, и парни. От неожиданности, да при щемящем ожидании страха сказочного.

А «морда» в окне так же стремительно исчезла, как и появилась. И вой стих. Парни за дверь. А там и нет никого. Ищи ветра в поле.

На второй день по всей деревне только и разговоров о страшном пришельце.

Вечером собрались уже в другой избе, и к полуночи все то же – «морда» со светящимися глазами и страшными зубами во рту, саван и вой. Девки в обмороке, с одной стало плохо, а ребята по лавкам жмутся, тоже оторвать «зад» от лавки не могут.

Снова исчезло всё, в избе тишина наступила. Быстрей разбегаются посидельщики по домам, в страхе все.

Но и на третий день собираются на вечеринку – праздник же, масленица, всю неделю празднуют на селе. За день забывают вчерашнее, в шутки переводят все. На третий день парни сговорились поймать «страшилу»!

Поют, пляшут, но все как-то насторожено, с дрожью в голосе, сами не свои молодые, ждут.

И вот, наконец, заскрипело за окном, с воем лезет в окно страшная, светящаяся неземным светом «морда».

Парни мгновенно за дверь, хватают приготовленные батоги в сенях и на «нечистого». Тот бежит к бане. Парни, чуть настигнув успевают огреть «нечистого» пару раз по чему попало, но тот успевает

заскочить в баню, запереться на засов. Парни баню окружили, решили ждать, когда «леший» выйдет. Не всю же ночь там сидеть будет! Или «улетит» через трубу – это тоже увидим, а если в дверь выйдет, тут уж мы его не пропустим!

Наконец в бане послышалось жалобно:

– Все, ребята, хорош, выхожу на милость вашу. Замерз. Баня же не топтана. Холодно!

– Выходи.

Выходит. В руках тыква, изрезанная под маску, с горящей свечой внутри, сам в исподнем белом белье, с простыней через плечо.

– Ба, да это же Санька Красноперов! Ну, ты даешь. Да ведь мы тебя чуть не прибили!

Веселились в деревне по праздникам, шутили, разыгрывали друзей и знакомых. Много молодежи было в деревне, быстро вырастали и девки, и парни. Веселились! Пока весело было.

Война проредила деревню...

Дед гостил у нас долго, несколько недель. Посетил всех родных, знакомых. В доме каждый вечер – большой накрытый стол, гости, веселье.

И песни. Ах, как на деревне, в старой казачьей станице, пели! Отец с гармонью – он был классный гармонист. В молодости – рубаха парень, «маята» деревенских девчат.

Пацаны в доме спали на «полатях». Это такой, говоря по сегодняшнему, «подвесной потолок», подвешенный деревянный настил, в полкомнаты в длину и по всей ширине самой большой в доме комнаты. Девчонки спали на печи, а мать с отцом в отдельной комнате, там у них стояла большая деревянная кровать.

Однажды проснулся я от установившейся тишины, все почти разошлись гости, за столом только дед Георгий, сын его, дядя Гриша, наш отец и кое-кто еще из казаков, два-три человека из старинных друзей. И подслушал я разговор, странный, непонятный тогда для меня, но интересный разговор, загадочный. Запомнился мне этот разговор. До сих пор четко помню все, почти что дословно.

– Что ж ты, Егор, насовсем, что ли, в Пермь-то подался? – Это кто-то из друзей старинных.

– Надолго все у нас здесь, да и по всей России, заварилось, не дожить нам до истины-то. Да и где она, та истина, кто ее теперь определяет. Насовсем, видать, разъезжаются казаки, живыми ведь остаться охота до смертушки-то своей природной. Да и семьи свои сохранить.

– Ну, а что ж мы-то здесь, на «подсадке» что ль?

– Да какая подсадка, кум, забудь ты все это, приживайтесь, только не надо ерепениться, перебьют же всех, нечто непонятно? Вы не рассуждайте по старому, не впервой – мол. Нет, это, братцы, другое. Сегодня так все поставлено новой властью – или с нами, или против нас. Каждый волен выбирать сам. А я вот не хочу выбирать, потому и подался на чужбину – выжить надо самому, да и детям помочь остаться живыми.

– В колхоз, что ль, нам всем?

– Не советчик я вам, честное казачество, раз подался сам из дому. Каждый нонче сам соображает судьбу свою. Скажу только, кто хочет выжить и сам, и семью – детей своих спасти, не советую я сабли-то из ножен доставать, как оглоблей размахивать оружием дорогим казачьим, не сносить нонче головы-то непокорной. А извести род свой, не для чего ради, ума много не требуется, сохранить родину тяжелее. Так что, не подбивай ты, кум мой разлюбезный, меня на речи крамольные, не то сегодня время для разговоров таких. И то еще запомни, что по разному думают и дела делают там, высоко, в столицах и у нас здесь –

власти местные. Нету пока законов-то единых, что хотят на местах, то и воротят, много ведь бандитов начальниками стали, а потом, когда изведут всех, поди доказывай, что неправильно извели, долго придется доказывать, да и некому будет.

– Но ты-то, Егор, ушел с честью.

– Это уж кто как сумеет. Соображать надо.

– Ты, Егор, нас пограмотнее, объясни, ради Христа, что это за коллективизация такая, для чего она нам, казакам? У нас ведь и так – и на поле все родит, и огороды ухожены. Нам-то зачем колхозы эти?

– Здесь ты прав, кум, казакам колхозы эти ни к чему. Но не хотят, видно, делить обязанности власти новые. Ведь колхозы эти почему пошли? Война гражданская, голод и разорения после войны обескровили деревню русскую, некому там стало ни сеять, ни овощ выращивать, ни урожай собирать. Не стало мужиков в деревне – бабы с детьми да старики-инвалиды остались. Кто хоть как-то живым да здоровым остался, с руками-ногами целыми, те по городам подались, на жизнь, на прокорм детей своих зарабатывать. Вот власть и спохватилась – спасать надо деревню, кто кормить город будет? И стали объединять в одно хозяйство всех, кто еще шевелился, маялся по деревне. Сообща, мол, легче выжить! А уж как пошло из Москвы – так на местах всех под одну гребенку стричь и стали. Рапортовать же надо! Вот и мы под ту «гребенку» попали. Хотя и знают все, что казачья усадьба и сегодня хлеб давать может. В любых количествах – платили бы только. Да вот платить-то и некому. Так, задарма выгрести все из подполья, оно ведь проще. И денег никаких не надо. Вот и стали казаки колхозниками. А скоро и крестьянами станут.

– Ты скажи, Егор, а все же, кто мы казаки, почему гонение на нас такое настало?

– Всегда нас завистники не любили на Руси, потому что боялись. Боялись независимости нашей. А цари нас почитали и одаривали, потому что сила мы великая. А главное – смелые мы, надежные очень, потому как «присягу» держим, слову верны данному. Вот полководцы и пользовали нас в трудные времена в Государстве. Пользу приносили мы Русской армии немалую. За веру и Царя-батюшку жизни своей не жалели. Потому казаки и неуютны новой власти. Боятся! Боятся нас, знают преданность данной казачьей клятве, не верят казакам – вдруг в трудное время взбунтуются. А если ты спрашиваешь – кто мы, скажу так – есть чуваша, татары, китайцы, монголы, много всяких народностей, а мы Казаки. Тоже народность. Нас заставляют забыть об этом, превратить нас в русского крестьянина, отсюда и гонения. Но придет еще наше время, мы заговорим о себе. Да, не скоро это будет, но будет. Потому, от вас зависит, от молодых, как сохранить нам обычаи свои, веру свою в казачестве. Сохранить Казачество.

– Разъясни, все же, Егор Мироныч, что ж мы, не русские что ли?

– Мы, Казаки, славянского племени. Русские, это ж они потом стали русскими, когда в государства, княжества разные объединились. А давно когда-то все ведь славянские племена жили порознь. И назывались те племена по-разному. Вот и наше племя казачье самостоятельным было. Да, вошли мы с веками в Русь Великую, но как мы были племя Казаков, так и сохранились. Сохранились, пройдя по жизни своей через века многие...

А вот расскажу-ка я вам байку одну, слышал ее давно когда-то, когда на Тереке служил, от стариков тамошних. Сидели мы как-то на привале у костра, ну и шутки ради давай тамошних казаков дразнить – а что мы, мол, славяне, родственники вам, терским, аль не родственники, вы мол, терские, хазарам ведь родственники, а мы, мол, росейские, чистые славяне. Ну, шум, гвалт поднялся, а тут встает в наш спор старый Казак, терской, по обличью, правда, к нам больше подходит.

– Все мы, – говорит, – Казаки, одного племени. А произошли мы от смешения древних Аланов с Амазонками, прибывшими в древние времена в края наши.

– Что еще за аланы с амазонками, кто такие, что за «ересь» несешь ты, старик? – закричали казаки у костра, было.

– Ересь не ересь, а вот вы послушайте. Выслушайте! А уж верить не верить, это уж вы как-нибудь сами решайте.

И поведал нам старый казак такую историю.

«Давно когда-то, века за два или даже за три до пришествия Христа на землю нашу, жило в Приазовье, по берегам быстрой Кубани древнее племя могучих, воинственных Аланов. И в племени том были одни мужики, не было женщин вовсе. Соберутся молодые аланцы, нападут на соседнее племя, украдут девчат тамошних несколько, те и народят им одних мальчиков. А если девочки родятся, то аланцы их вместе с матерями возвращали в те же соседние племена, откуда и выкрадывали их. Так одни парни и объединялись племенем, и жило то племя разбоем да набегами на ближних и дальних соседей, а сами и не производили ничего, жили в шалашах на своем Стане. Рыбу, правда, ловили, коней разводили, да торговали ими, но сеять ничего не сеяли, хозяйством не жили.

А однажды к берегу моря, в северный лиман Азова, приплыли большие корабли и высадилось на берег какое-то новое племя, с конями, хозяйством, большими шатрами, быстро расселилось на пустынном берегу, освоилось, отгородилось. А корабли, привезшие их, ушли куда-то в море обратно.

В первые времена племя жило охотой и рыбной ловлей, но постепенно, освоившись с местностью, стало нападать на соседей и забирать, что им надо было. Воины племени были вооружены короткими, на греческий манер, мечами, небольшими, но тугими луками, так что их стрелы летели почти на сто шагов.

Вот так напали эти новые воины и на соседних аланцев, да и побили их! Забрали коней, какую ни на есть утварь, рыбу, заготовленную аланами для себя и ускакали восвояси. Когда же аланы сняли доспехи с убитого воина, которого не сумели напавшие забрать с собой, раздели его, аж растерялись от неожиданности. Воином была женщина!

Аланы решили наведаться к новым соседям, может, и подружиться захотели, а что, у них мужики, а там женщины, объединиться бы! Но женский воинский отряд опять побил аланцев и отогнал их. Шло время, женщинам тоже надо рожать, жизнь продолжать надо! Вот они и напали опять на аланов, снова побили их, но пленных не умертвили, а забрали с собой.

И стали держать их у себя, как бы в плену, в рабстве, но использовали для своего размножения.

Так аланы узнали об Амазонках. Если женщины рожали мальчиков, они их топили в море, как топим мы лишних котят. А девочек растили, воспитывали воинами, тем и сохраняли племя амазонское.

Со временем пленных аланов становилось все больше и вот уже некоторые женщины не захотели делить понравившихся им мужиков с другими девами!

Родились первые семьи.

Через какое-то время семей становилось все больше, семьи эти надо стало как-то кормить, девы – то беременные, то с дитем малым – не могли уже пропитаться добычей, не могли уже воевать и разбойничать, все эти заботы постепенно легли на мужиков, и мужик все больше стал главенствовать в тех семьях новых. А вскоре и девки-дочери сгодились – детей становилось все больше, за ними нужен был уход, одна мать не справлялась с новыми заботами – девочек перестали воспитывать воинами, все больше приобщали к хозяйству. Да и мальчиков перестали убивать амазонки – мужики в новом племени стали и защитниками, и добытчиками всего съестного, всего необходимого.

Зарождались новый род, новые семьи, новое племя.

То племя, сказал нам старик, и назвалось Казаками. По-тюркски – это как бы значит – «удальцы, лёгкие на подъём». Потому и Казаки.

Так это славное прозвище и закрепилось за новым племенем. Пережило годы, столетия и даже тысячелетия, дожило до нас, до наших нынешних племён! До нас с вами».

Вот так старый терской казак представил нам наше казачье происхождение и разрешил спор наш у костра! Шутливо тот спор вроде начался, а вишь какой серьёзностью обернулся!

«А с пришествием Христа, – продолжал докладывать нам старый казак, – святой апостол Павел, ученик и соратник Иисуса, путешествуя по Северному Черноморью, натолкнулся на хорошо развитое, оседлое и богатое племя Казаков и окрестил его. Так, уже в первом веке Христовом, казаки приняли его веру, веру христианскую. И крепки в той вере христианской до сих пор».

Вот такую легенду, други мои, слышал я в горах Кавказских. А верить тому аль нет, дело каждого. Одно ясно, давно мы в России и с Россией, срослись и породнились с народом русским, всегда умереть за землю русскую готовы были, но не забываем и того, что народ мы самостоятельный. Что мы – Казаки.

Расставание с дедом было нелегким. Мать с утра украдкой плакала. Перед самым выездом, когда мягкая «кошевка» стояла во дворе запряженной гнедым тонконогим жеребчиком, чемоданы и мешки с подарками тщательно уложены, дед обнял на прощание дочь и старшего своего внука Александра, залез под старый казачий тулуп из заячьих лапок, старый его тулуп, оставил когда-то, не забрал, теперь вот видишь, вновь пригодился, скрылся дед от всех провожающих в широких его полах, не выдержал, тоже заплакал.

Чувствовал дед, понимал, что видится со всеми в последний раз.

3

Мы с Андреем пьем чай. Так начиналось каждое утро. Мы с ним, как в дежурство какое-то, каждую ночь бодрствуем. Я по своей натуре «сова», люблю ночью чем-то заниматься, спать не могу. А Андрей – «за компанию».

– Знаешь, Саньч, я тоже не сплю по ночам. Пусть спят. А мы с тобой, хочешь, в шахматы?

Но шахматы, это предлог. Любопытный Андрей задает мне очень сложные вопросы, порой на их обсуждение и уходит вся ночь.

– Саньч, ты мне поясни, ну ладно мы, жулики, воры, жизнь наша такая, но как это вы, государственные люди, хранители отечества, ухитрились разворовать богатейшую страну за такое короткое время, за три с небольшим года? Ты мне объясни, кто же из нас главные жулики? Мы или вы?

– Ну, а как сам думаешь?

– Да вы, конечно! Вы, немногие избранные, все, кто был поближе у лакомого «пирога», вы нахально захватили власть и все добытые до вас богатства! И не только все захапали – вы еще и сумели «обосрать» при этом всех, кто создал эти богатства!

И начинается. Любой ответ при таких разговорах – простая отговорка. Ответ требуется точный. Или поясни, опровергни – или признайся, что да, мы главные жулики. А что тут пояснять, когда и самому не ясно – действительно, как? Как, кто позволил, кто сумел за столь короткое время загубить великую державу! Ну ладно, семнадцатый год, там свергали «царя-кровопийцу», а кого свергали сегодня, ради кого обобрали простой, трудолюбивый, доверчивый народ? Кто и чем был недоволен в великой свободной стране? Ради кого свергали саму страну?

– Саныч, ты что, действительно добывал золото?

– Да, Андрей, добывал.

– Впервые в жизни вижу человека, который сам, лично добывал золото. Но ты само золото это, чистое, не в изделиях, ты сам его видел? Или все проходило через приборы, а вы только по бумажкам отчитывались.

– Да нет. Приходится при добыче золото «доводить». А этот процесс пока в основном ведется вручную. Всю основную работу делают механизмы, а вот чистую доводку делаем вручную. Даже пыль с тарелочек сдуваем элементарным «дедовским» способом – дуем губами. Но это на «россыпях». Там да, там видимое золото. Но есть еще руда, золотоносная руда. Вот там да, там добывают руду, обрабатывают ее на специальных приборах, специальным способом на обогатительных фабриках. Еще их называют – «золотоизвлекающие» фабрики. Там видимого золота нет. Там окончательная доводка ведется на специализированных заводах. И золото на рудниках, как ты говоришь, видят только «по бумажкам».

– Ничего себе. Ну, а сам-то ты держал в руках это золото?

– Держал и помногу. И довольно часто. Когда работал на участке – держал ежедневно. В «доводке», в золотокассе.

– А много мы добываем золота? В стране. Ну, скажем за год?

– Цифры эти секретные раньше, в Советском Союзе, были. Да и не только у нас, каждая страна имеет коммерческие тайны, и даже каждая за рубежом коммерческая фирма никому таких данных не дает. Но сейчас же «гласность», свобода, секретов нет, все публикуется. Правда, все и распродается. Потому, наверное, все и рассекретили, чтобы ловчее продать.

– Ну, а все же, сколько мы добывали? Или тебе таких «цифр» знать не положено?

– Положено, не положено, а ты сам как думаешь?

– Думаю, знаешь, только сказать нельзя. Ну а в мире, весь мир, сколько добывает? Ну, хоть примерно.

– Весь капиталистический мир добывал раньше, по данным специальных журналов, где-то около полутора тысяч тонн. Ну а мы раза в четыре меньше. Это примерно. Точные данные все же видимо засекречены. А ты что так о золоте любопытствуешь? Свой интерес есть?

– Да ладно, Саныч, какой там интерес. Мы не по этому делу. Наши дела попроще. А что, много золота воруют?

– Много! В семидесятых годах, например, в Свердловске, это такой в нашей Стране перекресток воровских путей, там все «дорожки» сходились, со всех краев Страны, так вот там изымалось за год более тонны ворованного золота. Это только изымалось! Так что, много еще воруют. Мне «зэки» на Севере показали сто способов воровства золота с промприборов. И это при усиленной охране! Но кто будет воровать со «шлюзов», кому это надо? Это опасно. Воровать на открытых площадках добычи и легче, и безопасней. Там и воруют – в «забое».

– «Забой» – это что, это прииск?

– «Забой», это место где копают золотой песок, вручную, или экскаватором, или другим способом.

– А «прииск» что такое?

– Прииск – это предприятие. Как и рудник. На прииске – добычные участки, гидравлики, драги, шахты, промприборы, ну и многое другое. На руднике – шахты, карьеры.

Прииски и рудники подчиняются комбинату, а уж комбинат – министерству. Вот такая вот административная цепочка.

– А ты, Саныч, кем был?

– А я был всем. И рабочим на драге, и проходчиком в шахте, и горным мастером, и директором всех этих административных уровней. Ну, кроме министра!

– Да, Саныч, хорошая у тебя концовка. Столько добыть этой «неблагодарной» стране золота и закончить все это вот, на нарах, с нами, ворами да разбойниками в одной камере.

– Да страна, Андрей, здесь ни при чем. Страну мы ведь сами делаем. Какие мы, такая и страна. Нечего все на строй да на страну сваливать. На себя поглядеть не худо бы.

– Ну, эта присказка для нас. У вас, я думаю, другая формула жизни.

– Формула жизни, Андрей, у всех должна быть одна – жить честно. Жизни у всех по разному складываются, но формула должна быть одна.

– То-то вы, «честные», и растащили страну! За каких-то неполных три года. Удобная у вас формула! Вот только «накладочки» у некоторых бывают. Вот у тебя, например.

– Да. В этом ты прав. Именно «накладочки».

Тихо. Ночь на исходе, но все еще спят. Кому спать положено. Только сверху, Илья, мы с ним спим на одной «шконке», по очереди, по двенадцать часов, позевывая лениво спрашивает:

– Саныч! Ложиться будешь?

– Поспи еще.

– Да не, хорош, будет. Чаю попью. Немного, кружечку.

У нас напряженка с сахаром. Две «дачки» не получили на этой неделе. В камере у каждого свой день получения «дачки». А вчера было пусто – снова не дополучили двух «дачек». В общем-то ничего необычного, так часто бывает. А у нас с сахаром, как и с чаем – всегда запас. Но тут подселили сразу троих молодых парней абсолютно пустых – ни наличия, ни передач, голодом не оставишь, вот и подиздержались.

– Ладно, слезай. Полежу, хоть спать пока и не хочется. Ноги болят, все мышцы тянет, терпения нет.

– Это сердце – замечает Андрей – это не мышцы, это сердце. Счас, Саныч, я тебе приготовлю набор «колесиков», примешь, легче станет. – Андрей у нас еще и за лекаря.

Лекарства в камере в основном мои – после сердечного приступа мне разрешили получить лекарства. Дочь, Светлана, подписала у врача разрешение на передачу целой аптечки. Врач поначалу половину заявки вычеркнула. Принесли мне подписать, что ознакомился. И тут снова Андрей:

– Да что вам жалко, что-ли? Это же все таблетки. Не наркотики! Он же сам платит. Вы посмотрите, как он мучается. Особенно по ночам. Это же все его лекарства, прописанные врачом. Зачем вычеркивать? – Врач, махнув рукой, подписала весь перечень. И у нас появилась настоящая аптечка.

Андрей набрал горсть каких-то половинок, долек, целиком таблеток.

– Выпей и спи. Днем ведь опять вызовут.

На допрос меня водили почти ежедневно. Сложный это процесс – вызов на допрос. Для тех кого вызывают.

Следователь может вызвать в комнату допросов на «иваси». Тогда тебя поднимают в три часа ночи.

«С вещами на выход!»

Примерно через час, после пробудки, забирают из камеры и выводят в «накопитель». Это узкая, длинная комната, около двух метров шириной и 6–7 метров длиной. Потолки высокие – более трех метров. Вдоль стен – узкие скамейки. На них могут разместиться десять-двенадцать человек. В «накопитель» людей буквально заталкивают, уплотняя массивной металлической дверью. «Набивают» туда более сорока человек. Духота, жара, пот. Люди стоят в изнеможении.

При малейшем ропоте – вызов в коридор. «Разговор» с резиновой дубинкой. Жесткие окрики, мат – даже от надзирателей-женщин.

Здесь ты чувствуешь себя быдлом, скотиной. Здесь ты никто, животное. Абсолютно бесправное. Из-за тебя, собаки, бедным надзирателям приходится напрягаться...

Процесс заполнения «накопителя» заканчивается часам к пяти. «Накопитель» полный, приток заключенных прекращается, массивная дверь захлопывается – надолго.

** * **

Дед знал, что делает. Пожалуй, именно ему обязана большая семья Красноперовых-Запеваловых тем, что остались все мы живы и невредимы. Остались невредимы во время разгула борьбы с казачеством, во время сплошного раскулачивания, когда казачьи станицы стали называться просто деревнями и селами.

Дед, Георгий Миронович Красноперов, Егор, как его звали станичники, с давних пор ходил в казачьих «старшинах», относился к станичной и полковой начальственной «верхушке». Один из зажиточных казаков, он имел несколько домов в окрестных хуторах. На этих хуторах паслись десятки лошадей, коров, овец, выростали бесчисленно куры, утки, гуси. И семья была немалая. Сын Григорий, дочери Анна, Ольга, Алевтина. Сын женат, дочери замужем. Сильные, работающие зятевья. Было кому работать на обширных угодьях, было кому приумножать достаток. Подрабатывали в хозяйстве деда и пришлые, сезонные мужики. Много их бродило в ту пору вокруг жилых мест. Сезонная работа для них – это же спасение от голодной смерти!

Работа – не милостыня, работа – заработок. Где-то у этих мужиков свои семьи, дети. Такая сезонная работа спасала и эти семьи, и тех детей.

Не все еще и давали такую работу.

Отшумела Гражданская война. Перемешались было, передрались, но успокоились люди. Восстанавливались порушенные хозяйства. Те, кто работал – обжились быстро. В ёмкие лари ссыпалось выращенное зерно, в погребах появлялись соленья, варенья, копчености. Картофельные ямы засыпались свежим картофелем до самого лаза.

Тяжек труд на плодородной земле, но благодарен.

Родит ухоженная земля у работающей семьи. Но беден урожай у лодыря. Не было в русской деревне, в казацкой станице бедняков среди работающих от зари до зари семей. А лодыри – они во все времена на Руси сшибали пятаки, да поглядывали, где что плохо лежит.

В казачьих станицах бедным семьям помогали. Но не подаянием – это всегда было обидным у

казаков. Работу давали. Да еще и помогали в этой самой работе. И работу-то давали посильную. Знали казаки – бедными семьи в станицах казачьих не рождались, бедными становились. Убьют кормильца, в плену ли вражьем сгинет кто – а дети малые, работать еще не могут. Жинка казачья и пай казака, и права его получает, и заботу станичную, и опеку неназойливую, но справедливую. А подрастут пацаны – и вот они, казаки! И землю родную сами обрабатывать начинают, и завалившиеся «сарайки» подправят, да и на «круге» казачьем есть уже кому «кричать». Ожила семья казацкая. Выжила, с помощью родной станицы, и ожила. Расправили плечи подросшие молодцы, не всем уж и угнаться за ними. Вон – и лошадь у них молодая, бойкая, и сбруя обновленная, да и на полях-огородах не бурьян растет, хлеба колышутся, овощи поспевают. Ожила семья!

Не было среди казачьих семей бедняков. Но появились. Бедняки – комитетчики. Пока казаки работали в поле, пока шли горячие для земледельцев дни – комитетчиков не было. Горланили где-то вхолостую, занимались где-то политикой. Для себя. Занимались государственным устройством – под себя. Но как только урожай собрали – они тут как тут. Делить на всех!

Чужое делить легко. И делили. Силой, убийствами, разбоем. Отобрать можно раз, ну два – отпор, наконец, все равно будет дан. Но – голь на выдумки хитра. И догадлива. Вот и придумали. Загнать всех в одно – общее хозяйство. Пусть работают, раз такие работающие. Делить-то урожай будем мы. Как надо, так и поделим. А казаки и прочая живность – они пусть работают.

За трудодни. Трудодни – не деньги, не жалко. Пусть работают.

4

Живуч человек. И в жизни своей быстро приспосабливается к самым трудным условиям. Вот уж, кажется, и повернуться негде в этом тесном проклятом «накопителе», но – «уплотнение» закончилось, двери захлопнулись, люди как-то растолкались, приспособились – тут же кружки, чай, кипяильники. Пошел по кругу «цифирь» – густой, горячий, терпкий.

– У кого есть чай, братва, передай сюда! – Передают. Владельцу чая – первый глоток.

– А ты что, старый, не пьешь что ли?

– Такой густой не пью.

– Молодо зелено, понятно.

– Новичок, поди, что с него взять. – Небольшое это событие вызывает оживление, шутки. Никто на отказ попить из кружки, идущей по кругу, не обижается – хозяин чая, дал почти полпачки, а сам не пьет. Значит не чудит, знает, что делает. Имеет право, чай-то заварили его, ему первый глоток. Но нельзя, видать. Что ж, посмеемся беззлобно, не пьет и не надо.

Я так и не научился пить этот возбуждающий напиток. Как-то попробовал – горько, никакого вкуса, а, может, я этого вкуса не понял. Так в дальнейшем и не приобщился.

Разводят из накопителя утром, после восьми. Если без выезда за пределы тюрьмы, значит на «иваси» – это проще, спокойнее. Еще часа два разных разводных процедур, перевод по подземному переходу с передачей охране «иваси» – и тебя помещают в небольшую полупустую камеру. Там сразу ложишься на голую «шконку», шапку под голову – спать.

До побудки. Первая побудка – обед. От обеда отказываюсь, беру только чай, вернее кипяток. Завариваю своим, принесенным из камеры чаем – из камеры всегда берешь немного чаю, сахару, баранок или печенья, с удовольствием, но быстро выпиваю – и снова спать. До вызова к следователю.

Если ведут на «иваси» – это точно к следователю. Адвокат на «иваси» не ходит. Адвокат приходит в тюрьму. Там у него и кабинка своя есть. Не на одного его, конечно, кабинка, но все-таки закреплена за ним. Мы с адвокатом всегда встречались в одной и той же кабинке. А может, это простое совпадение.

Хорошо, когда до самого вызова к следователю один дремлешь в камере. Лежишь, ни с кем не общаешься. Но иногда в камеру вселяют еще кого-то, такого же «транзитного», тоже по чьему-то вызову. Или куда-нибудь на отправку. Хорошо, если молчаливый. Не разговаривает, не заговаривает. Ждет своего, одному ему назначенного часа. Но так бывает не всегда. Редко так бывает.

Лежу я однажды так же на голой «шконке», жду своего вызова к следователю. Чаю попил, а спать что-то расхотелось. Лежу, грею голую «шконку», кулаки под голову, гляжу в потолок, никаких в голове мыслей, ни о чем не хочется думать. Жду.

Железная дверь загремела задвижками, открылась с визгливым скрипом. Входит старик. Седой. На костылях. Ноги у него почти парализованы. Добрался до пустой «шконки», уселся с кряхтением, кашлем, сморканием. Сморкается, собака, прямо на пол, без всяких там тряпок-платков.

– Кто таков?

Лежу, не откликаюсь, отвернулся.

– Ты что, «прыщ», не слышишь меня?

Лежу, не отвечаю. Делаю вид, что сплю.

Вдруг какой-то свист надо мной и стук в противоположную стенку. С отскоком от стенки падает рядом костыль.

Вскакиваю возмущенно. Не новичок теперь, порядки уже знаю. И на таких придурковатых тоже посмотрелся.

– Ты что, упырь, башкой в парашу захотел окунуться?

– Ладно, ладно, – смеётся, – вижу, свой. Надо же обратиться как-то. К тебе обратиться. Знаю же, не презираешь. Не сердись, подай костыль. Думаешь я промахнулся? Еще чего. Если бросают, то не промахиваются. Сам же знаешь. Познакомиться хочу, пообщаться. С чем «сидишь»?

– Тебе это надо? – злость на «старика» ещё не проходит.

– Да нет, конечно, так, разговор завязываю. Знаю же, «сидишь» невиновный. Нет на тебе никакой вины! Это же всем известно! Кроме прокурора, конечно. Понимаешь, что интересно? Здесь все сидят невиновные. Вот с кем бы не заговорил, ну все не виноватые! Угнал машину – не моя вина, не там стояла. Залез в квартиру – так что же они ротозеи дверь в свой дом не закрывают! Побил человека – а что ж он не сопротивлялся? И так кого не спроси, с кем не заговори – ну все не виновные. А в тюрьме сидят! Вот ведь власть какая неблагородная, безжалостная. Вот ведь произвол какой! Вот ведь какие устроили «репрессии»!

– Не шуми. Что раскричался? Сам, видать, тот еще «правозащитник».

– Нет, я не правозащитник. Одно меня удивляет, почему тюрьмы переполнены! Воровства нет, проституции нет, алкоголизма нет. Даже «сэкса» – и того нет. Никаких нарушений, никаких нарушителей нет! А тюрьмы переполнены. Ты давно на «иваси»? Первый день? Не ври. По глазам вижу, что ээк ты «заслуженный». Ты мне ответь, на один только вопрос ответь – почему у меня нет места в этой тюрьме, «шконки» поганой нет для меня в этой паршивой тюрьме? Раз забрали – обеспечить. Раз посадили – дай мне место достойное. Меня вот в карцер направили. Не знаю, зачем они меня к тебе

вдруг втолкнули. У них там охрана вроде меняется. Вот и запихали сюда. Временно. До пересменки. А почему я иду в карцер? Да специально «хипишь» устроил – спать негде! А в карцере, я там один. Я там отосплюсь. Холодно? Да плевать! Зато отосплюсь. У меня ноги неметь начинают. Ты понимаешь – что это? Это же «столбняк»! А он ведь неизлечим. Понял меня? Устал я стоять в камере. Ни сесть там негде, ни лечь, ни выспаться. Каково все это мне, старому человеку, а? Это же дополнительное наказание, это же хуже тюрьмы! А зачем, за что, по какому приговору? Не успеешь ты мне ответить, братан, стучат уже. Да и не надо. Ответ я сам знаю.

Дверь снова загремела затворами. Пришли за «стариком».

– Как звать то тебя?

– Саныч, – кричу вдогонку. – Санычем меня все зовут. Запомни!

– Саныч, – обернулся «старик» от двери. – А ведь мне-то, мне-то всего сорок лет, Саныч. Ты вот это запомни.

Больше в тюрьме мы с ним не виделись.

** * **

Дед чутьем уловил надвинувшиеся на станицу беду, бескормицу, разорение. После долгих раздумий понял – плетью обуха не перешибешь. Комбедчиков, желающих распределять готовое, становилось все больше. Решил – надо делить хозяйство. Нелегко дается такое решение – рушить хозяйство, созданное не годами – столетиями, не тобой созданное, многими поколениями. Но делать нечего – надо жить.

«Мне-то не долго осталось, а дети?» Всем детям выделил по дому, с закрепленными за домом земельными участками, наделил каждую родную семью разрешенным в то время количеством скота, лошадей. Казачество еще пользовалось в отношении лошадей определенными льготами, ибо казачья семья обязана была полностью экипировать идущего в армию члена семьи. Это еще тогда, до полного разгона и уничтожения казачества. Экипировка должна была быть полной – обмундирование по установленной форме, молодой, здоровый и сильный боевой конь. Лошадей принимала и нещадно выбраковывала специальная комиссия. Понятно, что на таких условиях выращивать и содержать лошадей в казачьих семьях государству было выгодно.

До поры – до времени.

Дед, обеспечив необходимым хозяйством детей, часть оставшейся собственности сумел удачно распродать, обеспечив себе сносное существование на старости лет.

А далее он делает глубоко продуманный, прямо-таки гениальный ход! Определенное количество скота, лошадей, инвентаря – специально им оставленных – он передает в виде дара вновь организованному колхозу. Собственный дом – добротный, на каменном фундаменте, двухэтажный, со всеми надворными постройками – дарит сельсовету.

Дед на какое-то время становится героем. Его ставят в пример, как сознательного, преданного Советской власти, казака. Он решает выехать из станицы. Его не только спокойно, без препятствий отпускают, его провожают с почетом.

Дед задумал и сделал главное – он обеспечил спокойствие и неприкосновенность своим детям. Никому и в голову не приходило подозревать в чем-то детей уважаемого Советской властью казака. Казака, поставленного в пример другим. В то время это было важным, начиналась компания по травле и разгону казачества, для этого нужна была какая-то ширма, в виде местных героев. Герои из народа были вне подозрений, властью не наказывались. Планы деда и желания власти совпали.

Конечно, если бы дед остался в станице, все еще могло измениться. Он успел бы попасть и в категорию врагов народа, и в категорию раскулаченных, как это и произошло с большинством станичников. Да и по натуре своей дед бы не смолчал, возмутился разгромом древнего казачьего племени. Но, он уехал из станицы, исчез, поселился и затерялся в огромном по тем временам городе, столице Западного Урала – Перми. Тем самым спас и себя, и обеспечил продолжение своего рода, своей семьи, своей фамилии.

Дед купил в Перми дом. После смерти бабушки Прасковьи – женился, создал новую семью, еще более разрывая связи с родной станицей. А далее – война, не до казаков стало.

С войной приутихла компания против казачества. Казаки, где бы не находились, бросались в бой – по призыву ли, добровольно. Защищать отечество у казака в крови В это время забываются все обиды, унижения – не до того сейчас, потом, разберутся же, должны разобраться. А пока опасность, не пустить, защитить – вот главное!

Больно слышать сегодня, читать в газетах, слушать по телевизору смакование небылиц про предательство казачье в Великой войне с Гитлером, с фашизмом. Чего только не придумали!

Да, числились в фашистских полках казачьи формирования. Но ведь это они себя так именовали!

Были в войсках Гитлера и Украинские полки, и Белорусские, и родные российские с советскими генералами в предводителях. Что же, вся Русь, вся Окраинная и Белая, все были с ними, с фашистами?

Тех казаков-то, что куренными, потомственными казаками были, что сбежали с родных мест испугавшись новых властей, не преуспевших в междуусобной войне с соплеменниками, тех, кто послушался генералов-неудачников, да и уплыл за море, на берег турецкий, где и погибли от бескормицы, от жажды да голода, брошенные на произвол судьбы генералами-предателями, что сами от трусости своей бежали от родных берегов, болтая при этом о верности России, Великой и Неделимой, тех казаков и осталось-то в эмиграции, к началу войны, по подсчетам специалистов, не более десяти тысяч человек. Всех! Вместе с детьми малыми и большими, стариками, тоже противящимися новым порядкам, да с женщинами, вечными страдальцами мужского недомыслия. Где же из этих жалких остатков создавать было казачьи полки да дивизии, о которых, захлёбываясь от восторга, докладывал сподвижникам фюрера генерал-предатель Краснов?

Не было там, в тех «казачьих» полках казаков. Всякие бродяги, душегубы-уголовники записывались в полки эти, чтобы пожить да посвирепствовать «на халяву», под фашистов подделываясь – вот кто там был, в полках этих. Это они, подонки, выдавая себя казаками!

Нет, не дождетесь, господа «смакователи», не признаем мы, наследники великих казачьих родов и фамилий, клевету вашу, описания ваши о предательстве родов наших казачьих земли, их породившей!

После успешного рейда генерала Доватора, возглавлявшего кавалерийские, а значит фактически Казачьи полки, казаки и вовсе воспрянули и перестали бояться. Правда, к тому времени и бояться-то было почти некому – казачества, как самостоятельной сословной народности – практически не существовало. Оставались верные своим казачьим обрядам и обычаям отдельные семьи и даже хутора, но не было цельных станиц, объединенных общими связями семейных родов.

Время отложило возрождение казачества на многие десятилетия.

5

К следователю вызывают после обеда, часа в три. Беседуют с тобой не более часа. Беседуют так, ни о чем. Все уже говорено-переговорено. Следователь откровенно скучает. Посидит, покурит. Что-то запишет коротко. В свою тетрадку. Протоколов он давно уже никаких не ведет. На подпись ничего не

подсовывает. Заведет незаметно разговор «за жизнь» и вдруг неожиданно:

– Так где же деньги, Георгий Александрович?

– Вам не надоело, Владимир Викторович? Вам же давно уже ясно и понятно, что никаких денег у меня нет, и никогда не было. Тех денег, что вы ищете. Ну, подумайте сами, семь с лишним миллиардов рублей, это же какая денежная масса! Ее же не принесешь в чемодане! А переводов на банковские счета вы не нашли. Потому что их и не было. И какие же деньги вы ищете? Вы их ищете. Только не по моему адресу.

Следователь устало заканчивает этот вялый допрос, меня уведя, долго сижу в «пенале», жду своих охранников.

Затем – снова в камеру «иваси», а в восемь часов вечера – возвращение в тюрьму, в «накопитель». Это возвращение растягивается почти до двадцати трех часов. Затем – разводка по «хатам», постоянным камерам. Вызывают по каким-то спискам, по четыре человек ведут в комнату досмотра. Там раздеваешься «догола», даже в попу заглядывают, не спрятал ли чего. Кто-то едет с вещами, с сумками, кто-то получил передачу. Содержание сумки, пакета или что там у тебя с собой разбирают до мелочей. Колбасу режут на части, хлеб ломают, обыскивают одежду. И снова в камеру – камеру ожидания. Это большая общая комната, без «шконок» – лавки, стол. Там ждешь, когда поведут в твой корпус, на твой этаж, в твою «хату». Приведут – часа в три ночи.

В три взяли – в три вернули. Нормальный «сервис»...

** * **

Запеваловы появились на Южном Урале более чем за триста лет до описываемых событий, в середине 17-го века. Поселились на околоказачьих землях, вблизи Травниковской станицы.

Веселые нравом, поющие, о чем говорило их прозвище – запевалы – они быстро добились благорасположения станичного начальства. Им не чинят препятствий. Сначала они построили несколько хуторов и там солидно обустроились. Постепенно, застраиваясь и расширяясь, хутора эти соединяются в большую деревню. Строится церковь – возникает село Запевалово. С сельской управой и всеми необходимыми в то время административными органами.

Молодых казаков из окрестных хуторов и станиц все чаще и чаще привлекают красивые девушки из вновь образовавшегося села. Старики семей казачьих дают невозможные до сих пор разрешения на женитьбу своих сыновей на запеваловских красавицах. Да и парни – статные, работающие – становятся желанными зятьями неприступных до того казачьих семей.

К концу 18-го столетия Запеваловы, породнившись с травниковскими казачьими родами, народив совместно с ними новые поколения, становятся полноправными казаками – как по земле, так и по статусу.

В Травниках, в окрестных деревнях и селах, и поныне впережку живут Запеваловы и Красноперовы. Сохранилось и самобытное казачье село Запевалово. Теперь это небольшая заброшенная деревушка с полуразрушенной церквушкой и забытым кладбищем около нее.

В последний раз мы, семейство одних из последних «куренных» Красноперовых-Запеваловых, почти всей семьей были в этой деревне в начале пятидесятых годов. Несколько десятков «живых» домов. Но в большинстве своем село, когда-то многолюдное, зажиточное, даже богатое, сегодня заброшено – заколоченные дома, заросшие усадьбы...

Но поют в селе до сих пор. И как поют! Поразительно – все застолье сразу, стихийно, без каких-либо предварительных спевков или голосовых распределений, запевают на шесть голосов. И звучит Песня! Поют

протяжные казачьи, мелодичные украинские песни, лихие русские частушки. Поразила нас и удивительная тяга к песне пацанов, живущих в деревне.

Во время вечернего «застолья» мы вышли со старшим братом во двор. Он только закончил военное училище, получил первое офицерское звание – лейтенант, приехал в родные места с молодой женой Катей, и восьмимесячной дочуркой Наташей в краткосрочный офицерский отпуск. И очень захотел побывать в родных местах, где прошло самое раннее детство, чтобы не забыть, сохранить эти детские воспоминания. Одних не отпустили. Поехали с ними отец с матерью, ну и я, конечно, тогдашний студент Горного института, все вместе и поехали по родным деревням да станицам. Так вот, вышли мы с братом во двор и увидели на косогоре пацанов, буквально усыпавших крутой склон, спускающийся к изгороди дома, где мы остановились. Я обычно быстро схожусь с пацанами. Подсел к ним, спрашиваю:

– Что это вы, ребята, здесь скучковались? Что за событие?

– А что, – отвечает солидно парнишка, – к Запеваловым гости приехали. Сейчас петь будут.

Сейчас петь будут! Пацаны собрались слушать, как приехавшие гости петь будут – ждут, притихли – разве это не удивительно?

И действительно, отсюда, с косогора, песня слышалась совершенно необычно. Многоголосое звучание подымалось от земли, снизу – вверх, слышалось это пение каким-то неземным, сказочным. Мелодия завораживала. Пацаны сидели с восторженными, широко открытыми глазами, сидели не шелохнувшись, подались вперед, сами казались неземными. И губы их что-то шептали, повторяли что-то, пели. А по окончании песни они все, как-то по особенному, по-своему, шумно вздыхали, чмокали губами, выдавливали из себя – да-а-а, потом негромким шепотом – тише, тише – и опять замороженное молчание, слушание, подпевание... Такого мне не пришлось более видеть никогда.

И нигде.

6

Если следователь вызывает в комнату допросов в самой тюрьме – это проще. Из камеры вызывают без вещей, примерно за час до прибытия следователя – о времени допроса следователь накануне подает заявку – переводят в отделение допросов. Там помещают в «пенал» – такой узкий ящик, похожий на платяной шкаф. Если помещают одного, нормально, можно сесть, правда «шкаф» настолько узкий, что при сидении коленки плотно упираются в его дверь. Если помещают двоих, приходится стоять, тесно прижавшись к стенкам «шкафа» и ждать. Ждать, как правило, не долго, так как следователь появляется точно к заявленному времени. Затем – допрос, после окончания допроса – снова в «пенал», ждать, когда тебя отправят в камеру. Вся эта процедура занимает часа три – пустяк, по сравнению с вызовом на допрос в «иваси».

Главное – без утомительных «накопителей» и обыска. Если вызывают к адвокату – еще проще. Нет ожидания в «пенале» – адвокат тебя ждет, проходим сразу в кабину адвоката и начинаем работать. Встреча с адвокатом – это и отдых от камеры, и новая информация с «воли», из дома. Информация устная, никаких записок, писем передавать не полагается и не передается.

Беседуем не спеша, обсуждаем подробно проведенные допросы, планируем допрос предстоящий. Адвокат информирует о том, что сделано для того, чтобы выйти «на волю». Под подписку о невыезде или под «залог». Договариваемся, что если под «залог», то такой «залог» должен быть не более 50-ти тысяч рублей. Больше денег просто нет и взять негде.

Полностью откровенным не могу быть даже с адвокатом – он местный, бывший «опер». Может,

«приставлен»? Подозрение не покидает, оно постоянно, оно давит при общении, при разговорах, обсуждениях предстоящих допросов, предстоящих действиях в отношениях с родными, при получении вестей с «воли».

При определенных условиях адвокат из «ментов» – это и надежнее. Если скрывать подследственному нечего.

Надежнее потому, что если адвокат и следователь работают вместе, значит они обо всем советуются. Значит, если адвокат что-то обещает, он это сделает без «подставы», так как ясно, что и следователь согласен. Конечно, если ты подозреваешь, что они работают вместе, то соглашаешься работать с таким адвокатом только потому, что тебе нечего скрывать. И следователя убедить, что ты ничего не скрываешь, через такого адвоката легче. Но если тебе надо что-то скрыть, если нужно ввести следствие в заблуждение – такая связка, конечно же, чрезвычайно опасна для подследственного.

В любой стране, где закон управляет человеком, а не наоборот, как у нас, это посчитали бы глупостью. Но что делать в стране, где следователь ищет не виновного, а вину. У любого, попавшего к нему человека. Главное для нашего следователя доказать, что именно этот, попавший к нему человек, виновен.

Самое лучшее в этих условиях – прикидываться ничего не понимающим «простачком».

Слова «не виновен» вызывают у следствия раздражение, дополнительные вопросы. И даже – дополнительные допросы. Со всеми прелестями перемещений, вызовов и ожиданий. Это только когда что-то подписываешь, да, там прямо указываешь – «не согласен», «не признаю», «не виновен». А в процессе следствия, на допросах, лучше поменьше слов, лучше всего однозначные ответы – да, нет.

У меня это плохо получалось, особенно в самом начале следствия, когда я наивно верил в мудрость и объективность следователя. Все пытался разъяснить свою роль, свою позицию, пока, наконец, не понял, что никому этого не надо, никого это не интересует, что следователю важнее всего убедить тебя, что ты виновен. И чтобы эту виновность ты признал.

Каждая лишняя фраза – это новый вопрос. Новые вопросы – это дополнительные допросы. И здесь главное – не запутаться. Если не выдумываешь, говоришь правду, все как было – не запутаешься.

Хотя следователь «путает» постоянно.

** * **

Мне было чуть больше трех лет, когда отец предпринял первый в нашей жизни большой переезд. В город Курган, куда отца направили учиться в сельскохозяйственный техникум. Переезд этот помню хорошо, как и свое детство.

Детство помню рано. Старшие позднее часто удивлялись, слушая мои воспоминания детских эпизодов, – «не можешь ты этого помнить», или «а, не выдумывай, рассказал кто-нибудь.» В деревне, зимой, в нижней избе жили все вместе – люди, телята, поросята, и даже новорожденный жеребенок. Дети играли между собой, играли с телятами, поросятами и особенно с жеребенком. В большой избе жарко топится печь. Топка закрывалась железной заслонкой. Мы, дети – пацаны, теленок, жеребенок – разыгрались, все голозадые.

И вдруг – вопль! Теленок и жеребенок в страхе кинулись в свой «закуток». А я – пацан, чуть более двух лет – прилип голым задом к раскаленной печной заслонке. Обжарил весь бок, ягодицу, кожа долго не заросталась. Пятно сохранилось до сих пор, до старости. Когда рассказываю про это пятно родственникам –

никто не верит, – а, не сочиняй! Да, было такое, но ты этого помнить не можешь, тебе тогда и было-то чуть ли не два года!

Помню также поездки с отцом по колхозным полям. Бесконечная полевая дорога, зеленая трава по обочинам и в середине, между колесной колеей, неспешная рысь лошадки. Я конечно на облучке, вожжи в руках, важен, насторожен, внимателен. Отец позади, полулежа на сидении, что-то напевает. Вокруг тишина, покой. И так едем. Сколько? Не знаю, не помню, бесконечно. Многие часы проводил я на этом облучке, вслушивался в поле, в небо, в ветер и в отцовские песни. Протяжные казачьи песни.

Отец работал то председателем колхоза, то председателем Совета, он постоянно был в пути, в дороге, что-то проверял, что-то смотрел, что-то организовывал.

В большие начальники отец вышел после выполнения некоторых заданий Советской власти. В период коллективизации или даже еще раньше, когда началось невообразимое гонение на казаков.

Казачество к тому времени из военизированного, богатого, самообеспеченного сословия России вдруг превратилось во врага Советской власти. Наступило странное для этих мест положение, когда убить казака не считалось преступлением. Казачество вдруг, непонятно почему, за что – воевали за Советскую власть вроде бы вместе со всеми – было поставлено вне закона. Да, было, воевали и против – но тоже вместе со всеми. И вдруг – вне закона!

Убить казака стало доблестью, этим хвастались – «я его хрясть...» Не выполнить казаку любое, маломальское задание Совета, поручение комитетчика стало страшным преступлением, за это расстреливали. Без суда и следствия. Расстреливали не по постановлению Совета, не по приказу Председателя или хотя бы командира. Расстреливали просто по распоряжению старшего по команде. Убивали женщин, стариков, детей – «сучье племя».

Вот и отец попал в историю.

Раскулачивали. Отцу исполнилось 18 лет, возраст, когда Совет имел право привлекать молодых к выполнению различных поручений по организации своих мероприятий.

Отцу приказали стоять в охране, с ружьем. В охране арестованных раскулаченных.

Как правило, арестованных размещали в погребах.

Надо сказать, что станичный погреб – это было нечто! Выкопан глубоко, входная наружная дверь встроенного в землю и плотно засыпанного «домика», восемь-десять ступенек вниз, снова плотная массивная дверь, за ней – просторное помещение, где хранились соленья в бочках и на полках, вдоль стен лари и встроенные закрома для муки и хлебов, не только для зерна, но и для заранее выпеченных и законсервированных хлебов, в углу – лаз в яму. В яме – картофель, свежие овощи, собственное вино – в бочках, покупные сорта – в бутылках, наливки, браги, мед – хмельной и пчелиный, самогон, бочковое, долгой выдержки и долгого хранения пиво.

Рядом с основным помещением пристраивалась небольшая комната, где встраивались стол, скамьи. Там любили собираться по-очереди друг у дружки старики, пожилые казаки, активисты, молодежь – особенно зимой, в пургу, в холода. Подвыпившие мужички частенько прятались в этих погребах и от женских осуждающих взглядов.

Казачки, они ведь и на язык горячие тоже.

Рассаживались казаки на скамьях вокруг стола, вели бесконечные беседы за вместительной кружкой браги.

Вот у двери такого погреба и поставили Саньку Красноперова охранять «классовых преступников».

Погреба в те годы были еще богатыми. После статьи И. Сталина «Головокружение от успехов» крестьяне, казачество воспрянули, выпрямились, «вот видишь, все образуется, все встанет на место, будет порядок».

Снова с утра до вечера казачьи семьи работали в поле, на гумнах, покосах и огородах. Запускались водяные и паровые мельницы, к ним тянулась вереница подвод с зерном, ожидая богатого помола.

Своего зерна, не купленного, не заграничного.

Появились сытые люди, зажиточные семейства. Открылись лавки Казачьего кооперативного сообщества, работающего все же под государственным надзором. Ну и что, пусть контролируют, пусть проверяют, нам прятать нечего – главное, торговля идет, люди сдают излишки и покупают необходимое. Ожила станица-деревня!

Снова слышен на хуторах, в станицах детский смех, казачата табунятся в увлекательных детских играх. А где дети – там жизнь. Ее бесконечное продолжение. Мало в селении детей – верная примета, селению приходит конец, не станет скоро этого селения.

Захороводилась молодежь. Возбужденные парочки рады окончанию осенних работ. Заигрались свадьбы. Время не ждет! Впереди зимние подготовительные полевые работы, лесозаготовки. Да, именно сейчас, именно теперь – лето закончилось, зима не началась – именно сейчас свадьбы, ласка, любовь.

Но русскому человеку нельзя, несподручно долго жить в удовольствии, купаться в изобилии, счастье и доброте. Нам нужны конфликты, потрясения, неуютность. Не годиться нам довольство, не для нас оно. Бесконечные нам нужны «перестройки»!

И – началось. В который-то раз. Сплошная коллективизация, всех в колхоз, все сдать в новое сообщество. Будем жить коллективно!

– Слушай, начальник, а что это такое – колхоз?

– Ты давай вступай, там узнаешь. Кто не согласен, тот есть враг Советской власти. А врагов мы уничтожаем. Поняли? Вопросы есть? Помните, богатых кровопивцев мы раскулачиваем и уничтожаем. А вы, казаки, давайте-ка в сторону. Казак есть враг Советской власти. Ваша смерть нам на благо. Так что отойдите, не вводите в грех. Убить казака – это сегодня не преступление, это сегодня, если хотите знать, доблесть. Так что, давайте-ка, лучше вступайте в колхоз, становитесь крестьянами. Вот тогда вам Советская власть подмогой будет. Подмогой и защитой.

Раскулачивали всех, кто работал, кто что-то имел. Кто не работал и ничего не имел – им все переходило, им все доставалось. Они хотели иметь все, но не хотели работать. Но иметь все не работая им мешали владельцы, те кто работал, выращивал, добывал, строил. Оставалось одно – все, кто работал, владел, имел – преступники, враги народа. А врагов надо уничтожить.

И уничтожали.

Без счета. Без суда. Без следствия. Во имя и процветания классовый борьбы.

Дело было глубокой осенью. Назавтра намечено большое переселение – вывоз раскулаченных семей из деревни. Закрыв арестованных в погребе, Александр сел на лавку и постепенно задремал. Скучно, да и тревожно – а что же завтра с нами-то? Вдруг тоже самое. В станице – солдаты.

Разбудил легкий стук изнутри, из погреба.

– Санька, а Сань, кум, открой.

– Чево тебе?

– Да открой, дай размяться.

– Постой, осмотрюсь. – Александр выглянул за ворота. Тихо. Станица спит. Фыркают у привязей кони, тихо среди скопищ телег. Но спят не все, в некоторых окнах свет. Дорожные сборы. У ворот раскулаченных – постовой. Из своих же, станичников.

Все перемешалось в этой власти.

Александр вернулся к погребу, открыл дверь.

– Выходи. Только никуда со двора.

– Не, только в избу, слышь, детишки хнычут. – Разошлись. Бабы быстрее в хату – сборы, собрать, что поценнее, породнее, понужнее. Ребятишки в огород, подобрать, чего осталось, из погреба пожалуй не дадут.

Александр с кумом остались вдвоем.

– Сань, может, по кружке бражки, все равно все останется, пропадет.

– А как же мне-то, охрана ведь.

– Да отставь ты это ружье, куда оно денется. Вот поставь здесь, в этот угол, чтоб не «мозолило». Не бойсь, никто не тронет. Пацаны знают, что ты сторожевой.

Спустились в погреб. Достали корчажку с брагой. Брага не менее как пятимесячного отстоя, прозрачная, коньячного цвета – брагу подкрашивали жженым сахаром. Кум достал кружки, деревянные, емкие, налил.

– Ну, давай, Сань, счастливо оставаться.

– Кум, не обессудь, сам знаешь – не волен.

– Ладно, не казись, и я мог быть на твоём месте. Все мы подневольные. Смотрите тут. Постарайтесь сохранить жилое-то.

– Не от нас зависит.

– Ладно, поехали. С началом пути.

Отпили крупными глотками, не торопясь, солидно, все же помнили – не на посиделках. Покрякали, допили. Кум снова за корчажку, разлил.

– Не пойму я, Санька, куда нас гоню-то? Здесь же мы на земле, знаем ее, знаем – где что добавить, где и как пахать и когда. Мы же знаем, Санька, свою-то землю, как удобрить, когда садить, а где и задержаться с посевами, не спешить. Санька, да разве без этого земля родит? Что мы там-то, на каких-то новых землях? Где он край тот, куда везут? Мы ведь с тобой и так за Уралом, куда же еще?

– Поменяют, может, местами? Нас туда, их сюда.

– А зачем? Люди же...

– Ладно, кум, не бери в голову. Поехали. Корчажка быстро пустела...

Утром хватились, нужно трогать, а ни Саньки, ни кума нет. Комитетчик зашелся криком – найти, поймать!

За дверью нашли ружье. «Убили» – взвились бабы. Спустились в погреб.

На полу, у столика мирно сопели охранник с арестованным. Еле-еле растолкали. Те ошарашенно крутили головами, «что, где...» Наконец дошло – черт, раскулачили же.

Опохмелиться бы... нет, не дали.

Кума забрали. Александра арестовали. До вечера. Вечером отпустили – «еще раз случится, выпорем...»!

Так отец попал в активисты. Вскоре он становится секретарем сельсовета, а затем и его Председателем.

Выселили все же не всех. Кто-то из больших начальников одумался, зачем вывозить, а здесь кто? Здесь-то кем руководить будем? За Уралом все же, не так уж и многолюдно! Везли, правда, и с Украины, и из других краев, да пока-то они обживутся. Много семей вернулось.

Но хозяйства были порушены, разграблены, разорены. И в колхоз нечего вносить. А что раньше внесли – быстро проели, растащили, переломали. Коллективно. Чужое проедается быстро, без оглядки – кто больше успеет, кто быстрее других.

Начиналась эра беднейшего крестьянства, нищих колхозов, голодных колхозников.

Но это же русские, казачество! Снова через год-два огороды, коровы, куры, гуси – хозяйство!

Колхоз этот непонятный не давал ничего – кормило хозяйство.

7

Приснился мне странный сон. Будто мама появилась в камере. Неожиданно. Одета в пальто, которое я купил ей в Москве, где мы с ней останавливались по дороге в Одессу. В мой первый, после института, отпуск мы с ней поехали на отдых и для ее лечения в Одессу.

Это было ранней весной, на Севере еще зима, на Урале – самое начало весны, сразу после выписки мамы из больницы, где сделали ей сложную операцию. Это случилось в Челябинске, почти за год до этого первого моего «северного» отпуска. Мама долго и тяжело болела, выздоравливала медленно, после выписки из больницы жила у Зои.

Я взял в профкоме две путевки в «Аркадию», заехал за мамой и увез ее выздоравливать на Черное море. К теплу, к фруктам, к зелени, к Одесским дворцам и паркам.

Отдохнули мы тогда с ней по высшему разряду – с морскими прогулками, круизом, с театрами, цирком, с экскурсиями по Одесским окрестностям.

К тому времени я уже четыре года отработал на Севере, на Ленских золотых приисках. Когда я заехал за мамой на Урал, оказалось, ей даже не в чем поехать, нет ничего приличного, что можно было бы одеть в дорогу.

Оделись по будничному, доехали на поезде до Москвы. В ГУМ-е, что на Красной Площади, я попросил продавца, симпатичную девушку:

– Сможете одеть мою маму, всю, как есть, с ног до головы?

– Конечно, – засмеялась девушка, – разденем и оденем, как пожелаете.

Сменили все, от нижнего белья, до красивого, из легкого меха, пальто. Обулись в полусапожки, верхний мех, красивые, изящные и главное очень удобные на ноге, что для мамы, с ее больными ногами, было самым важным. Модный костюм, блузка – мать не захотела сменить только шаль, подарок отца.

– Мама, какая же ты у нас красивая! – Мать вся светилась от радости и гордости, как же, дождалась, дождалась, сын одевает и обувает.

Именно в этой одежде – и в пальто, и в полусапожках, и с шалью на голове она появилась во сне, сердитая, внимательно так посмотрела на меня:

– Что же это вы с Верой делаете? Неужели... – вдруг махнула рукой, повернулась и пошла, медленно, молча, удаляясь в никуда.

– Мама, мама, постой, что ты хотела сказать, – закричал я, но проснулся. Андрей толкал меня в плечо.

– Саныч, Саныч, проснись, что ты кричишь? – глаза испуганные. Я поднялся, сел, огляделся. Все, кто был в камере, смотрят на меня, и смотрят как-то напряженно.

– Да приснилось... – вздохнул я – что, кричал?

– Кричал, звал кого-то.

Повернулся на другой бок, отвернулся к стене, попытался было, но не смог больше уснуть.

«Что-то не так. Что-то произойдет. Что-то нехорошее»...Я знал еще с детства, что мои сны – вещице...

В этот день меня должны были выпустить из тюрьмы. Под подписку о невыезде. Адвокат сказал мне, что всё уже решено, прокурор и следователь дали добро, он даже назвал дату, когда выпустят.

И вот этот день наступил.

«С вещами на выход!» – вот оно, наконец-то. Я не стал говорить в камере, что меня могут выпустить. Мало ли что. Все в нашей жизни может произойти. Пока не объявят – верить нельзя. К тому же этот странный сон. А снам я верил – они у меня почти всегда сбывались, прямо-таки «вещими» были мои сны. Я это знал еще с детства и верил толкованиям своих снов всегда, сколько себя помню.

Взял с собой немного поесть – печенье, сахар, чай – и на выход.

Почему-то повели в «иваси». Может, оттуда выпустят? Маловероятно – если ты в СИЗО, то и освобождение оформляется через СИЗО. Все это насторожило. Но, может, себе думаю, адвокат со следователем так устроили, посадили через ИВАСИ, вот и освобождают через него. Может, у них документы так оформлены?

Надежда же всегда умирает последней, надеешься же всегда до самого конца.

Просидел в камере «иваси» до вечера. Вечером вернули обратно на «хату», по полному тюремному обряду.

На второй день – «На выход. Без вещей». Значит – или к следователю или к адвокату.

Ждал адвокат. И рассказал невероятное, дикое что-то:

– Ваша сестра написала на Вас «донос». Какая-то странная жалоба. Вот ксерокопия. Прочтите.

Прочел дважды, понять ничего не могу, какая-то квартира, какие-то деньги на подкуп адвоката, следователя, еще что-то непонятное про сына, про дочь.

Может, ошибка, не могла же родная сестра ударить по брату, да еще в такое тяжелое для него время, в такое время, когда родственники объединяются, стараются помочь.

Да нет, написано сестрой, ее рука, ее почерк. Кошмар. Вот уже добрый десяток лет я практически содержал и сестру, и ее детей. Давал им приличную, с неплохим заработком работу, обеспечивал жильем. Они каждый раз переезжали следом за мной, зная, что одним им, без брата, трудно выжить в

этой жизни. И в Москве – я приобрел им квартиру на самых льготных условиях – оплата с рассрочкой на десять лет, вноси только ежемесячные мизерные взносы. Взял на работу в собственную компанию. Практически для работы они мне не нужны. Взял их, чтобы платить зарплату, чтобы имели деньги на проживание. И деньги, прямо скажем, немалые. Собственно говоря, деньги эти я платил им из собственного кармана – не плати я эти деньги сестре и ее бездарному сыну, который и должен кормить свою мать, эти деньги, оставались бы у меня.

И вот – благодарность. Донос.

– С жалобой надо разобраться! – Прокурор приостановил мое освобождение.

На неопределенный срок.

** * **

Александр выехал сегодня на скошенные поля пораньше. Осмотреть надо все углы, повороты, закругления, уж больно много остаётся там разных «недокосов»! Косилки конные, иной недобросовестный косильщик не справляется с плавным поворотом, не слушает его конь в упряжке – норовистые всё ж кони казачьи. К седлу больше привыкли, не любят работ хозяйственных. А разгильдяев сразу чувствуют, вот и ворочают, где и как им посподручнее, да полегче. А в седле молодцы, боевые кони. Им и самим нравится скакать по выкошенным полям. Свобода, ширь необъятная, только опусти повод, сразу в привычный «галоп» переходит конь казачий!

Но Александр коней знает. Знает и любит. И они к нему с уважением. Только натянул поводок – сразу твердую, управляющую руку чувствует конь. Знает – здесь не порезвишься, не побалуешься. Здесь иди только туда, куда хозяин направляет.

Пораньше Александр выехал не потому, что такая уж спешная «экспедиция» эта. Углы недокошенные никуда не денутся, всегда посмотреть их можно. Бригадир и так знает, где эти «недокосы», и когда их поправить надо. Другая тут у Александра заковыка. День рождения вчера справили сыну младшему. Георгию. В честь деда сына назвали. Изрядно справили вчера именины, долго. Сыну год исполнился. Как не порадоваться. Особенно после такой беды непредвиденной.

Да, собрались друзья-товарищи, соседи, фельдшера, да Евдокию, бабку-банчиху, пригласили. Еще бы не пригласить, именно фельдшер да Евдокия и спасли мальчонку от верной смерти. И что за напасть, что за зараза навалилась на станицу! То ли «корь» неизвестная, то ли «оспа» смертельная, а все дети-груднички враз заболели! Тело всё крупными пятнами покрылось, зуд ужасный по всему телу. Евдокия ручонки ребёнку связала, чтобы не царапался, простыней туго тело, почти бесчувственное, замотала, да и поит каким-то отваром. А фельдшер поддакивает. Ничего, ничего, мол, травы сейчас нужнее, а лекарства, да какие в деревне лекарства, всё, что есть в фельдшерском пункте, так фельдшер, молодец, и не даёт детям, боится, как бы хуже, говорит, не было. Кому из больных детей бабка успела дать своего травяного отвара, те и дышат еще, хоть и в беспамятстве, а кому не успела, тем, которые заболели первыми, не успели с которыми они с фельдшером разобраться, не определились еще, что за заболевание, и как лечить его, те и поумирали уже. Похоронили, на местном кладбище.

Вот и Александр с Алевтиной, да с другими станичниками схоронили было соседского парнишку, Славку соседского, да и про своего думают – а жив ли ещё? А тут еще Михей этот, конюх, пошли, мол, и к тебе сразу, Петрович, если скончался сынок, так пойду, пока сам-весь на ходу, подготовлю могилку. Бабы в визг на него, мать чуть не в обмороке, а что хитрить, и все так подумали. Пришли домой, а парень-то очухался, увидел родителей, да и заулыбался! Бабы аж в слёзы от радости, мать к колыбельке кинулась, но Евдокия не пустила.

– Не трожь! Рано еще. Посиди рядом, пусть на тебя ребёнок насмотрится, да только не трогай. Не разноси хворь. Ему еще простыни-то раза два-три поменять придётся, тогда уж и посмотрим, что дальше делать будем.

– А фельдшер где?

– Да пошёл фельдшер других ребят посмотреть, ваш то вишь, очнулся уже, а вот в других-то домах помогло ли варево наше? Вот и пошёл проверить. Рад – не рад ведь, небось, что сумели остановить мы заразу неизвестную. Вот и побежал убедиться, помогло ли. В других-то домах. Сколько уж дней не спим ведь с Игнатичем. Охота ведь убедиться, что не напрасно. А ручки пока не развязывай. Пусть окрепнет малец как следует. Хочется же, чтобы чистым вырос парень, без рубцов да отметин «оспанных» – красных, рваных, глубоких. Без меня не развязывай, я сама определю, когда срок подойдёт.

И выжили ребяташки с отвара этого! Кто не успел, тем что же, «царство небесное»... А кто успел попить отвару волшебного, те выжили, растут, радуются жизни. Радуются и Александр с Алевтиной, что обошла дом их на сей раз «костлявая».

Мальчонка растёт смысленый такой, уже лепечет что-то по своему, для взрослых непонятному. Мать только понимает его, и переводит для всех лепетания его, переводит на язык человеческий. А вчера и совсем уморил малец всё застолье. За столом же песни, казачьи песни, душевные. А как закончили песню, умолкли все, после песни всегда же пауза образуется, а он, пацан, годик исполнилось! – он и запел! Да так славно вывел мелодию, ни фальши, ни сбоя какого. Так и повторил весь последний припев. Все аж ахнули!

– Вот он, певец растёт. Этот запоет, порадует родную станицу. Весь остаток вечера только и было разговоров про припев этот. Да про мальчонку певучего.

Да уж больно поздно разошлись. Неловко сегодня в контору идти в похмелье этом.

«Прокачусь по полям, проветрюсь, а там уж и за работу!». Александр вот уже четвёртый год председательствует. Избрали его председателем в колхозе «Заря коммунизма», что в деревне Непряхино, три года назад. 33-й год. Господи, нищета какая! Только что закончились раскулачивания да переселения. Что внесли люди раньше в колхоз, то всё разграблено, растащено по домам, да проедено. Никто же не знал, что надо делать с колхозом этим. С чего начинать, какие земли обрабатывать, чем обрабатывать, что садить-сеять и чем, и где. Ну, дали команду организовать колхоз, его и организовали. С шумом, угрозами, с дракой и унижением, но создали. Объединили людей, лошадей, коров да баранов, снесли в тот колхоз какую-никакую сбрую да снасти разные, а что дальше делать? Никто толком и не знал.

А скот кормить надо, людей кормить надо – ничего же в хозяйстве домашнем не осталось, ни скота, ни лошадей, ни земли-матушки. Всё же в колхоз объединили! Комиссар пошумел-покричал, а что дальше делать и сам не знает. А время идёт, скот вот-вот «падёт», да и люди голодают.

Тогда и решили на общем сходе – раздать всю живность обратно по домам! Кормить пока тепло выпасом, а к зиме каждый готовит корм скоту, по прежним своим покосам! Молоко и телята остаются хозяевам, а взрослый скот остаётся в собственности колхоза. Зерно и овощи, что собрали, тоже раздать людям. Пусть и съедят, если другого выхода не будет. Кормить-то детей чем-то надо! А когда получим живые инструкции, что нам с этим колхозом делать надо, тогда чтобы скот весь и лошади колхозу возвращены были. А пока так, всё обратно по домам, чтобы не допустить голода в деревне!

Примчался какой-то уполномоченный, грозил прокурором. Тогда казаки выбрали ходоков, те поехали в Челябинск, к какому-то начальству высокому попали, и то начальство их поддержало.

– Молодцы, – сказал главный Председатель, – то, что всё сохранили для колхоза, да еще и людей накормили – молодцы. Дело новое, не для всех понятное, а вот обучим ваших людей на семинарах наших,

тогда и оживёт колхоз ваш. А сейчас главное не потерять того, что хоть есть, и людей сохранить, сохранить их веру в Советскую власть. А колхоз ваш жить будет, мы им ещё и гордиться будем. Есть там в вашей деревне мудрые люди, значит будете жить!

Хороший областной Председатель, умный, из казаков видать!

Александра и отправили изучать колхозное строительство на те семинары.

И вот, четвёртый год он уже председательствует. 33-й год. Нищета ужасная. Только что прекратилось дурацкое раскулачивание. А кого раскулачивать дальше было? У всех всё выскребли подчистую.

И с чего начинать? В колхозе этом? Никаких коровников, конюшен не было. Где держать лошадей, скотину? Даже колхозный инвентарь спрятать негде было.

Вот и решили – оставить лошадей, скотину на содержании колхозников на всю зиму. Земельные участки у домов, на хуторах – не обобществлять. Закрепить огороды при хате за колхозниками на вечные времена. Вот посевные земли объединить в одно колхозное поле. Зерно, овощи и всё, что там произрастает на наших землях – всё это объединить в один колхозный доход, в одно колхозное производство. Решили также на сходке – весь урожай делить пополам – половину государству, половину колхозникам на трудодни. Но если план государственных закупок будет больше пятидесяти процентов – выполнять план, остальное делить в колхозе. По трудодням. Кто сколько заработает, тот столько и получит.

Наконец-то стало ясно, кому что делать и когда.

Создали бригады по видам работ, выбрали бригадиров. Через какое-то время снова собрались все вместе.

– Казаки! – Обратился Председатель к колхозникам. – Раз уж так всё произошло, раз уж все мы объединились в колхозы эти, давайте устраивать и жизнь нашу соответственно. Не жить же нам в нищете! Мы же казаки, никогда мы не жили в такой бедности, и теперь не будем. Работать будем! За зиму нам надо построить два коровника и конюшню. Больше не успеем, да и материала нет. А следующей зимой будем планировать свою молочную ферму, маслобойку, ну и ещё что-то придумаем, если материал заготовим. Для заготовки леса отдельную бригаду создадим, чтобы всю зиму в лесу работали. Тогда и удадутся нам стройки наши. Столярка и кузня у нас есть. Да, Василий Дмитриевич, твою кузню эксплуатировать будем. А тебя оформим на работу как кузнеца со стороны. Ты ведь не вступил в колхоз наш, со своей кузней, вот и будешь работать как пролетарий, нанятый колхозом. Заключим договор, будем платить тебе пока натуральным продуктом, а когда заработаем денег – может быть будем платить и деньгами. По возможности. Сам понимаешь, пока её у нас нет!

– Петрович, а как нам с личным хозяйством? Ты нам разрешишь коров-свиной держать? Ну там – кур, гусей, другую живность? Как на этот счет в ваших инструкциях? Что написано?

– Никаких инструкций про это дело у нас нет. Есть договор с Райпотребсоюзом. И с Заготзерном. В этом договоре про частное хозяйство ничего не сказано, сами, говорят решайте. А мы с вами уже в прошлый раз всё это решили – личное хозяйство мы сохраняем. А иначе, чем мы семьи, детей своих, чем мы их кормить будем? Пока еще тот колхоз развернётся! А сейчас в Москве, в правительстве готовится документ, Свидетельство называется, «Государственное Свидетельство», по которому земли наши закрепят за колхозом «на вечные времена»! Так что, наша земля скоро будет, наша собственная. Колхозная!

– Так это что, мы теперь как раньше холопы на барщине трудились, так мы теперь на государство трудиться будем? Они четыре дня на себя работали, а два дня на барина. А мы что же, всю неделю «на барина» трудиться будем? Или выходные тоже прихватим? Как ты, Петрович, это рассудишь? Ты ведь у нас

теперь вместо барина!

– Во-первых, никакой я вам не барин. Я такой же колхозник, как и вы. И тоже за трудодни работаю. А во-вторых, не на государство мы работаем, а на себя. Мы же всё, что произведём-вырастим, всё Райпотребсоюзу и Заготзерно продавать будем. Значит, денежки зарабатывать будем. И себе что-то оставаться будет. На себя будем работать, не на барина!

– Ладно, мужики, по делу говорить надо. – Заговорил, наконец, старик Алексеев. Пётр Гаврилович. Недавно вернулся «из переселения», зол был на весь белый свет. Да вот, потихоньку отходить начал. Оттаивать. А что делать! Семью надо всё же содержать. Кормить семью надо. Ничего из того, что раньше было у казака среднего достатка, ничего не сохранилось. Растащили всё. Свои же станичники растащили. Из колхоза этого.

– Хватит нам той политики. Петрович, ты вот сказал два коровника и конюшню. А я думаю, не потянем мы всё это. В одну-то зиму. Коней у хозяев оставить надо. Прокормим коней. Каждый-то по одному-два продержит. У кого нет корму, как у меня например, тем помочь надо. Хотя бы сеном, весной заготовленным. Окупится, Петрович, сено это. Конями окупится. Для них ведь и готовили. А раз содержать негде, у хозяев давайте оставим. А конюшню не успеть нам, да и материалов не хватит. А? Как вы, казаки, смотрите на это? За одну зиму не справимся мы, продержать, выходить скотину надо не за зиму, а за всё время, пока не подготовим места эти, для содержания колхозного. Раз поддержало областное начальство, надо нам готовиться содержать скотину да коней не только в одну зиму. Надолго планировать содержание это надо.

И использовать скотину в хозяйстве разрешить надо. И коней использовать. Нечего им задарма простаивать!

– Да, конечно, согласны, прокормим. Да и себе в хозяйстве подсобим, конями-то! Соглашайся, Петрович, тебе же забот о тех лошадях поубавится!

– Что ж, казаки, предложение дельное. Затверждаем! Составим график работ по колхозу, где-когда и какие лошади работать будут, в лес выделим коней несколько, а остальные, согласен, пользуйте в хозяйстве. Так, глядишь, и сберегём коней-то, а?

Господи, давно ли всё это было! А вот, три года уже прошло, пробежало!

Тогда, в 33-м, после всех решений наших – что началось! Комиссии понаехали, проверяющие, списки составили расхитителей колхозного добра, колхозной собственности. На Александра местные уполномоченные дело завели. Подрыв устоев колхозного строя!

Александр не стал тюрьмы дожидаться. Срочно поехал в Челябинск. Там добился таки приёма у главных партийных начальников. Рассказал им всё. Объяснил, сколько бы «падежа» коней, скота было, не прими они тогда решения этого – по частным хозяйствам сохранить скот.

– Ты вот что, Александр Петрович, поезжай домой, работай, никого не слушай. – Гладышев, секретарь Укома, где-то кому-то позвонил, с кем-то о Непряхино поговорил, погонял «желваки» по скулам, присел напротив Александра. – На неделе мы к тебе приедем. Никак не готовься, пусть всё идет, как всегда шло, показухи не устраивай, чтобы всё естественным было. К нам едет товарищ из ЦК. Из Москвы едет. Колхозы наши посмотреть хочет. Вот мы с ним в Непряхино к тебе и приедем. Там и разберёмся со всеми вашими делами.

Да, большой тога переполох учинили в районе. Представитель ЦК заявил на партийном активе, что у колхоза «Заря Коммунизм» поучится бы надо, как скот сохранить можно, а вы их чуть не во вредители записали! Александра в пример поставил, как смелого председателя, который-де не прячется за

инструкции да постановления, сам ищет, а главное – находит лучшие решения в трудных ситуациях.

Начальник из Москвы уехал, а вскоре районное начальство, что под суд грозилось отдать Председателя из Непряхино, то начальство само оказалось врагом Советской власти, исчезло то начальство, и где теперь находится, никто в районе до сих пор так и не знает.

Александр свернул от полей скошенных, на овощные поля. Там, собственно осталась одна картошка, всё остальное уже убрано. Но картофеля много, урожай нонче на картофель. Эх, придумала бы наука комбайн какой-нибудь. Уж больно медленно убирается картошка. А сколько людей собирать приходится на картофельные поля эти. Вся работа в колхозе приостанавливается на время уборки картофельной! Учеба в школах прекращается, домохозяек всех на поля выгоняем! Хорошо теперь на вспашке, как только трактора получили. Маловато их конечно, можно бы посевные площади увеличить. Есть куда расширятся колхозным полям! Да, конным плугом столько не вспашешь. Но трактора получаем. Вот и на следующий год пообещал район аж четыре трактора. К нашим шести, это уже будет десять! С такой техникой можно что-то и солидное планировать. Распахем новый клин, что пустырьём стоит, в сторону Миасса, там большая, хорошая поляна. Распахем.

Всё же, что не говори, а немало сделали за три года. А в четвёртом – господи уже 37 кончается, как бежит время! – как-то уже привычно колхоз пошёл на увеличение всех видов хозяйства – и по полю, и по деревне. А что, школу построили, открыли детский сад, хоть небольшой, а клуб организовали. Всё есть где молодым собираться. Надоели посиделки эти по избам, да дворам старушечьим – где-кто пустит попеть да потанцевать. А главное – по трудодням колхозникам платить стали. Да, пока не деньгами, пока зерном да мукой готовой. Овощи никто не берёт, своих овощей на огородах выращивают достаточно. Для овощей обзавелись ларьком собственным на Миасском рынке, продаем теперь овощи, и гладко вроде получается, доход какой-никакой появился. Вроде обжились маленько люди, повеселее стали. А дальше ещё лучше будет.

Только бы не война! Да не «перестройки» новые, разные, непонятные. Ну не дают людям спокойно жить, реформаторы проклятые! Только обживёшься, только на лад всё пойдёт, опять какой-нибудь новый реформатор придёт к власти и ну давай выдумывать что-то своё, никому непонятное. Не успеваешь от них отбиваться. Да еще и не так просто отбиться – враз врагом советской власти признают. «Идешь против установки партии!». А та установка только и есть, что фантазии нового реформатора, дорвавшегося до власти. Господи, как они все надоели! Хоть бы годика три-четыре дали пожить спокойно, не мешали бы работать, а мы бы уж как-нибудь беды бы свои одолели!

Александр подъезжал к конторе колхоза.

8

В нашей камере тюремную пищу не брали, ели свое. Основных нас в камере было четверо, это тех, кого не меняли, кто был постоянно приписан к этой «хате». Это была наша «хата», мы в ней были постоянными, до особого распоряжения начальства, жильцами. Иногда к нам подсаживали кого-то, иногда ежедневно, иногда раз-два в неделю, то по одному, то по два-три и более, доходило и до одиннадцати человек, но лишних вскоре куда-то переводили. Оставались с нами зачастую двое, иногда трое. Более семи человек в камере, как правило, не оставляли. Для нас такие подселения были на пользу – мы имели новую информацию, узнавали последние известия в стране, в жизни.

Так вот, как-то сложилось с самого начала нашего проживания в этой камере, что мы «варево» не брали, ели свое, питались за счет передач – «дачек». Передавали родственники – родители, дети.

Самое страшное для заключенного в тюрьме и на «зоне» – не приговор, не сроки отсидки. Самое

страшное для заключенного – отказ и проклятие родственников. Такие, забытые или брошенные своими родными, остаются одни перед жизнью, перед будущим – без семьи, настоящей и будущей, семьи, которой у него, возможно, еще и не было, а, возможно, никогда уже и не будет, без родственников, без друзей, без знакомых. Без поддержки.

Такому заключенному ждать нечего и не от кого, остается ему ждать только одного – смерти.

Заключенный жив «дачкой», при всех ее ограничениях. В «дачках», кроме разных сухих и консервированных супов, каш, приправ, передавали сахар, чай, печенье, «баранки», фрукты, обязательно сигареты. Передавали, конечно, и что-нибудь домашнее – пироги, пельмени, салаты, консервированные овощи, разные варенья, компоты.

Два раза в месяц по очереди заказывали дачку в тюремном магазине – «ларьке». Наш день – четверг. В этот день нам давали бланк типовой заявки и перечень продуктов, имеющихся в наличии в «ларьке». Мы коллективно составляли эту свою общую заявку, со всей тщательностью и вниманием, исходя во-первых из наличия денег, и во-вторых из сегодняшней потребности – чего у нас нет на день составления заявки. Заказывали равномерно, всего понемногу, с учетом существующих в «ларьке» тюремных ограничений. Ограничения были на чай, сахар, колбасу и некоторые другие продукты – по количеству, сколько можно купить по одной заявке. Заявку забирали в тот же день, вечером. Продукты и все, что заявлено, получали через неделю.

Передачи – «дачки» – доходили до камеры, как правило, не полностью, кое-что исчезало по пути доставки. А вот из «ларька» в основном приходило все, что заявлено было, почти без потерь.

У каждого заключенного в камере был свой день передачи, поэтому «дачки» поступали практически ежедневно. Каждый имел право на три передачи в месяц. Одна неделя выпадала и именно на эту неделю заказывался ларек.

Варили в камере сами. В нашей камере Андрей не доверял эту процедуру никому, варил сам и надо сказать, что готовил еду он классно, все у него получалось вкусно, есть было одно удовольствие, особенно в тюремной камере, где недоедание и чувство голода – нормальное состояние.

Ели по очереди. Вначале за стол садилась основная четверка – постоянные «жильцы» камеры. Альберт за старшего, затем Володя, Андрей и я. Альберт уже знал и сообщил всем, что я в камере постоянный «жильец» – у них там свои источники информации.

Ели не торопясь и плотно, но с оглядкой – надо оставить и тем, кто еще ждет. Первым прекращал есть Альберт, он просто клал ложку и вылезал из-за стола. Это было сигналом – шабаш, пусть поедят другие.

Ели все, кто был в камере, получал ли дачку, или нет. Это в камере было законом. Я, например, в первую неделю отсидки не получал никаких посылок – дочери не давали моего «адреса», передачи не принимали. Пока-то она обратилась к следователю, написала заявление высокому начальству, пока-то это заявление рассмотрели и следователь дал свое разрешение – всё это время я ел чужие харчи, но ни разу не услышал упрека, не увидел косога взгляда.

Когда приходил с допросов, а каждый допрос это не просто нервотрепка, это нервное истощение, приходил я темнее тучи, да к тому же еще и голодный, но не есть хотелось, хотелось прилечь куда-нибудь, забыться, уснуть.

Ко мне подсаживался Андрей, не спрашивал ни о чем, хлопал тихонько по плечу, говорил проникновенно:

– Ничего, ничего, Саньч, держись. Это только начало. Дальше будет еще хуже. Ты попал в такое

место, где лучше тебе не будет. Так что береги силы. Успокойся, поешь, попей чайку. И постарайся уснуть. Сон в камере – благо.

– Есть не буду. Просто не могу. А чаю, спасибо, выпью. С хлебом. – Напряжение начинает спадать. Постепенно таешь и умом, и душой. Но есть чужое я все же стеснялся.

– Давай, давай, попей чаю и отдохни. Потом я тебе открою рыбную консерву. Чтобы мозги укрепились. А пока, на-ка вот чаю, покрепче, попей.

– Спасибо, ребята, в долгу не останусь.

– А вот это ты брось. Ты в камере. У нас все свои, все наши. Живи без оглядки. А главное – без подглядки.

Первую передачу я получил через две недели после поступления «на хату», а с начала «отсидки» это был тридцать пятый день. Дочь, наконец разыскала меня, разузнала тюремные порядки и сумела передать первую посылку. Да какую! В ней – и самое необходимое, и лакомства, разносолы домашние, деликатес.

– Ну, Саныч, знай мы про такую «дачку» – мы бы тебя еще дней десять кормили. Вот уж поистине у тебя дочь – кормилица!

Света открыла мне в тюремной бухгалтерии специальный счет, перевела туда приличную сумму – теперь я смело мог смотреть в глаза сокамерникам – у меня были «дачки» не хуже других, у меня был «ларек». Хоть и в тюрьме, но жить стало спокойнее. И полегче.

Но, повторяю – дачки никто не сравнивал, никто ничего не подсчитывал. Получил – хорошо. Много и разнообразно – еще лучше. Мало – что ж, кто сколько может. Не получил ничего – не расстраивайся, и это в наших условиях бывает. Все мы здесь на равных, все мы здесь живем вниманием и заботой близких.

И их возможностями.

** * **

Высокое начальство спохватилось на организации сельского хозяйства, агротехники работать некому, нет на селе специалистов. Лозунг «Кадры решают все» пришел и на Уральское село.

Сельсовет принимает «важное» решение – направить председателя колхоза «Заря Коммунизма», Александра Петровича, в город Курган, в сельхозтехникум, учиться сельскому хозяйству, учиться тому, как управлять колхозом, как поднять деревню.

Было отцу тогда уже за тридцать, семья, пятеро детей. Но что делать, решение принято, надо ехать. Хотя и хлопотное это дело – переезд основательный, за 400 километров, в незнакомый город, все хозяйство в мешках, дети мал-мала меньше, младшая дочь только родилась, на руках, грудная.

Провожали нас всем селом. Родственники довели до Челябинска, на трех пароконных подводах. До вокзала. Там расположились довольно обширным табором на привокзальной площади, в районе трамвайного кольца. Мужики ушли насчет билетов – места нужны были спальные, до Кургана ехать всю ночь, детей хорошо бы уложить спать, иначе возни с ними не оберешься.

Мать с бабами принялась перебирать вещи. Всяких мешков, баулов, тюков набралось большое количество, надо бы уплотниться, уменьшить количество мест. Отдельно завернутое одеялами большое, на всю деревенскую стену, зеркало. Мать никак не хотела расстаться с ним, оставить кому в деревне, нет, забрала с собой свое ценное сокровище. Его аккуратно уложили на скамейку у трамвайной остановки – не

дай бог раздавить, или чтоб треснуло. Рядом на скамейку посадили меня, трехлетнего пацана: «Смотри тут, сиди на месте, никуда не бегай. Поглядывай, чтоб на зеркало никто не сел».

Я сидел, поглядывал. Прямо передо мной бежал по кругу красивый, раскрашенный в разные цвета трамвай. Вроде как поезд, только без паровоза.

«Зачем он бегаёт по кругу – пытливо размышлял я, – и люди зачем-то в этом трамвае тоже по кругу катаются.» Не мог мой трехлетний мозг сообразить, что вижу я кольцо трамвайного разворота, что после кольца трамвай уходит по маршруту, а по кольцу идет уже другой трамвай, пришедший с маршрута, и люди в трамвае не одни и те же, а разные люди и едут они по своим делам, а не катаются на трамвае. Но тогда меня эта проблема трамвайного кольца захватила полностью и надолго. Много позже, вспоминая это кольцо, я всё соображал – «зачем это трамвай в Челябинске по кругу бегаёт?»

Вернулись с вокзала, от билетной кассы, мужики. Все в порядке, билеты есть, взяли, с собой можно везти семь багажных мест, по одному на пассажира. Снова все тюки и баулы перебираются, с шумом, отборным казачьим матом – крик стоял на всю привокзальную площадь.

Наконец упаковались, что не забиралось – грузили обратно в телеги. Приговаривали при этом – это кум, тебе, а это с большим от нас поклоном передайте Егору Михайловичу.

Наметили – кому остаться у подвод, кто пойдет провожать на перрон, к вагону. Мужики снова ушли на вокзал, узнать, когда на посадку, сколько времени еще ждать, их долго не было, пришли заметно навеселе, крика уже нет, добродушные все такие, заботливые.

– Все в порядке, бабы, сегодня уедем. У нас с вами до отхода поезда еще больше двух часов. Давайте-ка перекусим. Прямо здесь у подвод, по-походному.

Расстелили на травяной полянке среди подвод какое-то одеяло, быстро заставили его разной снедью, тут же корчажка с брагой, бокалы. Расселись дружно вокруг.

– Ну, Саня, удачи вам всем там, на новом месте. Берегите себя, детей. Берегите здоровье. Не забывайте родню, станицу. Ждем вас обратно с успехом и почетом. Счастливой дороги. С Богом.

Выпили, захрустели закуской.

– Юрка – позвали меня – иди сюда, поешь.

Я подбежал к «самобраному» столу, сел, мне дали какую-то еду. И вдруг – треск, как будто где-то рядом затрещал тонкий лед. Мать спохватилась первая – «Зеркало!»! В суматохе все о нем забыли. Кто-то сел на замотанный одеялами тюк. Зеркало рассыпалось на мелкие кусочки. Когда тюк развернули, из всей зеркальной площади не осталось не единого мало-мальски крупного кусочка. Мать заплакала, вокруг молча стояли селяне. Боялись поднять глаза, взглянуть друг на друга. Разбитое зеркало в деревне – наихудшая примета, а тут – на мелкие кусочки!

Над всеми зависло предчувствие.

Многие десятилетия преследует нашу семью это рассыпавшееся в Челябинске на мелкие кусочки зеркало.

9

– На выход! Вещи не брать.

Наконец-то. Меня вызывают на свидание. С родственниками. Интересно, кто приехал? Конечно дочь, Светлана. Может, еще кто-то с ней? Если пропустят двоих. Маловероятно.

Оставшееся время до выхода все мысли крутятся вокруг этого первого в моей тюремной жизни предстоящего свидания. Все может произойти в нашей непонятной жизни, а вдруг отменяют в последний момент по каким-то причинам, или в наказание какое-то.

Вызвали около пятнадцати часов. Провели по крутым лестницам и длинным коридорам, внизу сбор всех, кому сегодня разрешено свидание.

Во дворе задохнулся от свежего морозного воздуха. До головокружения. Это быстро проходит.

Длинный и довольно широкий тюремный двор. Справа – вольеры для служебных собак, специальное ограждение. Слева – длинные тюремные корпуса. Нас ведут вдоль корпусов через весь двор и из массивных дверей каждого корпуса к нашему небольшому отряду присоединяют все новых заключенных. До корпуса свиданий и приемки передач нас сопровождают двое охранников. Перед самым корпусом свиданий проходим какую-то специально огороженную зону. Металлическая дверь, узкий проходной коридор с металлическим же ограждением и по сторонам и сверху, еще одна металлическая дверь и мы, наконец, у входа в корпус свиданий.

Вся процедура перехода занимает примерно час-полтора времени. Иногда бывают небольшие задержки, когда навстречу ведут другую колонну. Звучит команда: «стоять! руки за спину, повернуться лицом к стене!». Стоим, пока проходит встречная колонна.

В корпусе свиданий проходим через двойную металлическую дверь и попадаем в небольшую, узкую комнату. Отсюда нас распределяют по «пеналам», в тесный «шкаф» затискиваются по два-три человека. И ждем своей очереди на свидание.

Место свиданий – это большая комната, площадью около тридцати квадратных метров, разделенная стенкой на две половины. Разделительная стенка до метра высотой – глухая, а выше, до самого потолка – прозрачная. Вдоль этой стенки – поперечные, полупрозрачные перегородки, образующие маленькие кабины, на одного человека.

Напротив, за перегородкой, точно такая же кабинка для того, кто пришел на встречу. В каждой кабине – телефонный аппарат, они соединены между собой, Это – связь для встречающихся, так они общаются между собой, разговаривают, нам, заключенным, рассказывают домашние новости, мы стараемся успокоить – здоровье нормальное, тюремные условия – ничего, жить можно. Пока не смертельно.

О тюремных делах много не расскажешь. Телефон подключен к общему коммутатору, за которым работает дежурный надзиратель. Как правило – женщина. Она прослушивает все телефоны, включая их попеременно. Строго следит, чтобы на этих встречах разговор шел семейный, чтобы этот разговор не навредил следствию. В противном случае телефоны немедленно, без всякого предупреждения, отключаются, свидание прекращается.

Свидание закончено. Нас снова распределяют по «пеналам» и вызывают по очереди для получения «передачи». Конечно, когда родственники едут на свидание, они всегда везут что-нибудь из дома, иногда небольшие свертки, а иногда целые посылки, по всей разрешенной программе передач. У кого какие возможности. Передачи выдают здесь же, в соседней комнате, упакованные в стандартный тюремный мешок. В этом мешке несешь свою посылку до камеры, опустевший мешок возвращаешь через «кормушку» дежурному надзирателю.

После свидания и получения посылок нас снова строят в колонну по два человека и разводят по корпусам, а там и по камерам. Колонна смешанная, люди из разных корпусов. Поэтому у каждого корпуса, рядом с входом, тоже стоят «пеналы».

Тех, кто должен идти дальше, временно размещают в этих «пеналах». Пока не разведут людей этого корпуса по камерам.

Был я однажды в таком «пенале». Узкий, нас втолкнули туда троих. Все с мешками. Там и без мешков-то не развернуться, а тут еще эти мешки. У ребят, правда, посылки небольшие, подмышкой, а у меня огромный куль, висит на животе, еле тесемки сошлись.

– Ну и «рыдван» у тебя, старый. Поделится бы. – Тот, что помоложе нахально лыбится.

– В камере есть с кем поделиться. Ждут поди, не дождутся, – спокойно, с полуулыбкой сказал я, не оглядываясь.

– А, так тебя там ждут «попотрошить»? Половину, значит, отдашь?

– Не понял, – посмотрел я на него, – а у вас что, в камере, каждый сам по себе жует, втихаря, под подушкой?

Ребята переглянулись. Но тут открылась дверь – «выходи!» – и по камерам.

«Да, – подумал я, – видно в этих тюремных казематах порядка-то не одинаковы. Не везде, видать, такой «коллективизм,» как в нашей камере.

** * **

В Курган приехали днем. Нас встречали – когда отец приезжал оформлять документы в техникум, он снял жилье и договорился, что его встретят. А перед выездом из Челябинска дал телеграмму.

Быстро выгрузили багаж из вагона, загрузили на подводу. На большую телегу, массивную и тяжелую, городскую, совсем не похожую на наши, деревенские. И лошадь тоже большая и тяжелая, огромные копыта. Совсем не то, что наши быстроногие кони, способные и в поле работать, и в армии служить.

Упаковались, уложились, расселись – поехали.

Извилистая улочка по каменной мостовой вела от вокзала прямо на берег реки. Колеса тяжелой телеги на каменных стыках неприятно прыгали. Отец о чем-то говорил с возницей, мать слегка покачивала на руках маленькую сестренку, Зоя сидела молча, на краю телеги, свесив ноги вниз, а мы, дети – Саша, Нина, я – с любопытством и удивлением рассматривали непривычные дома незнакомого города, громко обсуждая все, что видели.

Проехали весь город быстро, без задержек.

Через массивные, широкие ворота въехали на просторный двор большого деревянного двухэтажного дома. Отец снял в этом доме низ, весь первый этаж. Большая кухня, три спальни и полукруглый, красивый холл с круглым столом посередине и стульями вокруг него. В кухне – русская печь и часть круглой «голландской» печки с топкой. «Голландка» обогревала спальные комнаты и холл. В углу кухни – квадратная крышка подвала, с большим медным кольцом. В каждой спальне стояли металлические кровати с пружинными сетками.

Пока взрослые разгружались, со мной произошло небольшое приключение. Рассматривая кровать, я с деловым видом просунул голову меж вертикальными прутьями спинки кровати. Просунуть-то просунул, а обратно вытащить не могу. Подбородок мешает. Крутился, в этих прутьях, крутился, испугался и заорал. На весь дом. Всех переполошил, сбегались испуганные люди. Высвободить меня, конечно, высвободили, но и «всыпали» для науки и памяти, чтобы не повторил.

Небольшое это событие развеселило всех, напряжение встречи и знакомства спало. Мать заметно повеселела – видно было, что жилье ей понравилось.

При доме был просторный двор, с надворными постройками, в которых, правда, ничего не хранилось и никакой скотины не содержалось.

Видимо, хозяином дома был когда-то зажиточный, богатый жилец, возможно, сбежавший от революции и передавший дом своим небогатым родственникам. А, возможно, и сам обнищал после революции, бежать было некуда да и не на что. О том, что хозяин был богат, говорили и дворовые постройки, и сам дом, хранивший на себе следы былой роскоши – то остатками росписи, то лепниной.

Но теперь в доме и вокруг него царило запустение, царила откровенная нищета.

Дом стоял на самом берегу реки, окнами на Тобол. Прямо за воротами, через неширокую дорогу, к реке вел плавный спуск, густо заросший травой. Недалеко справа – длинный деревянный мост через реку, с потертым, деревянным же, покрытием, с небольшими, но провальными дырами, сквозь которые легко просматривалась быстрая вода Тобола. Перила моста тоже деревянные, но массивные, из вручную нарезанных брусев. Проезжая часть от пешеходной дорожки отгораживалась продольными бревнами. На мосту свободно разъезжались две пароконные подводы.

Вскоре этот мост был признан аварийным и проезд по нему закрыли. Через реку организовали паромную переправу.

Большим несчастьем обернулась эта переправа для жителей заречных деревень, спешащих по утрам кто на работу, а кто на рынок, продать свои выращенные на огородах и в хозяйстве овощи, мясо или какую-нибудь живность. В первый же паводок с паромом не справились служители речной переправы, натянутый через реку паромный канат вытянулся, не выдержал перенапряжения и лопнул. Река понесла неказистое судно, паром наткнулся на какое-то препятствие и перевернулся. Много тогда погибло людей, долго еще родственники и деревенские соседи плавали на лодках и ныряли, выискивая если уж не живых, то хотя бы выловить то, что осталось, чтобы хоть похоронить по чести, что там от их родных или знакомых осталось, от их потерянных родственников или соседей. Тогда-то власти и принялись за ремонт моста и успели до несчастного сорок первого, иначе быть бы городу без переправы через быстрый Тобол все тяжелые годы войны. Кто бы в военное время взялся за этот ремонт, до того ли было?

Наступило лето. Река, приволье, за временем никто не следит, за пацанами тоже. Взрослые заняты обустройством, поисками работы, постепенно обзаводились знакомствами, новыми связями, занимались другими необходимыми делами. Не до нас. Мы, с сестрой Ниной и братом Сашей, абсолютно свободны, дни стоят прекрасные, вода в реке теплая, только к вечеру возвращаемся домой. Прибрежные пацаны плавают прекрасно, Саша и Нина тоже умеют плавать. Мне же почти все лето пришлось барахтаться у берега, под их строгим надзором, тем не менее к концу лета плавать я научился.

В пять лет Тобол я переплывал.

10

Распорядок в камере жесткий, установлен раз и навсегда. В четыре-четыре тридцать утра привозят хлеб и сахар. В камере спят по очереди, поэтому хлеб, сразу на всех, получает тот, кто в это время не спит. Выдают – черного хлеба одна буханка на двоих, белого – одна буханка на пять человек. Булка белого хлеба по размерам больше булки черного.

Хлеб собственной выпечки, тюрьма имеет свою пекарню. Хлеб пышный, хорошо пропеченный, вкусный. Весь полученный хлеб складывается в висящие рядом с «кормушкой» сумки. Хлеб не делится между живущими в этот день в камере, нет, каждый съедает за обедом сколько хочет, хотя каждый понимает, что съесть может в пределах своей «пайки».

Если кто-то захотел и забрал свою пайку с утра и съел хлеб сразу, за один присест – его никто не упрекнет. Все понимают – человек голодный. Этот человек может за обедом снова взять хлеб и есть его с общим варевом. Но такое может произойти только один раз. Если этот человек и на следующий день с утра съест свою «пайку», а потом подстроится под общую еду, этот человек есть вместе со всеми, в общем «котле», больше не будет. Альберт скажет перед варевом – «нас пять человек» – хотя в камере шестеро. Но шестой, это тот человек, что пристроился к общему хлебу. И для всех его уже нет. Вскоре он исчезает из камеры.

В шесть утра – завтрак. Обед в 12–13 часов и в восемнадцать – ужин.

На завтрак раздают кашу и кипяток, который считается чаем, но это именно кипяток – он не только не заварен, он даже не «подкрашен». На обед – суп, каша и такой же кипяток. На ужин – каша и чуть-чуть подкрашенный чай.

Каша и суп – это условно. На самом деле – это «жидкая бурда», совершенно для нормального человека не съедобная. Даже в самые голодные дни в «транзите», когда мне совершенно нечего было есть, кроме тюремного хлеба, я не смог заставить себя есть эту «бурду». Это блюдо трудно представить, его надо видеть. Это примерно так – в чистую воду бросают немного крупы или что-нибудь мучное, подсаливают слегка, все это кипятиться – вот и готовая еда для заключенного. Но это примерно, на самом деле тюремное варево надо видеть, описать его невозможно.

И это едят. В общих камерах за такой едой выстраиваются длинные очереди. А что делать, хлеб и эта «бурда» все же какая-то поддержка, какая-то пища. В тюрьме далеко не все получают передачи. С тюремными порядками, когда половину надо отдать «смотрящим» и другим разного рода «старшим», полученной «дачки» хватает на день-два. А жить-то надо. И бурду станешь есть.

Но это в общих камерах или на «зоне». В малолюдных камерах, в «маломерках», как наша, люди объединяются и живут за счет «дачек» или ларька. Тюремное варево не берут, хотя разносчики постоянно, в строго установленное время, стучат «кормушкой» и спрашивают традиционно – «есть будете?».

Вот в таких «маломерных» камерах, когда есть «дачки» и «ларек» и когда друг-друга сокамерники поддерживают, вот в таких камерах люди выживают.

** * **

Курган, в конце тридцатых, начале сороковых годов, был одноэтажным небольшим городком. Вокруг города – степи, равнинные леса. С крыши двухэтажного дома просматривались окраины города, окружающий его лес, далеко просматривались поля. Климат – резко континентальный, жаркое лето, холодная зима. В городе был городской парк с летним театром и аттракционами, драматический театр, несколько кинотеатров, наиболее крупные из которых – «Совкино» и «Детский», летний кинотеатр в городском саду.

Летом приезжал цирк, на пустыре, в районе Базара, раскидывался огромный цирковой шатер, выставлялись рекламные щиты, разыгрывались смешные сцены «зазывалами». Пацаны целыми днями просиживали вокруг циркового шатра, наслаждаясь шумной рекламой «зазывал», цирковой клоунадой и театральными представлениями, которые устраивали артисты до начала спектаклей, привлекая зрителей.

Курган был городом спокойным и дружным. Люди друг друга знали, если и не были знакомы, то по крайней мере знали, что это да, наш, курганский, не знаю его, но в лицо помню, встречал.

«Конечно, конечно, и поручусь за него и помогу, чем надо».

В городе был в те довоенные годы шикарный Базар. На базар ходили как на аттракцион. Кого там только не было! Караваны верблюдов из Казахстана, из Азии, китайские торговцы, уральцы, Алтай, Сибирь – вся торгующая публика собиралась в ярмарочные дни в Кургане. Население города увеличивалось во время ярмарки в два-три раза... Начиналась Курганская ярмарка в конце августа. Бойкая торговля и веселое базарное гулянье шли неделями, до самых холодов. Готовились к этой ярмарке тщательно, в районе Базара строилось целое поселение – шатры, палатки, ларьки, лотки, огороженные стоянки для скота, лошадей, верблюдов.

И цыгане. Цыгане в городе, вокруг города, за рекой, на полях, в перелесках. Шум, гам, песни, концерты, цирковые силачи, клоуны, фокусы. Райское время для пацанов! В базарной бестолковщине всегда находились затоптанные рубли и трешки. С подносов свободно доставались и пробовались мелкие сушеные фрукты, а порой и что-нибудь посолиднее. Было сытно и весело.

Когда в 1942 году небывалое наводнение затопило город так, что по улицам перебирались на лодках, а если где-то и ходили, то только по веревкам – Базар снесло. Снесло все постройки, которые в то время восстанавливать было нечем и некому. Город тогда как будто потерял что-то свое, собственное, именно этому городу характерное. Курган стал другим – суровым, настороженным. Голодным.

Вскоре после переезда отец начал работать на партийной работе, по линии Горкома партии. Он и учился не оставляя работы. Еще бы, такую семью на студенческую стипендию не прокормишь. Вскоре и мать начала работать, старшая сестра Зоя постоянно занята по дому, нам, младшим, была предоставлена полная свобода. Брат Саша быстро сдружился с курганской «улицей», но не затерялся в ней. У него с отцом частенько на эту тему происходили сердитые разговоры, но через три года, когда началась война, отец ушел на фронт, а мы остались одни, знакомство с «улицей» Саше очень пригодилось. Чтобы выжить – надо было добывать. Саша в первые военные годы верховодил у курганской шпаны. А, значит, частенько что-то добывал. И нередко подкармливал нас, младших.

Через год отец получил хотя и небольшую, но свою отдельную квартиру, на втором этаже старого купеческого дома, в шикарном месте, на улице Вольнопожарной, напротив городской «Пожарки», рядом с чудесным парком. В парке были различные качели, небольшое колесо обозрения, громадный вращающийся Гриб – пацанам было где и чем развлечься. И все это, на радость матери и старшей сестры, рядом с домом, легко поглядывать за младшими.

Квартира не очень большая, но достаточная, чтобы нам всем разместиться – общая комната, большая, старых планировок, кухня и спальная комната. Въезжали мы в нее шумно, весело, с друзьями, застольем.

Никто из нас не подозревал тогда, что в этом доме, в этой квартире нам придется прожить долгие, тяжелые годы войны.

К нам иногда переводили людей из других камер. Такая «тасовка», переводы из камеры в камеру, видимо имеют какой-то смысл. Тут и заинтересованность надзирателей и следователей в дополнительной информации, и предотвращение каких-то объединений, сговора, «блоков». Это и нагрузка, испытания и даже наказание особо несговорчивых. Всего здесь есть понемногу. Как-то спросил в камере, что означают эти перемещения. Ответы однозначные – особая «забота» об узнике.

– Ты, Саньч, попал в такое место, где если тебе хорошо, то надзирателю за это плохо.

Но, думается все же, что такие переводы или подселения из соседних камер были вызваны санитарными обработками. Захламили камеру так, что уже одной чистки мало, нужна санобработка, вот и освобождают, расталкивая жильцов по соседям. Андрей особенно боялся всегда вот именно таких подселений: «заразят, гады, отмойся потом»...

Большая часть заключенных в тюрьме – подследственные. Тюрьма переполнена. Поэтому

осужденных в камерах держат не долго. Отправляют в колонии, «на зону».

Все те, кто появлялся у нас в камере, строго придерживались установленного у нас порядка. Были и исключения, когда Альберт кого-то из вновь прибывших за своего не принимал. Об этом он заявлял сразу, напрямую – «ты не наш. И долго у нас не будешь». И действительно, такой человек исчезал от нас быстро, иногда в тот же день, иногда чуть позже, через день-два, и эти день-два для него становились настоящей мукой.

Надзиратели у камер постоянно меняются. У них свой, специальный график – сегодня у наших дверей, в нашем коридоре, завтра – в другом коридоре, в другом корпусе, в других службах, в медсанчасти, но через некоторое время снова у нас, в нашем коридоре, у наших дверей.

Надзиратели у камер и надзиратели у «накопителей» – совершенно разные люди. Внизу, у «накопителей» – цепные псы. Крик, мат, оскорбления, резиновые дубинки – все у них в ходу.

Внизу ты скот, там особенное бесправие и безысходность. У камер несколько по иному. Здесь трудятся нормальные, рабочие люди, несущие свою тяжелую, хоть и «паскудную» службу. Они тоже обращаются с заключенными строго, в соответствии с инструкцией, но по роду своих обязанностей они с «зеками» все же общаются. И обязаны общаться. Они выводят «камеру» на прогулку, в баню, сопровождают на все вызова, постоянно следят за камерой в «глазок», они знают всех «своих» узников довольно близко, изучают их дотошно, характеристики на них дают достоверные.

Из камеры можно через дежурного надзирателя вызвать врача, узнать, когда будет с заказами продавец ларька, передать в тот же ларек заказ, отправить письмо. Под наблюдением коридорного в камеру передают «дачку» и можно проверить по описи – все ли принесли в передаче.

И проверяют, некоторые, в основном старожилы, проверяют довольно дотошно. Хотя все эти проверки постоянно подгоняются – «быстрей, быстрей» – осмотреть весь перечень передачи времени никогда не хватает. Но ты должен расписаться в акте о получении, а там перечислены все передаваемые продукты. Вот и смотришь внимательно опись, и запоминаешь быстро, что же тебе прислали. А уж потом, не торопясь, изучаешь передачу – чего не донесли?

Крадут, конечно, безбожно. И все же, если разносчик видит, что ты внимательно изучаешь опись, да еще и не молчишь, высказываешь претензии, а камера подхватывает, улюлюкает, он все же остерегается, берет, но понемногу. Берет что-нибудь уж очень деликатесное, и то не все берет, а какую-то часть. Берут колбасу, конфеты, печенье, сгущенку. Ну и что-то другое, подобное. Но только в том случае, если в передаче все эти продукты есть не в одном экземпляре, если что-то из этого остается, в строгом соответствии с описью.

Не по количеству, по наименованию.

Из ларька – строже. Там продавец следит за доставкой. Ларьку не выгодно, чтобы из заказов что-то пропадало по дороге в камеру – не будут заказывать. Мне, например, последние месяцы «дачки» приносили совсем без потерь. Света наладила отношения с продавцом ларька, покупала и передавала мне продукты в соответствии с графиком передач и продавец сама следила, чтобы эти продукты до нашей камеры доходили без потерь.

Так вот, надзиратели у камер, постоянно общаясь со «своими» заключенными, были более человечными. Они были так же строги, но это не были «цепные псы». Это люди, выполняющие тяжелую, но необходимую работу. И выполняющие добросовестно, без оскорбительных выпадов против «своих» заключенных, без обычной тюремной озлобленности.

Еще проще и спокойнее эти отношения складывались в больнице. Там я и улыбки видел.

Но бывают, конечно и исключения из этого правила взаимоотношений надзиратель-камера. В тюрьме мне рассказывали «древнюю» байку об одном ретивом надзирателе, презиравшем узников. Своим сослуживцам он показывал, что ничего не боится, а уж этих «смердящих» камерников, уж их-то он откровенно презирает. И уж тем более не боится. В доказательство своей независимой смелости он в любое время врывается в заранее выбранную им камеру, чем-то провинившуюся перед надзирателями, ну, например, очень уж дотошно проверяющую переданные ей «дачки», врывается с резиновой дубинкой и давай там устраивать «цирк». И обозлившись на эту камеру, врывается туда чуть не каждый вечер. В своё, конечно, дежурство.

Однажды, так же разгорячившись, во хмелю, ретивый тюремщик с грохотом распахнул дверь камеры и с каким-то звериным криком ринулся внутрь. И – захлебнулся. На его разгоряченную голову опрокидывается объемистая бадейка с парашей. Прибегает коридорный дежурный и выволакивает «неумолимого мстителя» в коридор.

Конечно, такое событие не могло остаться без доклада «хозяину». Ретивого служаку никто в тюрьме больше не видел.

Рассказывали и еще об одном случае.

Дежурный надзиратель не имеет права входить в камеру, а уж тем более как-то наказать провинившегося лично перед ним «зэка». Но когда того вызывают по каким-то надобностям из камеры и ведут по вызову, вот уж тут, в коридоре, надзиратель может «поизгаляться» над своим «обидчиком». Руки связаны наручниками, что мешает надзирателю наказать строптивого! И наказывает, подлец, иногда с видимыми побоями. Ничего и никого они не боятся! Так вот, завелся такой «мститель» и в нашем коридоре, на нашем этаже. И ничего с ним не поделаешь! Не пожалуешься по начальству, еще хуже будет.

И вот случилось так, что именно этот надзиратель сопровождал камеру в баню. Обычно сопровождают двое. Но это так положено, по инструкции. А на практике не всегда этих дежурных хватает, кто-то увел кого-то на допрос, или еще какая причина, но очень часто и на прогулку, и в баню водят «камеру» охранники по одному. Вот и в тот раз, один «бешеный» надзиратель случился на этаже, один повел обиженную камеру по коридорам. К дверям бани подошли спокойно, отворили дверь – и больше этого надзирателя никто нигде не видел. Какие только поиски не устраивали по тюрьме – все тщетно. Как будто никогда такого человека на наших этажах и не было.

Но это, конечно, исключительные события, очень редкие.

Как правило, надзиратели на этажах к своим «камерникам» относились довольно доброжелательно.

** * **

Война обрушилась сразу, на всех. За один день повзрослели пацаны, постарели женщины. 22 июня. Воскресение. День так хорошо начинался!

Накануне отец и его товарищи получали дипломы. В техникуме – выпускной бал. Мать с отцом, нарядные и торжественные, отправились с вечера на свой студенческий праздник. Сказали – вернутся поздно, чтобы не ждали, слушались Зою, ложились спать дружно, без шума и суеты.

В спальне, в отгороженном закутке, я спал на топчане. Здесь же стояла кровать младшей сестренки. Ей было почти два года, что-то с вечера она хныкала, «уросила», никак не хотела ложиться. Зоя еле-еле сумела ее уложить и убаюкать. Я спал рядом и проснулся ночью от того, что сестренка снова «захныкала».

Решил покачать кроватку, да так, сидя, навалившись грудью на спинку кроватки и уснул. Старшие не просыпались. Все было спокойно, тихо, мирно.

Поздней ночью, уже под самое утро, нагрянула ватага подгулявших, шумных и веселых выпускников. Стали накрывать стол.

– Ах ты наш домовничок, – мать уложила меня полусонного, успокоила сестренку, вернулась к гостям.

Но я не спал, слышал радостный гомон молодых людей, взрослых, здоровых, слышал, как разливали по бокалам вино, произносили поздравительные тосты – за себя, за друзей, за новые назначения.

Когда расходились, в Кургане было шесть часов утра. Воскресение, в доме тихо, вся семья вместе, всем спиться хорошо, все спят с удовольствием.

Проснулся я от чего-то странного, в каком-то беспокойстве, что-то тревожно-монотонное слышалось из черной тарелки репродуктора, который не знаю когда и кто включил, каким-то похоронным тоном говорили что-то, говорили, потом заиграла торжественно-печальная музыка.

И вдруг – как будто со всех сторон, отовсюду – сдавленный вскрик. С подвыванием. Сразу – по всему дому.

В спальню вбежал Саша, весь какой-то растрепанно-потерянный.

– Война, Юра, война! – обнимает, подталкивает. – Одевайся, – взвинченный, суетливый.

В общей комнате у стола сидел отец, теребил на лбу волосы, привычка у него была такая, когда волновался, всегда крутил на лбу волосы. Мать плакала. Она уже этих войн насмотрелась, натерпелась от них. С самого детства. Зоя стояла у окна. На глазах слезы. Крутила непонимающе головой Нина, рядом с ней уселся и я, тоже ничего толком не понимая.

– Война, дети мои, – тихо сказал отец – все надо начинать заново. Нам воевать, а для вас сейчас главное – выжить. Нам воевать. И воевать тяжело.

Тут же решили – Зою и Георгия отправить в деревню, к бабушке. Зоя возвращается в свою школу, здесь осложнений не будет. Саше начинать школу, он с Ниной и младшей сестренкой остаются с матерью в городе. Но, если условия будут ухудшаться – в деревню возвращаются все.

Мать работала в том же техникуме, в цехе «Сельхозтехники», но зарплата небольшая, на всех не хватит, да и деньги, наверное, скоро начнут обесцениваться, цены же, раз война, быстро начнут расти. Но, если отцу будет положено денежное довольствие, оно будет переводиться семье, отцу там, на войне, деньги не нужны.

Все это обсуждалось всей семьей, с участием и старших, и младших детей.

– Нужно готовиться к худшему, – наконец подвел черту отец, – не думаю, что война затянется надолго, но нужно готовиться к худшему. Главное – всем выжить. Потом, после войны, после победы, все образуется. А сейчас – выжить!

С этим отец ушел в военкомат. В этот же день, в воскресенье. Вернулся поздно, уже с «Мобпредписанием».

Утром следующего дня отец собрал небольшой саквояж, холщовый мешок и отправился в военный палаточный лагерь, за одну ночь разбитый за городом – довольно большая площадка обнесена забором из колючей проволоки, установлены жилые и служебные палатки, выставлена охрана, у ворот и в проходных пунктах часовые.

Все как на войне.

Мы провожали отца до самого лагеря. Он пока никуда не уезжал, поэтому провожали хоть и не весело, но без слез.

Затем отправили письмо в деревню, бабушке, о том, что мы с Зоей едем и чтобы нас встретили. Но перед самым отъездом я уперся, не захотел ехать в деревню, мать заколебалась, насильно отправить побоялась, и я остался. А Зою вскоре проводили. Проводили не надолго, на время смутное и непонятное, а встретились только через много-много лет, после войны.

Все лето отец жил в военном лагере, на подготовке. К осени на его петлицах появились какие-то кубики и я очень гордился, вышагивая рядом, когда встречные военные, четко вскидывая ладони к виску, приветствовали отца, а он отвечал им тем же.

На фронт отца провожали осенью. Меня на вокзал не взяли, оставили нянчиться с младшей сестренкой. На вокзал, вместе с матерью, поехали Саша и Нина.

Вернулись поздно. Саша и Нина возбужденные, все в рассказах, мать заплаканная. Проводили отца. В товарные теплушки погрузили мужиков – молодых, здоровых, красивых – и увезли. Многих увезли навсегда.

А у провожавших, оставшихся дома, в тылу, начались долгие, бесконечные дни ожидания – писем, известий, событий.

11

– С вещами на выход! – щелкнув замками, дверь камеры тяжело открылась.

Какие там вещи – мешок с бельем всегда собран, туалетные принадлежности там же.

– Возьмите посуду, – в открытую дверь ожидающе смотрел охранник, – и быстрее, ждать некогда. – Охранник не наш, с «низу».

Ложка, чашка, кружка – все в тот же мешок.

– Саныч, возьми сахару и баранок, – это Андрей.

– Давай, давай, не задерживай – торопили из-за двери. Все же успеваю сунуть в мешок пакеты с сахаром и пряниками.

– Пошли.

Длинными коридорами и крутыми лестницами спускаемся вниз.

Там вдоль коридора, лицом к стене, десятка два таких же «бедолаг» стоят в ожидании дальнейших команд.

– Пристраивайся, – охранник передает старшему офицеру пакет. Видимо, с моими документами.

Подвели небольшую группу очень уж изможденных людей. Они с трудом передвигались. «Понятно. Эти, видать, из общей камеры».

Всех построили, повернули лицом в коридор. Подошел офицер.

– Так, господа хорошие. Сейчас двадцать минут баня и мы направляемся в Медсанчасть. – Это что-то новое, нам объясняют задачу.

В бане, а вернее сказать – в душевой, три рожка. В мойку заходят по 10–12 человек. Ополаскиваются и на выход. Меняются быстро и не обязательно партиями. Человек вышел – человек зашел. Белье сдано на «прожарку» – жарить вшей и других насекомых. Из мойки вышел – в предбаннике

тесно, люди сжались толпой, голые, мокрые, вытереться нечем, белья нет – всё на «прожарке». Белье выдают по частям. «Чья майка? Чьи штаны?»

Наконец, все умыты и одеты. В дверь уже торопят – на выход! Строиться по два! – Проверяют по спискам.

– Здесь! 1936-ой год рождения. Статья сто сорок седьмая, часть третья! – четко рапортую на вызов.

Переключка проводится быстро, спокойно, без суеты и надрыва.

Наконец все собраны, построены, вещи в руках. Пошли. Выводят двумя колоннами – туберкулезники построены отдельно, и выводятся отдельно. Хотя в бане мылись, а затем жались в тесноте, в ожидании белья, все вместе.

В Медсанчасти снова раздеваемся догола, складываем одежду, обувь, белье в полученные здесь же большие, пронумерованные тюремные мешки, сдаем их дежурному в «каптерку», взамен получаем бирки на этот мешок и больничное белье – кальсоны, рубашка, нечто похожее или на пижаму, или на рабочий хлопчатобумажный костюм, брюки и куртка, тапочки. Из принесенного с собой разрешается брать продукты – по утвержденному списку, тапочки, туалетные принадлежности. Подследственные берут с собой обувь – на случай вызова к следователю или адвокату. Выдают постельное белье – матрац, подушку, одеяло. Все в довольно приличном виде, не застирано.

Категорически запрещается брать с собой курево.

После процедуры получения всего необходимого выстраиваемся в больничном коридоре – широкий, высокие потолки, свежая покраска, чистый. Распределяют по отделениям и палатам в зависимости от заболевания. От каждого отделения – свой охранник. Тщательно обыскивают, в том числе ощупывают только что полученные подушки, матрацы, одеяла – не спрятал ли курево. Если найдут – можешь угодить и в карцер.

– «Сердечники», за мной, – наш охранник махнул нам рукой и пошел вперед, до двери кардиологического отделения. Там недолго щелкают замки, открывается тяжелая дверь и мы в помещении. Нас, «сердечных», всего несколько человек, распределяют быстро по камерам. Их в больнице зовут палатами, но это те же тюремные камеры – с «кормушками» на тяжелых металлических дверях, смотровыми глазками, «шконками», решетками и всем остальным тюремным атрибутом. Размер камеры может быть разным, как и разное количество больных. В камере нет оборудованной «параши», вместо нее в углу ведро для мусора. А в туалет выводят. Два раза в сутки – утром и вечером.

В камере, куда помещают меня, четыре «шконки», спаренные в два этажа и две кровати, настоящие, с мягкими сетками, лакированными спинками. Между ними, как и между «шконками» проход, шириной около метра. Справа от двери небольшой стол, два стула. Электрическая «розетка» для кипятильника. Добротное постельное – толстые, мягкие матрацы, незатасканные одеяла, чистые простыни и наволочки на подушки. И подушки – чистые, на пере, а не скомканные ватные. Приличное полотенце.

Да, все же разница между «палатой» и «камерой» большая. Но самое главное – в палате могут жить столько больных, сколько есть в палате кроватей. Ни одного лишнего. Можешь спать на своем месте сколько хочешь. Никто тебя не подгоняет и не ждет своей очереди на твое место. Вызывают только к врачу, выводят на лечебные процедуры и обследования.

В день моего поступления в палате-камере высвобождаются сразу две «шконки» и обе кровати.

Выбирай, что хочешь. Больные выписываются и их снова разводят по местам – кого в камеру, кого на зону.

Выбираю кровать. И потолок над тобой, а не сетка верхней «шконки», и один, никому не мешаешь, ни от кого не зависишь. На «шконке», там ведь как – чуть шевельнулся, повернулся там или сел-лег, обе кровати ходуном ходят. Они же сварены намертво, в два этажа. А тут – спи сколько хочешь, никто не помешает. И ты никому не мешаешь.

Да. Большое это счастье заболеть в тюрьме, а еще большее – попасть в больницу!

* * *

Война внедрялась в жизнь. Повсеместно. Уже нельзя свободно бегать по городу, тут и там патрули перекрыли движение – сплошная проверка документов. После нескольких громких ограблений и убийств порядок в городе еще более ужесточается.

Особенно содрогнулся город при одном преступлении.

Дядя взял племянника в семью из деревни, устроил его на работу, поил-кормил в первую военную бескормицу, а племянник, через некоторое время, из-за нескольких сотен рублей, сбереженных еще с довоенной поры, вырезал всю семью дяди. Не пожалел даже младшую пятилетнюю сестренку, которая проснулась, увидела его с топором и взмолилась – братенька мой, не убивай меня, я никому не скажу... Брат ударил, убил.

История получила громкую известность. Суд устроили показательным. На судебное заседание люди собрались со всего города. В парке, в летнем кинотеатре и вокруг него, люди плотно стояли, буквально битком набившись между кустами и деревьями. Сплошная толпа вокруг кинотеатра, где заседала выездная коллегия суда.

Из зала вели радиотрансляцию. Все, кто был в парке, слышали и вопросы, и ответы. Буквально потряс всех ответ на вопрос судьи к племяннику «зачем ты это сделал? Родственники же, дядя, тетя, сестры, брат, как ты все это смог?» «Деньги нужны были», – ответил племянник. Сад, заполненный возмущенными людьми, взревел от негодования.

В городе тогда упорно ходили слухи, что именно по глазам той маленькой пятилетней сестрѐнки и нашли убийцу. Будто бы следователи сфотографировали расширенные от ужаса, так и не закрывшиеся глаза девочки, увеличили окаменевшее в них изображение сродного брата с занесѐнным над ней топором, и по этим снимкам опознали преступника. Удивительно, и сейчас-то, в начале двадцать первого века в такие доказательства верится с трудом. А тогда, в девятисотые годы, в середине сорок первого, обо этом говорил весь город. Не могло же это быть всеобщей выдумкой?

А если это так, то девочка молодец! Отомстила таки убийце. И за себя, и за всю свою семью.

Наказание в военное время одно – расстрел.

А семью хоронил весь город. Для тихого, спокойного, патриархального Кургана это было дикое, ужасное событие. Мы получили дома строгие инструкции – ни с кем из незнакомых не водиться, никуда не ходить. Но смотреть за пацанами было некому и некогда. Целыми днями мы были предоставлены самим себе. Но это уже были взрослые пацаны, они уже знали кого и когда бояться. И все же случилось неожиданное и в нашем доме.

Внизу, на первом этаже, жила башкирская семья. У них был мальчик – Юфка. Смышленный, предприимчивый, смелый. Мы быстро сдружились. Оба настырные, вскоре в уличных «разборках» мы с ним представляли серьезную силу среди наших сверстников и даже среди ребят постарше. Не скажу, чтобы

нас боялись, просто после нескольких ребячьих стычек с нами перестали связываться. Особенно после одной драки, когда я напрямую полез с кулаками, а Юфка хитро, тихо зашел сзади с тонкой веревкой, обхватил этой веревкой обидчика за шею и стал душить. И все это молча, с непривычным для пацанов нашего возраста остервенением. Все шарахнулись по сторонам, Юфку еле оттащили свои же пацаны. Ватага эта долго после этого события обходила наш дом дальними улицами.

Именно с этим Юфкой и случилась история. К нему во дворе подошли двое – парень и девушка. «Ты Юфка? Мы от мамы. Она закончила работу и просит принести ей пальто. А то, видишь, как холодно?» – погода была действительно мерзкой. Юфка поколебался было, но ведь мать прислала! Мать работала в больнице и действительно скоро должна прийти домой. Смена у ней заканчивалась.

– Пошли, – Юфка ведет их домой, открывает двери, заводит в квартиру.

– На вот тебе денег, сбегай возьми мороженого, ничего, не бойся, мы тебя подождем.

Юфка не устоял – как откажешься от мороженого! Убежал.

– Я быстро.

– Ничего, ничего, мы подождем. – Ясно, что вернувшись, Юфка увидел почти пустую квартиру. Все ценное, одежда, обувь – все исчезло. Юфка в крик, мы в милицию, к патрулям – ищи ветра в поле.

– Куда же ты побежал? Забыл что ли, мороженого-то в городе давно ведь нет!

– Так вот...

После этого остерегаться стали еще больше. Если во двор заходил незнакомый человек, все пацаны, живущие в доме, его мгновенно окружали, пытая дотошно – куда, к кому, зачем – а в руках и палки, и камни – плотная оборона.

И к чести сказать, до конца войны в нашем доме таких происшествий больше не было. Ну, а когда Саша, брат, стал главой курганской шпаны, наш дом и вообще обходили жулики. Эта Сашина популярность в нашем доме в недалеком будущем спасла жизнь матери.

Она уже работала в столовой. В вечернюю смену. Война. Столовая круглосуточная – это была столовая «Военторга», работала она круглосуточно, так же как и Военкомат – то прибытие военных, то отправление – людей надо было оформить, но надо было и накормить.

В столовой всегда женщины оставляли что-то для семьи и несли с собой после работы. Вот и мать, с сумками, ночью привычно идет домой. После последнего патруля до дому оставалось метров сто-сто пятьдесят.

Дом старинный, купеческий, с прочными, старой постройки воротами, мощная калитка с металлическим засовом.

Мать заметила, что за ней увязались какие-то парни, двое. Мать ускоряется в ходьбе – они тоже. Мать бегом и они побежали. Вот и дом. На счастье – калитка открыта. Мать заскакивает в ворота. Бросает сумки, мгновенно захлопывает калитку и тут же набрасывает засов-щеколду. Парни подбегают. Останавливаются, не трогая калитку говорят между собой – «постой, не лезь. Здесь живет «Запя» – так среди шпаны звали брата, – в этот дом не лезь. Здоровей будешь.» И уходят.

Мать еле отдышалась. Собрала сумки и медленно пошла домой, к подъезду, к широкой лестнице, ведущей прямо к нашей квартире, на втором этаже. Настроение – ужасное. И, наверное, больше ее напугало не то, что за ней гнались – всё же она сумела спастись, – больше её напугало то, что она услышала от малолетних «жуликов» о своём сыне. Что же с ее сыном? Неужели он вот так же, по ночам, со своими дружками гоняется за одинокими женщинами? За одинокими прохожими? Да, разговор с сыном

предстоит тяжелый!

Тем не менее именно положение сына среди городской шпаны в этот раз спасает нашу мать от грабежа, а может, от чего-то и более серьезного.

Убивали тогда за кусок хлеба.

В один день у магазинов возникают длинные очереди. Вводятся карточки – вначале на хлеб, затем на все необходимые продукты. Через некоторое время вводятся карточки и на промтовары, самые необходимые – одежда, обувь, белье.

Мать сразу возложила заботу о хлебе на нас с Сашей. Мы рано вставали, занимали очередь у магазина за час до открытия, Саша куда-то исчезал и появлялся к раздаче хлеба. Хлеб мы получали всегда, на все карточки. Постепенно, как-то так само собой получилось, хлебом стал заниматься я один. Очередь меня уже знала. Все в общем то были свои. Соседи и по домам, и по квартирам, обижать пятилетнего пацана никто и не собирался – все шло по очереди.

В раздаче хлеба выработалась целая система. Очередь занимали перед открытием магазина. Кто подходил, тот и занимал текущую очередь.

Но однажды хлеба не довезли. Очередь мгновенно отреагировала. Теперь занимать стали рано, с четырех часов утра. Появился распорядитель, какой-то представитель какого-то профсоюза, представитель этот строго следил за движением очереди, за порядком выдачи хлеба.

Хлеб привозили в девять утра. Где-то к восьми часам появлялся «распорядитель», так звали его все. Распорядитель громко кричал, о чем-то с кем-то ругался – «спекулянты! занимаете очередь с ночи, потом торгуете хлебом на базаре...», как будто, если раньше хлеб взял, то взял больше и им, этим хлебом можешь уже и торговать. Глупости, но страху этот распорядитель нагонял и слушались его беспрекословно. И все знали, что в одну из пауз своего красноречия он неожиданно вытянет по-солдатски руку и крикнет «очередь! Стройся здесь!» – и вся масса людей кинется, ломая строй, толкаясь на эту, им показанную, новую живую линию хлебной очереди.

Но мы, пацаны, все это знали. На всех возможных направлениях таких перемещений очереди у нас стояли свои. Затем, с криком, шумом, возмущением – «я здесь стоял» или «мы же вместе» все пацаны получали свои места по строго определенному утром порядку. Впрочем, взрослые нас особенно и не гоняли. Спорили в основном между собой, или с теми, кто с других улиц или соседних домов.

С хлебом мы были всегда. Поэтому на меня забота о хлебе и переключилась. Саша иногда следил, поглядывал, чтобы меня не обижали, затем привык к стабильности процесса и наслаждался свободой. А вернее, занимался какими-то своими делами. Мать в этот хлебный процесс не вмешивалась совсем. Она знала – карточки отоварятся, хлеб будет.

Но однажды получился сбой. Совершенно непредвиденный. Мы шумной ватагой купались в Тоболе. Я с разбегу прыгнул в воду и попал ногой на разбитую бутылку. Ногу разрезал глубоко. Кровь из ноги хлещет, самому страшно стало. Ребята постарше, что были рядом, пытались как-то перевязать, остановить кровь. И тут (всю жизнь везло мне на эти «вдруг») появляется Саша со своей командой. Они быстро разорвали чьи-то рубахи, стянули ногу, обмотали ступню, прижав к ране листья подорожника и бегом, буквально бегом, унесли меня в больницу. Больница была не близко. Рану в больнице обработали, намазали какой-то черной мазью, перевязали и с теми же ребятами отправили домой. Саша приказал никуда не выходить, лежать, «ногой дрыгать» поменьше и ни в коем случае рану не развязывать. Мои ребята тасовались под окном, я же тоскливо сидел на подоконнике, уныло глядел на их игры и затеи со своего второго этажа.

Но утром, как всегда в четыре утра, я был во дворе. Ребята распределялись, кому что делать сегодня в очереди. Передвигался я с трудом, больно было наступать даже на пятку, я нашел во дворе палку-рогульку, так, чтобы опираться подмышкой, как на костыль, переставлял потихоньку ногу с помощью этой палки и кое-как передвигался, почти на одной ноге.

Магазин был на углу, сразу за парком, небольшой домик, из красного кирпича, с высоким крыльцом без перил. Отсюда, от крыльца, начиналась очередь. Народу было немного.

– Куда же ты, с такой ногой? Затопчут же. Иди, родной, поспи. Приходи к открытию, я за тебя скажу, что ты в очереди – посочувствовала одна сердобольная женщина.

Наивная, я-то знаю, что такое очередь. Что бы так говорить, надо просто не знать очереди. Никогда очередь никого не впускала. Если не стоишь. Постоянно и неотлучно. Даже если ты дождался последнего, сказал – «я отойду не надолго. Не забудете?» – И все, уже не пустят. Поднимется гвалт «Что, где, не видели, зачем отходил, нам тоже стоять некогда да стоим, ничего не знаем, иди откуда пришел». И спорить бессмысленно, уже не пустят, уже считают себя героями, борцами за правое дело – грудью на защиту справедливости!

Да, за хлебом надо стоять. Я и стоял. Я был рядом, в десяти метрах от своей очереди, от женщины, которая заняла очередь за мной. Просто я устал стоять на одной ноге, больная нога ныла, я добрался до крыльца, сел на его каменный открылок, свесив ноги и устроив больную ногу так, чтобы она меня не тревожила и ждал, когда начнется раздача и подойдет к дверям магазина моя очередь.

Появился «распорядитель». Все зашевелились, очередь напряглась – вот сейчас крикнут – становись – и неизвестно куда бежать, куда поставят, кто будет за кем. Распорядитель – добрая женщина, никого перестраивать не стала, зашла в магазин, через некоторое время вышла – сама, не послала кого-то – сообщила, что хлеба сегодня хватит на всех, так что не толкайтесь, не кричите и не нервничайте, все пойдут строго по очереди, все получают свою порцию. Мне стало спокойнее – вторую очередь мне бы не занять.

Открылся магазин. Снова всё зашевелилось, очередь выпрямилась, посерьезнела, почерствела. Запускали партиями человек по восемь-десять, но часто, времени на одну партию уходило немного.

Я как-то убедил себя, что я стою здесь в этой очереди, что я здесь свой, все меня знают, все меня любят и простят мне небольшое нарушение порядка. Вот она, моя очередь, рядом.

Я залез на крыльцо, подошел к распорядителю – «Тетя, можно я отсюда, с крыльца, у меня нога болит, вон моя очередь.» Тетя строго повернулась к очереди – «Стоял?»

В первое время я ничего не понял, не поверил, не обо мне, я просто ослышался, – из очереди этак равнодушно, безразлично – «нет, не стоял».

Очередь скользила мимо меня. Промелькнула женщина, занявшая очередь за мной, отвернув голову, спрятав глаза.

Позади кто-то чертыхнулся, но не восстал, не защитил ребенка, побоялся. Я стоял, навалившись плечом на дверь магазина, мимо плыла очередь – всё шло своей чередой. Обычно драчливый, неуступчивый, бунтующий, неприязненно реагирующий ко всем проявлениям несправедливости, тут я сник, с больной ногой чувствовал себя каким-то ущербным, неполноценным, смиренным, невоинственным. Я просто растерялся!

– Отойди, мальчик, не мешай, – тетя-распорядитель осторожно подтолкнула меня в плечо. Посмотрела на меня и отпрянула. Отшатнулась. На нее смотрело недетское, укоризненное лицо взрослого пятилетнего человека. Глядело сурово и плакало, без слез, без звука, с обидой. С обидой за этих черствых взрослых людей, за их ограниченный хлеб, за их непонятную и несправедливую очередь, за их

безразличие и жестокость. И все случилось настолько неожиданно, пацаны меня видели, ничего подозрительного не было, никто из пацанов даже не успел среагировать. «Юр-что?» – успел спросить, проходя мимо в очереди кто-то из пацанов, но я только молча и безнадежно махнул рукой – «проходи».

Очередь тихо плыла мимо меня. Я сидел на крыльце, спиной привалившись к стене магазина, прижав к себе больную ногу и тихо переживал случившееся. Не знаю, текли ли у меня при этом слезы, но никто меня с крыльца не гнал. На меня просто не обращали внимания.

Весь процесс выдачи хлеба по карточкам протекал быстро, полтора – ну максимум два часа.

За каждым магазином закреплялась определенная улица, жилой участок, жители которых отоваривались только в этом магазине, а магазин получал хлеб только на это число закрепленных жителей.

Это только хлеб. Все остальное можно было покупать и в других магазинах, но все же каждый, закрепленный за магазином по хлебу, старался и по другим товарам придерживаться этого магазина. Это было проще и для магазина и для жителей – продавцы и покупатели знали друг друга, это упрощало саму процедуру отоваривания, не создавало дополнительных очередей.

– Шура, когда привезут сахар? – заскакивают прямо с работы девчонки.

– Завтра, девки, после обеда, вы уж постарайтесь зайти. С вечера начнут брать «чужие», так вы уж постарайтесь – и всем ясно – сахар возьмем у себя, искать по городу не надо, поищем что-нибудь другое. Труссы там майки, еще что-нибудь. А сахар здесь, у нас. Так и по многим другим продуктам.

Но хлеб – это хлеб. Хлеб надо было успеть взять с утра. Потом уже не возьмешь – его просто не будет! Хлеб воровали – при погрузке, перевозке, имелись хлебные отходы и при продаже – во-первых, буханки были нестандартными, хлеб был весовой, а во-вторых, у разных семей имелось различное количество карточек, да и карточки были разными – рабочие, иждивенческие, детские – значит и хлебный паек у каждого покупателя был свой. Поэтому буханки резали и получались отходы от такой резки. Резали хлеб таким широким и острым лезвием, одним концом закрепленным неподвижно между специальными щечками, другой конец с удобной ручкой движется вверх-вниз, буханку сунул под щечки, нажал на ручку и кусок отрезан. Удобно и быстро. Вот эти куски, иногда довольно солидные и оставались после раздачи хлеба. Их положено сдавать в столовую «Военторга», но продавцы зачастую не хотели связываться с еще одной перевозкой, с дополнительным оформлением документов и продавали, как хлеб, желающим, вне закрепленных списков, по неотоваренным карточкам. А что – такой же хлеб, только порезанный.

Когда очередь прошла через магазин, с хлебом покончили, я еще посидел немного, соображая, как же это я приду домой без хлеба – это же на всех! на целый день! – встал потихоньку, опираясь на палку и держась другой рукой за стенку магазина, стал соображать, как лучше спуститься на одной ноге с крыльца. Ко мне подошла «распорядитель» – пожилая женщина, с добрым, усталым лицом.

– Мальчик, подойди к Шуру. Мы тут поговорили, может, возьмешь кусками?

Я все понял мгновенно. Забыв о больной ноге стремительно влетел в магазин, уставился отчаянно молящими глазами на продавщицу, тетю Шуру.

– Иди сюда, давай свои карточки. Вот бери, да не в сетку, в сумку складывай, не дразни там, на улице.

– Тетя Шура... – Возликовав от радости, от неожиданно свалившегося счастья, даже не веря в такую удачу, я собрал хлеб, не замечая катившиеся слезы, не стыдясь их и не имея возможности их вытереть. Но это уже были слезы благодарности. Весь лик мой сиял.

– Тетя Шура...

– Ладно, ладно, иди. Да осторожнее с ногой-то. Ты вот что, пока нога-то болит, не ходи в очередь.

Приходи к концу, я тебе куски эти оставлять буду.

Всё. Всё решено, всё реально, я, весь деловой, уверенно «ковыляю» домой. С гордым видом открываю дверь. Мама дома.

– Что это ты кусками, не хватило что ли?

– Хватило, но так побольше.

– Ну молодец. Главное – с хлебом. А так, да какая разница, все равно резать. Молодец, догадливый.

Не знаю, поняла она или нет, что там произошло в магазине, думаю поняла, но промолчала.

Хлеб в то время был главной пищей. Все остальные продукты или закупались загодя, или не закупались совсем, если их не было, или не было денег, чтобы их выкупить. Был хлеб – была и еда.

Хлеб делили поровну, строго, на всех. Сначала хлеб делился на три части – завтрак, обед, ужин. Затем каждая такая часть делилась на членов семьи. Первый пай давали утром, за завтраком, когда мать уходила на работу. Вторую часть, несколько большую, давали к обеду, если он был, если нет, съедали так, запивая водой или чаем. Третью часть съедали вечером, когда возвращалась мать с работы, она работала в техникуме, но всегда на работе что-то давали, то картошки понемногу, то еще какую-нибудь снедь, поэтому мать ждали и хлеб ели только с ужином. За всем этим старшие строго следили по времени, чтобы кто-то из младших не съел свой пай раньше, а это случалось, и не так уж редко – есть хотелось постоянно.

Этот, строго заведенный матерью порядок, и помог выжить семье в те первые военные, самые голодные годы.

13

Третью неделю лечусь я в Медсанчасти СИЗО. Это настоящая больница, довольно солидная, большое количество хорошо оборудованных кабинетов. В кабинетах – современная аппаратура, кабинеты уютно обставлены. Главный врач, заведующие отделениями, дежурные врачи, медицинские сестры – все как в обычной больнице. Только... у всех милицейские звания.

Больные проходят полное медицинское обследование – голова, сердце, внутренние органы. Здесь и «глотание кишки», и тщательный рентген – стоя, сидя, лежа – в общем все, присущие медицинскому освидетельствованию процедуры. Есть в больнице и стоматология со всеми видами лечения зубов.

Прописываются разнообразные лечебные процедуры – в процедурные кабинеты водят по вызову, под конвоем.

Для меня, честно признаться, это было неожиданно, настоящим «откровением», никогда не думал, что за «зеками» так тщательно следит медицина.

Клиника центральная. Сюда свозят для лечения больных из всех областных «зон».

Кормили в больнице получше – утром кусочек масла и молоко, ежедневно сахар, хлеба по полбуханки и черного, и белого. Но варево – то же самое, из одного котла.

Спали в больнице вдосталь, отвлекаясь только на освидетельствования и процедуры. Читали – книги, как и в камере, можно заказать в тюремной библиотеке, приносят, читай. Библиотека «приличная», выбор книг большой.

В первую неделю я прошел полное медицинское обследование, врачи, каждый по своей специализации, поставили диагноз и назначили лечение. К врачам меня после этого обследования больше не вызывали, только лечебные процедуры, ну, и, конечно, лекарства, но это без вызова,

лекарства выдаются и принимаются в палате-камере. Лекарства разносят утром, на весь день. Уколы тоже утром, если прописаны врачом. Но если прописано несколько уколов и ставят их в течении всего дня несколько раз, как это было со мной после сердечного приступа, то уводят в процедурную. Там тебя осматривают, измеряют давление, снимают кардиограмму, ставят укол.

Следователь не вызывал вовсе, с адвокатом виделись раз в неделю. В больнице.

Наступил период спокойного отдыха – сон сколько хочешь, тяжелые мысли баррикадировал чтением. Читал все подряд, что ни попадало.

В камере-палате лежали четверо «малолеток», это несовершеннолетние. Ребята любознательные, но уж очень неграмотные, какие-то даже примитивные. Для нашего времени – удивительно ограниченные знания. Только один из них, к примеру, после долгих раздумий и предположений, сказал, что Дмитрий Донской это какой-то полководец. Двое сказали – ученый, один не слышал о нем ничего. Никто ничего не знал о Куликовом поле или о Куликовской битве, да и в современной истории познания их были довольно скудными. Например, все четверо уверено знали о Сталине, но кто такие Жуков или Киров не мог объяснить никто.

Вскоре так получилось, что очередного взрослого выписали и отправили на «зону», а поселили вместо него еще одного малолетку 14-ти лет. Взрослым в камере остался я один. И начался «кликбез».

Ребята действительно оказались чрезвычайно любознательными.

– Саныч, расскажи что-нибудь.

Я начал им рассказывать историю Руси. Слушали, как малые дети слушают сказки.

По вечерам, когда всё в больнице успокаивалось и засыпало, мои «малолетки» укладывались по своим местам и откуда-нибудь сверху обязательно раздавалось:

– Саныч, расскажи что-нибудь.

– Ну хорошо. Про Александра Невского помните?

– Помним. Позавчера рассказывал.

– Родился у него сын, младший. Назвали его Даниилом. Так вот, он и был настоящим основателем Москвы, а не Юрий Долгорукий. Знаете такого, Долгорукова?

– Это тот, что в Москве памятник?

– Да, тот, что памятник. Он, этот князь Долгорукий, был владельцем когда-то Москвы, а жила эта Москва давно, за сотни лет до прихода этого князя, кто ее основал – неизвестно, славяне, наверное. А Даниил, сын Невского, сделал Москву, доставшуюся ему «вотчиной», ну как вроде наследства, столицей своего нового княжества. Именно Даниил и основал Москву как будущую столицу Русского государства...

И так не спеша, торопиться нам некуда – подробно рассказываю о той далекой и не всем понятной жизни.

– Спите?

– Нет, нет, рассказывай...

Так каждый день. А прожили мы вместе более четырех недель. Конечно, ребята менялись, кого-то выписывали, взамен поступал другой, тоже малолетний, иногда поселяли и взрослых – один такой аж весь из себя – но и они через короткое время слушали эти истории, как дети.

Не знаю, случайно это или начальство пользовалось возможностью увлечь чем-то ребят, но в

больнице так я и просидел в основном с малолетними.

Жалко мне было этих ребят. Приходит такой пацан в камеру с бравадой, «весь из себя», день куражится, ставит себя перед сверстниками. А поговоришь с ним, спокойно, уважительно, как со взрослым – он и скис, и «слезки на колесках».

Пацаны, они и в тюрьме пацаны.

** * **

Вроде и далеко город Курган от мест сражений, а война вот она, в городе, в каждом доме, в каждой семье.

Появились первые беженцы, на конных подводах. Из центральной России. Ехали семьями, с каким-то scarбом. Власти отводили им места расселения. За городом появились жилые палатки.

Да, если уж до Кургана добрались беженцы своим ходом, сколько же их по всей России? Ведь Курган и от Урала на приличном расстоянии. Неужели там, за Уралом, на Западе, уже все заселено и люди идут дальше, спешат на пока незанятые земли?

А затем – «обвал». Прибывали целые эшелоны эвакуированных. Везли поездами, везли и автомобилями, с ближайших от Кургана станций. В Кургане освобожденные от беженцев автомашины грузились в железнодорожные вагоны и отправлялись теми же поездами обратно, на фронт.

Появились москвичи, а через некоторое время привезли женщин и детей из Ленинграда. Зрелище было ужасным. Мы, голодные и босые, рядом с ними казались сытыми-одетыми. Бледные, исхудавшие, ко всему, кроме еды безразличные, приезжие вызывали у нас какое-то непонятное чувство страха, ощущение всеобщей опасности. Мы боялись с ними общаться, разговаривать. Чем-то мрачным, «потусторонним» веяло от этих людей-скелетов.

Начались «уплотнения». Приближалась зима, а приезжих надо было разместить, подлечить, накормить, да еще и как-то занять, дать какую-то работу, что в тогдашнем Кургане было, наверное, самым трудным.

Заселили и в наш дом несколько семей. На второй день исчезла наша кошка. Баночку, в которой кошка недоела лапшу, мы выставили в коридор. Баночку тут же вылизали до блеска. В городе мгновенно исчезли кошки и вначале бродячие, а затем и домашние собаки.

Стали исчезать беспризорные дети. Поползли слухи – Черная Кошка, Пантера, «тузики»... В мясных котлетах стали попадаться детские человеческие ноготки.

Мы получили строгий наказ – из дому никуда, ни с кем незнакомым не разговаривать, никуда не ходить, если кто-то позовет или пошлет куда-то – не откликаться, в разговоры-переговоры ни с кем не вступать, быстро бежать домой.

– Если кто-то скажет – мама зовет, не верьте. Я вас никуда и никогда звать не буду. Ждите, пока сама не придут. Дома постоянно закрываться на крючок, никому не открывать и не отзываться.

Как пригодился мне этот материнский наказ однажды!

Дома мы сидели с младшей сестренкой одни. Саша был в школе, Нина ушла в магазин. После уплотнения в бывшей нашей комнате, прямо по коридору, жила семья Альмухамедовых, дочь у них была, тоже Нина. Коридор небольшой, соединял обе комнаты, имел общий выход в когда-то общую кухню и не освещался. В кухне тоже жила чья-то семья.

И вот я слышу, как кто-то зашел в коридор. Дверь тут же закрылась, с характерным и хорошо мне

знакомым звуком. Потом такой странный шорох по стене и тихий стук в соседнюю дверь.

– Кто там – через стенку нам хорошо слышно.

– Открой, Нина, это же я, мама.

– Нет, не открою, у моей мамы не такой голос...

В это время я машинально взглянул на наш откидной крючок с крепкой и широкой петлей, запирающий нашу дверь. Мороз пошел по коже – дверь не заперта! Раздумывать некогда. Я пулей подлетел к двери, вскочил на постоянно стоящую у двери табуретку, накинул крючок и дверь тут же подалась от чьего-то внешнего нажатия. Обомлевший, я уперся ручонками в дверь, думая, что начнут ее ломать. Но в кухне были люди, вору делали вид, что идут в гости, шум поднимать опасно и вскоре в коридоре все стихло. В стенку постучала Нина Альмухамедова.

– Ребятишки, вы там целы? – Я оторвался, наконец от двери, подбежал к стене.

– Целы, Нина, целы.

– Не выходите пока, подождем, а там посмотрим.

Мы жили на втором этаже. Дом рубленый, из толстых бревен, я давно освоил спуск из окна своего второго этажа прямо на улицу по угловому срубам. Но тут я оробел, даже побоялся спускаться. Вдруг эти, что приходили, еще трутся возле дома. И за дверь выйти боялся – а вдруг затаились?

Наконец вспомнил о маленькой сестренке. Да где же она? Заглянул под кровать – маленькая, а сообразила – залезла под кровать и затаилась. Еле я ее оттуда вытащил.

Да, рано повзрослели дети в войну. Было ей в ту пору два с половиной года.

14

Распорядок в больнице – подъем, завтрак, обед, ужин, раздача хлеба – тот же, что и в тюремной камере. Вместе с хлебом выдают сахар, масло, молоко. Сразу после сна, еще до завтрака, выводят «на парашу». В палатах «параша» нет, только помойное ведро, поэтому два раза в день выводят в общий туалет – утром и вечером. Там умываемся, чистим зубы, бреемся ну и все остальное. Нас не торопят, когда закончим со всеми делами полностью, сами стучим в дверь – «мы готовы» и так же под конвоем возвращаемся в палату.

Палату моют ежедневно – полы, протирают на стенах пыль, каждые десять дней меняют постельное белье. Перед сменой белья – капитальная уборка камеры с дезинфекцией. Больных выводят в соседнюю камеру, «в гости» или в свободную, если она есть. А такое бывает после большой выписки, когда новых больных не принимают до выполнения этой дезинфекции.

Все работы выполняют «шестерки» – рабочие из «зеков» – от раздачи хлеба до обслуживания и в больнице, и, например, в бане. Баня раз в неделю обязательно, отказаться никто не имеет права.

В больнице мы в нашей палате установили такой же порядок, что и в нашей камере в Сизо: все общее – «дачки», молоко, масло, сахар – все это не растаскивалось по углам, вместе завтракали, варили варево ну и делили продукты, полученные с передачей: что съесть утром, побольше на обед, а что оставить и на вечер. Распределяли по дням, чтобы сразу не съесть все, чтобы не остаться без продуктов, если вдруг не получит кто-то свою «дачку».

Я, кстати, и настоящее-то сливочное масло не очень люблю, а в палате выдавалось масло очень низкой жирности, как и молоко. Я ни молоко, ни масло не ел и не пил, отдавал ребятам. Конечно, никому не говорил при этом – нате, ребята, пейте мое молоко. Просто, во время общего обеда все это

съедалось и выпивалось всеми вместе, без всякого дележа или распределения.

Утром, вскоре после завтрака, врачебный обход. Лечащий врач посещает палату ежедневно. Где-то раз в десять-двенадцать дней палаты обходит Заместитель главного врача по лечебной части. Рассматривается состояние больного, корректируется лечение, решается вопрос выписки или продолжения лечения.

Уколы ставили рано утром, часов в шесть. Однажды дежурная сестра никак не могла справиться с забором крови у пацана и посетовала:

– Да как тут брать-то? Игла уже совсем тупая.

Я взорвался:

– Как игла тупая? Вы что же, используете шприцы повторно? Вы что, не знаете, что брать кровь, ставить уколы разрешается только одноразовыми шприцами? Вы что, «СПИДом» хотите нас заразить?

Что тут началось!

– Ты чего разорался! Забыл, где находишься? Да я сегодня же докладную на тебя напишу!

– Пиши. А я напишу Прокурору, что вы многократно используете шприцы.

– Напиши. На свою задницу!

И быстро скрылась. Тяжелая дверь захлопнулась.

На второй день, на утреннем обходе, наш лечащий врач сообщила мне, что все у меня теперь в порядке и лечение мое заканчивается.

– Завтра мы вас выписываем.

Я спросил у врача, нет ли у них сложностей с получением разовых шприцов, не нужна ли в этом деле помощь.

– Да нет, вроде не слышно никаких жалоб от сестер или из процедурной – ответила врач абсолютно спокойно, – во всяком случае нам для уколов хватает, трудностей с получением шприцов никаких нет, не думаю, чтобы здесь нужна была чья-то помощь.

Об утреннем инциденте с дежурной медсестрой никто не вспоминал или просто никто из врачей об этом не знали. Сестра промолчала, а мы не жаловались. Думаю, что сестра свалила на шприц свою элементарную оплошность.

Конечно, подлечился я неплохо, поправился, прошли боли в сердце, прекратились почечные приступы. Тюремная больница не санаторий и не гражданская больница, там, наверное, долго не лечат, только подправляют. Поэтому я не могу увязать конфликт с медсестрой с последующей выпиской. Все таки до этого конфликта сестра относилась к нам неплохо. На второй день меня выписали.

** * **

Первая военная зима выдалась в Сибири суровой. Уже в декабре морозы достигли сорока градусов. Дальше еще хуже – и в январе, и в феврале стояли сильные холода. Температура опускалась ниже пятидесяти. Словно сама природа испытывала нас – ну-ка, как вы, сможете выжить?

Школы были закрыты, да в школу и ходить-то не в чем по таким морозам. Дома обнимали буржуйки, грелись как могли. У нас с Альмухаметовыми была одна, общая на две комнаты печка «голландка». Пока

были дрова, печку все же подтапливали. Но дрова к середине зимы кончились, грела только «буржуйка», топили ее чем попало – и стулья сожгли, и почти все книги отцовские. Остывала она быстро, к утру вода в бачке замерзала. И все же жили, и за хлебом ходили, и пищу добывали.

Все проходит, потеплела и зима, морозы отошли, оживал потихоньку Город. Вновь заработали школы, поликлиники, магазины, столовые.

Выжил город. Вскоре совсем потеплело, а вот и весна. Высыпали на улицу пацаны.

– Ну привет. Живой?

– Живой, как видишь. А где Юфка?

– Нету Юфки.

– А где?

– Ну где, нету. А ты молодец, выжил.

Многих к весне недосчитались. Исхудавшие, с темными лицами, но с лучезарными глазами, мы радовались, что живые, что снова вот она наша свобода, пацаны сошлись во дворе и как-то даже стеснялись друг друга – смотри, такая зима, а он живой. И я живой. А скольких нету...

Но весной новая беда. Как это часто бывает после холодной зимы теплеет рано. Вот и у нас потеплело, Тобол вскрылся, а в низовьях, на севере еще холодно, лед. Наводнение. Да какое там наводнение – Всемирный потоп. Город затоплен, по улицам плавают лодки экстренной помощи. А мужиков-то почти нет. Женщины да старшекласники – главная рабочая сила.

И голод. К магазинам ни подходов, ни подъездов, хлеба нет, продукты все съели. Все живое снова спряталось по домам, затаились, не двигались, берегли силы. Не есть по-нескольку дней стало как-то привычным. Маленьких только подкармливали, чем было.

И вдруг – мороз. Все покрылось льдом, пацаны по улицам теперь на коньках передвигались.

Военкомат направил сотрудников по домам, обессиленных подкармливали, увозили в больницу безнадежных, которые уже сами подняться не могли. Боялись эпидемий.

Столовые «Военторга» развозили в больших котлах похлебку и хлеб. Жителям домов наливали прямо во дворах, в их собственные чашки. Ели здесь же, во дворе. Если кто-то из квартиры выйти не мог, не было сил, заходили в квартиры, кормили прямо в постели.

Пацаны, конечно, пробирались к котлу и во второй, и даже в третий раз, и если удавалось получить ещё хоть одну добавку, объедались «до обсирания».

Вода спала. На очистку города вышли все – от мала до велика. Город очистился, зазеленел. Но был все так же суров и голоден. Снесло базар, и город потерял что-то свое, самобытное.

Но жизнь продолжалась! По весне занялись рыбалкой. Чем только не ловили – плели всякие корзинки, «морды», сети, ловили просто удочками. Жгли костры, варили, жарили, запекали. Ели сами, приносили домой, запасались впрок.

Пошла ягода, появились грибы. Здесь уж работали всей семьей. Варили грибницу, жарили «жареху», делали соленья, сушили – зимой все сгодится.

Хлеб теперь давали в уменьшенных порциях, но все же давали. Город был перенаселен, эвакуированные продолжали поступать, население города росло по численности именно за счет беженцев и эвакуированных. Работы в городе не было.

Но уже шли эшелоны с оборудованием, ехали специалисты. В городе решено строить танковый

завод!

И сразу город ожил, зашевелился – еще бы, такая работа! Появилась огромная строительная площадка. За городом, но дойти можно пешком. Пацаны теперь издали смотрели, как работают мощные машины, экскаваторы. Ближко не подпускали – военный объект, вся площадка огорожена, охрана.

Первые танки появились в городе уже зимой.

В городе организовали торжественный митинг по поводу первой отправки танков, выпущенных новым заводом, на фронт.

Большая площадь на улице Советской, самодельная трибуна, красивым строем стоят танкисты, взволнованные выступления, из которых мы, пацаны, поняли только, что здесь провозжат на фронт. Колонна танков зашевелилась, выстраиваясь вдоль по улице, команда, и танки пошли. Мы долго бежали рядом, но только до первого патруля. Дальше нас не пустили.

Это были первые танки, которые мы увидели не на картинке, «живьем». Но к танкам быстро привыкли. Теперь они шли по улицам в сторону станции без остановок. Пацаны, кто посмелее, цеплялись крючком за последний в колонне танк и катили за ним на коньках до первых патрулей. Цеплялись, до поры до времени.

Один смельчак прицепился, да не за последний танк, а в середине колонны, на повороте не устоял, сорвался с крючка, угодил прямо под гусеницы следом идущего танка. Это было на моих глазах, так как я тоже был одним из таких «смельчаков».

Под гусеницу попала голова, мозги брызнули чуть не до тротуара. Мы – врассыпную.

С тех пор опасные катания прекратились. И даже не потому, что мой старший брат «высыпал» мне дома, отобрал коньки и в ту зиму мы на коньках уже не катались, а потому, что перед глазами летели эти «мозги». Летели до слез, до рвоты. Долго я не мог встать на коньки после этого случая.

Но это будет зимой. А пока, все мы дружно вели заготовку лесных продуктов, что-то съедали сразу, что-то заготавливали впрок. На зиму.

И снова беда. У матери, от постоянного нервного напряжения, от чувства безысходности, отнялись ноги. Еще бы, четверо детей, зарплата 650 рублей, а булка хлеба на рынке стоила 600. Денег не хватало даже на отоваривание карточек. Воинские денежные аттестаты отца доходили до нас через три-четыре месяца после их отправки. Что бы мы ни ловили в реке или ни собирали в лесу, этим не прокормишься, это хорошее подспорье к общему столу, но не более. На таких продуктах долго не проживешь, хотя это и помогало выжить.

Мать увезли в больницу. Те деньги, что оставила мать, мы быстро проели. Мать как-то еще регулировала, мы же проели сразу. Остались без денег, а что можно купить без денег, и карточки, хоть они и есть, но чтобы купить по карточкам – тоже ведь нужны деньги. А их нет.

Заготовленных на зиму запасов хватило ненадолго, рыба в реке после нереста притихла и не ловилась, ближайšie ягодные и грибные места вытоптаны, да и на дальних лесных полянах масса людей искали свой прикорм.

Наступили тяжелые времена.

То, что все недоедали, это стало привычным. Но не есть совсем по несколько дней – это было трудно. Особенно доставалось Нине. Половину всего, что мы добывали, она отдавала младшей, чтобы та не хныкала и не стонала. Нина исхудала и буквально таяла на глазах.

И все же первая слегла не она. Она и не могла себе позволить лечь – на ее руках были дети. Саша

промышлял ежедневно и что-то ежедневно нам приносил. Нина все это распределяла, оставляя себе менее всего. Мы были одни, без взрослых, без помощи. Без денег.

Наступал Голод. Летом. А впереди еще трудная зима И надо – выжить.

Выжить маленькой семье, из четырех человек, старшему из которых было всего лишь десять лет, а самой младшей – три года. Выжить маленькой семье, не имеющей ни денег, ни продуктов, ни дров на зиму. Никакой мало-мальски пригодной для зимних холодов одежды. Из своей все они уже повыврастали.

Зима приближалась.

15

– Саныч!? Мы думали, что ты давно в Москве. Ну здорово, здорово, где же ты был?

– Не поверите, братцы, но жил я как в раю. Лечился в Медсанчасти. И надо сказать, подправили меня основательно. На долгий срок хватит.

– Ладно тебе, «срок»... Не предрекай. А мы думали или тебя отпустили, или перевели в Москву, по месту жительства.

– Вообще, у меня была такая мысль, что, может, в больницу Саныча «спрятали», – это Андрей, он все знает, – забирали-то в такое время и в такой день, когда формируют команды на лечение. Но так долго не лечат в нашем заведении, я тоже под конец начал думать, что, может, отпустили.

– Ну рассказывай, Саныч, приключения свои, – это опять Володя.

Володя в камере сидит более восьми месяцев. Что он совершил, не знаю, не принято в камере говорить на эту тему, если человек сам молчит, но мы знали, что брали его тяжело, с розыском, взяли где-то на Украине, били, привезли с переломанными ребрами и отбитыми внутренностями, так, что начинал он свою «подследственную» отсидку с больницы, где привели его в человеческий вид. Молодой, здоровый, красивый парень, конечно все заросло довольно быстро. В камере он постоянно делал силовую гимнастику. Грозил ему то ли пожизненное, то ли «вышка», но по нему этого было не заметно, нормальный, уравновешенный, спокойный парень. Когда его вызывали на суд, все в камере за него переживали, волновались, но мне так и не пришлось дожидаться в камере решение суда по его делу.

Удивительно мне было наблюдать за этим парнем. Хорошо начитанный, неплохо знает историю, умен, с ним интересно говорить, спорить. В споре заводится «с полуоборота», сразу, спорит азартно, неуступчиво, но без злобы. С удовольствием и увлеченно рассказывал о походах Македонского, Библейские легенды. Со знанием дела и толково рассуждал о сегодняшнем положении в России, в Правительстве, делал интересные прогнозы.

Хороший парень, мне понравился сразу. Чувствовал я и ко мне его какую-то тягу. Через короткое время после моего появления в камере, постепенно осваиваясь в наших отношениях, узнавая меня, он все чаще обращался ко мне за советами по разному поводу. Восхищался часто с детской непосредственностью – «надо же, это ж подумать, почти с министром в одной камере сижу!» С министром – это конечно слишком, но я помалкивал, посмеиваясь про себя.

Заводился Володя не только в спорах, азартен был он и в шахматах. Тут я должен сказать, что такие незаурядные ребята, как Андрей и Володя – чрезвычайно талантливы. Сужу об этом не только по разговорам, наблюдению, спорам, которые мы устраивали до крика, до замечаний охраны через «кормушку» – утихомирьтесь, что за крик! – но когда я пришел в камеру, в шахматах они оба разве что знали, как ходят фигуры. Начали играть. Вначале так, для баловства, но с каждым днем увлекались все сильнее, играли все вдумчивей и интереснее. К концу моего пребывания в камере играли они уже вполне

прилично. И если в начале наших «матчей» играл я с ними в «щадящем» режиме, чуть ли не в «поддавки», то постепенно выигрывать у них становилось все труднее и труднее, и, наконец, наступило время их побед. Конечно, играли они не с «мастером», хотя я и обыгрывал некоторые компьютерные программы, но удивительным был сам прогресс их игры за очень короткое время.

Талантливые ребята. Сложись их судьбы по другому, пойдя они с самого своего начала по другой тропе, займись они другим ремеслом – стали бы эти ребята классными специалистами в любом полезном деле. Радовали бы они своих матерей, жен, растили бы красивых и смелых детей, радовались жизни своей сами.

Володя почти с первых же дней моего пребывания в камере взял надо мной «шефство», опять-таки вместе с Андреем. К примеру, кто-то в очередь спит на моей «шконке», время прошло, но парень упорно этого не замечает. Володя мощным ударом кулака бьет снизу, он спал на нижней «шконке», по верхним «лыжам» – «эй, приятель, время не соблюдаешь» и парень резво «просыпается».

Если я сплю, а время обедать, Володя будит обязательно – «Саньч, обедать» – сон сном, а обедать по расписанию.

Вот с такими непростыми ребятами сидел я в камере, видел таких и в других местах тюрьмы – и на «иваси», и в больнице, и в общих камерах. Молодые, здоровые, красивые ребята, сгубившие свои судьбы раздольной своей неразборчивостью.

** * **

Мама лежала в больнице. Нас никто не навещал, никто нами не интересовался, а положение наше становилось все хуже. Дома мы постоянно были втроем, мы с Ниной и маленькая сестренка. Саша успевал и навестить мать в больнице, и что-то раздобыть съестного для нас. Это помогало, но очень немного. Мы с Ниной старались накормить маленькую сестренку. Но и она хныкала все реже и все тише. Тоже понимать начинала – беда. У нас посте пенно наступало безразличие. Кто-то там бегал по двору, кто-то кричал под окнами, ничего этого мы не замечали, город для нас словно вымер. Наконец, я слег. Наступило странное ощущение покоя, есть не хотелось, стали опухать руки и ноги. Интересно так казалось, пальцем нажмешь – на руке появляется ямочка. Палец уберешь, а ямочка остается. Ходить я уже не мог, по дому с трудом передвигалась только Нина, как-то помогая нам, младшим.

Стук в дверь. Нина с трудом добирается до двери, долго расспрашивает, кто, зачем. Но слышится голос Саши – «Нина, это я, открой.» Входят две женщины, с ними Саша. Узнаем одну из женщин, это подруга матери еще по первой квартире, у Тобола, звали ее Тоня.

– Ну-ка, ну-ка, ты чего лежишь? Давай, давай вставай. Где ямочки, какие ямочки, ну и что? Пусть будут, а ты вставай, не лежи. Главное, не лежи, двигайся. Нина, давай-ка умой их и переодень во что-нибудь почище. Где ваши карточки, давайте их сюда. Лена, ты здесь побудь, я сейчас, я быстро, только до магазина. Саша, пойдём со мной.

Ушли. Вторая женщина, Лена, рассказала Нине, что их нашел Саша, что были они у матери в больнице, узнали, что мы здесь одни и голодаем, вот пришли посмотреть что и как.

Вернулись Тоня с Сашей. Принесли хлеб и молоко. Сначала младшей, она ест хорошо, ей можно. Нам с Ниной немного, осторожней. После молока почувствовали голод, захотелось есть.

– Нельзя, нельзя, пока хватит, успеете. Никуда не денется. Ты, Лена, побудь с ними еще, мы с Сашей сходим в одно место. Есть больше не давай, мы скоро.

Ушли. Теперь надолго. Лена нас покормила еще раз, немного, но чуть больше, чем первый раз.

Хлебом и молоком. Молоко взяли у своих на Тоболе, у частников, кто сумел сохранить корову, не съел ее зимой. Лена нам все время что-то рассказывала, не молчала, снова заставила нас умыться, перестелила постели. Мы немного ожили. Появился интерес – а что это здесь происходит...

Наконец появились Тоня с Сашей. С ними солидный, весь в нашивках, военный.

– Вот смотрите, – Тоня, оживленно жестикулируя, возбужденно рассказывала военному нашу историю, – отец с первого дня на фронте, мать в больнице, дети одни, без денег, но живут, видите, борются за жизнь, а аттестат отцовский давно пришел. Я знаю, уже больше месяца в военкомате лежит и его почему-то не вручают, не знаю, может, некому вручить, так Саша вон постарше, школьник. Его можно было вызвать и вручить. А так, видите что получается, дети без денег, пухнут уже от недоедания, вон смотрите, сколько карточек, а отоварить не на что, – Тоня говорила быстро, без умолку, как будто боялась, что ее остановят и тогда уже никто не расскажет, как плохо этим детям. Но военный молчал, слушал, о чем-то думал.

– А аттестат у вас, в военкомате, – продолжала Тоня, – мы письмо от отца получили, просит узнать, почему все молчат, что случилось с семьей, получили ли деньги по отправленному им аттестату. А никто ничего не получил и дети видите, уже пухнут.

Военный подошел ко мне, погладил по голове. Что-то хмыкнул, спросил, могут ли женщины завтра с утра быть здесь.

– Можем, можем, – ответила снова Тоня, – конечно можем, куда же мы теперь, одних теперь не бросим, как же, мать в больнице, конечно будем!

На второй день пришли двое военных, молодые такие, один прихрамывает, с большой хозяйственной сумкой. Достают из сумки – хлеб, сгущенное молоко, колбаса и, даже не верилось, яблоки. Что-то записывают, заполняют какие-то анкеты, подробно о чем-то расспрашивают Сашу, тот все рассказывает. Потом долго говорят с женщинами. Поехали к матери в больницу. Мы дома, снова хочется есть, но от нас все спрятали, дали понемногу и спрятали. И правильно сделали – мы бы уж точно объелись.

Вернулись все к вечеру. Саша сияющий, говорлив, хотя обычно больше помалкивает. Женщины тоже какие-то торжественные, улыбаются, даже неловко как-то, что за радости такие.

Нам объявляют, что с завтрашнего дня мы с Ниной зачислены в летний городской детский лагерь. «Жить будете дома, питаться и развлекаться – в столовой и клубе лагеря. Столовая городская, клуб в детском кинотеатре. Кормят три раза – завтрак, обед, ужин. Вот вам путевки, здесь и расписание по времени работы столовой и клуба. Завтра утром в девять часов быть в городской столовой, зарегистрировать путевки и кушайте на здоровье, играйте и пойте в свое удовольствие».

– Отъедайтесь, а там посмотрим, – парни из военкомата как-то смягчились, повели себя проще, не по-военному, заулыбались, – да очнитесь вы, не поняли, что ли?

И действительно, мы ошарашенно смотрели на всех, с трудом понимая, что происходит, о ком это говорят, кто это будет есть каждый день по три раза.

– Ладно, поймете. Ну что, женщины, все что смогли, мы сделали. Мы пошли. Сообщайте, если что не так. Дней через десять наведаемся, мы эту семью взяли под свой контроль, так что не волнуйтесь, в беде их не оставим.

– А как же эта гнида-то, правда, что ли, у детей воровал?

– Пристрелили собаку. Ничего бывает. Мы ведь с фронта, после ранения, в военкомате служим временно, сил хотим набраться после ранения. Мы их, собак, здесь потрясем немного. Да ладно, не берите в голову. Мразь есть здесь, встречаются сволочи и там, на фронте. Ничего, разберемся, главное у вас здесь

Военком мужик что надо. С понятием.

И наступил для нас месяц изобилия. Мы быстро забыли про голод, да и был ли он голод-то. Вон как нас кормят!

На завтрак – булочка с колбасой и маслом, белый хлеб, манная каша на молоке, чай с сахаром. На обед – хлеб досыта, суп, или борщ, или щи в большой тарелке, на второе котлета или гуляш, или еще что-нибудь вкусное, с картошкой или кашей, компот. Вечером – булочка с маслом, бутерброд с мясом или колбасой, каша, молоко. Разве можно съесть столько сразу? Мы ходили втроем, брали с собой младшую сестру и на всех хватало. Булочки уносили домой, делились с братом, но тот отказывался категорически.

– Отъедайтесь. Вам назначено. Я прокормлюсь, одному легче. В столовой работали пожилые женщины. Они не только разносили обеды, но и строго следили, чтобы дети съедали все здесь, в столовой, не уносили и не отдавали кому-то. С нами познакомились в первый же день, подсели к столу, расспросили. Мы сразу же убедили их, что нам двоим это много, всего не съесть, у нас есть маленькая сестренка, мы хотим приходить с ней и есть всем нам здесь вместе.

– Ладно, приходите. Здесь многие едят вместе с маленькими. Мы ведь только взрослых не пускаем. Здесь столовая для детей, по детским путевкам. Ничего, приводите свою сестренку.

– Так хорошо все разрешилось. А булочки мы, освоившись, потихоньку все же домой уносили. Не думаю, что женщины этого не замечали. А может, и не видели, не мы одни, много там детей было, за всеми не уследишь.

Да и следили ли.

К концу месяца к нам домой снова приехали те военные. Привезли новые путевки, только теперь путевки постоянные – мне в детский сад, а Вере, младшей сестре, в круглосуточные ясли. Судьба наша определилась, голод нам больше не грозил.

Привезли они и благодарственное письмо от отца с фронта, в адрес Военкома. Женщины читали письмо вслух, читали и плакали. Плакали обо всем, и что отец там живой на фронте, и что мы здесь, слава богу, живыми остались, плакали и от радости, и от горя, и о том что уже было, и о том что еще будет.

Плакали в те военные годы часто, плакали над своими письмами и над письмами близких, друзей, соседей. Над каждым полученным письмом, вот он, жив, раз пишет, и будет жить, мы верим, надеемся, ждем.

Плакали, надеялись, ждали.

Вскоре из больницы выписали мать. Ходила она еще плохо, ноги болели, работать по настоящему не могла.

И снова помог военкомат. Устроили ее в столовую «Военторга», дали ей сидячую работу – ложки выдавать при входе в столовую и отбирать при выходе. Посуда тогда терялась прямо не напасешься, все тащили со столов, и эта ее работа себя оправдывала. Через какое-то время ее перевели посудомойкой, а затем и на «раздачу».

Так, в самый тяжелый, самый голодный, второй год войны Военкомат города Кургана спас нашу семью от голодной смерти.

Вечная благодарность всем тем добрым людям, не покинувшим нас, да и многих еще таких семей, как наша, в беде.

Взяли меня неожиданно. Наверное для нормального человека, не промышляющего преступностью, арест всегда неожидан. Но уж очень все произошло нелепо как-то.

Утром мне позвонила дочь, Света.

– Папа, тебя ищет Владимир Викторович. Просил позвонить.

Владимир Викторович – это Катков, старший лейтенант, опер. Мы с ним знакомы уже неделю, как раз с понедельника, 14 сентября, когда этот самый Катков с бригадой таких же «оперов», без всякого предупреждения, письменного или устного, ворвались в офис, взломали двери, когда в офисе никого не было, произвели обыск, изъяли все служебные документы и куда-то их увезли, не оставив нам ни описи изъятого, ни акта изъятия, ни каких-либо документов, обоснований, постановлений о правомерности своих действий. Вот так вот просто пришли, перевернули все вверх дном и исчезли, не оставив о себе никаких следов. При этом еще и опечатали двери кабинетов, чтобы туда уж совсем никто не мог войти.

Приехав на работу, я сам начал через «арендодателя» искать, кто же устроил разгром нашего офиса?

Ольга Сергеевна, заместитель Директора Института, у кого мы арендуем помещение под свою контору, объяснила мне, что приехали из милиции, показали ей постановление на обыск кабинетов нашей Компании, потребовали вскрыть кабинеты, на что она ответила, что не имеет права этого делать без представителя руководства Компании, да и ключей у нее нет. Тогда этот самый Катков, видимо руководивший бригадой, дал команду взломать замки и вскрыть кабинеты.

Все это не укладывалось в голове. Неужели в нашем государстве вот так просто, по одному подозрению или чьему-то «доносу» можно в один приём уничтожить любую организацию, предприятие, ибо после такого налета, да без текущих документов, любое подразделение работать уже не может.

Мы не прятались, работали открыто, у нас были телефоны. Могли пригласить, побеседовать, допросить, запросить, наконец, необходимые документы. Мы бы дали именно то, что требуется. Изъяли же все подряд, девяносто пять процентов изъятого следствию не понадобилось, а для Компании эти документы утеряны безвозвратно. Да какое там утеряны! Компания с этого дня просто перестала существовать. И это – при имеющихся обязательствах перед партнерами, незавершенных сделках, невыполненных контрактах, огромных денежных потерях. И жаловаться, как говорится, некому.

Да, видно все возможно в нашем «правовом» государстве. Начал искать эту милицию. Оказалось, нет, не просто милиция, РУБОП, Управление по борьбе с организованной преступностью. Ни хрена себе!

Все равно, в голове не укладывалось. Какая «организованная преступность», кто ее у нас организовал? Может, с кем-то перепутали, к кому-то приравняли?

Звоню, представляюсь, спрашиваю, что случилось, по какому поводу обыск, куда увезли изъятые документы и когда эти документы можно получить обратно, и вообще, как я могу попасть в свой кабинет?

– А вы приезжайте к нам. Здесь мы все вам покажем, расскажем, побеседуем, – и называет адрес. Это рядом, на Сухаревской площади.

Сажусь в машину, еду.

Конечно, сейчас-то я понимаю, что поступил как наивный мальчишка, доверился людям, у которых конкретная задача, а возможно, и задание – крамолу найти, виновность доказать, в камеру посадить.

Но тогда в голове было одно – ошибка, с кем не бывает, разберемся без лишнего шума, без огласки, без рекламы, а то ведь, по сегодняшним временам, от тебя ведь отшатнутся все с перепугу! Вот сейчас встретимся, поговорим и все выяснится. Беспокоиться не о чем. Что они со мной могут сделать? Не воровал, не спекулировал, не мошенничал. Торговлей никогда не занимался. В торговле многое случается. Но я далек от этой деятельности, слава богу. Не потому, что торговать – это плохо, или преступно, просто я этого дела не знаю. И никогда этим не занимался.

Может, что-нибудь связанное с Джавабой? Но это вряд ли, Джаваба работал самостоятельно, сам проводил свои сделки, оформлял и подписывал договора, контракты, получал и распределял деньги. Да, что-то выплатил нашей фирме. Но на эту оплату у нас с ними подписан договор, по которому они, Джаваба и его люди, пользуются нашим юридическим адресом, арендуют в нашем офисе служебные кабинеты, используют наши телефоны, компьютеры, другую аппаратуру.

Договор составлен в соответствии и в пределах законодательства. Пользовался Джаваба нашей фирмой почти два года. За это время что-то выплатил живыми деньгами, из них 70 процентов ушло на зарплату его же людям, остальное не покрыло и десяти процентов затрат на содержание офиса, не погасило задолженности по телефонным разговорам.

А наговаривали они всей бригадой по восьми установленным для них телефонам помногу. За время пребывания у нас в офисе эта бригада задолжала нам к тому времени уже более семисот миллионов рублей. Пообещали вернуть, даже расписку написали – и Джаваба, и Тан, и Ким – все трое подписали, но исчезли надолго. А после моего ареста – навсегда.

Эти два года, что жили у нас и пользовались нашей Компанией, ежедневно обещали какие-то выгодные сделки, богатые кредиты зарубежных банков, приводили каких-то людей, посредников, представителей разных фирм, банков.

Мы однажды позвонили по одному из переданных Кимом телефонов офицера Бельгийского Банка, нам ответили – «какой банк, это квартира, никогда по нашему телефону никакого банка не было, этот телефонный номер у нас уже много лет,» мы поняли после этого, что дело имеем с жульем и при очередной нашей встрече, когда Джаваба и его подручный, Воронежский «бизнесмен», предложили мне очередную «выгодную» сделку, я им просто указал на дверь. Надоело, врут, живут «на халяву», делают какие-то свои дела за моей спиной, но чуть ли не под моим именем, постоянно обещают – вот-вот появятся деньги, мы с тобой рассчитаемся – завели свои счета в нескольких банках, торгуют в разных городах – то бензином, то цементом, недавно пришлось объясняться в налоговой полиции – пришло представление – «торгуете бензином в Воронеже» а я об этом ни черта не знаю. Звоню Джавабе – что за торговля? – «не волнуйтесь, Георгий Александрович, я разберусь, все улажу» – и действительно, больше из «полиции» звонков не было – в общем все подозрительно, везде явный «криминал», на кой черт мне это надо – сказал им, ребята, хватит, надоело, знать вас больше не знаю.

Не может же такого быть, чтобы именно они сделали «подлянку», подставили человека, давшего им пристанище, имя, человека, который принял их за честных людей, ввел в знакомство с солидными, уважаемыми предпринимателями, дал возможность открыто заниматься своим бизнесом. Легальным бизнесом.

Если это так – что же это за «зверье» такое? А, может, и их ко мне подослали, как это уже было не раз? Нет, не укладывается все это в моей голове, не воспринимает этой подлости мой, привыкший к порядочности, подавленный такой низостью, мозг.

Офис у меня опустел после их ухода. Я оставил себе кабинет, приемную, помещение для бухгалтерии и комнату для работы посетителей, остальное сдал в поднаем и этим жил в последние

месяцы. Я распустил охрану, отказался от юристов, заблокировал некоторые программы, оставил пока Ярославское жилищное строительство, ищу новые варианты коммерческой работы. Деньги пока есть, на текущие расходы хватает сборов за аренду, спешить мне некуда.

И вот, когда я совершенно не защищен, без охраны, без юристов, именно сейчас этот погром, обыск, следствие. Случайность? Не бывает таких случайностей. Кто-то меня «пасет», подставляет.

Ладно, не паникуй, приедем – разберемся. Я въезжал на Сухаревскую площадь.

* * *

В Кургане, на углу улиц Вольнопожарной и Куйбышева, стоял старый купеческий дом, большая усадьба, во дворе амбары сад огромный, подвалы, погреба. У амбаров широкие и высокие мостки, на сваях, за ними массивные амбарные ворота, заборы, засовы, замки. Все это вызывало у нас, пацанов, огромный интерес и любопытство. Было где поиграть и в войну, и в «багдадского вора», недавно показанного в наших кинотеатрах.

Купеческий дом при советской власти разделили на множество квартир и комнат, в них проживали современные «пролет арии». Относились мы к ним не только скептически, но и враждебно – вот-де новые блатные работяги, все живут в коммуналках, а они, смотри-ка, в отдельных квартирах.

Но в одной из таких квартир жил удивительный человек, звали его Семен Прокопьевич. Инвалид, у него каким-то образом, историю он никому не рассказывал, а спрашивать никто смелости не набирался, была повреждена одна нога. Ходил он с трудом, с палкой, иногда с костылем, когда очень болела нога, ходил этак вычурно, сделает шаг, потом круговым движением выставлял больную ногу куда ему надо было, опирался на палку и снова шаг, здоровой уже ногой. Мы над ним сначала потешались, потом помогали при разных там уличных переходах, а потом и вовсе зауважали, когда он заступился за одну девчонку с нашей улицы.

У нее умерла мать. Отец на фронте. Девочке семь лет, взрослая уже, а ей предлагают детдом. Соседи возмущаются, но втихаря, на кухне. А Семен Прокопьевич вступился – я знаю отца, я буду отвечать за девочку, пока отца нет, а он вернется, я знаю, я с ним переписываюсь, не трогайте, не дам. В общем, девочку отстоял, она осталась в своей квартире и действительно дождалась отца.

Так мы узнали Семена Прокопьевича, узнала его вся улица, узнала и приняла за своего, зауважала.

Семен Прокопьевич работал в городском Драматическом театре, играл в оркестре на огромной, круглой трубе – Бас называется. Был он в оркестре «басистом». Инструментом своим очень гордился, исполнял свои басовые партии в театральной оркестровой яме всегда стоя. Сам большой, с этой своей большой трубой, стоя, казался огромным, грациозным. Мы и в театр-то ходили чаще всего для того, чтобы посмотреть на нашего Семена Прокопьевича, какой он величавый и особенный. И как он, раздувая щеки, выдавал свои «бух., бух, бух...»

В сорок втором году, Семен Прокопьевич, насмотревшись на беспризорность курганских пацанов, собрал самых активных из них у себя дома и стал создавать детский оркестр. Из ничего.

Проверял у ребят музыкальный слух, но не выгонял никого, даже и не найдя этого слуха.

– Ничего, по нотам сыграешь. А там гляди, что-то и появится.

Собрались самые активные, Саша, брат, конечно среди них. Семен Прокопьевич посадил вначале его на трубу, потом перевел на баритон.

– Губы у тебя, баритониста, толстоваты для трубы. – А на трубу посадил друга Саши, лихого

впоследствии трубача – Валю Пушкарева. У Вали тоже, кстати, была повреждена нога, и этот оркестр Семена Прокопьевича, и эта труба подняли Валю в собственных глазах, смирили с увечьем, помогли вырасти Личностью!

Комплект инструментов Семен Прокопьевич выпросил в театре. Он сам расписывал ноты и медленно, трудно, терпеливо учил. Ребята занимались увлеченно. Они рассаживались по своим местам с инструментами и под легкие хлопки Семена Прокопьевича пели по нотам – мычали партию своего инструмента. Семен Прокопьевич садился в большое кресло на колесах, прямо при входе. Ребята сидели в глубине комнаты, лицом к двери. Семен Прокопьевич видел всех и легко общался с теми, кто входил.

В доме у него была удивительно семейная обстановка. Ребята все вечера проводили в этом его доме. После репетиции пили чай с сухариками. Эти сухарики, заготовленные еще с довоенной поры – а было их несколько мешков – мелкие, ржаные и пшеничные, пахучие, вкуса они были необыкновенного.

Самый старший из ребят в оркестре, Мишка, учился в третьем классе. Конечно, это был экзотический замысел – выйти на городские площадки с детским духовым оркестром! Вернее даже, с оркестром из младших детей, где бы старшему было не более 12 лет!

Но не экзотика увлекла Семена Прокопьевича, о пацанах, росших в безотцовщине, думал этот удивительной души человек.

Собирались ребята ежедневно, в шесть-семь вечера, в зависимости от занятости Семена Прокопьевича в театре. Окна открыты, они репетируют или изучают гаммы, мы, пацанята, кого еще не берут, сидим у амбаров, слушаем, обсуждаем, критикуем.

Слух о том, что Семен Прокопьевич набирает пацанов в оркестр, разлетелся по городу мгновенно, потянулись ребята с других улиц, появилась конкуренция при отборе, но ребята нашей улицы брались вне конкурса.

И вскоре сформировался оркестр. Довольно солидный, более двадцати пацанов от восьми до двенадцати лет – после двенадцати пацаны уже работали на новом танковом заводе. Оркестр получился действительно солидным, представлены были все инструменты – от трубы до валторны – не было «ударника». За барабан никто не садился, считалось – что за инструмент, чему с ним научишься?

И вот однажды Саша приходит домой и говорит мне этак мимоходом:

– Ты завтра зайди к Семен Прокопьевичу, звал он тебя, хочет попробовать на барабане. Да смотри, соглашайся, а то у тебя ведь хватит ума, еще откажешься.

Какое там, я был на седьмом небе, еще бы, столько мечтал попасть в их компанию, слушая у амбаров оркестровые репетиции.

Вечером пришел. Семен Прокопьевич дал мне в руки барабанные палочки, какую-то песчаную подушечку, положил ее на стул.

– Сделай вот так та-та-трата-та-та. Сделал.

– А теперь вот так. Снова сделал.

– Так, так, Юра говоришь. Давно я к тебе присматриваюсь. Это ты во дворе изображаешь «Багдадского вора»? А вечерами поешь на подоконнике?

Я смущенно молчал.

– Что ж, ритм чувствуешь, слух есть, остальному научим. Вот, садись здесь, стучи вот так, стучи в подушку, чтобы палочки не отскакивали, научишься, сядем за барабан, и если уж на подушке выступишь, то на барабане сыграешь. Как на баяне. Стучи, нам не мешай, придет время, войдешь в оркестр, если все

выстучишь.

Я стучал – и вечером на репетициях, и дома, и палочками, и руками, и пальцами, пропевал все возможные ритмы и вслух, и про себя, стучал вставая утром со сна и ложась спать поздно вечером.

Так прошло месяца три. Семен Прокопьевич ежедневно, на репетиции, принимал у меня урок. Обычно это было так – ребята «пилят» гаммы, мы вдвоем уединяемся в прихожей, я стучу в подушку, Семен Прокопьевич правит – и ритмы, и стук, и кисти. Все это доброжелательно, без нравоучений, без нажима, если что не так, берет палочки, стучит.

– Повтори...

И повторяем – десять, двадцать, сто раз.

Оркестр созрел. Уже играли танцевальные мелодии, несколько маршей.

Ребята сдружились, смягчились, подобрали, после репетиции у Семена Прокопьевича обязательный чай, непринужденные разговоры, обсуждения писем с фронта. Случались и трудные дни, когда кто-то из ребят получал с фронта извещение о гибели, получал «похоронку».

Семен Прокопьевич никогда не оставлял без внимания и заботы ребят, получивших такие извещения, связывался с родителями, убеждал, нельзя покидать оркестр, вместе нам легче пережить горе, обязательно устраивал нечто торжественно-траурное после репетиции, успокаивал детей и этим еще больше привязывал их к себе. Оркестр становился большой семьей.

Как-то мама решила узнать, что это мы там у Семена Прокопьевича делаем. Пришла вечером на репетицию. Семен Прокопьевич встретил ее очень тепло, гостеприимно, посадил в передний угол, ей дали чаю. Оркестр работал в обычном графике. Саша вначале нервничал, потом успокоился и играл с подъемом, я уже сидел за барабаном и задавал ритм оркестру, все шло как обычно. А после репетиции за обязательным чаем мама поблагодарила Семена Прокопьевича и сказала, что теперь она за сыновей своих и за всех ребят в оркестре спокойна. И работать по вечерам и ей, и всем матерям ребят из оркестра, будет спокойнее.

В общем, одобрила. Еще бы не одобрить – ребята при деле, да еще таком интересном, да еще под таким наблюдением, с таким учителем! И относиться к нам после этого мама стала как-то по другому, по взрослому. А когда позднее мы стали часто играть в театре, на дневных спектаклях, в антрактах, мама очень гордилась нами, подходила с подругами к оркестровой яме, показывала – вот они, мои ребята. Все, конечно, восхищенно кивали головами, охали да ахали, а мать так весь антракт и проводила около оркестровки. Она как-то сразу и быстро пошла на поправку, отстали, наконец-то, от нее все болячки – болезни, мать даже помолодела, стала оживленнее, перестала плакать по ночам, успокоилась.

17

– Здравствуйте, здравствуйте, проходите, садитесь. Да, вот сюда. Мы очень рады, что вы сами нас нашли и приехали к нам. Это хорошо вас характеризует, для нас это очень важно.

Боже праведный, святая наивность! Я же все это принимал за чистую монету, на полном серьезе. Ах, какие славные, какие порядочные ребята! Словно забыл, что еще вчера эти славные люди взломали замки и разграбили офис.

– Расскажите все о работе вашей фирмы, с самого начала, с момента создания. Особенно подробно о вашей совместной деятельности с Джавабой. Когда и при каких обстоятельствах познакомились, какие сделки проводили совместно.

Так, все-таки Джаваба...

– Могу я узнать что происходит, кто вы, почему возникли эти вопросы, почему вскрыты кабинеты нашего офиса? Это допрос, вы меня в чем-то подозреваете?

– Это беседа. О своих подозрениях мы вам расскажем позже. А пока просим вас рассказать все, подробно и откровенно. – Тон сразу стал официальным.

Рассказал, ответил на возникшие вопросы. Скрывать мне абсолютно нечего.

– Смогли бы мы сейчас съездить с вами в ваш офис? Во-первых, я «распечатаю» ваши кабинеты, а во-вторых, мне нужно осмотреть ваш сейф, он был закрыт и мы не смогли его осмотреть. Он опечатан, после осмотра я сниму печать и с сейфа. Сможем мы съездить на вашей автомашине, у вас водитель?

– Нет, я сам за рулем. Конечно, давайте съездим.

– Вы хотите пригласить адвоката?

– Нет, у меня сейчас нет юриста, сейф пустой, смотреть там нечего, поедем одни.

Оперы переглянулись. Допрашивающий меня старший лейтенант Катков заулыбался.

– Правильно, адвокаты сейчас дороги, а ваше дело простое, для вас не опасное, зачем вам лишние затраты? Поехали! – Куда уж было откровенней! Нет, и на этот раз ничего не дрогнуло у Георгия, ничего его не насторожило!

От Сухаревской до Северянина, при дневной загрузке трассы десять – пятнадцать минут езды, доехали спокойно и быстро. Открыли кабинеты, сейф. В сейфе практически не было ничего интересного для следствия, кроме расписки, выданной мне Джавабой с соратниками о их задолженности перед компанией и их обязательство вернуть долг. Расписку Катков забрал с собой.

– Не беспокойтесь, Георгий Александрович, для вас ничего серьезного нет. Джаваба замешан в махинации. Он получил от одной фирмы крупную сумму денег и исчез. Джавабу мы возьмем. А вам волноваться нечего, все что нам от вас нужно было узнать – мы узнали. Не беспокойтесь, документы просмотрим и вернем. До свидания.

На этом расстались.

** * **

Наступил, наконец, и мой долгожданный день. Семен Прокопьевич выставил возле своего кресла табурет, поставил на него небольшой барабан. Красный по бокам, с барашками натяжной системы, с пружинками на желтой, свежей, еще не избитой барабанными палочками коже. Загляденье, а не барабан!

– Вот, Юра, этот барабан и треногу к нему дарит тебе директор нашего театра. Смотри, не подкачай, «стучи», а не барабань.

Установили барабан на треногу, я уселся на табурет, нет, низковато, подложили твердую подушечку, сел повыше, так, хорошо, вроде достаю по высоте.

Попробовал. Ого, насколько легче управлять каждой палочкой, и что они вытворяют! Палочки отскакивали от натянутой кожи, как живые, а «двойки» легко превращались в дробь. Это не мешок с песком!

– Юра, ты делаешь вот такое вступление, тррррам-трататррррам, вот так, повтори, вот так – и ритм, ритм, так, и вступает оркестр! Начинает оркестр. Ребята, пусть это станет нашим правилом, традицией,

вначале ударник делает вот это вступление и сразу, вот после этого такта, после второго ритма – вступает оркестр. И так будет со всеми нашими вещами. – Он так и говорил «наши вещи». «Давайте-ка начнем вот с этой вещи...»

С каждым днем оркестр становился сыгранней и стройнее. Работали ежедневно по четыре часа, иногда репетиция затягивалась и мы расходились далеко за полночь. Благо, жили все почти рядом.

На репетициях порядок был один – начиналось с голосового звучания разучиваемой вещи. «Мычали» по нотам. Затем разминка губ на инструментах, гаммы и другие музыкальные упражнения. На это уходил примерно час и после небольшого отдыха, проигрывание знакомого репертуара.

Разучивание новых «вещей» длилось долго, с отработкой на каждом инструменте, затем обязательное «сыгрывание». Это термин тоже Семена Прокопьевича.

В конце репетиции обязательное «чистое» исполнение разученных «вещей». Их в репертуаре оркестра набиралось уже более двадцати. Все известные в то время вальсы, танго, марши, популярные – «Огонек», «Катюша» – новые, быстро возникавшие в военные годы, песни. Как только появлялась такая песня, Семен Прокопьевич расписывал ее по нотам, три-четыре вечера разучивания и появлялась новая «вещь» в оркестре.

Наконец, Семен Прокопьевич решил, что оркестр готов предстать перед публикой.

18

Звонок раздался через два дня.

– Георгий Александрович, вы не могли бы заехать к нам еще раз? Кое-что надо уточнить.

– Могу, конечно. Когда, в какое время?

– Мы вас будем ждать в 14 часов, сможете?

– Смогу, конечно, приеду.

И снова ничего не насторожило, не икнулось, не дрогнуло, не напряглось.

К условленному времени подъехал к воротам Управления. Меня поджидали четыре человека, во дворе.

– Едем к вам домой. Есть ордер на обыск.

– Покажите.

– Давайте так. Сейчас не будем терять время, поедем, а на месте я вам все покажу, все посмотрим.

Поехали. На месте, уже в доме, показали факсовскую копию какого-то документа.

– Да ладно, Юра, пусть посмотрят, нам прятать нечего, – это жена, – проходите, располагайтесь вот здесь. Что будете смотреть?

– Это обыск, Нина Александровна. Смотреть будем все и везде. Деньги, золото, драгоценности есть?

– Что вы имеете в виду?

– Мы имеем в виду – в значительных количествах.

– Нет, ничего подобного нету. Ни в каких количествах. Пригласили понятными строительных рабочих, что работали у соседа по найму. Перерыли все бумаги, тщательно осмотрели все комнаты,

шкафы, кладовки, спустились в подвал, сходили в гараж, в баню. Но аккуратно, без погрома. Заминка произошла из-за оружия.

На стене у меня висят подарки и сувениры со всего мира, в том числе ножи, сабли, одна, казацкая, датирована 1811-м годом, висят «мачете» из Мексики и Панамы, ружья, пистолеты. На все есть регистрационные документы, но в суматохе не можем их сразу найти и показать. Катков нервничает. А когда обнаружили и боеприпасы – целый «арсенал» ружейных и пистолетных патронов, в большом количестве, заряженные в основном пулей и крупной картечью, он и вовсе разволновался.

– Или покажите документы, или я вызываю наряд милиции.

Но документы, наконец, найдены, все успокоилось, напряжение спало.

– Что же это вы, Георгий Александрович, к осаде, что ли, готовились?

– А как вы думали, в нашем «медвежьем» углу ко всему надо быть готовым. Времена беспокойные, а пока до вас, охранников, достучишься...

– Что верно, то верно. А это как же, у вас что, в каждой комнате по телевизору, да еще вон два незадействованных. Откуда столько аппаратуры?

– А вы проработали бы более сорока лет на Крайнем Севере, тоже наверное приобрели бы. Последние десять лет мы там работали в три семьи, деньги не копили, хватит, в 91-м потеряли все накопленное. Копили всю жизнь, а потеряли в один день, по одному Указу.

– Да это понятно. Но все же...

– Что все же? Подозрительно?

– Да так, как-то...

– Мы загрузили в контейнер все, что имели, не оставили на Севере ничего, здесь то уже не купить, не на что, денег-то нет.

– А вот это мы как раз и посмотрим.

– Смотрите. Вот оно, что должно было хотя бы насторожить! Ничуть, ничто не дрогнуло и в этот раз. Хотя, куда уж прозрачнее?

Ищут деньги, и не просто деньги, а «большие» деньги. Ну, это уже не просто «донос», это чья-то «наводка».

Составили акт, забрали текущие бухгалтерские документы, впоследствии так и не пригодившиеся следствию, но потерянные для Компании навечно, уехали.

– Вы позвоните мне в пятницу, Георгий Александрович, – сказал на прощание Катков. Обыск был в среду.

Ни ордера на обыск, ни постановлений прокурора на правомерность действий оперативников так Катков мне и не показал.

* * *

В городе развесили афиши. Премьера состоялась на большой сцене городского Драмтеатра, в воскресенье, перед началом дневного спектакля. Зал был полон, родителей музыкантов пригласили по специальным пригласительным билетам. Мы с братом были двое в оркестре, поэтому маме дали два билета и она пришла со своей подругой Тоней, спасавшей нас от голода, да думаю и спасшей нас от смерти.

Все было чинно в театре, торжественно и непривычно. Мы как-то притихли, немного нервничали, Семен Прокопьевич улыбался, успокаивал нас – играть, как на репетиции! Наконец кто-то выступил, нас объявили, Семен Прокопьевич поднял дирижерскую палочку, прозвучала вступительная барабанная дробь, оркестр слаженно начал и зазвучала Мелодия. Концерт, первый в нашей жизни оркестровый концерт, начался.

Успех был полный. В зале много военных, много и детей.

Где-то бушевала война, каждый день приносил страдания, смерть, люди боялись почтальонов, боялись получить «похоронку», а здесь, в театре, на общегородской сцене, дети в большом настоящем духовом оркестре играют для людей, для зрителей красивые музыкальные мелодии, играют вполне профессионально, мелодии звучат слаженно, красиво.

Ясно, что для Города наш концерт не был рядовым мероприятием. Лица людей в зале светлели, нажитые постоянным горем морщины разгладились, глаза повлажнели, впервые не от горя, впервые за эти долгие, трудные годы – от восторга, от радости! Вот она жизнь, продолжается, никакая война нам не страшна, если и в это тяжелейшее время, эти пацаны, старшему из которых одиннадцать лет, а младшему, трудно поверить, нет еще и семи – на настоящих музыкальных инструментах и на настоящей театральной сцене играют такие мелодии!

Закончился концерт. Нам аплодировали стоя. Потом выступил кто-то из руководителей города, тепло нас поздравил, Семена Прокопьевича обнял, пожелал нам удачи и успехов, хотел обнять и меня, самого младшего, но я сидел на специально сооруженном возвышении, сходить с него не захотел, да и стеснялся очень.

Затем нам вручили какие-то подарки, занавес в очередной и уже последний раз закрылся, мы перешли в оркестровую яму, чтобы сыграть еще раз, теперь в антракте спектакля.

После этого концерта о нас заговорили. Мы стали «нарасхват». В городе уже невозможно было проводить какое-то общественное мероприятие, торжество, праздничный банкет без детского оркестра. В праздники мы давали несколько концертов в день и заканчивали свои концерты иногда далеко за полночь.

Нас задаривали, мы уносили иногда с торжеств и банкетов целые сумки всяких сладостей и еды – конфеты, пирожное, куски масла, разные печенья, булочки.

За концерты оркестру платили деньги, по договоренности. Семен Прокопьевич тратил их на нас и на оркестр. Он нас одевал, поил и кормил, закупал для оркестра новые инструменты.

– Я уже старик, – говорил он, – все что у меня есть, это вы! Помню свою огромную радость, когда перед началом зимы Семен Прокопьевич купил мне валенки. Зимы в Кургане жестокие, морозы достигали пятидесяти градусов и валенки мне были ох как кстати – ходить зимой мне было совершенно не в чем, валенки в семье полагались только школьникам – Саше и Нине. Давал нам Семен Прокопьевич понемногу денег и для передачи родителям – в войну это тоже было неплохим подспорьем семье. В общем, все, что мы зарабатывали, оставалось и делилось в оркестре, который давно уже стал одной дружной семьей.

На аренду помещений мы не тратились – зимой занимались в квартире Семена Прокопьевича, а летом – на обширном подворье этого же дома, бывшего когда-то постоялым двором. Подворье большое, с огромными постоянно закрытыми амбарами, с широкими навесами и деревянными эстакадами перед дверями этих амбаров. Вот на этих эстакадах, как на сцене, мы и проводили свои репетиции.

Играли по вечерам и двор заполнялся зрителями. Молодежь танцевала. А мы работали, разучивали новые вещи, репетировали весь репертуар. Оркестр звучал уверенно и слаженно. Довольными были и мы, и зрители, и танцующая молодежь. Приходили на наши летние репетиции и пожилые люди, старики.

Приходили военные, особенно те, кто находился в отпуске по ранению. Тогда устраивались встречи, выступления и рассказы фронтовиков, мы узнавали новое о войне, о боях, сражениях. В такие вечера собиралось особенно много народу. Слушали внимательно, много вопросов, интересно было все, что связано с войной и полезно – завтра любой из слушателей мог оказаться там, на передовой, на войне.

И вот эти вечера тоже придавали работе Семена Прокопьевича в те военные годы особую значимость в городе.

Все наши репетиции заканчивались традиционным чаепитием у Семена Прокопьевича, с затяжными и душевными беседами. Обсуждали и услышанное от фронтовиков, и дела семейные, как складывается учеба в школе и кто какие получил отметки.

Семен Прокопьевич за учебой своих музыкантов следил постоянно и спрашивал за учебу строго. Бывал в школах и к нему ходили учителя. Семен Прокопьевич прекрасно знал и родителей, и родственников, и друзей своих музыкантов. Знал он и всех наших учителей. Ему до всего было дело.

Однажды, когда я уже учился, видел у Семена Прокопьевича мою первую учительницу – Александру Александровну. Когда я вошел в дом, во время их беседы, я увидел на их лицах радость, значит они советовались по мне и были довольны, что их и действия, и взгляды на эти действия, совпадают. И они радовались за меня, как за своего ребенка.

Да, действительно, мы – оркестр – для Семена Прокопьевича были существом его жизни, для нас он жил, для нас и на нас он работал.

Вокруг оркестра возникали и завистливые сплетни – вот де, старик эксплуатирует детей, зарабатывает на них огромные деньги, пора бы за это и привлечь по закону военного времени! Мы знали об этих сплетнях и Семен Прокопьевич о них знал. За чаем мы это обсуждали, говорил Семен Прокопьевич об этом и с родителями. Не замалчивал, не накапливал «напряжений». Он защищал нас, мы защищали его.

Да, зарабатывались деньги, иногда не малые. Но и мы, и наши родители знали, как эти деньги расходуются. Семен Прокопьевич тратил эти деньги не только открыто для всех нас, но он советовался и с родителями, как их потратить, что и кому в первую очередь купить, как и какой семье в первую очередь помочь.

Сплетни то затихали, то снова возникали, но и мы, и руководство театра относились к этому спокойно – собака лает, носит ветер.

Побольше бы в нашей жизни Семенов Прокопьевичей – сколько горя, беды, разлада и трагедий на земле не случилось бы!

Был у нас и совсем уж светлый день – в городе выступала со своими задушевными песнями Клавдия Шульженко. Она посетила наш оркестр, выступила с нами на школьном концерте, прощаясь, всплакнула, расчувствовалась.

– Ребята, какие же вы молодцы и как вы, наверное, счастливы с таким Учителем!

19

Катков позвонил сам. В пятницу. Но, почему-то, не мне, а дочери. Она, естественно, мне.

– Папа, позвони Каткову, он только что звонил, не может до тебя дозвониться.

Странно, я постоянно в кабинете, телефон молчит. Позвонил.

– Георгий Александрович, Вам нужно подъехать к нам к 18-ти часам. Сможете?

– Что еще случилось?

– Да ничего особенного, из Нижнего должен подъехать следователь, он хочет побеседовать с вами. Возможно, привезут и Джавабу, будет очная ставка.

– Что значит «очная ставка», меня что, в чем-то обвиняют? И что значит – привезут Джавабу – он что, арестован?

– Да, он арестован, еще в среду. И знаете, он все валит на вас.

– Да что он может на меня валить, бросьте вы... Ну ладно, скажите, мне как ехать, с вещами?

В трубке смех.

– Да вы что, Георгий Александрович, какие вещи, вы еще сухарей наберите. Приезжайте спокойно, с вами побеседуют и все.

Я поехал домой. 18-тое сентября, пятница, около полудня, приехал, поставил машину в гараж.

Жена была дома.

– Нина, думаю, что меня сегодня заберут. Я не знаю, что у них есть против меня. Ничего у них нет. Я не вмешивался в дела Джавабы и раньше, когда он работал у нас по контракту, а два последних года и вообще не общаюсь ни с ним, ни с его «сподвижниками». Но, думаю, что дело не в них. Кому-то надо, чтобы меня забрали. Первое следствие не дало ничего. Это не нормально. Меня должны обвинить, в чем угодно, но обвинить. Кто-то никак не может успокоиться, а кто, ты думаю понимаешь.

– Ты вспомни, может быть, ты все же что-то подписывал?

– Нет, Нина, я помню, я не подписывал ничего. Ты же знаешь, у нас с ними был контракт, они действовали самостоятельно, однажды, по какой-то сделке они получили прибыль, сделку тогда провели через счета нашей Компании, поэтому часть денег они отчислили нам, в бухгалтерию Компании – за аренду помещений, за телефонные переговоры, на зарплату работающих на них же людей. Людей этих они привели с собой, там были и их родственники. Большую часть полученных от них денег, по требованию Джавабы, мы выплатили этим людям в виде зарплаты, а что им Джаваба еще доплачивал, я не знаю. Ты же помнишь, оставшиеся на счете деньги мы перечислили по адресам Джавабы, есть его письмо с просьбой перевести деньги по указанным им адресам, мы и перевели, так что ничего «ихнего» у нас не осталось.

– Я всегда говорила тебе, доведет тебя твоя доверчивость, ты никогда не слушал меня, вот и дождались...

– Но ведь этот контракт давно расторгнут, я специальным приказом запретил Джавабе использовать имя Компании. Не пошел же он на «подлог». Правда сейчас на компьютере можно сделать и любую подпись, и любую печать поставить!

– Да какая подделка?! Ты доверял ему печать, этих печатей на пустых бланках Компании можно заготовить сколько угодно. И кто там будет разбираться с твоими приказами, кто их покажет при заключении любой «сделки». А если деньги исчезнут, контракт сорвется, отвечать кому? Все обвинения падут на Компанию, значит на тебя.

– Послушай, Нина, по твоему если в Министерстве завелся жулик, то судить надо Министра?

– А ты попробуй потом докажи, что жулик он, а ты стоял в стороне. Долго будешь доказывать.

– Ладно, не волнуйся, там же не дураки сидят, понимают, разберутся. Главное, я чист – перед

собой, перед тобой, перед детьми. Чист, и это главное. А в остальном разберутся, может, и не сразу, но разберутся. Прощай пока и не бери в голову.

– Как прощай, а День рождения? Люди же приедут!

– Да вернусь я к дню рождения, ты чего, это же двадцатого, через два дня, приеду я, что ты волнуешься. Кто меня там столько держать будет. Не посадят же в самом деле, что я преступник какой, сбежать куда-то могу? Знаешь, поеду-ка я на машине! Завтра суббота, освобожусь и прямо домой, не ждать же поезда или автобуса, там сутки добираться будешь! Да, точно, поеду на машине.

– Куда на машине? Ты что, собираешься в Нижний? Ты же сказал – следователь едет сюда.

– Нина, ты что, неужели ты думаешь, что следователь действительно поедет в Москву? Чтобы допросить меня? Да еще и Джавабу привезут. Глупости, я этому не верю, это Катков думает, что он очень хитрый и его никто не поймет, всех он перехитрил, а то скажи этому подозрительному Президенту этой подозрительной Компании правду, а он возьмет и сбежит! Куда-нибудь в США или Панаму. Вот Катков и приду мал эту байку, про приезд следователя. Он много чего напридумывал в эти дни. «Мыслитель». Думаю, Нина, приедет за мной опергруппа, заберут меня, допросят, сведут с Джавабой, возьмут какую-нибудь подписку, да и отпустят до окончания следствия или до суда домой. А это значит, что приеду я только в понедельник, а не в воскресенье, и «плакал» наш праздник. Нет, лучше на машине, тут я сам себе хозяин, на колесах, освободился от всех дел – и домой. Поеду на машине!

И уехал...

* * *

К войне как-то привыкли. Нет, не то, чтобы всех устраивало военное время, военные условия, порядки, нет, все как-то привыкли к военному распорядку, к патрулям, к военным сводкам, к режиму работы и отдыха. И к военному обеспечению.

Уже отгремели митинги по поводу Сталинградской победы, вспыхнули, переливаясь разными цветами, военные салюты в честь освобождения наших городов, уже всем было ясно, что победа действительно будет за нами. Народ стал спокойнее, деловитей, всё как-то упорядочилось, все уже натерпелись всего и знали, что и как будет и завтра, и в последующие дни, и что будем делать, и что будем есть. В городе появились американская тушенка, английское масло, яичный порошок, другие иностранные продукты. По карточкам стали давать больше и хлеба, и других товаров.

Шел третий год войны.

Кто пережил две зимы первых военных лет – тот выжил. И знал, что он выжил, и знал, что жить он теперь будет.

Весной совершенно неожиданно приехал отец. Нет, мы знали, что отец с тяжелым ранением лежит в госпитале, что он может получить отпуск и даже, может быть, его отпустят домой. И все равно его приезд был неожиданным, просто в этот его приезд никто не верил. И вот, нате вам, он приехал. Все ждали, но никто не верил. Война – кто же в такое поверит!

Ранение у него было в правую ногу. Ходил он с палкой, тяжело ходил, медленно.

Но ходил, а главное был он каким-то жизнерадостным, светлым, веселым.

– Все, – говорил он нам, – мы победили, мы всегда знали, мы всегда надеялись, и вот, теперь всем нам ясно, что мы победили, а раны, что раны, раны зарастут.

О войне не рассказывал. Когда собирались друзья и заходил разговор о войне, отец обязательно начинал петь какую-нибудь казачью песню, все подхватывали и к военным делам больше не возвращались. Пели. А в песне выражались и боль, и тоска, и потери, и победы.

Нам отец сказал, что ему дали отпуск после ранения. В госпитале он пролежал долго, больше пяти месяцев. Вот после госпиталя и дали отпуск, долечиться надо. Боже, какое это счастье, идет война, каждый день «похоронки» то у соседей, то у знакомых, а тут отец, родной, дома, с войны, в отпуске. И живой, ранен, но живой. И как он сказал, в длительном отпуске. После тяжелого ранения, потому и в длительном.

– Поедем на Родину. Всем не суметь, а вот мы с Юркой уложиться и во время, и в деньги, наверное, сможем.

На семейном совете решили – мало ли что еще может случиться, война далеко не закончилась, раз уж отец получил отпуск, пусть съездит. Повидает родню, пообщается, кому-то поможет, кого-то успокоит, да и дочь навестить надо в деревне. Письма правда приходят и неплохие письма. Бабушка не нарадуется внучке – и в школе все хорошо, и работница не только по дому, а и в колхозе помогает. Но навестить отцу надо, раз в отпуске. Сколько радости-то будет для всех, и родных и знакомых. А кто в деревне знакомый – все родные.

Сестра отца, тетя Шура, жила в Митрофановском. Мы поехали сначала к ней. Ехали на поезде, а от станции, через лес, четыре километра пешком, шли долго, с частым отдыхом – отцу с его палкой было тяжело. Он постоянно хитрил – то спрячется и я его ищу, то придумает историю с поиском каких-то грибов, от которых враз пацаны вырастают, я делаю вид, что верю и ищу эти грибы, а он сидит где-нибудь под кустом, смеется, но отдыхает.

Дорога лесная, тележная колея заросла, по ней и здоровыми-то ногами переступить тяжело, а с постоянным подтягиванием больной ноги вслед за здоровой, это не ходьба, это мука. Но идем, медленно, с отдыхом, но идем. Четыре километра идем до вечера.

Но для отца это не только лесной переход, это наслаждение лесом, покоем, тишиной, миром. На каждом привале он что-нибудь делает, то палку мне дорожную красивым узором распишет своим ножиком, то хлеба на бугорок подсыплет – пусть поклюют птички, им ведь тоже не сладко, а то и просто сидит, любит деревьями, кустами, лесом. Отдыхает. И не только от ходьбы.

Вот, наконец, и деревня. Подходим к дому – никого нет. Закрыто. Отец знает, куда ключ прячут. Открывает, заходим. Действительно, никого. Отец разогревает чайник, накрывает на стол, выставляет, что с собой привезли, сидим, ждем.

Кто-то все же нас видел, тетя Шура влетает стремительно, бросается в объятия, плачет. Приговаривает:

– Живы, живы, слава Богу, живы, довелось увидеться...

– Да успокойся ты, живы, видишь же, успокойся, живы, вот, приехали вас повидать.

В доме быстро собрались какие-то люди, никого не знаю, а может, забыл, возбуждены все, радостны, здороваются, треплют отца за плечи, щупают, как будто не верят, что вот он живой и только что с войны, а руки-ноги целы. Что, ранен? так что ж, с кем не бывает, раненый не убитый, раненый он живой, а все, что там повреждено, так оно что ж, оно зарастет.

Завязывается застолье.

– Ну, давай, Саня, рассказывай, как оно там вообще-то.

– А что рассказывать, всё вы знаете не хуже меня, а на войне, так оно как на войне, вы это тоже

знаете, воевали не раз. Пожесте теперь, побольнее, так ведь смерть, она ведь всегда смерть, большее ли, жеще ли. А умирают много ли, мало ли, оно ведь все равно – умирают. Так что нечего мне особенно рассказывать – война. Вы расскажите, как вы здесь. Нас там на войне больше ваши беды волнуют.

– Ну, уж ты скажешь, наши беды и война. Какие у нас беды, у нас забота, как вам помочь. Накормить, одеть, чтобы хоть об этом головы ваши не болели. А мы что ж, нас не убивают.

Появилась бражка, голоса стали громче, веселее.

– Ладно, Сань, на войне как на войне, а как ранили? Рассказывают тут у нас, вроде еле и живым остался, а хуже того, чуть вроде и к немцам не попал.

– Да, было, что было, того не вычеркнешь. Там, на фронте, часто случается, нападают одни, а наступают другие. Случилось и у нас, там, на карело-финском, зима, снег глубокий, мороз за сорок, давно готовилось наступление, время подходит, а нападают на нас. Финны, усиленные немецкими танками, вдруг из глубокой обороны перешли в наступление, буквально за два-три часа до нашей атаки.

... Атака финнов для всех оказалась ошеломляюще неожиданной. Геша Новиков, комроты, сообщил только – получен приказ выдвинуться к первой линии.

– И огонь! огонь! мин не жалеть. Саша, пойдешь по взводам, все же неожиданность, изменения в расстановках, помоги там командирам взводов, обслуживающим наши батареи, главное, чтобы они не дрогнули, а уж мы выдержим, пошвыряем минами по напирющим наглицам.

Миша, ординарец, не отставал, тащит запасные диски автоматные, мы с ним уже на третьей, но самой передней позиции, вокруг огненный кошмар, горят танки, там вон схватились врукопашную, отбили, снова в окопе, стрельба, а ведь темно еще, раннее утро, самая темень на севере, еле различаем в кошмаре огненном, где наши, как стоят, что там у нападающих. Часа через два после финской атаки вдруг все стихло, все исчезло, как напали, так и отхлынули. Успокоилось всё, тишина, мы с Мишкой проползли по траншеям. Быстро прошли на КП, ротный уже на месте, озабочен.

– Что-то быстро успокоились. Не к добру это, держать всех в напряжении, боевые посты выдвинуть, Саша, проследи, не заскучали бы, не заснули. Не нравится мне эта внезапная тишина.

Мы, с неунывающим Мишкой, снова лезем вперед, к постам, а это для контрольного расположения роты нашей, наверное, километр, не менее, и все это почти ползком. Где-то повезет, чаща лесная, там только и передвигаешься по глубокому снегу ногами, но и здесь держи ухо востро, как бы «кукушка» не подстрелила, что делать, война, не просто передовая, а передовой заслон, передовая позиция, вот он, вражье племя, немец, в какой-нибудь сотне метров от нас, тут уж кто кого перехитрит. Или переборет. Силой.

Только обошли все заслоны – шквал артиллерийский, где небо, где земля, не различишь, темень, чего ему, немцу, не спиться, он же воюет по расписанию, вечером – отбой, утром – начало, что это он вдруг взъерепенился, что за обстрел?..

Залегли, ждем, артиллерийский вал ушел за нас, за нашу спину, в тыл, на вторые позиции, ага, значит сейчас атака, всем приготовиться! К бою! – но нет, после артонала все стихло, никаких атак, бросков, танковых нападений. Успокоились финны. Не хватило, видать силёнок у финна. Успокоились. А немец что, немец педант, немец ночью спит. Ночь есть ночь, спать надо ночью. Не до атаки, не до войны.

Только вздремнули было, новый огненный вал, небо светлее света, но это уже наши, уже наш артоналет, светящиеся трассы прямо над нами, туда, да вот они, окопы финские, даже разговор их слышим, падают снаряды на самые передовые позиции, ложись! как бы своих не прихватило, все дрожит, колышется, пылает. Но только уже у них, на их позициях, в их траншеях, окопах, ячейках, на их

наблюдательных, командных, укрепленных и, какие у них там еще есть, пунктах.

Два часа, два часа огненного шквала, крика, боли, смерти.

«Земля разверзлась и упал на нее, грешную, огненный смерч»... Наконец все стихло, оказывается уже светло, день, а мы думали утро, но даже здесь, у нас, сумрачный северный свет режет глаза до боли, после ослепительной вспышки арналета. Мы ослеплены также, как и немцы с финнами, окопы-то рядом, ну двести-триста каких-нибудь метров, и мы их видим, и они нас, оглушены и ослеплены одинаково.

Но вот что-то зашелестело, вскрикнуло, зашевелилось. Пошли... Наши, атака, издалека нахлынувшее – а-а-а...

Нам и стрелять-то некуда. Но нет, получаем точные цели, огонь!.. Сколько же длится эта круговерть, где наши, где мы, где немец, то с одной стороны – а-а-а, то с другой нарастающий стрекот автоматной стрельбы, но бой идет по строгим правилам, и кто-то точно все знает, и кто, и где, стволы минометов раскраснелись, мы уж боимся, полетит ли мина, но все по прежнему напряжено – огонь! Огонь!

Я очнулся от нехватки воздуха, рот мой забило снегом, не чувствую одной ноги. «Неужели оторвало?», меня тащит куда-то Мишка.

– Мишка, – хриплю я. – Куда?

– Потерпите, товарищ старший лейтенант, сейчас доползем, в медпункт вас приказано.

– Что у меня, ноги целы? Не чувствую ноги я, Мишка, что, оторвало?

– Да целы, целы вы, товарищ старший лейтенант, потерпите, сейчас доползем, подняться не дает немчура проклятая, видите вон, везде так и трассируют, голову едва поднять можно. Потерпите, теперь уже скоро, слышите? Вон и разговоры в окопах. Нам бы только до окопа, там помогут.

– Мишка, замереть! Ты что, гад, не слышишь, это же финны, они галдят, ты куда меня тащишь, пристрелю, собака, сам застрелюсь, но и тебя не пощажу!

– Тихо, Александр Петрович, тихо, финны, слышу, заблудился в этой круговерти огненной, тихо, товарищ политрук, уйдем, не привлечь бы, сейчас, развернусь, хорошо, снег глубокий, уйдем, Александр Петрович, терпи, прости Христа ради, недоумок я проклятый, услышал голоса, думал наши, потерпи, вот так, теперь уйдем!

Тут я потерял сознание и очнулся уже в палатке медсанчасти. Мишку тоже ранило, но он дотащил меня и сдал санитарам. Спасибо ему, жизнью обязан, поправлюсь – найду. Уж я его не потеряю.

За столом тягостное молчание.

– Ну вот, а говоришь, все-то мы знаем. Война все же, она и есть война...

Мы с Володей, сыном тети Шуры, братом моим сродным, давно уж поглядываем на дверь. «Сбежим?» – «Айда», и мы во дворе. Давно с ним не виделись, как-то немного стесняемся даже друг дружку.

– Пойдем к реке, там ребята, кони, костер. Здесь, видать, надолго да и начало серьезное, пойдем, там всех увидишь, познакомишься, кого не знаешь, а кого и сам вспомнишь, картошки напечем, поговорим. Как жил-то?

– Пойдем. Там и наговоримся.

Отец уехал по деревням, родных навестить, знакомых увидеть, друзей. Я остался в Митрофановском, у тети Шуры. Пожалел отец возить меня по деревням, отдохни, говорит, у тётки, с Вовкой, пацанами пообщайся, с лошадьми повозись, забыл поди про них в своем Кургане, повозись, поезди верхом,

поухаживай, не забыл, надеюсь, что есть ты Казак.

Это были славные, незабываемые дни. Сдружились мы не только с Володей, с остальными деревенскими пацанами тоже, они за мной с раннего утра прибегали и мы целыми днями занимались своими деревенскими заботами, давно уже забытыми мною в городской, курганской жизни. Я их всех звал «моя челёда». Катались на лошадях, таскали «волокуши» на подоспевших покосах, переворачивали для лучшей просушки «валки» сена, потом к речке – купать лошадей, сами резвились в воде, как утята – подолгу, с наслаждением. А вечером – костры, картофельные «печенки», бесконечные рассказы.

Я тогда уже не просто умел читать, читать я научился в пять лет, около брата-школьника и по его учебникам, я тогда уже прочел немало книг и не просто детских, а вполне серьезных – Жюль Верн, Стивенсон, Купер, Дюма – были мною прочитаны чуть ли не полностью, все книги, что тогда были в наших библиотеках. Прочитаны книги были в долгие зимние дни и вечера, когда не в чем было выходить на улицу. Читались все книги, что приносил старший брат, а уж у меня, конечно, было значительно больше времени читать эти книги, чем у брата. Так что, мне было о чем рассказать деревенским пацанам у вечернего костра.

Рассказывал я с «картинками» – часто изображая то Робинзона, то «Всадника без головы», взбираясь при этом на пасущуюся рядом лошадь. А уж изображать Д'Артаньяна со шпагой в руке и в драках с его врагами – тут уж участвовали все, кто был у костра.

Рассказы эти ребята слушали с восторгом. Вскоре к нашему костру стали приходить ребята из соседних ближних деревень и отделений совхоза и даже стали приезжать на лошадях – выпас и у нас был хорошим, а у костра в «ночном» что там сидеть, что здесь, но здесь интереснее. Ребята просили – «расскажи вот это, мы же не слышали», и наши поддерживают – «давай, расскажи, мы послушаем еще раз». Я там стал очень популярным в то лето.

...Через долгие восемь лет я снова на лето приехал на Южное отделение совхоза Митрофановский, к тете Шуре в гости, снова мы с Володей, уже подросшие, старшеклассники, водили хоровод с местными ребятами, удивился я тогда, узнав, что помнят они до сих пор мои наивные и восторженные детские рассказы у тех давних вечерних костров...

Деревенские ребята работали в военные годы с раннего детства. Взрослых мужиков почти не было, так – старики да инвалиды. Все тяжелые колхозные работы легли тогда, в трудные военные годы, на их пацанов плечи, да на плечи их матерей. И они справлялись. Поля были засеяны, посажены огороды, конюшни и коровники ухожены, покосы скошены и заскирдовано сено, лошади, коровы и другая скотина накормлены и на пастбища вовремя выгнаны.

В деревнях чисто, мусором не завалены и травой дороги не заросли. При этом уже в восемнадцать лет ребята уходили на фронт.

Женщинам едва хватало времени справиться с дойкой коров, с кормлением своего и колхозного скота. Всю мужскую работу выполняли они, пацаны, повзрослевшие в один день, когда началась война. Не до школы им тогда было, не до книг. Едва дотянув до четвертого класса, ребята уходили в работу. Школы были только четырехлетки. Где-то школ не было совсем, а где-то в старшие классы ходить было просто некому. Да и некогда.

Вот потому так интересно, так восторженно и слушали пацаны мои рассказы. Здесь было все – и отдых от дневного тяжелого труда, и мечта о красивой послевоенной жизни, и надежда – вот, скоро она, война, пройдет, закончится, настанут и у нас хорошие, радостные события, и мы выучимся и прочитаем увлекательные книги, все еще у нас впереди, а сейчас что ж, война, ничего, переживем, выживем.

Главное всем нам сейчас – выжить, фронту помочь, фронт накормить.

Почти месяц прожил я в деревне. Но отдых у отца заканчивался, надо было возвращаться в Курган – отец пообещал в Обкоме поработать в период отпуска в одном из совхозов области.

20

«Саныч, не гони», – Альберт отмеряет свои пять тысяч шагов. Камера узкая, тропинка его короткая – шесть шагов к столу, шесть шагов обратно к двери – но он упорно, шаг за шагом, отсчитывает свои километры. Ему надо ходить, ходит он ежедневно, это кроме положенной прогулки на свежем воздухе. Тесное камерное пространство расчищается – «ну-ка, братва, разбирайся по «шконкам», ты и ты здесь, на матрац, а ты и ты давайте на мою «шконку», не толпись на дороге, не мешайте, дайте погулять» – и шесть шагов туда, шесть шагов обратно, так до пяти тысяч шагов. Конечно, никто не считал, сам он говорит – ну вот, пять тысяч отмерено – но ходил он действительно подолгу, час, а то и больше, спешить-то некуда. Тут уж мешать ему не смей.

– Ну-ка, тихо, лишние – на матрац, разобраться по «шконкам», и не мешать, похожу маленько.

Ходит он оголившись до пояса, смуглое разрисованное тело его поблескивает от пота, поигрывает в такт шагам развитой, красивой мускулатурой. Разрисован он весь, тело его расписано разными лагерными сюжетами от макушки головы до пяток ног, включая и те части тела, что прячутся под трусами, так что свободных, без рисунков, на теле мест нет. Чистыми, без татуировки, остались только кисти рук, шея и лицо.

На спине у него, по всей длине позвоночника, под ярким солнцем и пышными «южными» пальмами красивая женщина, с завораживающей улыбкой и зовущими притягательным взглядом глазами, а далее – под мышками, на плечах, груди – чего там только нет! И все, что положено иметь на теле в строго определенных местах «заслуженному Зеку», и самые разнообразные сюжеты на вольную тему. Но симпатичная, хитрющая мордаха чиста. Рисунками своими гордится, охотно рассказывает историю происхождения сюжетов, куражится – ах, столько замыслов, а места нет!

Парень незаурядный, в авторитете, цену себе знает.

А какая эрудиция! Заговорит он кого угодно, доводы его неотразимы. Одним словом – вожак. Связь со всей тюрьмой, информация ежедневная – что, где, когда, как. Везде друзья, и среди охраны тоже. У нас он был лидером беспрекословным. Не зануда. Да, собственно, и замечаний, или там выговоров кому-то конкретно, я от него ни разу не слышал. Если чем не доволен, говорил вообще, безадресно, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Во, блях, сахар-то кончается, надо бы поэкономить, – и всем ясно, на сладкий чай не налегать. До лучших времен.

– Хлам у нас какой-то, грязно не грязно, а постели взлохмачены, – кого это касалось, понимали сразу, наводили порядок.

– Тот парень, пожалуй, чужой, – говорил он кому-то в сторону. И «тот» парень на второй день из нашей камеры исчезал.

– Саныч, к тебе завтра придут.

– Придумаем что-нибудь.

– Придумать, конечно, можно, да он слушать будет. И писать – ясно, завтра у меня появится очередная «подсадная утка».

– Точно знаешь?

– «Малява» пришла.

– Понял.

– Ты только не «затемни», перебора не надо.

– Да понял я, понял...

И если на второй день в камере появлялся кто-то новенький, мне приходилось выдавать такие «байки», что любой «лох» наверху поймет – да, это действительно байки. Но байки шикарные, считаешься «отчетом».

Альберт – он был наш Старшой. Заботился обо всех и помнил обо всем.

– Володя, эти баночки отложи, тебе на маршрут скоро. Андрей, тот свитер, что Витя оставил, он ведь тебе как раз. Да нос-то не вороти, постирай, просуши, на зоне все пригодится.

– Ну что тут за переполох такой, кого зовут-то, тебя, что ли, Саныч? Так иди, чего метаться по камере.

– Саныч, не гони, не гони, так ведь и свихнуться можешь. Альберт ходит, а я думаю. Думаю тяжело, упорно, с кем-то ссорюсь, размахиваю, забывшись, руками.

– Не гони, Саныч, свихнешься.

– Да я же спокоен.

– Вижу, какой ты спокойный. У нас тут один так руками-то махал, махал, да и загремел в психушку. Под Казань. Оттуда обратной дороги нет.

– Да-да, слышал я про эту «психушку», у нас на «пятерке» был один, так его друга туда перекинули. Порассказал он – Андрей лежит с закрытыми глазами. Думал он спит, а он не спит, все слышит, но лежит с закрытыми глазами, – так вот он рассказывал, что тот друг его свихнулся на охране. Получил какое-то письмо из дому и давай после этого доказывать охране – то не так, да это не эдак. Ну, охранники пару раз его «учили», не помогает, освободили от работы, еще хуже стало. Посадили отдельно – снова не помогает, дебоширить стал, не ест, не пьет. Вот и отправили в Казань, больше никто его и не видел. Так что, Саныч, руками-то поменьше маши, охрана «в зрачок» увидит и к врачу. «Свихнулся» скажут. И загремишь. Только тебя и видели.

* * *

Наступал 1944 год. Впервые, после долгого и тяжелого военного перерыва, город по-настоящему праздновал встречу Нового года. На площади огромная, разукрашенная разноцветными лампами, Новогодняя Елка. Веселье, концерты, гулянья. Выездные буфеты работают всю ночь, и выпить и закусить свободно, без карточек. Пирожные, мороженое, да что это в самом деле, все уже и забыли про такое изобилие.

Праздник. Радость. Веселье.

И впервые, за все годы войны, новогодние ёлки появились в домах, квартирах. Игрушки делали сами, вырезали из бумаги, делали цветные «корзиночки», в них помещали незамысловатые подарки. Вот радость-то ребятишкам!

Все уже уверены, все уже знают – мы победили. Конечно, впереди еще много войны, еще много горя, беды, слез. Много смерти. Но самое страшное позади, самое трудное пережито, все это понимают, а раз все понимают – как же обойтись на Руси без праздника, без питья, без веселья!

Город светится праздничными огнями, гремит многоцветный салют. К салютам уже привыкли, салюты вспыхивают всеми огнями радуги после каждой новой победы за города Союза. Это стало так часто, что стало привычным. Город жил, радовался, что живет, и веселился.

Нашему оркестру работы в Новогодние праздничные дни много. Нас заказывали, мы были нарасхват. Работали иногда далеко за полночь. Держались все стойко, только ударник иногда не выдерживал, засыпал. Семен Прокопьевич строго стучал по пюпитру своей дирижерской палочкой – «толкните кто-нибудь Юрку. Юра, не спать, не спать...» Какое там не спать, когда ударнику всего семь с половиной лет, а концерт, да банкет затянулись до трех-четырёх часов ночи.

В конце ежевечернего празднества провожали нас бурно, ударника брали на руки, каждый старался потрогать, погладить, дать гостинец. А он уже ничего не соображал, засыпал на руках у брата, так их сонных и развозили по домам.

Это было обязательным условием Семена Прокопьевича – всех после ночного концерта, или после позднего банкета развести по домам.

Но оттремели, отзвучали Новогодние праздники. Город приходил в себя, настороженно, по военному оправлялся, подчищался, снова становился деловым и строгим.

И все же это был уже другой город. Исчезли патрули и часовые на улицах, свободнее передвигались люди по городу, на полную мощность работал танковый завод, все давно привыкли к ежедневным проводам танкистов на фронт, да и провода эти были теперь не столь торжественны, как в первый год выпуска. Нет, проводились короткие митинги, говорились напутственные слова, но все это не на площади, а на заводе и напутствия не «отцов города», а руководства завода. Все буднично, по деловому, по военному кратко.

Ожил базар, но теперь это был не тот Базар, город в городе, бурный, сказочный мир изобилия, нет. Теперь это был скорее вещевой рынок, деловой, суматошный, где проводились сделки, а не торговля – веселая, крикливая, бесшабашная.

Весной нам выделили земельный участок под огород, за Тоболом, сразу за мостом. Шесть соток. Этого добился отец, пока был в отпуске. Он действительно все лето проработал в одном из совхозов области, часто приезжал домой, в легкой кошевке, запряженной красивым, тонконогим жеребчиком, с которым мы как-то очень быстро подружились, и пока отец был дома, я выводил его на выпас и купал в Тоболе.

Отец привозил арбузы, другие овощи, а осенью получил за свою работу несколько мешков зерна. Мы его смололи на городской мельнице и всю зиму были с мукой, хлебом, лепешками, пельменями, оладьями – чего только мать не умела выпекать из этой сказочной муки!

С голодом в нашей семье было покончено. Но осенью, где-то в ноябре, отец снова собрался на фронт и уехал буквально в два-три дня. Мать рассказала нам, плача, что отца, оказывается, комиссовали по ранению, но он, работая в совхозе, постоянно добивался восстановить его в армии и отправить на фронт, писал во все инстанции и наконец своего добился, быстро уволился и уехал снова воевать, как будто без него там на фронте и воевать некому было. Уехал еще с палкой – ходить не мог как следует.

Такие это были люди в том старом поколении, так и не увидевшие свой Новый мир, но честно выполнившие все, что требовалось от них для построения этого, ими задуманного мира.

Те камни, что летят в них сегодня – обидны и несправедливы. Но так уж повелось в нашей постоянно недостроенной стране, что каждое новое поколение видит только себя самыми-самыми, а что сделано до них – все плохо, все неправильно, все не так. И не могут вникнуть «новые русские реформаторы», что

придет и их время, и они станут прошлым поколением, и про них скажут то же, что они сегодня говорят про отцов и дедов своих.

Что не сохранено, что обгажено – то потеряно. Но им, новым «реформаторам», ослепленным нечаянно свалившейся властью, не до того.

И ведь все это у нас уже было! Да и не один раз.

Тяжко поколению людскому, что не может научиться даже на своих собственных ошибках.

21

Легко сказать «не гони». Все можно отключить, но как отключить мозг, как отключить, не пустить в уставшую голову воспаленные мысли? Они лезут и лезут, лезут бесцеремонно, бес спросу, не уставая.

«Почему же это так получается – чем больше делаешь добра людям, тем больше становишься перед ними виноватым». И вспоминались десятки таких случаев.

Затеяли мы на Руднике строить квартиры на «материке» для северян, так вскоре все перессорились. Было условие – сдай квартиру на севере, получишь на материке. Куда там. Получить хотели все, но сдавать – ни в какую. Загубили хорошую идею. И первыми выступили не рабочие, нет – кое-кто из начальников, как правило уже имевших квартиры для старости своей в Центральных районах.

А история с сестрой, с Джавабой – сколько сделано людям, и нате вам, доносы, жалобы, клевета, наговоры. Неужели люди никогда не отвыкнут от палки, только в строгости и нищете жить достойны?

А я то, ну зачем я поехал? На машине, без адвоката. Сказал же мне опер, приехавший из Нижнего – «могут закрыть».

– Давайте поедem через Вашу деревню, там оставим машину. Охране я наказал, они будут ждать нас в деревне, с машиной, ну что вам будет стоить эта поездка за рулем до самого Нижнего, подумайте, Вы же «упащетесь», не до защиты будет.

– Да, а как я обратно, на поезде, что ли, когда он там ходит? Нет, поеду на машине. Мне же в воскресенье надо быть дома, день рождения же, люди приедут.

– Вы как ребенок, честное слово, до дня рождения еще дожить надо.

И перед самым выездом из Москвы, перед поворотом на Кольцевую дорогу, молодой старший лейтенант, снова, в который уж раз предложил:

– Давайте все же поедem через деревню. Ребята из охраны будут ждать нас там. Разъедемся же, не найдем потом друг друга.

– Сделаем так, сейчас подъедем к ГАИ, там остановимся и дождемся их. А вы позвоните, что мы их здесь ждем.

Ждали минут тридцать. Ребята подъехали, удивились, что я на своей машине.

– А мы вас там ждем, у деревни.

И мы гуськом, в две машины, не торопясь поехали к Нижнему. Ехали почти всю ночь, до четырех часов утра.

Машину мою сразу же по приезду загнали во двор Управления. Там она и стоит до сих пор. Что от

нее осталось, не знаю, следовательно после моего освобождения машину мне не отдал, хотя руководство Управления сказали сразу – забирай, она нам здесь только мешает. Но следовательно не разрешил, – мне ее осмотреть надо. Что он хотел там найти – не знаю... золото, алмазы, деньги? Домой я уехал на автобусе, но это будет только через несколько бесконечно долгих месяцев! Еще надо было пережить тяжелый тюремный период – период душевных пыток, унижений, бесправия.

* * *

Наступил сентябрь сорок четвертого. Мне предстояло пойти в школу, «в первый раз в первый класс». Курганская семилетняя школа номер один, что по улице Советской, 1-а класс. Пожилая, добрая учительница – Александра Александровна.

Нас построили в школьном дворе, сделали перекличку, поздравили с началом учебы и сразу развели по классам. Расселись по партам, познакомились. Школа смешанная, вместе учились и ребята и девочки. Александра Александровна с каждым поговорила – кто, что, с кем живет, кто у кого на фронте, познакомила нас «каждого с каждым» за партами, еще раз поздравила с началом учебы, расспросила, кто что умеет, умеет ли кто читать, считать, кто чем увлекается, кто что знает. Сообщила нам, что всего учебников у нас будет два-три комплекта, пользоваться ими будем только в классе, и если есть у кого-то учебники от старших братьев или сестер, надо принести, будем пользоваться и ими.

У меня учебники были, старший брат в школу пошел до войны, тогда учебники выдавали всем и полностью, по ним училась и сестра после брата, а вот теперь наступила моя очередь. Учебники тогда не менялись подолгу, не до того было. Уничтожались только фотографии революционных героев, ставших неожиданно «врагами народа». Уничтожались так – просто замазывались чернилами на страницах учебников, вот и всё «уничтожение». Всё остальное в учебнике оставалось без изменения.

Александра Александровна рассказала в каком режиме будем учиться и отпустила всех по домам. До завтра.

Милая, добрая, пожилая женщина, заботливая – то бумагу нам искала для тетрадей, то разводила чернила из каких-то смесей – ничего же не было в магазинах, да и самих магазинов таких, где бы все это можно было купить, не было. Писали и на старых книгах, между напечатанных строк, и на случайной, вручную нарезанной бумаге.

Меня Александра Александровна оставила после этого урока побеседовать. Полистали Букварь, Арифметику.

– Да умею я читать, Александра Александровна, книги уже читаю, а задачи решаю по учебникам брата за четвертый класс.

– Вижу я, Юра, вижу. Если б не война, пойти бы тебе в третий класс. Сейчас такого разрешения не получить, не до разрешений сейчас. Ничего, учишь, не спеши, куда тебе торопиться...

В выходной день Александра Александровна побывала у нас дома, познакомилась с матерью, они долго о чем-то говорили. О чем они говорили я так и не узнал, мать никогда не рассказывала, но после ухода учительницы мать почему-то плакала и вообще весь этот вечер была какая-то сердитая, недовольная чем-то.

А через две недели – очередное мое «вдруг». Играли на школьном дворе в футбол. В тряпичный мяч. Настоящих мячей не было, из тряпок шили себе мячи футбольные. Сами пацаны себе шили мячи эти. Старшие играли, а мы, первоклассники, кто понаглее, бегали, мешались, балагурили. Звонок прозвенел как всегда неожиданно, все кинулись к крыльцу. Впереди кто-то упал, завал, в который сходу врзалась толпа.

Когда «рассосалось», все разбежались, а я почувствовал боль в правой ноге. Встать на ногу не могу. Прибежали старшие, позвали брата. Он учился в пятом классе – «запя» – так его все звали и в школе, и в городе. Он верховодил в городской шпане, был, как говорили, суров, но справедлив. Его боялись, но и уважали. Брат организовал из своих сверстников рабочую «ватагу» и они все свободные дни работали по магазинам и складам, помогали – грузили, разгружали, что-то таскали-перетаскивали, а потому у них всегда были и деньги, у них всегда была возможность сытного пропитания. Очень Сашу сверстники уважали за дела эти! А я, частенько я пользовался в городских наших детских разборках своим родством, с таким авторитетным братом!

Осмотрев мою поврежденную ногу ребята решили – вывих. Тут же нашелся «специалист», стали править, ставить стопу на место. Крик был отчаянным, вся школа всполошилась, вышли взрослые, учителя «править» ногу запретили, соорудили какую-то телегу на больших широких колесах, что валялись здесь же, на школьном дворе, ребята с братом повезли меня в больницу. Там выяснилось, что никакой это не вывих, треснула кость в самом болезненном месте, в голеностопе, нога страшно распухла, сделали какие-то примочки, туго перевязали и отправили домой.

– Терпеть надо. Больше ничем помочь не можем. Терпение и время. Полежать придется немало. Ну, да кость молодая, срастется – успокоил нас врач, и хотя терпеть было невыносимо, боль отдавалась аж где-то в затылке, что делать, на той же тележке увезли меня домой.

Постель приковала меня надолго. Тугие повязки, горячие прогревания – вот и все лечение. На приемы к врачу мать носила меня на себе, посадит на плечи и через весь город в больницу. И так – раз в месяц.

– Вот подожди, – говорила она сердито, – вырастешь, посмотрим, будешь ли и ты таскать вот так на себе старенькую мать. – Но это говорилось не со зла, от усталости, от тревоги, что там с ногой, срастется ли все как надо.

Пролежал я до февраля месяца, когда в школе заканчивалась третья четверть. Ходил я на ногу уже свободно, но была зима, валенок в семье на вех не хватало, вот мать с учительницей и решили – пусть будет дома до тепла.

– Букварь он знает хорошо, читать и писать умеет, задачки решает, пусть занимается дома – решили в школе.

В апреле я все же появился в школе. Мне устроили экзамен, сдал я по всем предметам без какой-либо натуги и учителя, принимавшие экзамен, улыбаясь решили – пусть отдыхает.

– Приходи, Юра, первого сентября, во второй класс. Так, весь первый класс я проучился дома, в постели.

22

Следователь вошел стремительно. Молодой, представительный, в гражданской одежде – костюм, галстук, кожаная куртка – все как у людей. Представился.

– Странное совпадение, – пошутил я угрюмо, – Владимир Викторович. И в Москве Владимир Викторович, опер из Управления, что провожал меня сюда к вам. Он утверждал, что со мной хотят побеседовать и что я сегодня же смогу вернуться обратно.

– Вот как, Вы что, очень спешите?

– Да. У меня в воскресенье, завтра, день рождения. Приедут люди, многие издалека, хочу вернуться, потому и приехал на машине.

– Ну что ж, Георгий Александрович, все зависит от Вас, от того, как мы сможем понять друг друга, от того, как пройдет Ваша очная ставка с Джавабой.

– Спрашивайте, мне скрывать нечего.

– Вот что, Вы человек грамотный, чтобы не терять время на долгие расспросы Вы напишите все, что Вам известно, желательно как можно подробнее о ваших отношениях с Джавабой. С самого начала, с момента знакомства и до того как расстались. Сейчас Вы с ним работаете? Нет? А когда расстались? Два года назад? А сколько проработали вместе? Тоже два года? Ну вот об этом обо всем и напишите.

– Но в Москве я обо всем этом уже рассказал Каткову, оперуполномоченному и рассказал довольно подробно.

– Ничего, ничего, послушаем еще раз. Пишите, не торопитесь, вспомните все как можно подробнее.

Написал. Подробно, не торопясь, день за днем, с момента первой встречи и до самого расставания.

В комнате кроме следователя находился представитель Управления по борьбе с экономическими преступлениями. Так он представился. Вел он себя почему-то агрессивно.

– Пишите все. Мы про вас все знаем. Знаем сколько вы денег от Джавабы получили и как их тратили. Что, наездили по заграницам?

– По заграницам, как Вы выражаетесь, я наездился давно, задолго до встречи с Джавабой. И почему Вас это раздражает мне непонятно. Нас тогда контролировало КГБ, а уж они-то хорошо знали кто куда может ездить и зачем. И к моим поездкам претензий ни у кого никогда не было. А какие и когда я получал деньги от Джавабы тут, в этом документе, что у Вас в руках, описано подробно. Повторяю, мне скрывать нечего, все, что было, что я знаю, здесь все описано. Больше мне добавить нечего.

Прямо скажем, начало не очень приятное. Что-то они не договаривают.

Следователь долго читал и перечитывал мои признания. Затем они с опером вышли, их долго не было. Вернулись, вначале следователь, затем, через какое-то время и опер. В руках он держал уже ксерокопию моих «записок». Видно они советовались о чем-то с начальством.

– А теперь, Георгий Александрович, я должен составить Протокол официального допроса.

– Допроса в качестве кого?

– Я допрашиваю Вас в качестве обвиняемого. Предупреждаю Вас, что в соответствии с Конституцией Вы вправе... – и так далее по протоколу.

– Но ведь с этого и надо было начинать, еще до составления записки?

– Ничего, куда спешить, нам спешить некуда. Вы согласны давать показания без адвоката?

– Я же сказал, мне скрывать нечего, я готов дать показания.

Следователь с опером переглянулись.

– Вот это правильно, – вмешался опер, – адвокаты теперь дороги, да и что от них толку, если Вы хотите быть откровенным, говорить правду. Правда, она ведь и на следствии правда, – он весело рассмеялся. Странно, так же вели себя «оперы» и в Москве, узнав, что я готов с ними работать без адвоката.

Оба заметно повеселели, обмякли как-то, расслабились.

– Но Вы, – обратился я к следователю, – должны предъявить мне обвинение, в чем вы меня подозреваете, в чем конкретно я виноват?

– Это потом. Вначале давайте побеседуем, Вы ответите на некоторые мои вопросы. В зависимости от Ваших ответов и будет принято решение.

– Но я же все написал!

– Ну, нам кое-что необходимо уточнить.

– Что ж, задавайте ваши вопросы.

Ловушки я так и не заметил. Допрос без адвоката, без предъявления Постановления Прокурора. На что я надеялся? У меня незаконно устроили погром в офисе, разграбили его, произвели обыск в доме, практически арестовали и привезли сюда, в Нижний, фактически конфисковали автомашину, допрашивали в качестве обвиняемого – и все это без предъявления каких-либо разрешающих документов Прокуратуры, а я все играл в какие-то «поддавки», жил в каком-то нереальном, наивном мире. Что это, глупость, незнание законов?

Нет, наверное это годами вынянченная преданность системе, выработанная десятилетиями вера в нашу власть – они-де не могут ошибиться, разберутся, справедливость восторжествует! Или рабская зависимость от Власти, от самых сильных мира сего? Никуда, мол, от них не деться, все равно сделают как им надо! Всего здесь было понемногу, но главное все же, вера в справедливость родных Начальников. Пока именно тебя конкретно не коснется, никак ведь не поймешь, что именно они, эти начальники, по воле случая добравшиеся до власти, установили в стране этот беспредел.

Следователь в своих вопросах повторил все, что я описал в записке. И в моих ответах тоже прозвучали все описанные в записке события и факты.

– Подпишите. Вот здесь напишите «Записано с моих слов верно, мною прочитано». Подпись и число. Вот так. А теперь поедем с Вами в Изолятор временного содержания, на очную ставку с Джавабой. Сейчас выходим, садимся в машину, едем в ИВС. Джавабу туда приведут, в комнату допросов.

– Так я успею уехать в Москву сегодня? Следователь внимательно на меня посмотрел.

– Кажется, Вы еще не поняли, что происходит. Поймите, расследуется крупное мошенничество. Речь идет о миллиардах рублей. Похищенных. Дело на контроле у Министра. А Вы – о дне рождения.

Теперь-то мне понятно, что он думал. «Дурак или прикидывается? Или действительно еще не знает?»

У него в папке лежало постановление Прокуратуры о моем аресте, подписанное еще 16-го сентября. Мы вели наш разговор 19-го. Уже четыре дня я был юридически арестован!

А рассказываю ему байки про день рождения, гости, мол, родственники.

Святая наивность...

* * *

Утро выдалось тихим, светлым, безоблачным. Солнечные лучи ударяют прямо в лоб, в глаза. Они и разбудили. Рано еще, где-то около восьми.

Сегодня среда, девятое мая, торопиться некуда, можно поваляться в постели, понежиться. Днем с ребятами, после уроков – я то давно на каникулах, но ребята еще учатся, им еще с месяц надо учиться, но

сегодня, после уроков мы решили устроить поход за мороженым. В городе совсем недавно появилось мороженое, в этаких деревянных бочках на колесах. Такую бочку можно увезти куда надо, поставить на самом бойком месте, и нате вам, кушайте на здоровье. Мороженое выдавливалось круглыми порциями из специальной такой баночки металлической, такой металлический ручной поршень – вафля внизу, вафля сверху, берешь этакий сливочный кружочек и облизываешь его по окружности. Сладко, вкусно. За неделю мы подкопили десятчиков и пятачков, вот днем сегодня и решили как следует полакомиться.

Но это днем, а пока рано еще, вставать неохота. Подкрутил звук у тарелки репродуктора. Какая-то торжественная музыка. И вдруг...

– Внимание, внимание! Работают все радиостанции... Передаем важное сообщение...

Проснувшись окончательно и осмотревшись, я увидел, что дома никто не спит. Нина сидит на кровати и напряженно вглядывается в репродуктор, Саша стоит у двери, прижал палец к губам:

– Тсс... тихо, слушайте внимательно...

– Победа, ребята. Война кончилась! – Все вскочили, обнимаемся.

– Ура-а-а... – Шум в коридоре, везде это громкое и радостное: – Ура-а-а!

Тут же по радио сообщили, что сегодня, 9 Мая объявляется праздник и день считается нерабочим.

В городе объявили бесплатное кино, бесплатные концерты, бесплатные спектакли в театрах.

Всенародные гуляния на площадях, в парке, на улицах. Уже в девять часов стихийно возникли митинги, сразу в разных местах – на площади, у проходных предприятий и организаций, в парке, у кинотеатров, у драмтеатра и, конечно, около Горсовета, где собралась огромная толпа, загрохотала вся Советская улица, до самой площади, перекрыв всякое движение. Поздравления руководителей города, шум, ликования, непрерывные Ура! Победа!

Мы, конечно же, побывали везде. На концертных площадках, в кинотеатрах, в парке, в драмтеатре. В Кургане тогда работал один из Московских театров, в этот день шел спектакль «Ромео и Джульетта». Дневной и вечерний спектакли. Мы побывали на дневном. Из театра вышли ошеломленные, восторженные, удивленные – как же так можно, все как в жизни, и все как в сказке. Долго я потом изображал в своем дворе сцены из этого спектакля.

А вечером был Салют! К тому времени к салютам привыкли, но в этот день салют принимался особым, празднично-торжественным, радостным. Победным. Ликовали все. Это потом, значительно позже, День Победы станет праздником со «слезами на глазах». А в тот, Первый Праздник, радость была всеобщей. Не забыты, конечно, голод, болезни, ранения, смерть. Но в тот день плакали только от радости – наконец-то, свершилось, мы победили, война закончилась, это сейчас главное, а помянуть и поплакать о погибших еще успеем. Теперь успеем.

Никогда – ни раньше, ни позже не было такого полного ощущения счастья и радости. Всеобщей. Весь город – как одна семья, все люди на улицах, обнимаются, ликуют, все восторженно приветствуют Салют Победы под не умолкающее – УРА! ПОБЕДА!

Так и весь 45-й год вспоминается праздничным и радостным. А к концу года приехал отец. Войну он закончил капитаном, стал заместителем командира батальона, продолжал служить на Украине, под Харьковом. Приехал за нами.

– Война закончилась, но служить поручено и, видимо, служить придется долго, надо жить всем вместе. Собирайтесь, поедem на Украину.

Следующая неделя прошла в сборах, отправка багажа, билеты у отца были оформлены заранее, так

что все прошло организовано и быстро. Потом проводы, собрались друзья, знакомые, соседи. Все как положено на Руси.

С особой грустью и сожалением прощались мы с Семеном Прокопьевичем, нашим музыкальным Учителем и Воспитателем по жизни. Не будь встречи с ним, еще неизвестно, как развивались бы события в жизни пацанов нашей улицы в те тяжелые и опасные для пацанов военные годы. Он был нам всем – и учителем, и другом, и заботливым отцом. Скольких ребят спас он если не от верной смерти, то конечно от больших неприятностей и тягот.

Семен Прокопьевич посадил меня на свое знаменитое колено – ватные брюки, обшитые на коленках кожей, на котором он часто показывал мне какой-нибудь «стук», обнял, я прижался к его широкой груди. Долго молчал Семен Прокопьевич, глаза его увлажнились, сказал проникновенно:

– Жаль, Юра, расставаться с тобой, хотел из тебя сделать настоящего «ударника». Ты мог бы стать виртуозом, лучшим ударником Сибири, но что делать, жизнь направляет по другому. Ну да ничего, парень ты разумный, думаю, должно из тебя что-то получится дельное. Будешь «ударником» – «стучи», а не будешь, не переживай, главное Человеком будь. Везде, как бы не сложилась твоя судьба. Нас не забывай, напишите с Сашей, как устроитесь, что там за жизнь на этой Украине.

Уезжали мы в марте 46-го. Лежал я на средней полке, поезд шел медленно, с частыми остановками – то воды набирал паровоз, то загружали уголь – перебирал я в голове своей все годы этой тяжелой и радостной Курганской жизни.

Шел мне тогда десятый год.

23

Следователь. Владимир Викторович. Молодой, приятной наружности и приятного обхождения. Добрые, даже ласковые глаза, честный взгляд. Но когда вглядываешься в эти глаза, видишь затаившуюся хитрость. Эта хитрость сквозит и в вопросах его, и в замечаниях, сказанных вроде вскользь, уходит вроде от темы разговора в этих замечаниях, но, выслушав ответ, неожиданно ловко увязывает все с темой допроса.

Беседу ведет неспешно, уважительно, с постоянным противовесом жесткому оперу. И в то же время не вмешивается, не поправляет, когда на тебя начинают «давить». Кажется забывает, пропускает мимо ушей сказанное что-нибудь отвлеченно, но нет, в нужный момент напомнит, неожиданно и к месту.

Когда меня выпустили из тюрьмы, в долгой беседе без протокола вдруг спросил:

– Вы не озлобились, не считаете весь мир виноватым?

– То, что меня арестовали напрасно, по абсурдному обвинению, по ложному доносу понятно всем. И Вы это сами прекрасно знаете. Но нет, я не озлобился. Помните фильм «Место встречи изменить нельзя»? Там есть эпизод, когда герой Высоцкого – Жеглов – говорит – «Виноватых без вины не бывает. Ему надо было со своими женщинами пораньше разобраться», ну и так далее – помните? Вот и мне так же, с партнерами своими надо было пораньше разобраться, вот и не попал бы я в эту историю с происшествиями.

Он посмеялся, но промолчал.

А через некоторое время жена, Нина Александровна, она помогала следователю разобраться в наших бухгалтерских документах, так вот, она, в подобном же разговоре в сердцах упрекнула его – «да Вы сами знаете, что напрасно посадили Георгия Александровича. Не за что его было сажать в

изолятор. Что он прятался от следствия, сбежать куда-то собрался?»

И тут следователь неожиданно сказал – Напрасно, Нина Александровна, в тюрьму никого не сажают. Помните, в кинофильме «Место встречи изменить нельзя» есть эпизод? – и почти дословно повторил мои слова. При мне. Запомнил, а было это месяца через три после нашего с ним разговора. Запомнил и в нужный момент использовал как щит. От упреков. А может – в подтверждение своей правоты.

Вот и на очной ставке вел следователь себя корректно, вопросы задавал спокойно, без «подначки», но уж больно какие-то «беззубые» вопросы. Где, когда познакомились, что делали в совместной работе, кто кому сколько денег передавал, кто кому сколько должен и т. д. Не спросил, кто отвечал за сделку, где и по чьей вине партнеры понесли потери, куда подевались деньги, были ли эти деньги, почему Джаваба подписывал документы, договора, контракты от имени нашей фирмы, то есть не задавал вопросов, определяющих степень виновности участников очной ставки. Видно было, что на этот счет у следователя, а скорее всего не только у него, принято твердое решение – независимо от результата очной ставки – посадить! Пусть прочувствуют, что это такое – тюрьма. Поэтому и вопросов, ответы на которые могли это решение как-то поколебать, на очной ставке не задавалось.

Джавабу увели, мне здесь же, в комнате допросов, предъявили Постановление на арест по странному по сути своей обвинению – получение векселей по фальшивой доверенности на сумму 7 миллиардов рублей.

Ну, во-первых, на первом же допросе выяснилось, что я никаких ни от кого векселей не получал.

Во-вторых, для получения чего либо, в том числе и чьих-то векселей никакой, тем более фальшивой, доверенности мне не нужно, как руководитель я работал без доверенности.

И в-третьих, если я давал кому-то доверенность, значит подписывал ее, а подписанная мною, как руководителем, доверенность уже не может быть фальшивой.

С какой стороны не взгляни, видно, что обвинения высосаны из пальца, или из чего там еще их высасывают. Таким способом можно ведь обвинить любого человека в чем угодно и посадить. Зашел человек, к примеру, в магазин, а вечером магазин этот ограбили. Но ты же там был – заявит следователь, составит постановление на арест, и арестуют. Прокурорам, видимо, безразлично, за что арестовать, лишь бы арестовать. Для расследования. На любой, предписанный следователем срок – сколько то следствие длится будет... А окажешься не виновным, ну что ж, выпустим, подумаешь, проблема. Не впервой.

Следователь быстро передал полагающиеся документы на мой арест дежурному по ИВС и исчез. Как будто никого, никогда рядом со мной и не было.

Тяжелая дверь предварительной камеры захлопнулась...

** * **

В Харьков приехали ранним утром. Перед нами, не видевшими «живой» войны, предстала картина страшная, пугающая.

Вокзал разрушен полностью. Но мусора и грязи нет, везде прибрано, вымыто. Пассажиров много, сидят прямо на чемоданах – скамеек на вокзале нет. Вокруг вокзала сплошные разрушения, на привокзальной площади сохранились воронки от бомб и снарядов. Вид города был ужасным. На стенах разрушенных домов сохранились полустертые, задымленные надписи на немецком языке, эти надписи

почему-то пугали больше всего, наводили оцепеняющий страх.

За нами прибыла тяжелая, на резиновом ходу, телега, запряженная в пару лошадей. Мы проехали от вокзала до Главного штаба, это почти через весь город, и не увидели ни одного, хоть сколько-нибудь уцелевшего дома. Сплошные разрушения. Пустой, сожженный город поражал безлюдьем, неестественной для большого города тишиной. Резиновые колеса мягко катили по разбитой мостовой, телега так же бесшумно подпрыгивала на ямах и рытвинах, и эта «вселенская» тишина пугала нас, пацанов, до звона в ушах.

Наконец, доехали до Главного штаба.

Нас разместили в каком-то полуподвальном помещении, отец ушел устраивать дела, а мы, сложив чемоданы и туки в небольшой полутемной комнатшке, пошли побродить по городу.

С наступлением дня город потихоньку оживал, в ларьках торговали патокой, как в Курганских бочках мороженым. Видно патока в те голодные годы являлась лакомством и скрашивала быт местных пацанов. Патоку покупали. Мы тоже купили попробовать. Тягучая светло-коричневая масса оказалась приторной и не вкусной. Торговали и жмыхом, это отходы переработки подсолнечных семян, твердые, но рыхлые спрессованные круги, от такого круга отламывали небольшие кусочки и сосали во рту, не так вкусно, как сытно.

На улицах появились куда-то спешащие угрюмые люди. Ни на кого не глядя, они быстро проходили или собирались небольшими кучками на трамвайных остановках, молча ожидая несчастных трамваев.

На улицах в полуподвальных или подвальных приспособленных помещениях открывались магазины с полупустыми полками, около них тихо собирались люди, ожидая, видимо, привоза продуктов. А над этими полуподвалами громоздились разрушенные или полуразрушенные стены с пустующими оконными глазницами заселенных когда-то домов.

Мы зашли в середину меж разрушенных стен одного такого дома, как бы во внутрь его. Зрелище было мрачным, провалы дома снизу казались заброшенными катакомбами, кое-где на стенах висели чудом уцелевшие картины, фотографии, а в самом верху, на сохранившемся уступе перекрытия, стояло абсолютно целое, темно-синего цвета пианино, на ветру полоскалась прижатая крышкой этого пианино кружевная салфетка.

От этого уцелевшего пианино, от развевающейся салфетки повеяло «потусторонним» холодом, нам стало по-настоящему страшно, мы быстро ушли и больше в такие дома не заходили.

Шел март 1946 года, война еще крепко сидела в украинских городах и селах, напоминая о себе неубранным мусором развалин и разрушений, грозно нависшими над оживающими улицами пустыми глазницами окон уцелевших стен когда-то живых и шумных домов, высокими печными трубами на пожарищах украинских сел и деревень, во множестве раскинутых среди пустынных, с вырубленными деревьями и садами, а потому далеко просматриваемых, израненных и опаленных плодородных украинских полей. Такие картины мы во множестве наблюдали из окон вагона, проезжая по богатой, но сожженной, разграбленной Украине.

Вернулся отец. Проездные и другие необходимые документы были оформлены и вечером мы отъезжали от остатков Харьковского вокзала, поездом Харьков – Балаклея, к месту службы отца.

24

Я остался один. В пустой небольшой, видимо предварительной или приемной, камере размером полтора на полтора метра, высокая, метров до двух с половиной, без окон, голые стены, сесть некуда,

нет ни скамеек, ни лежаков, только стоять и ждать, когда вызовут и уведут в отведенную тебе тюремную камеру.

Дежурным пока некогда – суббота, начальство отдыхает, дежурные уютно сидят за квадратным столом. Жаркая, с шумом и веселым смехом, азартная битва на картах. Не будут же они, право, при такой занятости заниматься одним «арестантом», «вот погоди, к вечеру соберут по городу всех попавших в этот день нарушителей, тогда и займемся всеми, и разместим по первому разряду, места есть, слава богу, здесь не тюрьма, где арестантов по пять-шесть человек на место. У нас «ИВС» – Изолятор временного содержания – отсюда можно еще и выйти, если не через три дня, то через десять, больше десяти здесь, у нас, не держат, а там или домой, если поймут, что не виновен, или в тюрьму, в Следственный изолятор, СИЗО, там можно сидеть долго, не только до конца следствия, но и до суда».

Но суды перегружены, пока дойдет очередь до тебя, могут пройти не месяцы – годы. Правда, если суд признает тебя виновным – годы отсидки в Изоляторе тебе пойдут в зачет, но если тебе дадут меньше, чем уже отсидел, или суд признает и вовсе невиновным, что ж, не повезло, будет впредь пострадавшему уроком – не садись, брат не в свои сани, берегись по жизни, осматривайся, не попадай по-глупому под горячую руку. Или – не под ту руку.

Наконец пришли за мной, провели в комнату досмотра, обыскали, отобрали поясной ремень, шнурки всякие, с обуви и с одежды, приказали раздеться догола, ощупали и осмотрели все, заглянули во все отверстия, включая заднее, тщательно прощупали одежду, содержимое карманов сгребли в один пакет, на деньги и часы составили опись, дали подписать – «одеваться и за мной».

Первое ощущение в камере – это никаких ощущений. Общая предварительная камера. Довольно большая комната, примерно четыре на четыре метра, окон нет, только вверху небольшая отдушина, закрытая снаружи металлическим листом. Большую часть площади занимают сплошные деревянные нары, как полаты в деревенской избе, только на уровне пола, ну, может, чуть выше, на полметра. На этих нарах-полатях и сидят, и едят и спят вповалку, не раздеваясь, все вместе, рядом. Бывает и в два ряда, если насобирают много людей. Но день на день не приходится, в субботу и воскресенье, в мой день рождения, задержанных было немного, все уместились в один ряд.

В углу напротив нар – «параша» и умывальник. Небольшое свободное пространство вдоль нар, около полутора метров шириной. По этой дорожке я и вышагивал всю первую ночь, ошеломленный происшедшим.

В голове шумело, спутанные мысли лезли в голову и били по мозгам, словно молот по наковальне. По ушам чувствую, что поднялось давление, начинают мелко дрожать мышцы левого предплечья, губы задеревенели, стали словно чужими. Такое бывает, когда очень замерзнешь, или когда чем-то обижен. Или перед сердечным приступом. Да, давление запредельное. Надо бы вызвать врача, но кто скажет, какое сейчас время? День, ночь, вечер? Попал я в камеру около семнадцати, сколько же здесь нахожусь? Ужин подавали около шести, я не брал, не до еды, чашки забрали через полчаса, час-два проговорили, знакомившись, что делать, жив не жив, а общаться надо, потом приводили новых людей и тоже – знакомства, разговоры – это, возможно, еще два-три часа, хожу я со своими бессвязными мыслями – ну пусть два часа, сколько же получается – нет, это абсурд, так время не высчитаешь, может, спросить в окно? Что в двери, с круглым, аккуратным таким «глазком», как же оно, окно-то, называется, да, может, постучать в «кормушку»? Черт его знает, можно ли – изучи сперва порядки и законы тюремные, как бы не попасть впросак, слышал раньше, или читал где-то, что за нарушение одного страдает вся камера, еще виноватым окажешься, ладно, доживем до утра, если легче не станет, спрошу у сидящего здесь ветерана, он здесь по его же словам, давно уже постоянный клиент, все знает,

спрошу – как здесь вызывают врачей.

Может, уснуть? На нарах свободно, вечером привели человек пять, так что все разместились в один ряд, на голых нарах вповалку, кто на чем, на пиджачке, там, на рубашке, кого в чем взяли, под голову кулак.

Все молодые, пацаны просто! Во сне кто-то храпит, кто-то стонет, вскрикивает, с кем-то разговаривают.

Нет, уснуть не смогу с такими тяжелыми мыслями.

В камере есть старик, ему пятьдесят два года, а выглядит на все семьдесят. По его собственным словам гость он здесь частый, порядку знает, может помочь. Попадаетея он на мелких кражах, на вокзалах и пристанях, и даже показалось мне, что попадаетея специально, по-быстрому, после выхода из тюрьмы снова что-нибудь натворит, мелкое, его и забирают снова. Тюрьма для него, что дом родной – здесь и кормят и крыша, хоть и такая, а все же в доме, не под открытым небом. Человек тихий, не бузит, дежурные его знают и относятся к нему снисходительно, по крайней мере на второй день, когда курево у всех кончилось, он выпросил у дежурной какие-то окурки, из табака свернули сигарку и все понемногу покурили. Открыто порадовались, когда я от своей «доли» отказался, сказав, что не курю, даже как-то общительней со мной стали. Но это завтра, а сегодня голова разламывается не так от боли, как от несчастных, запутанных мыслей.

«Что же произошло, как же это могло случиться, кому все это надо, кто заинтересован в этой моей изоляции? Зачем я ехал сам, на своей машине, опер же недвусмысленно намекнул – могут закрыть. Да не намекнул – прямо сказал! Но Катков, он же сам, при людях заявил – не волнуйтесь, с вами только побеседуют, завтра вы вернетесь – и потом, перед самым отъездом, он сел в машину и еще раз все это повторил. «Я лично говорил со следователем, он подтвердил, что вы вернетесь». Что же это за люди такие, для чего, чтобы не сбежал? Так они же юристы, психологи, неужели не видно, способен человек сбежать или с ним можно работать на доверии? А ведь уехать я мог спокойно, предписаний у меня никаких не было, имеются постоянные, годовые, визы в США и Панаму – да после первого же вторжения в офис я спокойно мог уехать и «ищи ветра в поле»! Но мог ли я, по натуре своей, по совести, уехать, когда над Компанией, над семьей нависла такая угроза? Компания семейная, забрать без меня могли любого – жену, сына. И что, я бы прятался за границей и ждал, что с ними будет? Кошмар какой-то. Нет, значит они не психологи, значит не познали они человеческий материал, да и способны ли познать? Боже мой, более сорока лет добывал стране Золото, Платину, Алмазы. Работал и с «органами», и с контролем, каких только проверок не пережил, каких чудес не видел! Кроме самых высших характеристик и похвальных заключений по тем самым проверкам никогда никаких замечаний не получал. И вот, нате вам – тюрьма. Поистине – ни от чего не зарекайся! Но что же делать, как там дома, знают ли? Нет конечно, я еще мог до дома не доехать, еще ждут, надеются, что вот, скоро приедет, где-то уже на подъезде, пока все в напряжении конечно, но еще без паники, без удара. Завтра начнется беготня, звонки, розыск, нет, не завтра, завтра воскресенье, все на них обрушится в понедельник. Но сообщат же, наверное, должны сообщить, обязаны, по закону обязаны... Ах, кто их там знает, что и кто там обязан, начнут палки ставить в наши колеса. Да нет, не должны, люди же, россияне, православные, должны же семье сообщить, где их отец. Они ведь за меня теперь отвечают, раз «взяли». Впрочем, что ты так волнуешься, в понедельник придет следователь, вот и спросим, сообщили семье или еще нет. В понедельник уж наверняка сообщат, рабочий же день. Господи, за что мне все это!»

Во сне захрипел старик, вскрикнул что-то, повернулся, заснул ненадолго, вдруг закричал снова и сел, еще не проснувшись. Спал он как бы отдельно, в углу, у стены, около него было пусто, зазор места

на два. Он сидел какое-то время с закрытыми глазами, охнул негромко и проснулся.

– Ты чего это, парень, не спишь? Брось ты изводиться, так ведь и чокнуться можно, полежи, может, уснешь, постарайся уснуть.

– Спи, спи, я лягу, вот похожу еще и лягу.

– Да ты и так небось много километров находил, сердце-то не выдержит, ложись, говорю, не гневи бога.

– Спи, старик, сейчас лягу.

Старик сходил на парашу, охнул, снова залез на нары, на обжитое место, вскоре уснул.

Ноги у меня действительно гудели, я сел на краешек нар, посидел, почувствовал дремоту, лег, задремал было, кто-то тяжело поднялся к параше, осторожно вернулся на нары, залег, я снова углубился в свои раздумья и незаметно уснул. Но и во сне звучало – «как же так, как же это так»?

– отчаяние, безнадежность, безысходность. И ничего изменить нельзя, ничего предпринять нельзя, никому ничего сообщить нельзя, ничего нельзя, только вот ходить и ходить по этой узкой дорожке вдоль нар – семь шагов туда, семь шагов обратно, от стены до стены, туда – обратно, туда – обратно, о боже, чем занять этот воспаленный мозг!? Ты же спишь, так спи! Не считай свои шаги, забудься, усни, не думай.

Сон в тюрьме – благо.

* * *

В Балаклее отец служил в особом местном стрелковом батальоне – ОМСБ – здесь батальон дислоцировался по окончании войны. Отец служил заместителем командира батальона по политчасти, в звании капитана. Начав войну рядовым, закончил он ее капитаном и руководство назначило его вот на такую ответственную по тем временам должность.

Балаклея оказался удивительно красивым городом, шикарным, старой готической архитектуры благоустроенный центр и одноэтажные окраины, в основном, как сейчас говорят, «частный сектор». Этот частный сектор был особенно красив и зелен – фруктовые сады, богатые и довольно обширные обустроенные огороды, в каждом огороде – колодец с водой, для поливки и других хозяйственных нужд. Весной весь город благоухал пахучим разноцветьем богатых садов.

Что удивительно, город не очень разрушен, хотя переходил «из рук в руки» в длительных, кровопролитных боях по нескольку раз. Подвалы многих домов замурованы наглухо. Как оказалось, в подвалах этих замурованы немецкие трупы – хоронить их некогда было в горячее военное время, их просто собирали, сваливали в подвалы и замуровывали. В окрестных лесах, в обвалившихся окопах лежали во многих местах не захороненными и русские военные, в основном солдаты, ефрейторы, сержанты. Лежали с оружием, с винтовками, еще не пришло время собрать и захоронить всех.

Летом 1946 года было массовое захоронение в братские могилы наших, погибших во время «балаклейских» боев, воинов. Все это было обставлено очень торжественно. Вырыли широкие котлованы, глубиной более двух метров – из-за большого количества гробы пришлось ставить в два слоя, выставлялись вначале нижний слой, на них еще один ряд гробов, иначе не удалось бы разместить все захоронения.

Всех найденных по лесам погибших воинов уложили в новые гробы, свозили все эти гробы в одно место при въезде в город, и оттуда шло торжественное шествие к месту захоронения. Очень нас, жителей Сибири, удивило церковное крестное сопровождение этой процессии. Мы ведь никогда не видели и не

слышали церковную службу.

Впереди шли в богатом одеянии священники, с крестами и хоругвями, с церковным песнопением и только за ними руководители города и общественность, а далее многочисленное народное шествие. Весь город участвовал в этих похоронах, вот уж поистине от мала до велика.

Мы, пацаны, успевали везде. Все нам надо посмотреть, все проверить, даже в гробы мы заглянуть успели, да, лежат там солдаты, никакого обмана, все по настоящему.

Гробов было много, процессия растянулась на всю длину городских улиц, передние уже подошли к братским могилам, а задние еще не вошли в город. У братских могил состоялся митинг. Говорили многие и подолгу. Женщины плакали, молились. После митинга – Богослужение, нам трудно было понять, что это значило, но все пацаны как-то подтянулись, не шумели и не шушукались, торжественность захватила всех.

Похороны продолжались несколько дней, с митингами и Богослужением.

А потом был объявлен всеобщий городской «сход», на котором решили «всем миром» принять участие в очистке города от немецких трупов. Подвалы вскрыли, обмуровку разобрали, было задействовано огромное количество транспорта, в основном, «гужевого» – телеги, запряженные парами лошадей, военные подавали в разобранные окна погребов неплохо сохранившиеся трупы, жители домов и улицы принимали их и грузили на телеги. Возницы из окрестных деревень отвозили мрачный груз к месту захоронения. Город был очищен за две недели, исчезли приторные запахи, постоянно «висячие» в воздухе, город не просто очистился, он расцвел.

Вся эта работа по захоронению погибших – своих и немецких – проведена была по времени очень быстро, за месяц.

Люди в Балаклее дружелюбны, общительны, быстро сходились с новыми соседями, помогали устроиться, советовали, как лучше разработать огород в этом непривычном для сибиряков Черноземье, что и как садить в огороде и когда. Мать у нас опытная огородница, быстро все усвоила, спланировала, работали мы всей семьей дружно, никто не отлынивал и вскоре у нас родился чудо-огород, там было все, что требуется семье, смотреть на наш огород приходили не только соседи, но и с дальних окраин – «слыхали, слыхали, да, не напрасно хвалят люди, гарно, гарно», а мать дивилась и радовалась земле, чернозему «жирная, ах жирная земля, под лопатой как масло» – огород действительно радовал всех.

В школе, как водится, пионерский отряд, где я вскоре стал барабанщиком, учителя дивились радостному и разнообразному дробному стуку, не знали они о моей детской, но уже с большим стажем музыкальной учебе, вот думали, какой способный мальчик, только взял барабан в руки, а как выводит!

Когда наш отряд шел по городу под звуки горна и барабанную дробь, до самой школы сопровождали нас мальчишки, подстраиваясь под наш ритм и под наш шаг.

С пацанами я подружился быстро, особенно дружил с соседом нашим, Колей Исиченко, очень толковый, не погодам серьезный мальчишка. Выдумщик и фантазер, он часто придумывал новые интересные игры, но всегда получалось так, что игры эти превращались в серьезные занятия. Жили они вдвоем с матерью, отец погиб, жили не богато, но не бедствовали. Ребята уважали Колю. И в школе, и на улице.

В батальоне у отца я бывал почти каждый день. Мне сшили военную форму – красивые брюки, сапоги, гимнастерка, пилотка, все как у солдата, одевал я этот военный костюм только когда шел в батальон. Дежурные на КПП меня знали и когда я проходил, шутливо отдавали мне рапорт. Участвовал я с солдатами на их спортивных занятиях, в пробежках и кроссах, с офицерами участвовал в стрельбах, по разрешению самого Командира батальона.

Развился в то лето не по годам просто замечательно. А в праздники стал участвовать в солдатской самодеятельности, пел украинские песни, читал стихи, солдатские режиссеры обыгрывали мои выступления с учетом возраста и наши номера имели большой успех.

По субботам в солдатском клубе шли кинофильмы и мне в этот день разрешали приводить с собой друзей, но не более двух, чаще всего мы приходили с Колей.

Летом ездили всей семьей на Северский Донец, купались, загорали, я нырял в реку с кручи и почти «переныривал» неширокий, но глубокий Донец. Взрослые рыбачили, жарили шашлыки из свежей рыбы, запивали молодым вином из частных погребов.

Детей далеко не отпускали – в лесу и на полях кучами лежали снаряды, мины и другие военные боеприпасы, неиспользованные в недавних боях, еще не убранные и опасные. Совсем недавно два пацана нашли противотанковую мину, решили её разобрать, ударили молотком – взрыв, и ни пацанов, ни мины. Да и у нас в огороде Саша нашел мину, дождался, когда отец пришел на обед и принес мину прямо к столу узнать, что это за мина и можно ли посмотреть – что там внутри. Отец онемел вначале, спохватился, вырвал мину из Сашиних рук, бегом в огород, к колодцу, швырнул ее туда – ложись! Но мина не взорвалась. Отец и обедать не стал, читал нам наставление про опасность мин и снарядов, что во множестве лежат в лесу и на полях вокруг города. А так как лежали они кучами, во множестве, без охраны и ограждений, к кучам этим быстро привыкли, никто не обращал на них внимания, пока скотина какая-нибудь, корова там, телок, не залезут на кучу, тут уж бежишь сгонять, с палкой или хворостиной – «а ну! а ну!» – и тоже на кучу эту прыжком, иначе не достать скотину, а со стороны не сгонишь.

Вообще, к оружию тогда привыкали быстро. На станцию ежедневно прибывали эшелоны с трофейным оружием. Автоматы, винтовки, пистолеты – чего там только не было. Все пацаны, играя в войну, были вооружены настоящим оружием, как и положено в войсках – «офицеры» с пистолетами, «рядовые» с винтовкой, но чаще с автоматом, он поменьше и легче. «Немцы» – с немецким оружием, «наши» – с нашим. Добывали все это на той же станции. Что мог с нами сделать один на весь эшелон охранник, хоть он и вооружен, да мы-то, знали, что стрелять в нас, пацанов, он не будет! Так что, мы не просто брали это оружие, еще и выбирали, что кому надо в этот день.

И по лесам мы ходили, собирали лесные орехи, дикие яблоки-дички, малину, смородину, другие ягоды с богатых, нетронутых кустов.

Осенью отца неожиданно вызвали в Харьков, в Обком партии и вручили направление ЦК Украины на партийную работу в Западной Украине – там зашевелились Бендеровцы.

Создавалась мобильная группировка по уничтожению бандитских формирований, нужно было партийное руководство, партийный контроль и партийное обеспечение.

25

В воскресенье в камеру привели несколько человек – молодежь, пацаны. В основном стандартные нарушения – угон автомобилей, квартирная кража, кража на вокзале.

Ребята приходят возбужденные, много говорят, веселые, смеются, много курят. Рассказывают с рисовкой – где кого забрали, как забрали, и как они дурили «ментов».

Но это быстро проходит и начинается тоска, нытье – «дурак, попал по глупому, мог уйти, да, видел же, что машина с контролем, вот дурак» – и так до самого сна, охают, стонут, бегают по узкому проходу вдоль нар. Раздетые, в одних рубашках – день был хорошим, солнечным – пустые, с собой ничего, взяты «тепленькими», прямо на месте преступления. Вот и хорохорятся вначале, но

остывают быстро. Ночью в камере холодно – мерзнут, жмутся друг к другу, как зверята маленькие.

Звереныши и есть. И разговор-то у них один – когда, где, кого, за что, в который раз. Спешат, торопятся побыстрее все свое высказать. Но постепенно возбуждение спадает, наступает тоска несусветная. Опомнились, поняли, что все это не временно, нет, надолго, не на один год. Особенно страдают те, кто повторно – «мне ж теперь добавят, я же не впервой, вот черт, угораздило, да у меня же мать старенькая, больная, как же она теперь». Ночью во сне стонут, кричат, подвывают. Как волчата. И жмутся, жмутся друг к дружке, греются.

Я не спал. Снял все теплое, что было на мне, укрыл замерзших пацанов. Пусть спят. Мне все равно ходить и ходить. Согреюсь.

Я и на вторую ночь не смог ни лежать, ни сидеть. Ходил из угла в угол до самого утра. Утро узнал по раздаче хлеба, это около шести утра, здесь на иваси, в тюрьме – там раздают раньше. Утра мы не видим, здесь его нет, смотреть некуда, и рассвету показаться неоткуда – окон нет.

В камере сплошная ночь, тусклая лампочка горит круглосуточно, это и есть наш постоянный и единственный свет.

** * **

Семья готовилась к переезду. Все, что успели купить для дома – распродали, за бесценок, продали огород, что еще там оставалось неубранным, распродали и снятый урожай, опять же не по рыночным ценам.

Да, верно говорят – два раза переехать, что один раз погореть. А тут – в марте переехали из Сибири, а в сентябре новый переезд – теперь куда-то аж за Львов, в Западную Украину, где и Советской-то власти ещё по-настоящему не было...

Мать не хотела уезжать из Балаклеи – здесь у нас случилось большое горе, несчастный случай, катастрофа – погибла любимая моя сестра Нина. Вся трагедия для меня и все горе для матери заключалось в том, что виновником трагедии оказался именно я.

И сейчас, через десятки лет, не могу вспоминать эту трагедию без слез. Мать сказала мне перед смертью – «мы знаем, мы скорбим, мы виноваты – а всем это знать не обязательно. Не тревожь душу ни живым, ни умершим. Нина у нас безгрешная, душа ее давно на хорошем небе». Она так и сказала – «на хорошем небе».

Нину похоронили здесь, в Балакее, на городском кладбище. Вот мать и плакала – как же останется она здесь одна. Но жизнь не остановишь, жить надо.

Уезжали мы четвером – мать с отцом и мы с младшей сестрой. Саша поступил в Киевское военное училище, прислал фотографию – новенькая форма курсанта, цветущий вид, улыбается, доволен.

– Ну, слава богу, один определился, – вздохнула мать – в это беспокойное время хоть у Саши полная определенность! – и закрыла платком глаза.

В Белогорске, что в Западной Украине, отца избрали секретарем райкома партии, нас поселили в бывшем поповском доме.

Большие хоромы, огромный сад, перед домом площадь, куда сходились несколько дорог, посередине этой площади – глубокий общественный колодец, огороженный толстыми бревнами и закрытый массивной колодезной крышей.

Заселялись мы в этот дом как-то тяжело, медленно, не то, что бы с неохотой, но без радости. Мать

обошла весь дом, осмотрела все комнаты, подсобки, вышла на разрушенную часть – в эту половину попал снаряд и полдома как бы отрезало – вернулась и мрачно сказала отцу:

– Это не наш дом и нашим он никогда не будет. – Нет, не в смысле «собственности» сказала, а в смысле «наш дом». – Не будет нам в этом доме ни покоя, ни радости.

– Но это же временно, Аля, пойми, обживемся, посмотримся, что-нибудь придумаем.

– Никогда мы здесь не обживемся, да и что мы придумаем в этом полуразрушенном городе.

– Не так уж он и разрушен, центр немного погорел, а так, «частная» сторона вся цела. Ну не торопись, мать, пойдет все как надо, что-нибудь приобретем, дома сейчас не очень дорогие.

– Это потому, что у людей денег нет. Им и жить негде, а денег нет, чтобы что-то построить или купить, как ты говоришь. Нет, ничего мы здесь не купим и не построим. Ладно, проживем пока, там посмотрим. И что мы сюда поехали, на Урале и дом, и работа, и все нас знают, и сторона родная – ну что нам здесь за дело, разберутся они здесь, на Украине, сами и без твоей помощи. Убьют еще, чего доброго.

– Успокойся, мать, не бузи, не нам решать, поручение такое – понять-то можешь.

– Понять-то я могу, Саша, да не в свое дело мы ввязываемся. Школа в Белогорске только украинская, русской школы нет, пришлось учиться на украинском языке. Освоились мы с сестрой быстро, а через полгода и не представляли, как это мы говорили по-русски и не знали украинского, да быть того не может!

Отец ворчал:

– Говорите дома по-русски, а то и вовсе язык родной забудете.

Пробовали дома говорить на русском, но не всегда уже и получалось. Везде – и в школе, и на улице, и в кино, и на базаре – все говорят на одном языке, на украинском. Дети новый язык схватывают быстро, но перестроить свой разговор на два языка не так-то просто.

Мать, вздохнув, не выдержала, решила:

– Говорите, как вам удобней, а то еще «свихнетесь». Ничего, отец, вернемся на родину, так же легко вернуться они и в родной язык. А сейчас нечего забивать голову. Пусть говорят, они же не одни, вокруг люди, друзья, товарищи. Как же им раздваиваться? Ничего, пусть говорят, как им удобней.

С ребятами – и в школе, и с соседями – сошлись быстро, но не без, как сейчас говорят, «приколов».

Когда мы въехали в этот «поповский» дом, вокруг дома, особенно вокруг сада, стали «кучковаться» какие-то пацаны. Я старался не обращать на них внимания. Это не понравилось. Тогда в ходу были разного рода «поджиги» – и в форме пистолета, и просто трубка с заклепанным одним концом, туда набивали зажигательной смеси, самой разной, от пороха до серы со спичечных головок, вставляли в ствол гвоздь, резко перевернув трубку ударяли гвоздем обо что-нибудь твердое, раздавался оглушительный взрыв, как выстрел, из трубки – дым, не опасно, но эффектно.

А «поджиги-пистолеты» и того интереснее – это уже настоящее оружие, деревянные пистолеты с намертво прикрепленной к рукоятке медной трубкой с прорезью в начале «ствола», у самой рукоятки. В ствол набивали порошу или чего-то еще из зажигательных смесей, набивали дробь или металлические опилки, все это плотно «пыжилось», в прорезь ствола для поджога вставлялась спичка, поджигалась и вот он, настоящий боевой выстрел.

У меня и сейчас еще сохранился на руке, между большим и указательным пальцами, след дроби от разорвавшейся трубки, не выдержавшей усиленного заряда и выстрелившей не вперед, а назад, в руку.

Приемы эти были нам известны давно, еще в Кургане мы развлекались этими трубками, пугая

зазевавшихся или угрожая противникам по уличным «разборкам», поэтому когда у нас на крыльце раздался такой выстрел, испугавший мать, но хорошо известный мне, я спокойно вышел на крыльцо и спросил небольшого парнишку, стоявшего вызывающе, но независимо у крыльца, с нескрываемым нахальством подбрасывая трубку в руках:

– Что, познакомиться хочешь?

Парень растерялся. Такого начала его предводителями не предусматривалось.

– Чи... дюже надо.

– А чего гремишь? Не можешь подойти спокойно? Где старшие?

– Старшие на мисти.

– Ну так зови!

– А че звать, вон они.

На пригорке толпились ребята, чуть старше моего возраста. Я их будто не замечал.

– Тебя как зовут?

– Ванькой.

– А там на горке что, брат твой?

– Ага, Володька. Валигуры мы. А тэбэ як зовуть?

– Меня, Юра. Ладно, зови брата.

– Так вин же ни одын, там еще Славка Новицкий, и Вася с Борей.

– Ну так и зови всех.

Ванька свистнул, помахал призывно рукой – «идите сюда!». Ребята на пригорке развернулись и пошли прочь, на гору. Ванька тоже развернулся и убежал.

В следующий раз подошли вдвоем, два брата Валигуры – Ванька с Володей. Володя года на два постарше меня, сдержанный, солидный. Я вышел к ним на крыльцо, хотел заговорить, но Ванька неожиданно запустил в меня крупным неочищенным, еще в зеленой кожуре, грецким орехом. Я едва успел увернуться, орех летел прямо в лоб. Спрыгнув с крыльца, я со всей силой «врезал» Ваньке в челюсть. Тот взвыл, бросился было на меня, но Володя спокойно так, легким жестом, остановил брата.

– Хватит, Ваня, он выдержал. Добрэ, наш чоловик. И ко мне:

– Юркой, кажешь, зовуть?. А зачим прыихав, та ще и святой дом заняв.

Я буквально опешил.

– Та хибаш я сам...

– А отиць хто?

– В Горкоме будет работать.

– А, службовэць, значить. Ну ладно, потом посмотрим. В школу пойдешь?

– Пойду, в третий класс.

– А как учиться будешь, по-руськи? Мы по-руськи нэ балачим.

– Научусь як нибудь.

– В одном классе учиться будем.

– Как так, ты поди постарше меня.

– Так у нас же нимэць стояв. При нимцах нэ вучились. Вот и догоняем тэпирь. Все – в третьем да четвертом классах, и малые и большие. Там и постарше меня будут. Что, завтра в школу вместе идем?

– Пойдем, конечно.

– Ну так с утра мы за тобой зайдем. Мы тут мимо проходим, как свистнем, ты выходи.

Так началась дружба с братьями Валигурами и Славкой Новицким.

Много у нас потом было происшествий, не знаю, кто на кого и как влиял, это мне мать с отцом постоянно твердили, что «улица» на меня губительно влияет, и друзья мои непутевые на меня оказывают какое-то недостойное влияние.

Думаю, что мое влияние на Вовку и Славку было не меньшим, чем и их на меня.

Мы быстро организовались в дисциплинированную «ватагу». Взяли полный контроль над Подгорной улицей. Где что брать в богатых садах или на лакомых грядках – это мы решали каждый день, по утрам, на наших общих сборах. Все участники нашей организованной ватаги имели звуковую связь – колокола там, снарядные гильзы, еще, что-нибудь громкое – ну прямо как в команде Тимура гайдаровского, но у нас действительно все это было, работало и мы действительно всем этим пользовались.

Однажды нас вызвали на общеквартальный сбор. На серьёзную «разборку».

Дело в том, что Пивень со своими дружками держал всю Подгорную в страхе, вытворяли они там, что хотели, по мелочи, конечно, но «чистили» сады и огороды. Послевоенный голод уже проходил постепенно, но, по привычке, пацаны еще азартно лазили по садам. Да по огородам.

Улица Подгорная была главной на всем правом Подгорынье. Вот «брательники» и возмутились нашим нахальством – брать что хочу и где хочу. И никого не пускать на свои улицы.

Вызвали нас на переговоры для определения зон влияния – вам сюда нельзя, а мы туда, к вам, не пойдём.

Встречу назначили у «Высокой фигуры» на кладбище – так обозначалась на нашем жаргоне могила старого польского князя, с самым высоким на кладбище надгробием – обелиском.

Встреча намечалась три на три, от нас три человека и от них столько же. Мы, честные, а значит наивные, пришли трое. Когда же не договорились, нас окружили. Ребята все рослые для своего возраста, настырные. Предъявили ультиматум – «или вы с нами, или мы против вас. Но тогда никто из вас отсюда не уйдет».

Ребята пережили войну, видели смерть и к ней привыкли, для них разрешить спор смертью, или, в крайнем случае, просто «поножовщиной», казалось не только нормальным, но и справедливым.

Валигура «полез в бутылку» – его смерть тоже не пугала и спор не останавливала – «ничего, за нами придут другие». Он ведь тоже был – «дитё войны».

– Чево вы хотите? – спокойно вмешался я, до сих пор молчавший, но главное, не имевший той закомплексованности – или «да», или драка, «поножовщина», а может и смерть!

– Кто такой? – мгновенно среагировал «главарь».

– Москаль, службовэць, я тоби о нём казав. – Услужливо доложил кто-то.

– Что, Валигура, своей башки не хватает, у «москаля» просишь совета?

– А ты не шубутись, этот москаль нас с тобой двоих стоит, его слова – мои слова.

– А что тебя не устраивает? Ты нам скажи, действительно, что вам надо от нас, чево нас позвали? Мы пришли трое, как условились, а вы?

– Мы вам сказали, изь подьгоры нэ выходить, вы против, что же нам прикажешь робыть? Уступить вам «наши» улицы и земли?

– Очнись, Пивэнь, чего ты мелешь, мы что, дурные, делить не наше? С какого боку «улицы и земли» вдруг «ваши»?

– Все наше, Валигура, сады, огороды, хаты наши и клуни наши, будете мешать, полизэтэ нэ по уговору, убью. Решай сейчас, ребята жьдутъ.

Володя повернулся ко мне. Рядом сидел Славка.

– Решайте, ребята. Я им скажу.

– Отведи, Пивень, своих «бойцов», пусть не давят на нас, скажем тебе наше решение.

Мы снова остались три на три. Долго молчали.

– Ну, чего ж вы не советуйтесь, советуйтесь давайте, не можем же мы здесь сидеть до вечера, с нами вы или против?

– С вами, конечно, но Подгорная наша, а там как хотите. Если нет, объявим вам войну. Но в войне этой погибнете и вы тоже. Подумай, Пивэнь, и решай с умом, без извечных твоих выкрутасов.

Володя сидел напряженно, но смело и уверенно смотрел на Пивня.

– А что «москаль» скажет на это? – Пивень нахально посмотрел на меня.

Когда на меня смотрят в упор, я всегда как-то смущаюсь, мне кажется, что человека этого, что так смотрит, я чем-то обидел. Мне все время хочется извиниться перед ним.

Но тут смотрел враг. Я это видел, я это чувствовал, я это испытал на себе не один раз и раньше, до этой встречи, взгляд врага я узнавал сразу.

– Тебе сказал наш командир, чего же еще.

– А ты, сам, как бы ты сам рассудил? – Я видел, он наслаждается безнаказанностью, силой своей, своим превосходством – нас то всего лишь трое.

– Если б кто-то нарушил слово, что дал мне, я б ему не простил.

– Ну не простил, и что? Что бы ты сделал?

– Я бы не простил.

– А, понимаю, отцу бы нажаловался.

Взлетел я мгновенно, никто ничего еще и сообразить не смог, а Пивень уже лежал на земле, почти в безпамятстве, бил я его нещадно, ногами. Меня схватили, Славка встал передо мной защитой, чтоб не напали, Валигура раскидал остальных защитников Пивня, но мы помнили, за кустами его ребята, надо спастись, быстро, бегом за могилы! что там у нас есть из оружия, да, монтировка на тропке, меж могил, лопата, вот здесь, я ее видел, да, вот она, ну что там еще, уходим?

Выбрались мы спокойно, без потерь, миновали кладбище, пришли к Вовкиной усадьбе, она первая на пути нашего отступления, осмотрелись, нет, никто нас не преследует, не догоняет.

– Ну что, Валигура, что назавтра? Может, большой сбор? – Славку трясет от возбуждения.

– А вот завтра и посмотрим! Кто кого. Думаю, ребята, мы победили, иначе нас с кладбища никто бы

не выпустил.

На Подгорной мы стали полными хозяевами. Никто против нас и пикнуть не мог.

– Всё, пацаны. Прекращаем по садам «шастать». Охранять теперь будем. Пусть наши соседи поживут спокойно! – решил, наконец, Валигура.

Набеги и «ватаги» Пивня на сады да огороды постепенно прекратились. В недоумении соседи, куда же это садовые «налетчики» подевались, не иначе ждать надо какой-то беды. А потом и привыкли – ни «беды», ни налетов.

Но мы помнили – Пивень обид не прощает. Договорились – по одному не ходить, держаться вместе, выходить на какие-то дела ватагой. Но так ведь долго продолжаться не могло. Есть же у каждого и свои дела. На базар, скажем, ватагой не пойдешь, купить там что-то, за чем мать послала. Да мало ли какие дела у каждого могут возникнуть?

Вот и мне однажды приспичило, пошел к Дыховычному узнать, когда кружок баянистов начнет работать. Отец пообещал купить баян, я и пошел узнать, долго ли на баяне учиться играть надо. Иду не торопясь, не глядя по сторонам. Вдруг кто-то сзади за штаны хватается. Повернулся, ударил по рукам. А вокруг уже человек пять или шесть, стоят, улыбаются. Пивень посередине. Тоже улыбается. Дружески так. Безобидно вроде.

– Должок у тебя перед нами, службовэць.

– Какой долг? Что-то не припоминаю.

– Ну как же. Вспомни – старое кладбище, там на горе, «высокая фигура». Деловая встреча, деловой разговор. А ты? Разбил дружбу, полез в драку, да еще и неожиданно. Не помнишь?

– Если я виноват, давай отойдем. Один на один. Что ж ты, с бригадой? Есть претензии – предъяви. Только не толпой. Или опасешься в одиночку?

– Он ничего не понял, робя, помогите ему вспомнить. Круг вокруг меня начал сужаться.

– А ну, пацаны, ша! – раздался вдруг строгий голос позади толпы. – Что это вы? Так не справедливо! Вас вон сколько, а он один. Со мной хотите потягаться? Давайте лучше со мной!

– Да ладно, Костя, мы же по-доброму. Мы же не знали, что он «твой». Все, все – уходим.

Я посмотрел на своего спасителя. Вот это да! Да это же Костя Михайличук, знаменитый пацан. Партизан в войну. В партизанском отряде воевал. Пацан, ему тогда четырнадцать лет было. Кто ж не знает его историю!

...Партизаны только отбились от очередной «чистки», каратели их преследовали который день. Но вот вроде чуть оторвались от мадьяр. «Чистили» партизан мадьяры – самые жестокие, самые беспощадные среди немецких карательных отрядов.

Партизаны разбили в лесу временный полевой госпиталь, подтащили раненых, врачи начали оказывать помощь, перевязки там, правка вывихов. Ждали хирурга. Многим надо было сделать несложные операции – повынимать засевшие в теле пули. Были ранения и посерьезней. Костю тоже зацепило в тех боях, прострелили ему плечо, пуля ушла навывлет, но плечо надо подлечить. Его тоже определили в госпиталь. Вдруг – опять тревога в лесу. Их снова настигли каратели. Беспорядочная стрельба, паника, приказ госпиталю немедленно уходить. А куда, отряд окружен, сам пробивается с боем, стрельба уже у госпитальных палаток, кто мог подняться и уйти, те побежали, но слышно было, что мадьяры стреляли почти в упор, пули настигали всех выскакивающих из палаток раненых. Рядом с Костей на раскладушке лежал пожилой партизан с простреленными ногами, встать он не мог, но схватил Костю за руку и толкнул к

узкому палаточному окошку.

«Беги. Не в дверь. Беги в окошко, спрячься в кустах. И не шевелись, до темна спрячься!».

Так Костя остался живым. После ухода мадьяр он зашел в палатку, откуда бежал, хотел помочь «обезноженному» партизану. И ужаснулся! Партизан мадьяры не расстреливали, они их резали штыками. Всех. Живыми не оставили никого.

Костю к какому-то празднику наградили. Орден боевого Красного знамени ему вручал отец.

Вот и Костя на добро добром ответил – выручил меня от гнева злопамятного Пивня.

С тех пор мы подружились с Костей. Я провожал его на вокзале, когда он уезжал в Киев, в военное училище.

А Пивень смирился. Даже искал дружбы, но – как-то не получилось.

26

Утром камеру разводят – одних увозят в отделение, где взяли, других на допрос, дознание, по «хатам» в тюрьму, а кого и на «выход» – или куда-то переводят, или отпускают совсем.

Меня тоже перевели – в небольшую камеру на четыре «шконки». В камере двое. Один, что помоложе, уступил мне нижнее место.

– Ложись, старый, что-то вид у тебя больно измученный, не спал поди давно.

– Да, не пришлось. – Поблагодарил за место, за матрац. Матрац, это на Иваси большая редкость – вечно их не хватает. Спят зачастую на голых нарах.

– Старый, да ты впервой, что ли? Что за благодарности? Пользуйся, меня сегодня переведут на «хату», а тебе еще дней десять «париться».

– Почему десять?

– Так система! Арестовали на три дня, потом прокурор продлит твой арест до десяти дней, а потом новое продление, но уже в СИЗО. Здесь на Иваси больше десяти дней не держат.

– Понятно.

– Да ты что, старый, действительно впервые?

– Первый раз.

– Значит надолго! В таком возрасте если впервой, то надолго. Спрячут – любо посмотреть. Так что осваивайся. Да не тушуйся, спокойнее, на дольше хватит.

– Что ж, спасибо. И за место, и за науку.

– Научись, как твои годы, – и полез наверх, – поплю. Вечером часов в восемь забирать будут, на этих переводах до утра «валындиться», так что лучше заранее поспать. Есть хочешь?

– Нет, не хочу, спасибо.

– Ха, «спасибо». Ты эти «интеллигентские» штучки брось, а то в тюрьму попадешь, наплачешься.

– Вряд ли я уже перестроюсь, возраст не тот.

– А ты постарайся. Присматривайся, говори поменьше, молча-то быстрее освоишься. Постигай, старый, науку тюремную, а то тяжело тебе будет, особенно в общей камере.

– Понял. Ладно, ребята, поплю, не спал я со вчерашнего дня.

– Вот это правильно. Сон в тюрьме – благо. Не всем удастся, в общей-то камере и вовсе мало кто спит. Там ведь и места может не быть, стоя спят многие. Так что, пока на Иваси – отсыпайся, здесь места всем достаются.

– Тебя как зовут?

– Николай я. А это – Леша. Вы с ним вместе еще побудете. А меня сегодня на «хату». Засиделся я здесь.

Вечером его увели.

* * *

В Белогорске разрушения были, но не очень. Не сравнить с Харьковом. Разрушена школа, от нее осталось одно крыло, где и разместились все классы, многие дома были полуразрушенными, но особенно досталось окрестным деревням, селам и хуторам. Всё там было сожжено, вырублено, не деревни, а сплошные пожарища. На пепелищах торчали одиночными столбами, как укор оставшимся в живых, казавшиеся на пустырях ненормально высокими, печные трубы. На месте жилого – лес труб. А цветущие сады, уцелевшие от вырубки, да и вокруг пеньков срубленных деревьев уже всюду разрастается молодая поросль – они, наперекор смерти – цветут! И от этого, от их пышного цветения, еще тоскливей становится на покинутых пожарищах.

Весной на этих пожарищах любому становится неуютно, аж озноб берет – голые печные трубы и ничего, кроме черной гари. Ни души. Не приходит никто на эти зарастающие фруктовыми деревьями да кустарником, недавно оживлённые и тесно заселённые места.

Весной сады расцветают, потом начинают созревать плоды – вначале наливаются бордовым цветом крупная и обильная черешня, за ней – вишня, сливы, абрикосы и уж к концу августа – яблоки. Урожай в садах завидный, плоды требуют сбора, а вот собирать их некому.

Мы, пацаны, всё лето пасемся вечерами, после работы в колхозе, на этих садах-пожарищах, а хозяев нет! Не появляются! Как будто и в живых из них никого не осталось.

Спрашивал я ребят, где же жители? Не идут, говорят, страшно им и горестно от этих пожарищ-напоминаний.

– Здесь же смерть везде была, неужели непонятно? Люди горели заживо, дети, – а глаза у ребят злые, тоскливые. – Здесь у нас ни одной семьи нет, чтобы не погиб кто или не угнан немцем в Германию – на работы или просто в плен. Ты здесь не спрашивай ни у кого, не надо, люди вроде забывать начинают, а разве такое быстро забудешь! Не бреди. И потом, знаешь, службовэць гребаный, наши-то, когда наступали, пожгли не меньше немца. Если не больше.

Ребята здесь были взрослыми и рассуждали по взрослому. В свои десять-двенадцать лет насмотрелись они «разного», насмотрелись на смерть, тоже разную – и расстрелы, и в петлях висячие трупы. Самый унижительный от них упрек – эх, да что с тебя взять – ты же не видел живого немца, с винтовкой в руках!

В окрестностях города, как и на Харьковщине, опасно, везде кучами лежат снаряды, большие и малые, окопы еще свежие, даже не осыпались, на дне и в разных «ячейках» – оружие. Еще и не проржавевшее, еще и стрелять можно. И патронов везде разбросано вдоволь.

Мы их собирали, сдуру, да бросали в костер. Патроны накалялись и давай «щелкать». Сплошной очередью, да во все стороны. Лежим в окопе, прячемся, голову боимся поднять, а трескотня кончится – долго не вылезает из своего укрытия – вдруг еще стрельнет! Вылезем – и бегом домой, без передышки,

без остановок, подальше от стрельбы этой.

Хорошо, если всё обходится! Да не у всех получается, кто-то и не успевает спрятаться. Тогда беда. Ладно ранение, а если взрыв – снаряды ведь тоже бросали в костры! Да и мин в поле не мало, мины кое кто пытался разобрать, посмотреть, что там внутри спрятано и подрывались. Так, что и найти никаких остатков потом не могли.

Много тогда случалось всяких приключений с пацанами. Была и война. В Западной Украине подняли восстание «бендеровцы». Тактика у них разработана четко – днем это крестьяне, в поле работают усердно, а ночью – боевики. Мстители народные. Только непонятно, кому мстили и за что.

На подавление восстания бросили регулярную армию, солдат прибыло немало, да – с кем воевать? Днем никаких выступлений, все разбойные нападения по ночам, уследишь разве.

В лес ночью не пойдешь. А днем там все замаскировано – сидишь на пне, отдыхаешь и не догадываешься, что внизу землянка, под толстым накатом, а вход так замаскирован, что только хозяин да посвященные его, вход этот, и могут найти.

Мстили «повстанцы» жестоко. Всем, кого считали виновными. Мстили за сотрудничество с Советской властью, с армией, за вступление в колхоз, за то, что избрали в правление или председателем, за то, что проехал в одной коляске с начальством или просто стоял и разговаривал с кем-нибудь из военных.

Народные мстители, а мстили своим же, своему же народу. Когда отец возвращался домой из поездки по деревням, я осматривал его наган – и всегда не хватало в барабане нескольких патронов. Значит – отстреливался!

Колхозы в тех местах только организовывались после войны – при немцах всё ликвидировали, что было создано перед войной. А в Западной Украине много и до войны не успели создать.

Проводились собрания, сходки, создавали заново Советские органы.

Кричали на собраниях до хрипоты, голосовали, потом расходились и ни на какие работы не выходили. Собирались снова, говорили, голосовали, выбирали колхозное и сельское начальство – и снова «ни с места»! И так по многу раз.

Вот, однажды также собрались, в пылу споров никто ничего не заметил, спохватились, когда дымом глаза разъедать стало, да огонь увидели. Пожар! Горим! Кинулись к дверям, а двери снаружи подперты, не открываются. Кинулись к окнам, а по окнам стреляют. Хорошо военный отряд подоспел вовремя – когда проводились собрания, военные всегда в боевой готовности. Собрания проводились в нескольких деревнях, а деревни рядом, недалеко друг от друга, военный отряд останавливался где-нибудь на хуторе, невдалеке, на пригорке, чтобы видеть несколько деревень, где шли такие собрания, вот и увидели пожар. Тут уж ждать сигнала неоткуда, вперед, да побыстрее. Вот и спасли колхозников.

И собери-ка их в следующий раз на такое собрание!

Война разгоралась, гибли не только солдаты. Мстили «повстанцы» и семьям Советских работников.

С особенной жестокостью охотились бендеровские боевики за работниками НКВД – их убивали семьями, не щадили ни женщин, ни детей. Издевались страшно, глумливо. Вырезали половые органы, женщинам груди, во влагалища забивали палки, морковь, бутылки. Отрезали головы и выставляли на длинных шестах на всеобщее обозрение.

Вечерами на заборах и оконных ставнях писали мелом свои «самостийные» лозунги, угрозы, открыто сообщали – чья следующая очередь на расправу.

Люди ожесточались, теряли веру не только в соседей, в родственников. Боялись друг друга и

ненавидели всех.

В середине сорок седьмого где-то «наверху» приняли решение – если уж армия не справляется, выселить бунтовщиков! Всех! Семьями, деревнями, хуторами. В Сибирь, за Урал, подальше от их родных мест! Выселяли всех подряд, прав ли, виновен, разбираться некогда – выселяли всех!

Тяжелые обозы тянулись через город сутками.

Перед нашим домом обозы переселенцев часто ночевали на площади, у колодца. Становились табором, телега к телеге вокруг колодца, разводили костры, варили себе пищу, ужинали. Спали прямо в телегах – длинные, с бортами, будто лестница на боку, так и звались – дробыны. И все тихо, молча, только изредка заплачет чей-то ребенок. Тут же «шикают» – тихо вы, накличете, спи, пока не трогают, а то ведь выгонят из деревни, в поле ночевать отправят!

А рано утром просыпаемся – на площади никого.

И тянутся новые обозы. Сплошным потоком, долго, целыми днями, неделями, месяцами. Сколько же их выселено тогда было! Тысячи и тысячи прошли мимо нас, мимо наших домов, по нашей Подгорной улице – сплошным потоком. Лица серые, глаза тусклые, ни укора в них, ни жизни. Подходить к ним не разрешалось, передать что-то – еду там, одежду какую – нет, не подпускали. Строгий конвой следил с седла – сопровождали «выселенцев» конные. Смелчаков, проскочивших к подводам с какой-нибудь передачей, снedyю какой-нибудь, догоняли и на гайкой вдоль спины – не сметь!

О, люди. Что ж мы так страшимся друг-друга, ненавидим ожесточенно, до смерти, до растерзания, хуже во сто крат зверя лесного – те могут подраться, но никогда не погубят своего, кровного.

27

Проснулся я под утро, после раздачи хлеба, значит часов около шести. Поспал хорошо – ни обеда, ни ужина не слышал, в камере все еще вдвоем, Леша улыбается.

– Ну ты, старый, молодец, спишь как следует, ничего не слышишь, да я и не трогал, пусть спит, думаю.

Леша – молодой, симпатичный, подтянутый, лет под тридцать пять. Спокойный, уверенный в себе человек. Военную выправку видно сразу. «Подстава? – мелькнуло – да черт с ними, разберемся, посмотрим».

– Давай, сосед, пожуй немного, у меня и сахар есть, сейчас чай организуем. Как вас зовут? – На Вы, странно, впервые слышу такое в тюрьме, вежливый парень.

– Да вы спокойнее, не удивляйтесь, я ведь тоже не «завсегдатай» здесь. Поешьте, силы надо беречь. А спали вы славно, спокойно, без храпа, правда со стоном. Давно взяли?

Разговорились, перешли на ты, так спокойнее и проще. Да и долго ли мы будем оставаться вдвоем?

– Взяли, теперь уже позавчера, девятнадцатого.

– Местный?

– Из Москвы.

– Вот это да! Привезли?

– Сам приехал.

– Как это?

– Да так, по дурости, приехал на своей машине, но под охраной – если подстава, думаю, так надо быть точным. Особенно в мелочах.

– Сопровождали?

– Да, ехал с комфортом и с собственной охраной. Из «оперов».

– Ну, это тоже бывает. Ладно, не торопись, успеем наговориться. Пожуй-ка хлеба, в животе аж бурлит, наверное, от голодухи.

– Да нет, терпимо. Есть не хочется.

– Поешь, поешь, это от волнения не хочешь есть. А надо. На вот чаю, попей, легче станет. Поешь, а потом выговорись, расслабь душу.

Поели, запили чаем, действительно, стало легче, живым потянуло.

– Знаешь, Леша, и говорить-то особенно не о чем. Пришли, обыскали все шкафы, папки, документы забрали – просто забрали и все, без описи, без предъявления разрешительных документов, опечатали офис, арестовали, привезли сюда и посадили. За что, до сих пор не знаю, по какому-то странному обвинению. Изолировали, как преступника закоренелого. Как будто я на старости лет сбежать могу куда-то. Да еще и накануне дня рождения. Обидно, черт возьми, стыдно и неприятно.

– Да, бывает и так. Значит тебе вчера сколько исполнилось?

– Шестьдесят. Да дело ведь не в годах. Собрались люди, родственники, знакомые. Кое-кто приехал аж из Сибири – а я? Нате вам – в тюрьме! Это же шок, испуг, паника. Оправдайся теперь. У нас же как – в чем-то он виноват, то ли у него украли, то ли он украл.

– А машина где?

– Машина в Управлении, у «рубоповцев» во дворе. Привезли ночью, утром допросили, днем – сюда. Машину во дворе оставили, документы отобрали, понадобятся ли еще когда, не знаю.

– Да, с машиной видно придется распрощаться.

– Скорей всего, что так. Да ведь – милиция, по закону охранять вроде должна?

– Ты кем работаешь?

– Я пенсионер. Создал собственную фирму, семейную. Работали спокойно, особенно больших денег не было, но на жизнь зарабатывали.

– На чем зарабатывали.

– В основном – посреднические услуги.

– Как же на этом можно «погореть», да еще с арестом?

– Ну, Леша, видно это кому-то очень надо.

– Может, следы еще до пенсии оставлены?

– Не исключено.

– Да, история у тебя, Саныч – именно Леша первым назвал меня так – Саныч. Потом Санычем меня по всей тюрьме называли, куда бы я не попадал. А переводили меня часто. Только на Иваси в пяти камерах побывал. За тринадцать дней. Да, именно за тринадцать, хотя на Иваси более десяти дней не держат.

– Чего уж теперь, крепись, главное не расслабляйся и не паникуй. Здесь в тюрьме все зависит от

первого знакомства, как поставишь себя в первый день, так и жить будешь. Запомни это. У меня хоть опыт и небольшой, но посмотрелся я на здешних жителей, по жизни часто встречаться приходилось.

– По работе? – спросил я невинно.

– По работе, Саныч, только не по той, что ты подумал.

– И Леша вдруг заговорил о себе. Тоже, видно, намолчался, захотелось выговориться. Рассказывал он с горечью, с обидой. И было от чего.

Офицер, с высшим военным образованием. Попал служить в Афганистан, в Спецподразделение. Разведка, спецзадания – если к примеру выкрасть кого-то надо, «пожарная команда» – это когда выручали своих, попавших в засаду или в другую военную «беду», все время на острие военных операций, постоянная опасность, вся работа – на грани жизни и смерти. Много он мне рассказал военных эпизодов.

Награжден неоднократно, после ранения – госпиталь, после госпиталя – снова Афган. А вышли из войны, из «пекла», вернулись на Родину и вдруг оказались ненужными. Никому.

Злые, взвинченные, больные, нервные. Но молодые, жить-то надо!

Объединились с друзьями, организовали охранное предприятие. Но заказов немного – еще не пришло время убийств и насилий. Переключились на охрану и сопровождение автомобилей. Из Тольятти, Нижнего Новгорода, из других городов. Частники, организации, предприятия – заказы были. Повеселели было, завелась денюга, жизнь приобретала новый смысл. Но, нарвались на «мафию». Как раз, только-только зарождался «беспредел». Заказ выполнили, а в оплате им неожиданно отказали.

– Хватит вам и «аванса». Скажите спасибо, что даем работать спокойно.

«Афганцы» не стерпели, арестовали очередную партию автомашин, требуя погасить долг. Их забрали и посадили «за вымогательство».

– Вот тогда я и попал впервые в этот изолятор.

Спас письменный контракт с «заказчиком». Адвокат выжал всё из этого контракта, ребят выпустили.

Но потеряно практически всё, заказчики разбежались, а, может, и пригрозили заказчикам – пришло время «беспредела». Но жить-то все равно, надо. Снова объединились боевые товарищи, занялись «рэкетом», заодно разыскали и посчитались с давними обидчиками. Вошли в авторитет, конкуренты поняли, что здесь им не «спустят» за просто так.

Но – вымогательство надоело, да не те и люди, чтобы жить разбоем. Снова занялись частной охраной, время подошло, заказы поступали с избытком, появился выбор – брались за самые выгодные сделки. Охраняли богатых «новых», конторы, товарные базы, снова сопровождали автомобили. Приходилось участвовать в разного рода разборках, в полубоевых стычках – чаще все же договаривались мирно. Но сталкиваться с разного рода проходимцами всё же приходилось, свой бизнес требовал защиты! Вот после одной из таких стычек Лешу и забрали – за превышение методов самообороны. Теперь снова вся надежда на адвоката.

С Лешей мы прожили вместе три дня. Его никто не вызывал, не допрашивал. И увели его неожиданно – «К адвокату вызывают».

Вернулся через час, собрал вещи.

– Прощай, Саныч. Крепись, не раскисай, делу это не поможет, а здоровью во вред. Меня выпускают – адвокат снова вытащил. Адвокат у меня силен. Ты, кстати, зря без адвоката работаешь, нанмай,

иначе уничтожат, и пожаловаться некому будет. Ну, бывай, удачи тебе. – И ушел.

Удачи и тебе, Леша, кто б ты ни был, дай тебе боже сил и терпения для продолжения жизни твоей – этого сурового испытания в нашем тревожном и запутанном времени.

* * *

Послевоенная жизнь постепенно налаживалась. Отменили карточки – вначале на товары, а вскоре и на продовольствие. Люди ежегодно с радостью и надеждой, как большого праздника ждали весну: в марте ежегодно, Первого числа, объявляли о снижении цен – в этот день с утра все сидели у своих тарелок репродукторов. Ждали правительственного сообщения «Об очередном снижении цен» на продукты питания, на товары «первой необходимости». Так это называлось официально.

Перечень таких товаров большой, зачитывался по радио долго, но люди терпеливо слушали всё постановление до конца, удовлетворенно кивали головами, смахивали появлявшуюся слезу. Как же – опять снизили цены, новая забота о нас, о людях. Сталин знает, что нам тяжело, Сталин помнит о нас. Стране тяжело, разруха, сколько строить надо! – а вот ведь не забыл, снова снижение цен, пусть не так уж и много, но снижение! Не подорожание же, снижение! Да, немного, а «по кругу»-то солидно получается. Пока понемногу, но это пока! Пока тяжело всем! Только-только какую войну пережили! Будет легче всей стране, залечим раны военные, будет и больше товаров, хороших и дешевых. А пока что ж, и за это спасибо.

В этот день обязательно проводились собрания, митинги. Люди радовались даже не самому Постановлению о снижении, не так уж и падали цены после этих постановлений, нет, люди оживали душой от заботы и внимания руководства страны, от чувства причастности к всеобщему горю и всеобщей радости.

«Все мы одна большая семья, вместе в терпении и в нужде, вместе и в успехах, и в счастье, и в радости».

Провели денежную реформу, старые деньги на новые меняли. За десять старых рублей давали один рубль новый. Но если деньги лежали в сберкассе – до трех тысяч рублей меняли один к одному. Это был солидный приработок. Мало денег хранили люди в сберкассах, немногие накопили по три тысячи, но все же хранили. А это значит – у большинства людей деньги на сберкнижке при реформе сохранялись полностью, их как бы стало в десять раз больше!

Снижались цены в магазинах, но все же были еще высокими. Помогал Базар – цены на базаре значительно, многократно! – дешевле магазинных.

На Украинском базаре и сразу, после войны, можно было купить все! Хлеб, молоко, мясо, яйца, куры, цыплята, коровы, бычки, телочки, поросята, барашки. Крупы разные, мука, зерно, даже не обмолоченные снопы хлебные – бери, пожалуйста!

Богат рынок украинский, щедра земля украинская...

В Западной Украине крестьяне еще не объединились в колхозы. А совхозов и вообще тогда не было, и понятия такого – совхоз – там еще не существовало. Крестьянин жил своим хозяйством, работал на себя, работал всей оставшейся после войны семьей и торговал на рынке плодами своего труда. Вот и богат был украинский базар. И все было дешево. Ведро яблок осенью стоило три рубля. Теми, послевоенными, старыми еще деньгами. А сколько этих яблок оставалось несобранными! После Урала и Сибири мы просто дивились такому изобилию и таким ценам. И это при том, что сотни деревень сожжены, хозяйства порушены, люди выселены. Живуча страна – Украина!

Живуча, даже в условиях жесточайших налогов. Налоги тогда платили практически за все – за урожай в огороде, за каждое фруктовое дерево – натурой или деньгами. За дойную корову платили 120 литров

молока в год. Я носил это молоко на коромысле в два ведра ежедневно, до полного погашения долга.

На приемном пункте контролер-приемщик специальным прибором определял жирность молока, по каким-то коэффициентам по этой жирности определял литраж и важно сообщал – сколько литров недостает до полного погашения налогового долга. Порой, вместо положенных 120-ти литров приходилось сдавать и 150, и более.

Налогам облагалось все – от зарплаты до ягодного кустарника. С кур брали яйцами, а если ты решил забить бычка или свинью – шкуру отдай государству. Доходило до смешного, до скандала: ладно сдать шкуру с бычка, а как сдать шкуру поросенка! Сдавай – иначе штраф, дороже самого поросенка. «Весело» жили на селе. Но жили. Еще и рынок снабжали. Вынослив селянин, терпелив.

Осенью отца направили на учебу. В Киев. В Высшую партийную школу при ЦК Украины.

Его не было больше года. Мы жили неплохо – большой огород, роскошный фруктовый сад, высокая секретарская зарплата. И налогов у нас было – за корову, да за кур, все остальное – сад, огород – не наше, казенное, в собственности у нас не числилось. Это у простого селянина все числилось в собственности.

И в школе у меня все было хорошо – сдали первые в своей жизни экзамены – за четвертый класс.

После школы, на время летних каникул, мы с ребятами – с Володей Валигурой и с Новицким Славой – поступили на работу, в колхоз. За каждым из нас закрепили лошадь, мы этих лошадей и кормили, и поили, и выгоняли на речку купать. В общем – ходили за лошадью, как за своей собственной.

В колхозе летние дни хлопотливы, работы много, людей, особенно мужиков, мало, наша помощь, помощь пацанов, школьников в то время была очень нужной и полезной. Все мелкие, неудобные работы числились за нами!

Начинались покосы, сена на зиму заготовить надо много, и для лошадей, и для другого скота. Все заготовки шли вручную – техники не было никакой. Вручную косили, бабы и пацаны сушили сено, вилами переворачивая валки, потом сено сгребалось и ставили копны. Мы рубили молодые березы, делали из них волокуши и копны сразу ставили на эти волокуши. Когда начиналось скирдование, мы запрягали своих лошадей в эти волокуши и подвозили к скирде. Очень на этом экономилось время.

После покосов начиналась уборочная. Мужики косили хлеба косами с высокими, по высоте стеблей, граблями – «дробынами». Стебли ложились ровными рядами, колосок к колоску, бабы собирали их в пучки и вязали снопы.

В недоступных для кошения местах бабы же резали стебли хлебов серпами и так же вязали снопы. Вообще, крестьянские работы в то время в основном велись женщинами – они и косили вместе с немногочисленными мужиками, и проворно резали стебли серпами, вязали снопы и грузили их нам на подводы. Мы свозили снопы на «тока», там шел обмолот.

Молотили вручную, «цэпамы», только через год появились механические, а затем и электрические, от движков, молотилки.

После обмолота зерно сушилось – здесь же на току провеивалось, тоже вручную, просто широкими деревянными лопатами зерно подбрасывалось вверх, в воздух, ветром его обдувало, пыль рассеивалась, зерно очищалось. Здесь же зерно «затаривалось» в мешки и мы, пацаны, возили эти мешки на склады. Грузили, конечно, взрослые, в основном опять же женщины. Они брали мешок вдвоем, раскачивали и ловко забрасывали на телегу. Мешок к мешку.

После хлебов начинались овощи, свекла сахарная прежде всего. После уборки свеклы надо было идти в школу, но весь сентябрь, как правило, школьники работали на полях, на уборке картофеля и овощей, так что мы продолжали работать на своих лошадях, возили свеклу, потом картофель, другие овощи, капусту и

все, что последовательно созревало и убиралось.

Как же радовалась мать, когда осенью, по окончании уборки, я привез домой на своей телеге несколько мешков муки и четыре мешка сахара. Заработанные собственным трудом.

Тяжек крестьянский труд, но и благодарен. При справедливом распределении.

28

Так что же произошло, почему я в тюрьме? Каждый день повторял и повторял я себе этот вопрос.

Я прожил долгую производственную жизнь. Прошел путь от рабочего, затем – горного мастера, самой первой «ступеньки» в руководстве промышленным предприятием, и поднялся постепенно до директора одного из крупнейших предприятий не только в нашей отрасли, но и в мире. Не перешагнул, как говорится, ни одной промежуточной «ступеньки». Никто не тащил меня вверх за шиворот – некому тащить было. У меня не было влиятельных родственников, покровителей – везде приходилось пробиваться самому. Да и не пробивался я, не расталкивал никого локтями, никому и никуда не напрашивался, не опережал события. Во всех назначениях моей инициативы не было никогда – все решало начальство. Но и от новых назначений тоже не отказывался. В тайгу – значит в тайгу, на самый дальний участок – что ж и там надо работать.

Делать все добротнo, качественно, не ожидая дополнительных распоряжений, делать все вовремя, брать инициативу на себя, не перекладывать ответственность ни на начальство, лишними согласованиями, ни на подчиненных – это был по всей моей жизни основной принцип. И в работе, и в отношениях с людьми. Как с «начальством», так и с подчинёнными.

На долгом пути, в разное время и в разных местах попадались разные люди. Мошенники в том числе. Но я представлял Государство, защищал его интересы, добывал и оберегал для него, этого государства, золото, платину, алмазы – товары особого интереса у разного рода проходимцев – и мошенники не могли меня ни сломить, ни обойти. Мне доверялись огромные средства, драгоценности, миллионы и миллионы рублей, никому и в голову не приходило подозревать меня в какой-то корысти, нечестности, злоумышлениях.

А вот занявшись своим собственным делом, рискуя не государственными, а собственными интересами – расслабился. Потерял «бдительность». Уверовал – уж меня-то не проведут!

Провели. Как мальчишку. Дошло до того, что подписывали и проводили сделку от моего имени, но без моего ведома.

И вот – налетели, как коршуны на падаль, на ослабевший офис, когда там не было ни души, никого из работников, вскрыли двери, устроили погром, перерыли все бумаги, все документы забрали с собой – без описи, без акта изъятия – что, куда, зачем, на какое время? Из офиса исчезло дорогостоящее оборудование – компьютеры, телефоны, факсы, ксерокопировальные аппараты.

Изъяты ценные бумаги, контракты, протоколы собраний акционеров, доверительные письма, бизнес-планы, рас счетные программы...

И, наконец – постановление на арест.

«За получение векселей по фальшивой доверенности и присвоение семи миллиардов рублей».

Абсурдная формулировка.

О проведении сделки – на семь миллиардов рублей – я ничего не знал, никаких договоров ни с кем не

заключал, обязательств никаких ни перед кем не подписывал.

То, что никаких векселей я не получал выяснилось в первый же день следствия.

Как руководителю «фирмы», для получения чего-либо мне не нужна доверенность, тем более фальшивая. Всем же известно – а следователям в первую очередь – что любой «первый» руководитель работает без доверенности!

Ни проводимая Джавабой сделка на такую сумму, ни деньги от этой сделки через нашу Компанию не проходили, договора на эту сделку руководством компании не рассматривались и не подписывались.

Джаваба имел собственные счета в нескольких банках и, как выяснилось на следствии, открыл собственную фирму с таким же, как у нас, названием. Без нашего ведома и нашего согласия.

Странно, что следователь при этом заявил – а почему он не мог открыть собственную фирму с таким же названием?

Ну тогда и все вопросы к нему, к его новой фирме!

Чтобы присвоить семь миллиардов рублей, нужно их как минимум получить. Такую сумму не обналичишь, в чемодане не привезёшь – это вагон бумажных денег! Эти деньги должны поступить на банковский счет. Но они не поступали. Следовательно – не могли быть присвоены.

И это, при объективном следствии, легко проверяется. Проверяется до вынесения постановления об аресте!

Договор с торгующей нефтепродуктами фирмой «НОРД», подписанный Джавабой на семь миллиардов рублей, ко всему прочему не имеет юридической силы и по нему грамотный следователь никогда не завел бы уголовного дела – договор подписан от имени Московского Представительства фирмы, а такого предприятия – как юридического лица – никогда в Москве не регистрировалось, никогда не существовало.

Это также легко проверяется, стоит только сделать запрос в Регистрационную Палату, и сделать это следствие и Прокуратура обязаны были также до вынесения постановления об аресте.

Удивляет Прокуратура, давшая мандат на обыск и арест – как же не проверить такие серьезные обвинения, это же так элементарно!

Мои заявления об этом на следствии почему-то не воспринимались как доказательство невиновности. Следователь упорно искал доказательств именно «моей» вины. Кому-то это было нужно?

Похоже на социальный заказ – главное арестовать, а вину мы отыщем, главное посадить, а статья найдется.

Российская «презумпция невиновности» в действии. Настораживает еще и то, что в «Норде» сидели, по крайней мере в то время, не безграмотные новички, возглавляли фирму люди, которым вскоре доверили руководство целыми отраслями нашего государства и даже всей экономикой России. Как же они могли не заметить, что подписывают дорогостоящий контракт с несуществующей организацией? Это с их то многоопытными юристами!

Нет, господа следователи, не все здесь просто, не напрасно вы хотели отвести вину на невиновного. Кому положено знать, те знают, куда исчезли эти миллиарды, на какие цели они пошли. По тем временам, это более трех миллионов долларов – деньги немалые. Не будь у этих денег целевого назначения, попади они к нам на счет, мы бы в течении года их устроили, и Джаваба знал о наших возможностях и уж никак не упустил бы случая заработать. Нет, не для коммерческих целей

предназначались те деньги.

Да, кому-то очень нужен был мой арест, моя изоляция. Арестуем, пусть посидит, отведем за это время угрозу от людей нужных и важных, потом разберемся. А за это время и деньги «устроятся».

Вот и сидят безвинные, посмотрелся я на таких «бедолаг» в тюрьме. «Сидят» подследственные годами, в переполненных в несколько раз к нормативу тюремных камерах, едят разбавленную на всех и так-то скудную кормежку, в битком набитых камерах живут стоя, некуда не только лечь, присесть места невозможно найти! Стоят! Стоят в переполненных камерах, наживают при этом страшную и неизлечимую «столбовую болезнь» – от нее пухнут и не передвигаются одеревенелые ноги. Ну чем не каторга?

Нет, не каторга – там, на старой каторге, хотя бы двигаются, работают, живут.

И спят. Лежа.

** * **

В Киеве у отца произошло что-то неприятное. Ничего еще толком не зная, мы заметили это по резко изменившемуся к нам отношению в Горкоме. Когда мать пришла получить зарплату отца, ей деньги не выдали.

– Зарплата задерживается, – пробурчал кассир через окошко кассы не глядя на мать. Это сейчас задержка зарплаты – дело привычное. А тогда, в те послевоенные годы, да и позже, за все время советской власти, о задержке зарплаты никто и понятия не имел – ну дадут аванс вместо двадцатого – двадцать второго, а зарплату не пятого, а седьмого, так и за это на профсоюзном собрании – пыль до потолка. И вдруг, нате вам, задержка, да еще в горкоме, да еще секретарю, который и зарплату-то в кассе никогда не получал – кассир приносил в кабинет.

В коридорах Горкома раньше приветливо здоровающиеся люди вдруг от чего-то пробежали мимо, торопливо отворачивались. В орготделе мать вообще не приняли.

Вернувшись домой мать сказала нам:

– Ни с кем о домашних делах не говорите, об отце никому ничего не рассказывайте. Не знаю что там у отца, в Киеве, но что-то случилось.

В доме наступило зловещее затишье. Нам никто не звонил, сосед – инструктор горкома, всегда ранее старающийся попасть матери на глаза, о чем-то поговорить, заботливо спрашивал всегда – нет ли каких трудностей, не надо ли чем помочь – стал избегать встреч, отмалчивался, а вскоре перестал здороваться. Мы оказались в полной изоляции, не зная, что произошло и не получая ни от кого ни малейшей информации.

Наконец, месяца через два, неожиданно, без всякого предупреждения, без звонка по телефону, как это было раньше всегда, приехал отец. Не скажу, что вид у него был мрачный или подавленный, нет, он весело обнял каждого из нас, позвонил кому-то по телефону, сообщил что приехал, и мы устроили грандиозный ужин. Отец как всегда шутил, рассказывал веселые истории из своей киевской жизни, передал матери от кого-то приветы – в общем был таким, как всегда, не подавая виду, что есть какие-то неприятности.

Одно в нем чувствовалась явно – настороженность. Чуть раздавался телефонный звонок, отец резко напрягался, бросал торопливо – «всем тихо» и разговаривал не как всегда – громко, резко, с напором – а вежливо, неторопливо, с большими паузами, как бы тщательно обдумывая свой ответ.

Ночью они с матерью о чем-то долго говорили, иногда громко, мать возбужденно, с упреком, а иногда говорили совсем шепотом, так что совершенно нельзя было понять, о чем же шла речь.

Я не спал, чувствовал себя скверно, давило ожидание непонятных, неизвестных и, скорее всего, неприятных перемен.

Утром отец ушел в Горком, не было его целый день и это тоже нагнетало тоску – отец всегда обедал дома. Пришел поздно ночью, сказал, что завтра приедет Саша – он учился тогда в военном училище – и вот тогда обо всем и поговорим.

– А сейчас спать, и никаких ночных вздыханий и переживаний. Тебя, Юрий, касается.

Саша приехал рано утром, все еще спали, я побежал ему открывать, все шумно поднялись, начались обычные при таких встречах, когда кого-то долго дома не было, а приезд не то чтобы неожиданный, а не запланированный, приветственные охи и ахи, и сдержанные на сей раз объятия.

После завтрака отец с матерью и Сашей ушли в другую комнату и о чем-то долго говорили. Наконец позвали нас, младших.

– Дети – начал отец – вы уже достаточно взрослые и вы должны знать все, что происходит у нас в семье. Я в Горкоме больше не работаю и нам предстоит переезд. Поедем на Урал – надо возвращаться в родные места. Школьникам – Юрию и Вере – надо закончить третью четверть, Саша пусть продолжает учиться в Киеве – ему надо закончить училище. Поэтому я пока поеду один, устроюсь и приеду за вами. Семья у нас дружная, дети не разбалованы, я надеюсь на вас, помогайте матери, берегите друг друга и все у нас закончится хорошо. Не надо никому ничего рассказывать, будут спрашивать, отвечайте просто – мы возвращаемся на родину. Будут что-то наговаривать, чернить меня, не верьте – ваш отец не сделал ничего предосудительного.

Провожал отца только его водитель. Он приехал неожиданно, когда мы уже собирались выходить из дома и пешком добираться до вокзала. Такси тогда не было, частных машин тем более, с вещами это было бы нелегко и вдруг за окном привычный когда-то гудок и вскоре в дверях показался Алексей, первый и единственный водитель отца. Еще до автомобиля, с конным транспортом работали вместе.

– Тебя там не хватятся? – спросил осторожно отец.

– Да что Вы, Александр Петрович, как же не проводить? Я отпросился по своим делам, разрешили, только, когда уже сидел в машине, подошел Верменич, ну, завхоз наш, передай, говорит Александру Петровичу большой привет и наши пожелания, да скажи мол, мы всему, что о нем говорят, не верим. А потом помолчал и говорит этак осторожно – да только ему передай, никому более. Так что, Александр Петрович, поезжайте спокойно и уверенно – народ помнит вас и уважает.

Проводили поезд, Алексей отвез нас домой, больше я с ним не виделся.

Эта последняя для нас на Украине зима оказалась суровой и тяжелой. Обычно дров заготавливали летом на всю зиму, но в это лето дров нам не привезли, да и сами мы были в полном неведении, что же дальше? когда уезжать на Урал? в общем, остались мы на зиму без дров. Никто, конечно, не поможет, мать пошла по частникам, у кого были лошади, но привезти – это ведь еще и надо знать, где взять и откуда привезти! Уже наступили приличные холода, печки топили тем, что осталось с прошлой зимы, топили осторожно, в одной только комнате, где и находились все вместе, и днем и ночью.

Матери дров найти не удалось и я решил пойти в колхоз. Все же работал там каждое лето и, кажется, неплохо работал, по крайней мере мужики нас хвалили. Пришел я не к начальству, а на конюшню, к нашему всегдашнему конюху и командиру – к деду Василию. Так мы всегда его звали, а фамилий и отчеств в колхозе мы ни у кого и не знали. Рассказал я ему про свое горе.

«Замерзаем, – говорю, – помогай, дед Василь!».

– Посиди, – дед Василь ушел куда-то, не было его больше часу. Я уже давно привык к изменившимся к нам отношениям – и соседней, и в школе. Хотел было уходить, видно ничего не получится. Но дед Василь пришел – довольный и как всегда деловит.

– Ты вот что, Юрок, приходи завтра пораньше, часов в шесть, сможешь? – Я кивнул. – Приходи, запрягай свою Белоножку, она сейчас в отстое, работать на ней некому, много лошадей у нас зимой в отстое, так вот запрягай и жди меня, мы с тобой вместе в лес съездим. Пойдем, покажу во что запрягать, в какую телегу, а сбруя на месте, сам знаешь где. Ну, а завтра пораньше приходи. Да смотри не проспай!

Какое там не проспай, я еле дождался утра, бегом на конюшню, а дед уже там.

– Не проспал, молодец, помощничек, давай запрягай. Пока до лесу доедем, оно и рассветает.

Дров мы привезли большой воз, мать давала деньги, но дед не взял.

– Сейчас они вам, деньги, нужнее. Начальство решило выделить эти дрова как бы в премию Юрке. За хорошую, значит, работу. Летом. Работающий растет парень у вас. В колхозе все им довольны. Да, конечно, от стопочки не откажусь. Как же, с морозца-то. С превеликим удовольствием. Ну, что ж, мать, не горюй, с кем чего не бывает, доброго здоровья и тебе, и твоим деткам, да и всем мы вам желаем добра, да чтобы кончились побыстрей все ваши мытарства. Ну – будь здорова.

Дед выпил смачно, откашлялся, закурил тем, что на столе было и собрался уходить.

– От начальства вам тоже хорошие пожелания. Трудно будет, с едой там или еще чего, начальство сказали – пусть Юрка приходит, поможем. Ну ладно, поеду – удачи вам.

29

– *Встать! Суд идет.*

Я в железной клетке, в наручниках. В зале заседаний суда Центрального района нет никого, кроме оперов, что сопровождали и поместили меня в эту клетку. Рядом с клеткой – стол, за столом мой адвокат.

Суд рассматривает ходатайство адвоката о моём незаконном аресте.

– *Кто будет докладывать о сути протеста?* – спросил судья, глядя на адвоката.

С меня только что сняли наручники, я сидел и внимательно рассматривал свои руки, не осталось ли там каких следов. И для меня явилось полной неожиданностью, когда адвокат на вопрос судьи молча указал на меня. Дело в том, что я не читал текст протеста. Более того, адвокат и не рассказывал мне о сути протеста, он сказал как-то при нашем свидании, что он подал протест по мотивам моего ареста и ожидает суда, который должен его рассмотреть. Когда состоится этот суд, он еще не знал, но был уверен, что состоится. Я же, готовясь к этому суду в камере, мысленно обдумывая свое поведение и свое выступление, был уверен, что о сути протеста доложит адвокат, а я сделаю упор на своё здоровье, на тяжелые для меня условия содержания в тюремной камере.

И вот, на тебе. Мне докладывать. Что же сказать-то?

– *Говорите, подследственный.*

И тут я совершил новую ошибку. Надо было так и сказать – протест, мол, подал адвокат, его и надо послушать, а мне пока сказать нечего.

Я же начал пространно объяснять – не о том, почему меня незаконно арестовали, что мне не

было предъявлено никакого обвинения, нет, я начал объяснять как тяжело мне, больному человеку, переносить невзгоды в тюремной камере, как долго я проработал на Крайнем Севере и другую подобную чепуху. Ну, не готов был я к этому выступлению!

Судья вежливо остановил меня.

– Суд не рассматривает ваше дело, у нас его нет и не мы его будем рассматривать. Скажите по существу протеста.

Будучи уверенным, что сейчас, после меня будет говорить адвокат, я спокойно ответил:

– У меня все, больше мне нечего добавить.

Судья спрашивает:

– Следствие опасается, что вы можете уехать за границу, если вас освободить. У вас есть счета за границей, в зарубежных банках?

– Нет у меня никаких счетов, кому я там нужен, за границей, без денег, без гражданства, в моем-то возрасте. Там и молодых-то не особенно принимают. К тому же паспорт мой заграничный у следователя. Как же я могу уехать?

– А как бы вы хотели, чтобы суд вам изменил меру пресечения – под подписку о невыезде или под залог?

– Денег у меня нет. Если освободят, так под подписку о невыезде.

– Но адвокат ходатайствует о выпуске «под залог».

– Решайте. Если выпустите под залог, тоже согласен, друзья еще есть, зайдем, будем работать – рассчитаемся.

– Ваши доводы нам понятны. Что ж, будем заканчивать. Прошу секретаря огласить решение суда. – Я оторопел – а где же выступление адвоката? Он же – вот он, рядом, почему молчит? Защищай же! Молчит адвокат.

Нам спокойно зачитали постановление суда, суть которого сводилось к тому, что суд не находит доводы адвоката убедительными и потому протест адвоката отклоняется.

– Вам понятно постановление суда? – снова вопрос мне, ошеломленному.

– Мне непонятно, какие конкретно доводы адвоката неубедительны?

– Суду вопросы не задают. Все. Суд окончен.

На меня снова надевают наручники и уводят вниз, в камеру ожидания, где ждут вызова своей очереди на заседание своего суда такие же, привезенные из Сизо обвиняемые.

После того, как суд рассмотрел дело последнего из ожидавших, нас выводят во двор, рассаживают по тюремным машинам и отвозят обратно в Сизо – «на хату».

* * *

Колеса мерно стучат по рельсам. Мы находимся в дороге уже почти месяц. Тяжело ездить стало после войны, но много ездят, кажется вся страна на колесах. Ехали на запад, полно народу, теперь на восток едем, битком, и в кассах, и на посадке, и в вагонах. Едут люди, ищут где лучше, свободней, богаче. А приедут – да что же здесь хорошего, у нас дома разве так живут, нет – домой обратно. Едут и на встречу, кто-то кого-то нашел в послевоенной круговерти, едут и по переписке, съезжаются разъезжаются, если и не

вся страна, но много людей живут на колесах.

Из Белогорска мы выезжали в начале марта. Шел 1949 год. На Украине весна, а как там у нас, в Сибири?

Нас провожали мои одноклассники.

Корзину, огромную, этакий плетеный чемодан – туда почти все наши пожитки вошли, нес Афанасий Дыховый. В классе мы с ним не очень и дружили, а вот ведь пришел проводить. И корзину нес до самого поезда – вы еще наноситесь, не торопись. А многие, с кем дружил, и не пришли вовсе, не только до поезда, дома не проводили.

По дороге на вокзал, а шли вдоль железнодорожного пути, стали свидетелями знаменательного события – увидели проводы эшелона с освобожденными немецкими военнопленными. Полный железнодорожный эшелон, молодые, здоровые, краснощекие, немного навеселе, радость, песни, цветы. Бурные проводы, митинги на промежуточных станциях, как будто провожают не побежденных захватчиков вражеской армии, а дорогих гостей. Вон они как довольны, кричат что-то, машут руками, посылают воздушные поцелуи, а проезжают мимо сожженных ими деревень, разрушенных городов, обширных братских могил.

Вот и Афанасий помахал на прощание рукой – счастливого, мол, пути.

– Ты же сам говорил мне, Афанасий, нет ничего страшнее немца с винтовкой. А сейчас прощаешься с ними, как с друзьями.

– Да, Юра, много горя увидеть мне пришлось. Но, во-первых, эти немцы уже без винтовок, а во-вторых, многие ведь в наших деревнях и жить-то остались благодаря немцам. Перед тем как отступить, по нашим хатам ходили какие-то немцы и говорили всем: «Спасайтесь, по домам будут ходить наши врачи в белых халатах, это не врачи вовсе, эти люди будут делать вам уколы, не соглашайтесь, не давайте ставить эти уколы, это зараза, вас будут заражать, и вы будете медленно умирать после нашего ухода». И многие поверили, спрятались, уцелели. Все, кому успели такие уколы поставить, через год два поумирали. Так что, не все просто, Юра, немцы ведь тоже были разными. Вот я и помахал им – живите, раз живыми остались.

До Шепетовки доехали легко. Там наша первая пересадка, билеты надо компостировать. Хорошо бы сразу до Москвы, но нет, места только до Киева, там снова пересадка.

По кассам, во всех очередях толкаться и добывать билеты, места приходится мне. Мать оставалась с вещами и с младшей сестрой. Если бы билеты дали сразу до Кургана, то особых забот не было бы – билеты компостировали в вагоне, на очередных перегонах. Так мы и ехали до самой Москвы – кассиры ходили по вагонам. Три-четыре вагона обслуживает один кассир. Подойдешь, какие места есть, те тебе и проставят на билетах. И на вокзалах у касс меньше толкучки – сиди, жди своего поезда.

Пересадка в Киеве не была тяжелой – места на наших билетах уже проставлены, приехали мы утром, а поезд на Москву – вечером. Сдали вещи в камеру хранения – через носильщика, так быстрее, носильщик стоил двадцать копеек за место, но дашь ему еще рубль за камеру хранения, за то, что без очереди, и все в порядке, руки твои свободны, вещи в надежном месте, гуляй, сколько время позволяет. Мы пошли гулять по Киеву.

Почти четыре года прошло после войны, но город еще не был отстроен. От Крещатика как осталась более-менее целой одна сторона, так и сейчас еще все разрушения не убраны. Но почище, разбирались завалы, увозился строительный мусор, много заборов, отгораживающих стройки, люди смотрят веселее и приветливей, чем три года назад, когда мы проезжали Киев в сторону запада. Да и одеты люди поприличней. Работают магазины, столовые, кинотеатры.

Я предложил – давайте сходим в кино, быстрее время пролетит, но мать побоялась – вдруг отстанем.

А вот в Москве нам крепко не повезло – билеты у нас кончились, надо брать новые, до Кургана, а билетов нет.

В одной кассе нам предложили – возьмите до Казани, там быстрее уедите. Мать отказалась – кто-то сказал ей из вокзальных соседей, что там еще хуже, можно застрячь и на месяц. Здесь, в Москве, им лишь бы спровадить, а там как хотите.

– Нет, Юра, давай будем добиваться билетов здесь, в Москве, на Курганский поезд.

Устроились мы в углу, на деревянных скамейках, в общем зале ожидания, на Казанском вокзале. Жили в этом углу почти две недели. С утра я занимал очередь, был в первых номерах, так как не спал, касса открывалась в шесть часов, я дожидался своего времени, подходил к окошку, получал очередной отказ – нет, мальчик, до Кургана сегодня билетов нет – возвращался в свой угол, докладывал матери, мы долго сидели молча, потом я шел в буфет, брал что-нибудь поесть и попить, мы завтракали и снова ждали до завтрашнего утра.

Меня мать отпускала посмотреть Москву, давала немного денег на расходы – я ездил на автобусные экскурсии, просто гулял по ближайшим улицам, вначале осторожно, но освоился, осмелел и за две недели неплохо познакомился с этим старым, прекрасным городом.

Конечно, Москва была не в сегодняшних границах и выглядела совсем не так, как сегодня. Как-то я доехал на метро до конечной тогда станции Сокол, вышел по короткой лестнице на улицу, а там пустырь, лес, я испугался – это уже не Москва! – быстрее обратно, в центр.

С восхищением бродил по Красной площади, тогда по ней еще ходили трамваи. Вдоль реки Москвы прохода не было – везде заборы и строительные леса.

Куда бы ни пошел в Москве – везде стройки. Краны чугунными грушами разбивали и разваливали старые строения – пыль, грохот. В другом месте – котлован, непрерывно идут машины с бетоном, простые небольшие самосвалы, не бетоновозы, их тогда наверное и не было.

Смотреть разрешалось все, никто не гонял, не запрещал, а мне все было интересно, я везде лез, запоминал.

Это была старая довоенная Москва, но ее уже рушили и отстраивали заново. Побывал я везде, где только успел – и на Сельскохозяйственной выставке, и в Кремле, в квартире-кабинете Ленина, побродил по Кремлевской площади, вокруг Царь-пушки и Царь-колокола, посетил Кремлевские храмы, в которые был доступ, объехал на экскурсионном автобусе самые интересные московские достопримечательности.

Освоился, узнал Москву, спокойно отправлялся от центра, от Красной площади до вокзала пешком. Вообще, кроме экскурсионных автобусов и метро, в Москве я не пользовался никаким транспортом, везде ходил пешком.

Побывал в музее Ленина, в Историческом, в Оружейной Палате, ее только что открыли для экскурсий, в Мавзолее Ленина. В общем, исходил Москву за те две недели всю, сколько успел и на сколько хватило сил. И денег.

А вечером подробно обо всем рассказывал маме и сестренке, увлеченно, с картинками – так легче было коротать время.

По ночам милиция на вокзале не давала спать на скамейках, поднимали всех – и взрослых и детей – «скамейки для сидения, не лежать, подымитесь, скамейки для сидения» – проверялись документы, кого-то уводили или просто выгоняли из зала ожидания.

На нас милиционеры вскоре перестали обращать внимание, не запрещали ни лежать, ни спать. Мать к тому времени обжила угол, расстилала что-то у скамейки, там мы спали по очереди. А сестренка на скамейке, места у нас были на троих, на этих местах и спала младшая – ей тогда было девять, а мне двенадцать лет.

Наконец мать не выдержала ожидания, ушла к дежурному, а затем и к начальнику вокзала, что она там говорила, как убеждала, не знаю, а только через день мы купили свои билеты, а еще через день сели, наконец, в свой Курганский поезд.

И вот – третий день в пути.

Мерно стучат колеса. Я лежу на своей верхней полке, гляжу в окно на проплывающие картинки и думаю обо всем, что с нами произошло.

У отца и в Кургане появились сложности. По приезду он привычно пришел в Обком, где еще недавно, после ранения, во время краткосрочного отпуска его просили поработать на селе – людей нет, помогай, Александр Петрович, по мере сил и здоровья. И отец с палочкой, подволакивая ногу, согласился и все время отпуска работал в деревне. В совхозе. Директором.

А вот теперь что-то не заладилось, специалисты, видно, были уже не нужны, хотя в деревне все еще на всех работах заправляли женщины – новые мужики пока не подросли.

В общем, отказали отцу, устраивайся, мол, как сам знаешь.

«Нет у нас для тебя работы».

Деньги на исходе, на Украине семья – тоже без работы и без денег – не до жиру, устроиться бы куда возьмут. Взяли в местный Быткомбинат, там прачечная, фотография, химчистка, еще какие-то заведения бытовых услуг – взяли заместителем начальника. Вся работу комбината отец быстро взвалил на себя, но – снова что-то не сработало. Какой ни на есть, а руководитель, надо бывать и в райкоме, и в горкоме на разных там совещаниях, начальника нет, уехал куда-то по делам, надо ехать на совещание заместителю, а его не приглашают – не надо вам приезжать, появится начальник, пусть позвонит Валерию Павловичу, а вам не надо, работайте. Ясно, какая это работа, что бы ни сделал – все плохо. Да, быстро киевская «отрыжка» добежала до Кургана.

Отец написал обо всем матери, выслал кой-какие деньги – «распродай все, что там у нас есть и срочно выезжайте, мне за вами не приехать, и не отпустят, и нет денег». Мы все и распродали, главные деньги, на что и ехали, получили конечно от продажи коровы и уже «стельной» телки, это деньги немалые, они и спасли. Не зря, буренка, выводил я тебя в ранние утренние часы и пас вдоль дорог и полевых троп, поджидая пастуха-табунщика, да и по вечерам частенько до самой темноты водил по хорошим выпасам, не зря, помогла ты нам в самую трудную для нас пору, хорошие деньги выручили мы за твою продажу, хоть и обливались слезами при расставании. Расставались-то со членом семьи...

И вот мы едем, которую уже неделю.

В Белогорске об отце всякие ходили слухи. Мне кто-то из старших школьников, когда я ответил, что не знаю, что произошло в Киеве с отцом, доверительно сообщил, что он слышал, как его отец, тоже горкомовский работник, рассказывал его матери, что Александр Петрович встретил в Киеве друга-фронтовика, они посидели где-то в ресторане, «поддали» как следует, отец провожал друга на вокзале, там поддали еще, друг уехал, а отец уснул на вокзальной скамейке, у него вытащили бумажник со всеми деньгами и документами, ну паспорт там и прочее – черт с ними, но пропал партбилет, за это его разобрали на партсобрании и на Бюро партшколы, исключили из партии и отчислили из ВПШ.

Я промолчал было, помня наказ отца – не вступать на эту тему ни с кем ни в какие разговоры, но не

выдержал и зло ответил старшекласнику:

– Вранье все это, я же сам видел у отца партбилет, значит никто его не исключал.

А если бы исключили и отчислили – что бы он еще три месяца делал в Киеве?

Мой собеседник как-то странно посмотрел на меня, что-то промышчал и быстро отошел в сторону. Больше со мной на эту тему никто не заговаривал.

Дома у нас никогда не говорили о том, что же произошло в Киеве. Значительно позже, уже работая «печевым» на металлургическом заводе, как-то при хорошем настроении отца, за домашним семейным ужином я спросил:

– Отец, расскажи честно, что же произошло у тебя тогда, в Киеве?

Отец сразу помрачнел, хорошего настроения как не бывало, подумал и сказал с неохотой, мрачно:

– Знаешь, Юрий, не думаю, что тебе надо это знать. У тебя еще все впереди, а вопросы о родителях задаются часто, особенно в разного рода анкетах. Знать и не ответить – нельзя, это грубое нарушение наших порядков и наших законов. За это могут наказать и крепко. Когда-то на фронте была у нас поговорка – меньше знаешь, крепче спишь. Знай одно – ничего позорного я тогда не сделал, в этом будь уверен. Стыдиться тебе за меня не придется. Никогда! А остальное – пусть всё останется при мне.

А еще позже, уже после смерти отца, мать тяжело болела, рак, возил я ее по всяким больницам, к докторам-профессорам, пока мне один умный человек не сказал:

– Перестаньте вы ее мучить. Ей же тяжело и больно. Болезнь в такой стадии, что в наше время ее не вылечить. Окружите вы ее теплом и заботой, пусть доживает остатки жизни своей спокойно, в кругу детей и внуков. Не вози больше, сам не мучайся, и ее не мучь. Держи себя в руках и жди окончания всего этого.

Хороший был врач, толковый.

Так вот, незадолго до смерти матери, а она последние годы жила у нас, в нашей семье, в семье её сына, мы вели с ней задушевную беседу, разговорились о нашей жизни, вспоминали, я и спросил:

– Мама, а что же это было – та, киевская история с отцом? Должен же я когда-то узнать о ней? – Мать до этого была оживленной, разговор ей нравился, а тут сразу замкнулась и нехотя так ответила:

– Да выступил он там, не знаю, что уж он сказал, но сказал что-то неудачно. Хрущев там был, присутствовал на выпускном собрании школы. Это же была Высшая партийная школа ЦК Украины. Отец что-то на выпускном собрании и сказал. Предложение какое-то. По демократизации партийной жизни. Ну и началось. Его ведь тогда рекомендовали секретарем обкома. А он возьми, да выступи. При Хрущеве. Он же думал, так лучше. Вот после того выступления и вернулся обратно в Белогорск. Ни с чем. Хрущев ведь только после смерти Сталина осмелел, а так ведь боялся Сталина, как огня боялся! Вот и испугался несогласованных выступлений. Да еще кого? Кандидата в секретари обкома! Может, Сталину-то как раз и понравилось бы, люди потом говорили, что по делу отец выступил. Но несогласованно! Перепугался Хрущев, вот и подстраховался. Что ему человек, вон их сколько вокруг. Самому, главное, незапачканным остаться. В общем, не знаю я, Юра, всего и тебе думаю лучше не знать. Вон у тебя дела хорошо кажется пошли, достиг ты немало, что-то будет и дальше, не вспоминай ты всего этого. Отца уже нет, не тревожь ты его душу. Бог, он ведь все видит и каждому воздастся по трудам его. Для Бога, Юра, не существует ни начальников, ни подчиненных, ни рядовых, ни командиров. Если ты обидишь кого – тебе воздастся, обидят тебя – воздастся и твоему обидчику. Помни это всегда, с тем и живи. С Хрущевым тоже ведь, видишь как обошлись. Так что забудь и не спрашивай, не бери душу, сколько мы пережили от всего этого! Не тревожь память отца.

– Ну что, Саныч, как суд праведный?

– А черт его знает, даже не знаю, зачем возили.

– Решили то что?

– Решили, что правильно я сижу, за дело, а то еще сбегу куда-нибудь, за границу.

– Да, есть у них такая статья – посадить, чтоб не сбежал.

– Да ведь паспорт-то у них!

– Саныч, ты как ребенок, что там стоит сегодня твой паспорт, деньги плати – тебе и паспорт, и визу привезут прямо домой. Ладно, не расстраивайся, попей чайку, на вот погрызи баранки, отдохни, опомнись, все образуется. Я же тебе не раз говорил – привыкай, сидеть тебе долго и плотно!

Андрей деловито сварил чай, налил кружку, достал баранки.

– Садись сюда, да выбрось ты из головы! Все равно будет по-ихнему. Воевать с государством – что бросаться с вилкой на паровоз. Успокойся, ложись вот на мою «шконку», поспи.

Действительно, интересное понятие справедливости в наших самых справедливых, самых демократичных и, как говорил известный герой артиста Вицина – «самых гуманных судах в мире!».

И для чего так скрупулезно выяснялось, как я хочу выйти на волю – под залог или под подписку? Решение принято накануне, до суда, отпечатано и подписано, наверное и печати поставлены.

Должны ведь, наверное, вручить мне это решение? Вручат, если захотят. Много ты получил постановлений? И на арест, и на обыск, и на тот же суд? Чихали они на тебя. Еще одно издевательство, унижение, тебе еще раз сообщили, ты никто, скот, что хотим с тобой, то и сделаем! Законы писаны не для тебя, для нас законы писаны и мы читаем эти законы, как нам выгодней. Решили тебя посадить и будешь сидеть! Не мы решили, кто-то решил повыше, вот и сиди, пока тот, кто посадил не сжалится над тобой и не даст команду выпустить. А если не сжалится или просто забудет о тебе, ты им больше не надобен – будешь сидеть, до самой старости, до самой смерти. И не рыпайся, сиди, пока сидишь спокойно, а то такое устроим, смерть покажется избавлением!

Неприятно поразило меня поведение адвоката. Я понимал, что адвокат может быть приставлен специально. Войти в доверие, выведать главное – где деньги, сколько их. Как их забрать – они придумают, главное – сколько и где. Не верят мои «защитники», что нет никаких денег, как же, они же своими глазами видели многомиллионные Контракты, подписанные с иностранными фирмами! Сколько проведено сделок, сколько заработали, в какие банки спрятали? Такой случай, такие возможности, да подобные дела приходят раз в сто лет, может, это единственный шанс у рядовых оперов подняться, получить внеочередные «звездочки», а может, чего и посолидней. И начальство не останется без выгоды, оно тоже свое получит. И уж ясно, побольше, чем рядовые подчиненные. Так что, работать, ребята, давить, ничего, «расколется», куда ему деваться.

Сам он нам не нужен, деньги его нужны!

На суде адвокат не произнес ни слова. Он инициатор судебного заседания, он подавал протест. А на суде молчал. Не разъяснил – почему протестовал, в чем суть протеста. Я протест не видел и не читал, отвечать судье было трудно, импровизировал, гадая, что же от меня хотят? И твердо верил, что вот сейчас адвокат встанет и все разъяснит. Он же адвокат, защитник. Я же ему за это, в конце концов, плачу деньги! И деньги, прямо скажем, немалые.

В нижней, в подвале суда, предварительной камере, куда нас, привезенных из тюрьмы узников, поместили для ожидания своей очереди вызова на судебные заседания, к каждому из приехавших «подследственных» приходили адвокаты, ведущие их дела. Адвокаты обсуждали с клиентами как вести себя на суде, на что упираться в своих ответах, что отрицать, а с чем и соглашаться – в общем адвокаты давали ценные советы, договаривались с клиентами о порядке защиты, что скажет адвокат, а на чём надо подробнее остановиться в выступлении самому подзащитному. Шла нормальная работа защиты с подзащитным.

Перед судом такое обсуждение очень важно – все ведь волнуются, забывают, о чем договаривались раньше, теряются. Ребята молодые, многие впервые, как не поддержать, не успокоить, еще раз всё не уточнить.

И после суда адвокаты возвращались вниз вместе с подзащитным, тут же обсуждали условия приговора, надо ли его обжаловать или приговор настолько мягкий – а они-то ожидали! – что лучше молчать, смириться, уповать в дальнейшем на Бога и на тюремное начальство, как строить отношения между собой в будущем, нужен ли еще адвокат, или на этом их совместная работа заканчивается. Оговаривали многое – еще бы, удобный же случай пообщаться здесь, прямо на месте, без сложных тюремных процедур посещения адвоката в Сизо.

Я тоже ждал своего адвоката, ждал хотя бы пояснений, что мы будем обсуждать, в чем суть протеста, кто и что будет говорить. Но мой адвокат до суда так у меня и не появился. Ждал у двери зала заседаний, а когда меня, в наручниках, вели мимо, прятал глаза, старался не смотреть. Я было заговорил – «что же вы...» – но тут же строгий окрик охранников – молчать! Не разговаривать! и меня провели мимо. Адвокат прошел, сел за стол рядом с клеткой для подсудимых и не хотел даже принять от меня ходатайство к суду, написанное мной в камере.

«Не положено!» Даже судья не выдержал – «Да возьмите, чего же вы!» – и на протяжении всего заседания суда адвокат не проронил ни слова. Зачем приходил? Кстати, мое ходатайство он так и не передал суду. Во всяком случае при мне.

И после судебного заседания адвокат не появлялся у меня неделю, пока я не возмущился и не попросил помощника следователя, женщину, пришедшую ко мне взять образцы подписи, передать адвокату, чтобы срочно появился у меня, в противном случае никаких образцов подписей я давать не буду.

Адвокат появился вместе с той же помощницей следователя и не стесняясь, прямо при ней начал мне выговаривать, за мое же возмущение.

При первом же свидании с дочерью я потребовал от нее разорвать договор с адвокатом.

– Папа, да другой будет не лучше. Мы уже нанимали в Москве, помнишь – Алексей Колдаев – он взял с нас полторы тысячи долларов за месяц, кроме того, я оплачивала ему поездки в Нижний, кормила его здесь и поила, а что он сделал? Составил черновик протеста, да так никуда его и не отправил. Не зря же мы его отстранили, этого Колдаева. Потерпи, мы все делаем, чтобы тебя выволить отсюда, а у Николая хорошие отношения со следователем, кто знает, может, нам это пригодится, может, именно это и главное сегодня. Ты успокойся, мы не сидим сложа руки, связываемся с друзьями и твоими тоже, работаем и с прокуратурой, и со следствием, потерпи, папа, все равно мы добьемся твоего освобождения. А адвокатов часто будешь менять – возникнут новые подозрения, сделаешь себе еще хуже. Положись уж на нас, мы здесь, на свободе, нам легче помочь тебе. Конечно, когда ты выйдешь, ты сам все организуешь, а сейчас потерпи пока, легче от твоих протестов не станет.

Вот в чем истина, господа следователи. А вы, где вы ее ищете?

* * *

В Курган приехали рано утром, часов наверное в пять. Зима, толстый слой снега. Нас никто не встречает.

– Сидите здесь, на вокзале, я сейчас приду. – Мать легко нашла по адресу квартиру отца, он был дома, но о нашем приезде ничего не знал, телеграмму, что мы отправляли с дороги, не получил. Телеграмму посылал я и посылал не по домашнему адресу, а на работу. Отец жил недалеко от вокзала, поэтому они быстро появились около нас, отец расстроенный, обнял нас и долго сидел не шевелясь, потом огорченно вздохнул:

– Подождите, сейчас найду какой-нибудь транспорт, поедem домой. – И действительно, нашел конную повозку здесь, прямо на привокзальной площади, быстро погрузились и через полчаса были в его полупустой казенной квартире. Квартира принадлежала комбинату, занимали ее только те, кто в этом комбинате работал. Уволился – освободи, а отец уже не работал. Пообещал директору, что освободит, как только встретит семью.

– Не волнуйся, мы сразу уедем. А если сейчас переехать, где они меня искать будут?

Директор поверил. А когда отец с матерью выбрали место, куда будут переезжать – выписал отцу премию, денег выделил на переезд. Вот уж поистине – дома и стены помогают, а люди, они и есть люди. Везде и при любых обстоятельствах. Если люди.

После долгих мытарств, переездов, переписок мы наконец остановились на Урале, в городе Реж.

Отцу просто все надоело, он пришел в вербовочный пункт и завербовался рабочим – пескоструйщиком на Режевской механический завод, где работа была тяжелой, охотников работать там было мало, вот и нанимали рабочих через «вербовку».

Поселили приехавших всех вместе, в общем бараке, в большой общей комнате, на участке, участок номер шесть, в войну на этом участке, в этих же самых бараках жили военнопленные.

В «барачной» общей комнате отгородились от людей, приехавших и живущих вместе с нами, таких же завербованных, простынями. Получилась как бы отдельная комната. И прожили так почти год, пока начальство на заводе не убедилось в порядочности и работоспособности отца – дисциплинирован, не пьет, не прогуливает, а главное, сколько требуется по времени, столько и работает.

Работа действительно трудная, а главное – пыльная. Струей песка обрабатывались детали. Завод входил в военное ведомство, качество работ контролировал Военпред. Спрос был строгий. Шум и пыль стояли в помещении пескоструйной установки ужасные, рабочие не выдерживали такой работы, качественных респираторов тогда не было, работали с марлевыми повязками, дышали, конечно, и этим песком. Задыхались, часто выходили из строя – люди не выдерживали.

Но заработок был хорош, пескоструйщик реально, в течение года, мог получить квартиру, хотя бы однокомнатную и отец на это рассчитывал.

Так и случилось, через год нам дали квартиру, на левом берегу пруда, прямо в центре города, в новом двухэтажном доме, правда однокомнатную, на четверых, но какое это было счастье – войти в собственную, отдельную квартиру. Большая комната, обустроенная кухня, теплый туалет. После барака, да общей комнаты – райские условия.

Мы учились в школе. Я пришел в Режевскую школу в четвертой четверти, в пятый класс. Учился я всегда неплохо, но всех насмешил первым же ответом на уроке, путая русскую речь с украинской. Смех в классе стоял откровенный, урок был на грани срыва и учителя решили – пока не освоюсь с родным языком,

принимать от меня письменные ответы. Я запасся этими ответами на все месяцы вперед, до самого конца учебной четверти и раздал их учителям по всем предметам.

– Вот и хорошо, сиди, слушай, привыкай к родному русскому языку, – решили учителя и до конца четверти меня больше не трогали. Оценки мне выставили за пятый класс одни четверки, но я не расстраивался – знал я не хуже отличников.

С ребятами всегда сходилась быстро, друзья у меня были везде. В бараке вокруг меня хороводились и малыши, и пацаны постарше, я всех их звал – «моя челёда», так я звал всех пацанов, что «кучковались» вокруг меня. Рассказывал я им разные сказки. А со старшими мы обычно уходили на реку или в лес и я им тоже рассказывал всякие интересные истории из прочитанных книг.

Шестой участок, где мы жили, так он назывался во времена, когда там были лагеря военнопленных, так его называли и до сих пор, был расположен недалеко от огромного Режевского пруда, куда мы часто бегали купаться и ловить рыбу. Мы быстро прикормили некоторые, удобные для ловли удочкой места, ловили иногда по десятку отличных, как будто специально для нас откормленных лещей, некоторые попадались и по килограмму и даже побольше.

Особым удовольствием и особым «шиком» был бег по плавающим бревнам сплавного леса в Режевской гавани, куда лес сплавляли и откуда забирали его в расход, на пилораму. Тут уж, при беге по плавающим брёвнам, нужна не только ловкость, здесь нужно было особое мастерство. Бревна разного диаметра, некоторые тонут мгновенно, только наступи на бревно. Но в том-то и заключалась лихость, что ты можешь пробежать по этому утопающему бревну в одно мгновение. А остановка на толстом бревне на бегу, удержание равновесия, когда оно крутится, а ты на нём стоишь, удерживаешь его от кручения, да ещё и небрежно машешь рукой, как бы приветствуя всех, кто на тебя смотрит там, на берегу – это уже высший «пилотаж».

Погода на Урале капризная, переменчивая, в начале лета часто грозовая.

Однажды мы загорали, купались, заплыли далеко за середину пруда, а ширина его в этих местах за пятьсот метров, вот мы и не заметили, как подкралась и накрыла нас огромная черная туча. Грозовая.

Дождь застал нас еще в воде, выскочив, мы попытались найти хоть какое-то укрытие. Под деревьями, под скалой.

И тут громыхнуло. Небо «разверзлось», молния ударила рядом, поднялся ветер, всё сметающий по пути шквал налетел на деревья и те не выдержали – вековые сосны, лиственницы падали с шумом, оглушающим свистом, вместе с воем ветра это привело нас в устрашающее состояние, мы попадали в мелкий кустарник с испуганным криком, со слезами. Перепуганы были все, а ураганный ветер не утихал, деревья ломались и валялись, казалось, прямо на нас, молнии с грохотом и шипением ударяли рядом, многие деревья горели.

Мы лежали в кустарнике и молились. Воспитанные в строгом атеизме мы в эти страшные и, казалось нам, в наши последние минуты жизни, вспомнили Бога и молились. Не зная ни одной молитвы мы бессознательно, инстинктивно молили господу о пощаде, о милосердии.

Вокруг бушевала Стихия, валялись, как подрубленные, огромные деревья, стонал огонь, мы не решались ни подняться, ни бежать, мы лежали, плотно прижавшись друг к другу и почти хором молились.

Как закончился этот адский ураган никто из нас потом не мог вспомнить. Мы очнулись в тишине, уже темнело, мы с Колей Савиным собрали всех, кто был с нами в этом затихающем пекле, посидели, приходя в себя и решились, наконец, выйти из леса. Нас искали. Женщины встретили нас плачем, мужики кричали что-то грозное. Никто из нас ничего не слышал, никого не узнавал, поняли мы только, что живы, что вокруг

нас люди, и хотели одного – скорей бы домой! В укрытие! Спать!

Дома мы свалились в постель и проспали более суток. Испуганные родители вызывали врачей, но все обошлось.

Больше подобной грозы ни видеть, ни слышать мне не пришлось, но до самого зрелого возраста, с началом любой грозы я быстро бежал домой, зарывался куда-нибудь в самый темный закуток и с дрожью переживал эту ужасную грозу в одиночестве, в каком-то неземном, потустороннем страхе.

Но жизнь продолжалась, страхи как-то сглаживались, притуплялись, я занял довольно прочное положение среди пацанов сверстников, утвердился в классе и стал даже предметом влечения девчонок, о чем узнал от них же, от девчонок, когда вдруг стал получать от них записки, предложения о дружбе.

В школе и для учителей иногда становился палочкой-выручалочкой.

Скажем, пришел к нам, в школу, молодой, после окончания института, учитель. Василий Петрович. Историк. Быстро освоившись в школе, он организовал исторический кружок. Вел его активно, увлеченно, вводил нас в исторические откровения не предусмотренные школьными программами. Ребята слушали все это с открытым ртом. Кружок расширялся, все больше школьников хотели попасть в его члены, даже конкурс устроили. Василий Петрович выдавал нам темы для рефератов и назначал сроки их обсуждений. На каждом занятии кружка у нас был обязательный докладчик.

И вот однажды докладчик не пришел на очередное заседание кружка. Заболел, как говорится, бывает с каждым, но он даже не предупредил о том, что не придет. Да и как предупредить – телефонов у нас не было.

Витя Ломтев, наш председатель кружка и еще многих школьных мероприятий – знаете, бывает вот такой человек – штатный председатель, что бы где не организовывалось, всегда председателем избирали Витю. Такой он был ответственный, надежный и обязательный человек.

Так вот, Витя на том заседании исторического кружка, в отсутствии докладчика, не получив никаких инструкций от Василия Петровича, долго мямлил что-то об ответственности и порядочности, и что вот от такого разгильдяйства может сорваться любое серьезное предприятие.

Вдруг меня тычут сзади в спину и передают записку. От Василия Петровича. «Юра, расскажи что-нибудь, придумай, наконец, любую историю, кружок не должен сорваться, выручай!»

Смотрим, Витя тоже читает какую-то записку и, просветлев, объявляет с облегчением:

– Но мы же не можем надеяться на одного докладчика, у нас всегда в запасе есть резервный вариант. И сегодня с нами поделиться своими историческими поисками Георгий Красноперов – ох уж этот Витя, без пафоса он не представляет своего председательства.

Я долго рассказывал о порядке посвящения в рыцари древних Шотландских дворян, настолько долго, что получил, наконец, записку от того же Василия Петровича – «спасибо, Юра, уже поздно, всем надо идти домой, как бы не всполошились родители. Закругляйся».

Такое не раз бывало и на других школьных мероприятиях.

В школе организовалась группа из интересных ребят – Юра Авдюков, Коля Воробьев, Боря Долгоруков, Гена Мокин, Паша Марakov, примыкали к нам и другие, но мы, в основном, держались этой группой и везде были вместе – на рыбалке, в различных походах, которые и придумывали сами, на всех массовых праздниках, в спорте. Мы тогда серьезно занялись футболом, волейболом. Но особенно – лыжными гонками.

На Урале все пацаны – лыжники. Я же рос на Украине, в западных ее областях, на лыжах практически

не ходил, так, в редкую зиму, когда снег навалит да с морозцем, мы тоже ходили в лес на лыжах, покататься с горок. В свое удовольствие, не торопясь, не соревнуясь.

На Урале, на первом же уроке физкультуры, на прикидке – кто что может – я пришел последним, причем небольшой прикидочный круг еле-еле закончил.

Совершенно обессиленный, я едва дотянул до финиша. И что-то меня заело.

У нас в классе учился спортивный и чрезвычайно талантливый парень – Толя Гаренский. Он был отличным футболистом – вратарь. Классный вратарь – уже школьником его ставили в ворота за сборную города. Он действительно в городе, среди всех футболистов, играл, как мы тогда говорили – на две головы лучше «всех лучших»!

Был он и отличным лыжником. Мне трудно даже с кем-то его сравнить, так как тогда же, ещё в школе, он не проигрывал в городе никому – ни ровесникам, ни взрослым. Наверное, стал бы он классным лыжником, но ушел в футбол, играл в команде мастеров, а потом стал футбольным тренером.

Мы с Толей жили по соседству, он и убедил меня встать на лыжи. Я учился в шестом классе. Толе скучно было тренироваться одному, он оборудовал мне приличные лыжи из своих запасов, заходил за мной с утра – мы учились во вторую смену – и мы уходили в лес, на лыжню, которую он сам и выбирал, и измерял, и «протаптывал» после частых уральских снежных заносов и снегопадов.

Город наш окружали живописные горы, выбрать лыжню можно было любой трудности. Вымерена у Толи была «десятка», десять километров, такой интересный и довольно сложный круг, с крутыми подъёмами и головокружительными спусками. Я только приехал с Украины, и не просто с Украины, а с Западной Украины, где на лыжах катались мы редко – снег там долго в наших краях не задерживался, и – стоять-то я на лыжах стоял, так, еле-еле, на небольших спусках ещё мало-мало «держался» – но бегать я не умел совершенно!

Толя показал мне азы лыжного хода, вырезал из своего десятикилометрового круга маленький кружок, километра так в два-три – ходи., говорит, спокойно по этому кругу, только не торопись и старайся скользить правильно, как я тебе показал, к середине зимы научишься, тогда и разучим все прочие ходы.

И убежал. Только я его и видел.

Поплелся я по своему «кружочку», пот градом струится по всему телу, взмок быстро, просто мгновенно, но иду. Упорно иду!

Еле доплелся до конца своего круга, а Толя уже здесь, на месте. Стоит там же, откуда и убежал.

– Что случилось? Ты что, не пошел? – спрашиваю.

– Я уже пришел! Пока ты осилил свой круг, я пробежал «десятку». Да ты не расстраивайся, я же с малых лет, сколько помню себя – на лыжах. Научишься и ты. Только надо ходить и ходить, а главное не торопиться. Ты следующий раз шубу-то свою снимай, вон под деревом, где моя, закапывай в снег, не бойся, никуда не денется. А так ведь жарковато, на лыжах да еще в полушубке. Ну что, хватит на сегодня? Или покатаемся с горки?

– Какая горка, Тошка, я еле стою на ногах!

– Добро, пойдем домой, но на завтра готовься, после «круга» будем кататься с горок, вон на том спуске начинать будем. Стоять на спуске – это для лыжника главнее главного.

Так каждое утро. С рассветом уходили мы с Толей в лес и я крутил и крутил этот свой «круг». А иногда оставался на лыжне и после Толи. Он пробежал свои десять километров и уходил домой, а я продолжал бороться с усталостью, со своим неумением, с потом и с болью в нетренированных мышцах.

Вскоре я стал чувствовать себя довольно уверенно, но, конечно, не настолько, чтобы кого-то удивить своими результатами. К концу зимы я уже прилично бежал пятикилометровый круг, прочно стоял на любом спуске, научился разбираться в лыжных мазах, а на закрытии городского лыжного сезона неожиданно для всех, и для себя особенно, занял третье место среди младших школьников на пятикилометровой дистанции, да еще и с приличным временем.

Толя, конечно, выиграл свою «десятку» у всех. Но, главное, как он бежал! Техника у него была совершенной и это при том, что всю лыжную науку он постигал сам – тренеров у нас не было.

– Ну что, доволен? – говорил он мне после финиша, А не верил – помнишь, когда начинали? Летом побегаем, так же по кругу, еще посмотришь, как побежишь зимой. Есть что-то в тебе, быстро все схватываешь, так что готовься, скоро в чемпионы выйдешь, – Толя был в нашем возрасте, но старше нас по жизни на сотню лет.

Наступило лето, все мы перешли в седьмой класс.

Теперь я каждое утро бегал по вымеренному мной на окраинных тропях пятикилометровому кругу. Бегал ежедневно, никому об этом не говорил, просто бегал. Сначала для того, чтобы не выглядеть беспомощно на наших уроках физкультуры, потом увлекся, стал бегать по системе, с прикидками на время, потом это вошло как обязательная часть моего ежедневного распорядка. И все это не для того, чтобы быстро бегать, а для развития выносливости, чтобы зимой пригодилось на моих лыжных тренировках.

И пригодилось. В седьмом классе я уже не проигрывал в школе никому, кроме, конечно, Толи, но он со школьниками не бегал, он выигрывал у взрослых. Боря Долгооруков, главный мой соперник, выиграл в тот год у меня только одну гонку – я что-то плохо завязал плавки – они тогда были у нас с «веревочками». Плавки «сползли» у меня вниз, сковали ноги, пришлось остановиться, раздеться и плавки перевязать. Никому я об этом тогда не сказал, но на всю жизнь запомнил – в лыжной гонке мелочей нет.

В этом еще раз убедился на первых своих областных соревнованиях, погнавшись за модой, я сменил и лыжи и ботинки, да выбрал неудачно, во время гонки лыжа сорвалась с ноги, вместе с креплением и свои первые соревнования на таком первом, высоком для себя уровне, я провалил. С треском.

31

– Не гони, Саныч, не гони, «чокнешься». – Альберт отшагивает свои очередные тюремные тысячи. Пять тысяч шагов ежедневно – эта его норма. Ничто и никто не могли ему помешать их отшагивать. От двери до столика между «шконками», от столика до двери – часами накручивал Альберт свои километры.

В камере сегодня свободно – всего пять человек в камере. Все с местами, один внизу, на матрасе, остальные на «шконках», никакой очереди, спи сколько хочешь.

Дверь камеры прочно закрыта надежными замками, «кормушка» захлопнута, только изредка мигает «глазок» в двери – бдительные охранники осматривают камеру часто, не реже двух раз за час. «Глазок» заслонять нельзя – мало ли что, камера, она ведь и в тюрьме – камера. Но в камере своя жизнь, нам надо двигаться, разминаться. Вот и встанет кто-то у двери, машет руками в разных там физических упражнениях, тут же окрик – отойди от двери! Не заслоняй! – охранники всегда, в любой момент должны видеть камеру. И следят охранники за всем, что происходит в камере, сколько там остается людей.

Одного человека в камере никогда не оставляют. Если, скажем, в камере пять человек и четверых потребовали на допрос или на свидание, или на встречу с адвокатом, или еще по какой-то тюремной

надобности, уведут только троих, четвертого – после того, как вернется кто-то из уведенных ранее.

Альберт отсчитывает свои шаги – к нему претензий никаких, глазок свободен.

Камера закрыта всегда, круглые сутки, открывается лишь для того, чтобы впустить кого-то в камеру или забрать кого-то из нее. Кормушка – основное окно общения с внешним миром – через нее и кормят, и передают письма, и вызывают врача, и получают передачи или передают чьи-то очередные просьбы. Кормушка – это наша связь с «живым человечеством».

Через охранников.

Камера изолирована, но в ней своя жизнь, независимая от внешнего мира, от остального, не тюремного, человечества. Только в тюремной камере обнаженно понимаешь, что здесь свои страдания и радости, диспуты и споры, свои жалости и свои претензии, свои раздоры и своя дружба. Здесь подарки и подношения, обеды и недоедания, обман и доверие, здесь свои законы, свой суд, свои наказания. Здесь, в камере – своя жизнь, хороша ли, плоха, но жизнь, не зависящая ни от тюремного начальства, ни от Правительства Страны, ни от её Президента.

Здесь свои президенты и свое правительство, свои министры и начальники, здесь живут по законам, неподвластным внешнему обществу, внешней жизни.

Здесь Тюрьма – государство в государстве, горе тому, кто не сможет стать полноправным гражданином этого государства, не впишется в его законы, в его распорядок.

Здесь уважают сильных и силу, но не только силу физическую. Тюремный моральный кодекс требует порядочности и уважения между равными, ответственности за произнесенные слова, за обещания, угрозы, за подчиненность, если подчинил кого-то, несешь за него полную ответственность, и все, что натворит твой подчиненный, считай, что натворил ты, и в ответе не подчиненный, в ответе ты, его подчинивший, его господин.

Тюрьма строго требует почитания «старших», титулованных.

Когда в тюрьму привезли и поселили в одну из камер известного «Вора в законе», по всем камерам быстро распространились «мульки» с сообщением об этом важном для тюрьмы событии, навстречу пошли запросы – чем помочь.

Взаимовыручка здесь настолько развита и организационно оформлена, что непосвященный человек, узнав обо всем этом, просто поражается – мы же, в том, другом, «цивилизованном» мире, криминальное общество воспринимаем развращенным, предательским, как общество обозленных, продажных людей. Нет, это общество удивительно сильно братством, заботой о своем сотоварище.

Все это я видел и наблюдал не среди «избранных», не среди «политических». Все это я видел среди настоящего «криминала»: и на Иваси, и в Сизо меня помещали в камеры только с уголовниками – ворами, убийцами. Именно от этих воров, грабителей, убийц получал я в тюрьме поддержку, заботу, сочувствие, защиту. Я видел, ощущал на себе силу и власть могучего сообщества людей, вставших против закона, живущих вне закона, сообщество людей, способного влиять на законы, способного изменять законы. Трудно познать их организованный «внутренний» мир, не всем позволено, но кто поймет, тот познает – это другой, параллельный мир, он сильнее реального, видимого мира, он вне государства, но он в государстве, не в общем, он в государстве своем – сильным, дисциплинированном, напряженном.

Пока не поймут всего этого наши стражи порядка, никогда не совладать им с этим, криминальным для них, сообществом.

Да и, по правде сказать, куда им, «ментам» нашим – они же грызутся между собой, ненавидят

себя, «обездоленных», обманывают и себя, и своих коллег-сотоварищей, и своих подследственных, и своих сограждан, а именно это в том, параллельном, «криминальном», мире совершенно недопустимо.

Потому-то, познаешь там, в тюремной камере, сообщество воровское их, «ментов», не боится, смеется над ними, презирает их. Воровское сообщество знает – оно сильнее, оно их, «ментов», можем купить, оно, воровское начальство, само может прийти к власти, если захочет, а не все еще и хотят, зачем, им, «великим», «светиться», ни к чему, у них есть «слуги народа», те отработают. А как и чем «менты» совладают с ними? Да никак, ибо они сами на общей службе в этом глубоко криминальном государстве. Писали же на заборах в конце восьмидесятых – «к власти придет криминал! Мы построим свое, воровское государство!» Вот и пришло это время.

Это легко увидеть в любой тюрьме, в любой камере. Если в камере кому-то из «важняков» нужен срочно человек – любой! где бы он не находился – в пределах тюрьмы, конечно – этого человека приведут, оставят на нужное время в камере с нужным человеком, все что положено решить, эти встретившиеся люди решат. Не по следственным делам, конечно, по своим, тюремным, да и не только тюремным, разборкам. В камере «важного» человека всегда поздравят с днем ли рождения, с другим ли каким-то событием, если надо кого-то предупредить, предупредят, не туда, мол, гребешь, приятель, остепенись, успокойся. Тюремное «сословное начальство» всегда держит палец на пульсе тюремной жизни, все это знают, все этого остерегаются, всех это дисциплинирует, держит в «напряженке». И в ответственности.

В тюремную камеру не имеют права входить коридорные надзиратели. Да и не только коридорные – в тюремную камеру не могут входить работники тюрьмы. Это запрещено тюремной инструкцией. Официально, в камеру могут войти только охранники служб спецназначения. Но они не входят, они «врываються». Это как в кино – стремительно раскрывается железная дверь, в проеме стоят двое с автоматами, направленными в камеру, зычный вскрик – «всем на выход», в камеру вскакивают два «амбала» – не дай бог, что-то успеют в камере спрятать – все, кто в камере, выбегают в коридор, – «лицом к стене, руки на стену!», начинается общий «шмон», вытряхиваются мешки и сумки, сбрасываются в кучу простыни, одеяла, матрацы, все это ощупывается, обыскивается, выворачивается наизнанку, если ничего не находится – по местам! Привести камеру в порядок! – «спецназовцы» исчезают также стремительно, как и появились. И это не реже, чем один-два раза в месяц.

– Не гони, Саныч, чего машешь руками, забылся весь, не видишь ничего. Успокойсь ты, наконец, или нет? Володя, скажи ему, пропадет же человек. Не гони, Саныч!

Легко сказать – «не гони». Мысли – их ведь не остановишь, не выключишь, как лампочку на стене, они гложут, жгут, требуют ответа на запутанные вопросы.

Тяжелые мысли – грозное все же наказание для живого человека.

И грозный для него судия.

* * *

Мы закончили семилетнюю школу. Обязательное образование. Много произошло событий с тех пор, как появился я в этой школе. Как-то быстро я стал одним из самых активных среди ребят. Уже в шестом классе меня избрали Председателем Совета Дружины пионерской организации всей школы, а в седьмом – Председателем Совета Дружины всего Режевского района. Это был, наверное, первый и последний опыт создания такого органа – Совет дружины района. В Свердловской области, по крайней мере, такой орган был создан только в Реже.

Организовывались разные интересные игры, общественные мероприятия. Мы принимали самое активное участие в создании кружковой работы городского Дома Пионеров, куда стали ходить и учиться многие ребята из разных, даже самых удаленных уголков нашего города, приходили ребята и из ближних деревень.

Затевали мы и разные походы, с посещением соседних районов и городов, завели дружбу с пионерами Егоршинского и Алапаевского районов, соревновались с ними и в учебе, и в спорте, и в самостоятельности.

Особенно всех долгое время держал в напряжении один поход, организованный нашей старшей пионервожатой Богаткиной Кимой Африкановной. Это была замечательная женщина, активная, выдумщица, она всех наших ребят как-то быстро объединила, организовала на полезные дела. Вот она и придумала пеший «виртуальный» поход группы школьников от нашего города до Красной площади в Москве. Ежедневно на школьной доске объявлений вывешивался телеграфный отчет Командира отряда путешественников за пройденный маршрут – что посетили, что видели, с кем познакомились, какие интересные события произошли в посещаемом городе.

На самом деле поход проводился по карте, маршрут прокладывался и описывался прямо в пионерской комнате, в школе. Группа ребят, участвующих в маршруте – его прокладке, описании и подготовке телеграфных отчетов, была строго засекречена, даже наши близкие друзья не знали, кто входит в состав этой группы и кто их командир. На самом деле – это была огромная работа, по маршруту надо было изучить не только все достопримечательные сведения по описываемой местности, проходимых городов, сел и деревень, нужно было и узнать последние интересные о них новости.

Аналитическая группа объединила и увлекла эрудированных ребят. Они запасались справочниками, вели переписки с ребятами из тех запланированных к остановкам в походе мест, о которых мы потом рапортовали.

Итоговый рапорт составлял Командир похода, писал на телеграфном бланке прописью – мы боялись, что печатную машинку мог кто-нибудь услышать и разоблачить наши секреты, но главным было все же не это, в походе, считали мы, может ведь и не оказаться печатной машинки, поэтому, общим решением принято – писать от руки. Писал я с обратным наклоном букв, изменяющим почерк. Писал телеграммы после долгого и бурного обсуждения текста всем нашим небольшим отрядом и после утверждения его Кимой Африкановной. В отряд входили Света Шлыкова, Толя Мохов, Витя Ломтев и еще некоторые ребята, и что удивительно, вопреки утверждению, что если о чем-то знают двое, значит об этом знают все – ребята не проговорились никому о нашей «подпольной» работе до конца похода.

На Красную площадь мы «пришли», конечно, к Октябрьским праздникам, последний рапорт из Москвы был «отправлен» 5 ноября, а весь отряд «вернулся» и вышел с торжественным отчетом на школьном праздничном вечере 7 ноября.

Много было на этом вечере охов, ахов и удивительных рассказов, все были довольны и радостны и особенно члены отряда и их друзья, которые вначале вроде бы и обиделись – как же, мне-то ты мог бы сказать! – но потом всё обернулось в шутки, смех и радостное общение.

Торжественно отпраздновали мы и окончание семилетки – событие немаловажное. Первый в жизни Аттестат об окончании школы. Семилетнее образование было обязательным, многие свою учебу на этом и заканчивали – надо было работать. Послевоенное время, сплошная безотцовщина. Кроме того, дальше учёба была платная. Деньги, может, и не очень большие, по сегодняшним меркам, но и этих денег в деревне взять было неоткуда. Да и в городе не каждая семья могла из своего скудного бюджета выкроить триста рублей на учебу.

Режевской район в значительной степени сельскохозяйственный – деревенские школьники все члены колхозов. В поле работать некому, одни женщины, а тем со скотиной бы успеть справиться. Ребятам не до учебы, из семилетки выпускалось большое пополнение, которое в деревнях ждали, и ждали с нетерпением.

Поэтому и решено было сделать выпуск торжественным, и не только для городских ребят, но и пригласить выпускников всего района. Вышли с этим предложением на горком комсомола. Голендухин, секретарь горкома, принял предложение на «ура», даже прослезился, «ребята, да вы сами не представляете, чего удумали».

Программу торжества составляли почти два месяца.

Душой и мозговым центром конечно же была Кима Африкановна. Удивительно, сколько было идей, ума и энергии у этой женщины. И удивительный метод работы. Она опять же привлекла к разработке программы проведения торжественного выпуска самых активных ребят, увлекала их конкретной идеей, доводила обсуждение самой темы до азарта, ребята «загорались», сыпали предложениями, и тогда она говорила:

– Вот теперь вы всё поняли, даю вам три дня, подготовьте всю программу – как вы ее видите, а через три дня обсудим.

И больше в работу не вмешивалась. Нет, она приходила, слушала наши споры, обсуждения, но не вмешивалась. Иногда мы просто заходили в тупик, обращались к ней – а если вот так? – она пожимала плечами – не знаю, мол, вам виднее, решайте. А когда разработка заканчивалась, обсуждено вроде всё, учтены все мелочи, вплоть до размещения дополнительных буфетов за пределами парка – торжество намечалось провести в городском парке – и мы готовы были представить на суд начальства свою программу, подключалась Кима Африкановна и оказывалось, что многое не учтено.

– Ну хорошо, все вы тут предусмотрели, а вот после рапорта, с площади, как уходить будете? Строем? Хорошо, а до какого места? Вы что, и на сцену в летнем театре строем пойдете, и на танцплощадку? Место, куда строй доходит и там расходится вы должны предусмотреть, или не надо? Толпа ведь получится – народу то сколько! – и еще оказывается много чего не предусмотрено.

И снова ребята за работой, не один день, и ночи прихватывали. Наконец подготовка Плана и Программы закончена, посоветовались с директором школы Воробьевым, учли некоторые и его замечания, и все свои расчёты представили, наконец, в Горком комсомола. Секретарь городского комсомола Леня Голендухин, тоже заводила, но, главное, умница. Долго ему рассказывать не надо – схватывает быстро и весело, если все удачно. Но хмуро, медленно – если что-то не нравится.

Наш план он утвердил сразу, замечаний немного.

Мы к тому времени уже вступили в комсомол, появилось сомнение, все же праздник проводит Совет Районной пионерской дружины, а мы уже комсомольцы, не ладится вроде. Но вмешался Леня – дело свое надо завершить достойно, никому хвостов не оставлять, поэтому давайте, сами все и проведите.

– А потом, Юра, тебя из Председателей районного Совета дружины никто еще не переизбирал. Так что смотри, вся ответственность на тебе. Мое дело – принять от тебя рапорт, да повеселится в вашем праздничном парке.

– Леонид Васильевич, а хватит у нас машин и автобусов всех привезти? Народу много получается, со всего района, из всех деревень и сел. Если мы хоть кого-нибудь, даже из самого маленького села, не привезем – вся эта затея рухнет. Обиды появятся.

– Ну, ты у нас «максималист» известный. Даже если приедут ребята из половины деревень – праздник

будет грандиозный, никакая идея не рухнет. Но, конечно, постараемся привезти всех или почти всех. Я уже договорился с председателями колхозов, сельсоветов, они дадут транспорт. Больше того, они сами хотят приехать – дело то о-го-го какое, так что, на этот счет не беспокойся, это я беру на себя. Ваше дело, ребята, сам праздник. Он ваш, вот и проведите его для себя, вы же в жизнь выходите! Ничего, смелее, задумка хорошая, программа есть, исполнители есть – вперед!

Праздник решили провести в первое воскресенье июля. У нас в запасе оставалось чуть больше месяца. Работа предстояла огромная – побывать в каждой деревне, в каждом селе, отработать программу кто где стоит, какой порядок рапорта, кто рапортует, текст рапорта, репетиции, место сбора до начала парада, после его окончания – каждый отряд должен знать четко – что, где и когда.

Все члены Совета дружины направились по деревням. Работы много, а ведь надо еще и сдавать экзамены! Но здесь все были спокойны – члены Совета учились хорошо.

День выдался солнечным, но не жарким. Уже с раннего утра появились первые автобусы и автомашины. На специально отведенной и оборудованной площадке за парком каждой деревне отведено место для стоянки. Делегации обосновывались около своего транспорта – там оставляли пожитки, переодевались, готовились к построению, концерту самодеятельных артистов, там же получали инструктаж – кто, где и за кем стоит и выходит, где выступают с концертами. Здесь же, у своего транспорта и место сбора после окончания всех мероприятий праздника.

К десяти часам дружины выстроены на площади перед парком, напротив временно оборудованной небольшой трибуны, скорее даже не трибуны, а этакое деревянное помоста. На этой трибуне собрались руководители города, предприятий, рядом по обе стороны – гости из района. Когда я увидел огромное скопление народа вокруг площади, даже не по себе стало, вот уж не думали, затеявая этот праздник как детское развлечение, игру, вот уж не думали, что это обернется таким важным торжеством.

– Рапорт сдал председатель Совета дружины района...

– Рапорт принял Секретарь Горкома комсомола... и далее – Парад – смирно!..

Дружины четким строевым шагом проходят в торжественном строю мимо трибуны и направляются в отведенные каждой дружине места для продолжения праздника. Вся торжественная часть прошла в точном соответствии с программой и начались праздничные мероприятия – игры, концерты, в разных местах и на разных площадках парка.

Главный концерт шел на сцене летнего театра, где выступали самодеятельные артисты всех школ района, по одному – два участника от школы. Это сразу, при подготовке было обязательным условием для всех школ. Кроме того, к выступлению на праздничной сцене были приглашены лауреаты смотра районной самодеятельности. Так что концерт шел непрерывно, кто не хотел смотреть, для тех были подготовлены разнообразные игры, аттракционы, встречи с интересными людьми района, ветеранами, героями-фронтовиками.

Праздник удался, веселились до вечера, фотографировались на память, расставались друзьями.

Еще долго потом вспоминался этот праздник, а участники помнят этот торжественный выпуск семиклассников 1951 года до сих пор.

Всё, теперь мы взрослые, обученные, куда-то годимся. Многие из ребят пошли на завод. Кто-то в техникумы, военные училища. Ушел из нашей компании Геша Мокин – поступил в авиашколу.

Я тоже хотел пойти работать – надоела извечная нищета, нехватки, недоедания.

– Пойду на Никелевый завод, – заявил я отцу – освоюсь по жизни, получу специальность, поступлю в техникум.

– Не торопись, давайте вечером спокойно все обсудим. На семейном Совете решили – учиться надо дальше.

– И учиться в школе, жить дома, а не таскаться по общежитиям. Да, дальнейшая учеба платная, ничего, выкроим из семейного бюджета, летом пойдешь работать, заработаешь на школу, а пока давай-ка съезди в Челябинск, к сестре, к Зое, она вон уже и замуж вышла, а мы все не можем восстановить контакты. Поезжай, отдохни с месяц, мы еще подумаем тут с матерью. Через месяц вернешься, поработаешь, там видно будет. Все равно после школы отдохнуть надо.

На том и остановились.

32

Их было трое. Два корейца и грузин – мегрел. Корейцы – Тан и Ким, а мегрел – Джаваба. В Москву приехали на заработки.

Вот, говорят – причем здесь национальность, мошенники не имеют национальности. Возможно, но только уж больно часто и повсеместно – как ни мошенник, так зачастую – «кавказец». Это же статистика, ей хочешь не хочешь, а верить приходится. В крови у них это, что ли. У нас на любом рынке, в любом большом и малом городишке, в любой деревне твердо убеждены – кавказец обворует, обманет и друга, и партнера, и родственника. И все же, как ни предложения тех же кавказцев, так обязательно и наше согласие. Ну как тут не обворовать, когда сами в руки отдаем! Вот, недавно старый товарищ при встрече рассказал, как кавказец обманул его в обменном пункте. Завалилась у него надолго пятидесятидолларовая купюра, а тут что-то приспичило, деньги срочно понадобились, поеду, думает, поменяю в обменном банке, приехал, там у окошка «кавказец», представительный такой, модно одетый, трется около «окошка».

– Давай поменяю, дороже на рубль к курсу, давай, дарагой, не бойся, валюта срочно нужна, ехать лечиться надо, не откажи, пожалуйста, спасибо скажу, дарагой.

И знал, что нельзя связываться с ними, а вот ведь, как будто подталкивает кто-то.

– Ну, давай... – В общем, из полутора тысяч обменных рублей недосчитался мой товарищ аж тысячи ста!

– И как получилось? – сокрушался он уже дома, пересчитывая деньги, – ведь я же держал в руках, сам ведь пересчитал, и на тебе, ни рублей теперь, ни долларов!

Говорят еще, каждое мошенничество развивается на благодатной почве. И это верно. Уж у нас-то эти люди нашли самые благоприятные условия для своей деятельности. Еще бы, все бесплатно, помещения, телефоны, компьютеры с самыми разнообразными программами и укомплектованные всеми необходимыми печатными и множительными приборами – работой в свое удовольствие.

И наработали.

«Снизу» позвонили – с вахты, дежурные:

– К вам тут пришли.

– Кто, зачем?

– Говорят, есть хорошие деловые предложения.

К нам тогда валом валили разные подозрительные люди с самыми разнообразными предложениями – от совместного строительства торгового центра до организации на паевых началах космической связи. Как только мы обосновались в Москве, организовали свой, довольно

благоустроенный офис, на одиннадцатом этаже 17-ти этажной башни одного из московских научных институтов, к нам, как мухи на мед, повалила разношерстная публика со своими проектами. Приходили и с действительно толковыми предложениями, но все проекты требовали значительных финансовых вложений, на которые мы пойти никак не могли.

Предлагали нам и многомиллиардные кредиты, покупку солидных предприятий в рассрочку и по бросовой цене, еще много чего громкого, но явно нереального.

Крутились тогда вокруг нас «жулики» всех мастей и калибров. Видимо у нас происходила обширная утечка информации – фирма солидная, с богатым учредителем, на счетах в нескольких банках накоплены немалые деньги – у нас числилось в наших банках более двадцати миллиардов рублей, по тем временам – почти семь миллионов долларов.

И это всего за год с небольшим работы Компании. Конечно, была и задолженность – около двух миллионов банковский кредит и чуть более 700 тысяч – долг Учредителю.

Но мы только начинали, собственных денег имели значительно больше, чем задолженности, а потому на свое развитие смотрели смело и уверенно.

От перспективы дух захватывало. На Урале работала собственная фабрика бриллиантов, организовывалось такое же производство в Москве. Все это с надежными партнерами и под хорошим спонсорством. Деньги лежали в надежных банках, на депозитных счетах с огромными процентами – за год суммы возрастали в несколько раз. Но мы провозгласили себя производственной фирмой, всех нас захватил производственный зуд, тем более, что со всех сторон только и слышно:

– Что там твои банки, банки скоро лопнут и плакали твои денежки. Давай-ка лучше вот организуем... – и новая «сверхприбыльная» идея.

В общем, шел рядовой коммерческий поиск, рассматривались и отклонялись многочисленные проекты, посетители шли с новыми идеями ежедневно, каждый звонок с вахты воспринимался как рядовой, дежурный звонок.

И вот, еще одно предложение.

– Пропустите. – У нас на этаже своя охрана, проверят документы, запишут в журнал посетителей, наведут оперативные справки. Опасности для работников фирмы по большому счету не было – охранная фирма солидная, известная в Москве, «бандит» к нам не лез. Но – все могло случиться, поэтому на этаже работала охранная сигнализация и блокировка – в случае нападения, нажималась кнопка вызова милиции, при этом блокировались все двери – одиннадцатый этаж, выскочить невозможно, нападающие не смогли бы выбраться с этажа до прибытия оперативников. За пять лет работы в этом офисе никаких нападений и угроз мы не имели. Так что, посетителей снизу пропускали смело, без опасений.

Вошли – прилично одетые, с доброжелательными улыбками. Чувствуется – люди знают чего хотят и готовы поделиться своими знаниями.

– У нас есть к Вам деловое предложение. Даже не одно. Во первых, мы можем организовать под ваши программы крупный кредит. Нам рассказали Ваши земляки из Якутии о ваших инвестиционных Программах. У нас есть возможности организовать крупные кредиты через Венгерские банки, у вас наработаны солидные Программы. Самое время нам объединиться и осуществить все, что вы наработали. Кредиты – до 10 миллиардов долларов США. Первый транш до 1 миллиарда – уже в этом году. Если Вы не против, нам нужно немного – ознакомится с Инвестиционной Программой. Мы из нее сделаем «выжимки», короткий – в 5–6 страниц Бизнес План. Остальное – наша работа.

– И что еще, кроме программы, потребуется от меня?

– Ничего. Только Ваше имя и счет в Банке. Куда направить кредит.

– Ну, про миллиардные кредиты мы слышаны. А что во-вторых?

– Так. В кредиты Вы не верите... Вся беда сегодняшней России в том, что вы, бизнесмены, запутаны разными предложениями, обещаниями разбогатеть в одну ночь и ни во что не верите.

– Но вы-то тоже обещаете разбогатеть быстро и без всяких обязательств. Как будто деньги жгут руки западному капиталисту, он только и думает – кому бы их подарить.

– Нет. Мы обещаем работу. Кредит – это заем под надежные Программы, способные не только вернуть вложенные деньги, но и получить приличную, устраивающую всех участников сделки прибыль. У вас как раз такие Программы, разработаны солидной организацией, с Правительственными гарантиями, такие программы обеспечат и возврат вложенных средств и получение Прибыли. А кредиты мы вернем и с процентами. Но, чтобы вернуть потраченное – нужно работать. Так что, мы предлагаем не «манну небесную», мы предлагаем работу – тяжелую, но интересную и с выгодой.

– Быстрые кредиты мне не нужны... Ну хорошо, посмотрим. А что у вас во-вторых?

– Жаль. Кредиты уже в стадии оформления и скоро поступят в Россию. Но, нет так нет.

Второе. У нас есть деловые партнеры. Они предлагают эксклюзивную поставку сахара. В Москву. Согласие мэрии у нас есть. Оплата за поставку – аккредитивом, раскрывается этот аккредитив – только по получении товара. По нашему подтверждению. Это Вам интересно?

– Нет, я в этом не разбираюсь.

– А Вам и не надо разбираться. Есть специалисты, они этим займутся.

– Стоимость сделки?

– Первая сделка на триста миллионов.

– Но мой Банк не может выставить такой аккредитив, его нечем подкрепить.

– Вы опять не поняли. Вам ничего не нужно выставлять. И оплату, и поставку, и реализацию – мы все берем на себя.

– Для чего же вам нужен я?

– Мы никто! У нас нет ни имени, ни солидной фирмы. А под ваши программы, под ваше имя и под наш товар – через вашу фирму – мы добьемся финансирования самых солидных Банков Европы.

– Вы добьетесь финансирования и исчезнете, а мы останемся в долгах и под следствием Прокуратуры.

– Ну, знаете, с такими подозрениями ни одного дела не сделаешь. Давайте, мы вам дадим подтверждение нашего Банка о надежности таких сделок.

– Мне нужно подумать. Да и со своими посоветоваться.

– Конечно. Когда мы можем снова встретиться?

– Позвоните. Телефоны у вас есть. Дня через три.

– Мы очень хотели бы, чтобы Вы взялись за эти дела. Выгодно, без затрат и уж тем более без потерь. Деньги, мы надеемся, Вам все же не помешают?!

* * *

В Челябинске я прожил месяц. Встретились с Зоей, к ним я приехал, у них и жил постоянно. Познакомился и подружился с мужем ее – Леонидом. У них недавно родился сын, назвали Володей. Я привез с собой фотоаппарат, были такие широкоплечные фотоаппараты «Смена», для школьников, вот я и упражнялся на младенце. А проявлять и печатать мы учились вместе с Леной. К концу моего гостевого отдыха у нас получались фотоснимки довольно приличного качества.

Через неделю мы уехали на Южный, к тете Шуре, там и жили весь месяц. Леня ездил на работу на автобусе, а Зоя была в декретном отпуске.

Там снова подружился с Володей и всеми пацанами, которые помнили меня еще с давнего, во время отпуска отца по ранению, посещения. Деревенские игры, работа на покосе, река, солнце, полная свобода – я вырос, окреп, а бегать не переставал и в деревне.

Но месяц пролетел быстро, надо возвращаться домой, надо решать, что дальше – учиться или работать. Кроме того, мы договорились с ребятами, с Юрой Авдюковым и Пашей Мараковым, поработать летом на лесопилке. Мы там и раньше бревна катали, обещали взять нас и этим летом.

В Свердловск поезд приходил рано утром, надо было коротать время до вечера и я пошел побродить по городу. Знал я Свердловск хорошо, побывал на стадионе, сходил в кино, а к концу дня ноги сами вынесли меня к музыкальному училищу. Внимательно прочитал я большое объявление о приеме в училище выпускников – семиклассников на разные отделения. Принимали и на вокальное. «Дай, – думаю, – зайду, узнаю условия приема». Сел на скамейку, что у входа, задумался. Ну как пойдешь? Где и на что жить будешь? Чем платить за учебу? Нет, надо ехать домой, заработать деньги – там видно будет.

И так тоскливо мне стало, чувствовал я – если сейчас не решусь, то не решусь никогда. Нет, не решился, побоялся голодной и неуютной жизни. И вспоминаю об этом до сих пор.

А дома ждало меня ошеломляющее известие. Отца вызвали в Райком и предложили работать председателем одного из колхозов района. Реабилитировали отца по партийной линии и дали ответственное поручение. Отец уже дал согласие, побывал в колхозе, там его избрали Председателем. Избрали – это конечно условно, тогда избирали всех, кого рекомендовал Райком, но все же общие собрания колхозников проводились, там наиболее активные селяне выговаривались от души, «спускали парок» до следующего собрания.

Семья готовилась к переезду, в деревню Першино. Отцу выделили большой деревенский дом, принадлежащий колхозу, завезли из Режа необходимую мебель, ждали Председателя и надеялись на него.

Шел шестой послевоенный год, жизнь все еще была скудной, в деревне – тяжелой, налоги еще давили деревню, как невесело шутили мужики – платили даже за лишний в хозяйстве топор. Спасал собственный огород и собственная скотина, хотя содержать ее в деревне ох как было не легко. Покосы колхозникам не предусматривались, косили по лесным полянам и в местах, недоступных для колхозных сенозаготовок. Никаких подкормок, комбикормов в то время не существовало, да и покупать, будь в то время даже в продаже эти комбикорма, колхознику не на что. В колхозе зарабатывались трудодни, на которые в конце года не всегда что-нибудь и выделялось, тем более деньги. Колхозник мог получить в те годы чистыми деньгами 10–15 рублей за весь сезон – с такими деньгами не до кормов. Спасала близость городского рынка, где продавали и молоко, и мясо, чтобы затем что-то купить на вырученные деньги. Зарабатывали немного зимой, на лесозаготовках, это было хорошим подспорьем, но не для всех, а только тем, кто попадал на эти лесозаготовки, кому позволяло здоровье.

Мужик в деревне изнашивался быстро – зимой тяжелая работа в лесу, а с наступлением тепла

успевай поворачиваться – только посадили и засеяли колхозные поля, управились со своими огородами, поспевали покосы, траву и скосить, и складировать нужно во время, иначе зимой – падеж скота. Управились с покосами, короткая передышка – разные там прополки и окучивания за работу не считались – начиналась уборочная. Это сейчас, с техникой, на полях и народу-то не видно, а в те годы все делалось вручную, на полях полно людей как своих, так и привлеченных с предприятий, школ – уборочная шла шумно, весело, с песнями, шутками-прибаутками, к вечеру, правда, люди еле держались на ногах, уставали жутко, особенно женщины и дети, работающие на колхозных работах с малых лет.

Уборочная порой затягивалась до глубокой осени, до первых холодов, а там зима, короткая передышка до весны, если не считать лесозаготовок, в которых участвовали не все колхозники, а весной новое начало деревенских и колхозных работ – весь сезонный сельский цикл повторяется сначала.

И так годами, десятилетиями, от рождения и до смерти – изнашивался народ быстро. А ведь еще свои огороды, своя скотина – семью-то кормить надо. Вставали в деревне с первыми петухами, а ложились за полночь.

Иногда напьется мужик и клянет эту свою беспросветную жизнь, да деваться некуда, не уедешь, не уйдешь, паспорта тогда колхозникам не давали. Живи и работай, раз в деревне родился. Вырваться из колхоза могли немногие – пришел парень из армии, мог и уйти из деревни. Или после десятилетки, если поступил учиться в институт или техникум, но таких были единицы на несколько деревень, не всем в деревне удавалось и семь-то классов закончить, какая уж там десятилетка, а кто семью кормить, обрабатывать будет?

По тогдашним правилам семья избранного Председателя колхоза обязана была вступить в члены колхоза, а это значит – каждый совершеннолетний член семьи, а ими в колхозе считались лица старше шестнадцати лет, должен заработать в колхозе 300 трудодней, могут работать не все, но чтобы в сумме трудодней за год на всю семью получилось по закону. Нас было четверо, совершеннолетних двое – мы с матерью – значит мы к концу года должны были заработать 600 трудодней. И зарабатывали!

Отцу, как председателю, сразу назначались трудодни, как зарплата, в семейный зачет эти трудодни не засчитывались.

Я же каждое лето работал в колхозе, начиная с покосов и заканчивая уборочной. Мешки с зерном возил от комбайна, причем и грузил, и разгружал эти мешки сам, затем овощи и все, что там созревало и убиралось. Зарабатывал я в год и за мать, и за себя. Так что, мать не работала, занималась хозяйством, торговала на базаре осенью овощами, тем и жили. Правда вскоре правление колхоза приняло решение платить Председателю зарплату деньгами. И определили эту зарплату в полторы тысячи рублей! Конечно, семье сразу стало легче.

А зимой мы учились. Жили мы с сестрой в Реже, снимали у одной старушки комнату в частном доме, продукты возили из деревни. Решили же на семейном совете – закончить десятилетку. На учебу я заработал летом, как только приехал из Челябинска. За учебу платили 300 рублей каждое полугодие, начиная с восьмого класса. Деньги сравнительно небольшие, но и их надо было где-то заработать.

Это, по тем временам, ох как было трудно! Особенно в деревне... Когда начиналась учеба и для нас прекращалась работа в колхозе, мы все равно «баклуши бить» не могли. Надо было зарабатывать деньги. И мы, небольшой бригадой в четыре человека, подрабатывали на местной пилораме на «Гавани» – так назывался район города, где принимался и обрабатывался лес, приходящий в город по сплаву. Подрабатывали тем, что катали бревна на пилораму. Расчет за работу был ежедневно. Заработал – получи. Это нас и привлекало. Тем мы и жили.

Интересный у нас в камере однажды случился разговор. О женщинах. Даже не о женщинах вообще, а о женах, о их значении в нашей жизни, о их помощи в наших успехах, и их вине в наших неудачах. Оказывается, многие в тюрьме и сидят-то из-за жен своих.

Разговор зашел по случаю. Дело в том, что Альберт отсидивал в тюрьме срок, он не был подследственным, был уже осужден и тянул свой срок здесь, в камере. Срок небольшой, сидел он не впервые, вот его и не переводили на зону. Может, были и более веские причины, но срок свой отбывал он здесь, в тюрьме.

Осужденным положены встречи с женами, вот такое право подоспело по срокам и Альберту. Ушел он от нас на целых три дня и вернулся довольным и как-то по особому возбужденным. В камере не стесняются рассказывать о таких встречах и Альберт, не вдаваясь в интимные подробности, весело поведал нам о встрече.

В камеру тогда к нам подселили одного пожилого мужчину, хмурого, неразговорчивого, необщительного. Он постоянно молчал, а тут вдруг взорвался:

– Нашел чему радоваться, с женой потешился! Да она, поди, дома-то без тебя «натешилась» вдоволь, пропускала небось за ночь-то не по одному! – и все это зло и с явной неприязнью.

Альберт все перевел было в шутку. А потом спросил:

– А ты что сердитый такой. Тебя что, жена бросила?

– Если бы бросила. Это пережить легче. Тут что, не сошлись, не пригодились. А то ведь «поживому» – успевала принимать в моей же постели, пока я на работе вкалывал. Однажды машина, что возила нас на работу, сломалась. Пока ждали замену, схожу-ка, решил я, за какой-то бумажкой, забыл уже, я тогда мастером работал, наряды там всякие, табеля, ну и оставил что-то дома, схожу, думаю, пока-то заменят, а скорее всего просто отремонтируют машину, менять то особо и нечем было. Ну и пришел. Дети у нас, двое, девочка и мальчик, в садик ходили, вот она увела их в садик, а к ней «хахаль».

Был у нас такой Шурик, любил по чужим женам ползать. Вот и к моей видать приспособился.

Захожу, а они – не поверишь, прямо на стуле, сидя, задрал он ей ноги и «жарят». Со стоном и таким, знаешь, характерным повизгиванием. Я еще со двора услышал, да не поверилось, знал бы, лучше б не заходил. А тут заскочил в дом, а они в экстазе, не замечают ничего. Ну я и рассвирепел. Ей по башке. Сзади. А ему сначала по скуле, в «нокаут» послал, а затем взял ножницы, да яйца и отрезал. Тут же позвонил в больницу, врача вызвал, человек, говорю, кровью исходит, приезжайте быстрее, а сам, этим же телефоном и в милицию – приходите, мол, человека испортил. Вот мне и «накатили». Первый срок. А потом и пошло, там уж по инерции, не удержишься, в нашем деле без брака трудно, не первую тяну «ходку». Но первый-то срок из-за нее, суки. Так что, я их, стерв, и поныне не могу терпеть. И слушать мне о них ваши восторги противно.

– Ну, ты даешь, парень, да не все ведь такие шустрые. А тут и другой заговорил, да про то же.

– Не все, конечно, такие, но схожих немало. Со мной и вообще случай такой произошел, что и вспоминать неловко, да только куда же денешься, помнишь все время.

Поехали мы с таким же вот, как ты рассказал, Шуриком, на рыбалку ли, на отдых, в общем на речку. Там зимовье было. Строители сезонные, прибалты там жили, эстонцы вроде, не помню уж точно, ну пригласили в гости, приезжайте, мол, пива мы наварили, попробуйте свежего, собственного варева. Да и рыбалка хорошая, сетешки поставим, и уха будет, и жареха. Ночуете, мол, здесь, чтобы не спешить, не суетиться.

Вот и поехали, водки само собой взяли, еще какой-то выпивки, с женщинами все же. Были и дети с нами, у нас тоже двое, и тоже девочка и мальчик. Ну порыбачили, посидели за столом, дети спать хотят, я и пошел в дом, уложить детей, что б не хныкали, да и темно уже, ночь.

Возвращаясь к столу, там рядом костер большой от комарья разного развели. Тепло и светло. Но за столом ни жены, ни этого Шурика, ни бригадира эстонского. Никогда ведь не веришь, что именно твоя жена и именно тебе изменяет, вот и не обратил особого внимания, ну нету и нет, ушла куда-нибудь, мало ли женщине в лесу чего захочется. Но нет и нет, время идет, я заволновался, уж не случилось ли чего. Спрашиваю ребят, куда мол жена-то подевалась, а они чего-то глаза отводят, не глядят на меня, да и не отвечают. Мне и тогда даже в голову еще не придет, не могу еще понять ничего. Но заволновался, не по себе как-то стало. Да и стыдно же. Вдруг что-то не так. Пошел вроде прогуляться, да и услышал, тоже, как ты говоришь, и визг и стон. Слышу и не верю ушам своим – жена! С кем же это? Точно, с этим же Шуриком, да и с бригадиром этим, прибалтом, групповуху, видать, устроили, да и дружно так, видать, не в первой. Кинулся к двери – закрыто. Ударил ногой в дверь, слышу – притихли. Позорище же. Да при детях. Отошел к костру, к столу уже не подсаживаюсь, стыдно, смотрю – идет, а вскоре и Шурик за ней. Без бригадира, тот видно почуял неладное, поостерегся. Я промолчал тогда, не стал позориться. А домой приехали – я к этому Шурику, в общежитие. Нету! Уехал рано утром на лодке, по реке. В те же дни меня перебросили на другой участок. Так я с ним и не поквитался.

А тут захожу недавно в кафе, смотрю, боже ж ты мой, Шурик, сидит, пьет пиво, закусывает чем-то. Что, говорю, «Шурик», уж не к жене ли моей приехал, да и в морду, такое зло взяло, вспомнилась вся моя обида, отделал я его, сколько успел, милиция набежала, вот и сижу теперь, жду решения своей судьбы. А ты говоришь, не все, мол. Не все, конечно, но многие, если приглядеться как следует. Женщина – она же безрассудная, ни на что не смотрит, если что вдруг приспичит. Разве можно мужика представить, чтобы при всех, при детях – а им все нипочем.

– А с женой-то что? Дальше как, жили?

– Ну, с женой особая история, не хочу вспоминать сейчас, но живем, куда деваться, дети же. Не захотел, чтобы дети, если уйти мне, всякий разврат видели, жили им, этим развратом, да еще, не приведи господи, сами в такой же разврат пошли. А свою жизнь загубил, конечно. Дети подросли, их же к матери больше тянет, да и не знают они ничего, на меня косо поглядывают – что, мол, с матерью не можешь по-хорошему. А я не могу, действительно. Не поверите, ну приспичит и мне иногда, мужик же, бабу тоже иногда надо. Приду к ней, только начинать – а все у меня пропадает. Так и стоит в ушах этот стон и это повизгивание – и все, ничего уже не могу. Но только с ней, с другими бабами ничего вроде, но не так, конечно, как когда-то, до этого визга и стоны. Река эта и барак тот распроклятый снятся мне ежедневно, который уже год. Вот и посуди, что они из нас делают, бабы.

– Так потому поди и тянет ее к этому Шурику, что у тебя «все пропадает»?

– Может быть. Но знаете, мы «познали» себя до женитьбы, переспали еще смолоду, да и не один раз. Если мы с ней друг-другке «не подходили», да не нравилось ей, зачем замуж соглашалась?

– Ну, парень, мужа им всем хочется. Замужем они смелее, вроде солидности им придает замужество. И на мужиков она, замужняя, смелее смотрит, вроде – не хочешь, не надо. Не тороплюсь, свой есть. С голоду, мол, не помираю. Психология. А «шурики» эти разные, они ведь обхаживать умеют, и тянет их почему-то именно на замужних женщин, шик по жизни у них такой, чужую жену «захомутать». Вот ей и мерещиться, что она для «шурика» этого самая-самая. А для «шурика» этого она что ни на есть самая «очередная». Да разве ей втемяшишь...

– Да, история. Что-то день у нас, братва, невеселый сегодня. Мрачный день какой-то. Да и рассказы ваши – мрачные. Саныч, рассказал бы ты нам что-нибудь повеселее. Да поинтереснее, а, Саныч? Уж ты-то в молодости насмотрелся, небось!

А я лежал на своих нарах, на верхней «шконке», и думал – как много в нашей судьбе значит женщина. Вот уж поистине – измена мужа, его позор и бесчестие, измена жены – позор и бесчестие семьи. И грех семьи, и ее проклятие. Жизнь, это все же начало женское и только жена может сформировать дружную и счастливую семью. И счастливого, удачливого мужа. Уверенного в себе, в своей семье, в своем защищенном тыле. Да, мужику создать такое не под силу, такое может сделать только женщина.

– А вот у меня случай с первой женой был, врагу не пожелаешь, – это Леша, он к нам дня три назад поступил, живет, видать закрепится, смышленный такой паренек, исполнительный и работающий. Все время ищет чего-нибудь сделать. Андрею уж больно нравится. Молодой, тридцати еще нет.

– Жили мы тогда в тайге, в небольшом поселке, на буровой. Жена у меня была молодец, хозяйка, все у ней на месте и все вовремя, поест там что, одеться – все вкусно, все чисто, все с запасом. Я жил и радовался – вот ведь повезло, удачно женился. Вдруг – телеграмма, отец тяжело заболел, чуть не при смерти, ехать надо. Собрали деньги, конечно, призяняли даже немного, это в тайге не вопрос, дадут, сколько попросишь, ну я и выехал. Пробыл с полмесяца, возвращаюсь, телеграмму, конечно, отбил, так, мол, и так, приеду такого-то. Дома – баня натоплена, помылся. Ну и к ней, конечно, все же соскучился. А утром – зуд внизу, в волосах, по всему «члену» зуд этот расходится, аж невтерпеж. Испугался, как же я жене-то скажу, заподозрит чего, стыда не оберешься, да и смертельно же обидится! Не поверит ведь, что чист я перед ней. Но делать нечего, свербит, уже и «мандавошки» видны, бегают, размножаются. У меня такое впервые, я и что делать-то не знаю. Ну, признался, наконец, так мол и так, вот, поймал где-то, не знаю, в бане, может, не было ничего ни с кем в поездке, а дома и сама знаешь – не гляжу ни на кого. Помогай, делай что-нибудь, заедают. Она ничего так, спокойно, бывает, говорит, сейчас смажем, сначала давай побреем, волос не будет и размножаться негде им будет. И действительно, побрила все у меня, замыла, зачистила, смазала мазью. Стало полегче, но как-то не по себе мне все это. Жена как будто знала, что заведутся у меня мандавошки эти, все-то у ней готово – и мазь, и побриться...

И вдруг обожгло меня, вспомнил я, что у нее самой «лобок» побрит еще вчера был, очень меня удивило это, да забыл, задохнулся в объятиях ее жарких, в экстазе трепетном. Взял за грудки – признавайся! А она спокойно так и призналась, да еще и с удивлением, а что, мол, нельзя разве?

– Я что, – говорит, – твоя собственность? Тебе что же, плохо со мной? А я уж извини, если захочу, не удержишь ты меня, и не выследишь. Так что, если нравится – живи, а если что не так, что ж, видно, не судьба, детей у нас с тобой нет, давай разойдемся. Мне с тобой хорошо, я свою службу перед тобой соблюдаю, а понравится еще с кем-то, не запретишь, моя воля.

Вот и возьми их, этих женщин, «за рупь двадцать».

– Ну, а ты что?

– Да уехал я, не по мне колхоз этот, о своем доме мечтал, о своей единственной, да чтобы и я у ней один был. Уехал, но распрощались по-хорошему, без обид и скандала.

– Да, – откликнулся молчаливый до сих пор Володя, – читал я где-то, что если женщина рано начинает и в молодости имеет много мужиков, то с одним она уже никогда не сможет, мало ей с одним, один ее уже никогда не удовлетворит. «Матка» у ней, так врачи говорят, становится «бешеной». Болезнь у ней такая начинается. И терпеть она уже никак не может. С кем ни попало –

лишь бы «досыта». Видать тебе и попалась такая. Сложное, выходит это дело – женитьба, ответственное, на всю жизнь. Думать надо. Смолоду. Но все вы об измене, а я, хоть и молод еще, а мог бы рассказать вам о женщинах, которые на смерть и муки шли за мужика. Но это свято, на показ не выставляется, не буду я вам про это рассказывать, но знаю, не все женщины те, что вас провели. Есть настоящие, преданные и Великие женщины, а их значительно больше, чем ваших «обидчиц», а может, вы просто сами их развратили, своим презренным и снисходительным отношением к ним. Да вот, у нас, в нашей камере, дочь Саныча, Светлана, да за такую женщину я бы хоть в огонь, хоть в воду. Много вы найдете еще такой дочерней заботы о пострадавшем отце? Такая и мужа не подставит. Моя мать недавно, в очереди на передачу, познакомилась с твоей дочкой, Саныч, видела мать, как Светлана пробивает все для тебя, все женщины там дивятся на нее. Так что, как хотите, братцы-мужья, а я так думаю, что все эти ваши беды вами же и созданы. Или невниманьем вашим, или вашей неспособностью!

Про женщин рассказы в камере редкость большая. У нас такое впервые случилось. В тюрьме существует культ женщины – или хорошо, или никак. Но вот ведь, прорвалось, наболело, разговорились.

Думают мужики о женщине постоянно. И в камере тюремной тоже.

** * **

В школе ребята увлеклись футболом. И довольно серьезно. Было тогда романтическое в футболе время. Первые победы нашей сборной и клубов – с турками, англичанами. Знаменитая победа «динамовцев» в Англии. 19:9! А внутренний календарь! Телевизоров не было, смотрели «живьем», на стадионе. Слушали репортажи Синявского, кричали вместе с ним и радовались победам. Болели за «Спартак» поголовно. Не было у нас такого разделения – за «Динамо» ли, за ЦДКА, нет, в основном все пацаны были яркими болельщиками «Спартака». О футболистах знали все, хотя откуда кажется и знать-то, кроме «Советского спорта» ничего ведь и не читали, да и то далеко не все. Но как начнутся споры – и кто какой ногой и как бьет, и кто откуда пришел и где вырос, и с каким тренером игроки вчера перессорились, послушаешь, ну все пацаны знают, аж зависть берет, откуда все это?

Играли пацаны прилично. Юрка Авдюков был лучшим, и не только в школе. Его приглашали во взрослые команды. Авдюковы вообще семья спортивная. В футбол играли и старшие братья, а Вениамин играл в команде мастеров и учился в физкультурном техникуме.

Юрка мечтал создать сильную команду в школе, чтобы обыгрывать всех в городе. Да и не только в городе. И было из кого создать такую команду, солидно играли Боря Долгоруков, Толя Мохов, были и другие ребята нашего возраста и постарше. Да и младшие подрастали, обыгрывая порой некоторых старших.

В команде не было приличного вратаря. Я в футбол играл мало, в команде не имел определенного «амплуа», да и мячом владел не очень – в послевоенном украинском городке футболу не учили. Там тоже играли, но больше не играли, а бегали, кто кого перебегает.

Так вот, после очередной какой-то не очень важной игры Юрка и говорит мне:

– Ты же видишь, в городе нет ни одного приличного вратаря. Не только у нас нет, нет ни у одной в городе команды. И в школах нет, нет и у взрослых. Вратарь – он же как музыкант, он постоянно должен тренировать пальцы, глаза, ноги, тренировать ежедневно, постоянно, серьезно. Юрка, давай, я начну тебя тренировать. У тебя получится, ты же спортивный.

Я засмеялся – нашел вратаря. Но призадумался. А что, собственно, как говорится, не боги...

В ближайшие дни побывал в книжных магазинах в Реже и Свердловске, скупил все, что писалось тогда о вратарях, а писалось, как оказалось, немало. Пришлось израсходовать свою «заначку» – что оставалось от работы на весеннем лесосплаве, но приобрел немало хороших и информационных, и учебных, и литературных рассказов о вратарях, их работе, тренировках, методических секретах. Почитал о великих Акимове, Чанове, Саная. Хомича буквально изучал, когда он приезжал в Свердловск, мы всей гурьбой специально приезжали на него смотреть. Кто-то из вратарей свое время уже отыграли, кто-то еще выступал – мы о них знали всё и внимательно слушали репортажи Синявского об их игре.

Каждый день, после работы на пилораме, было это еще до переезда в деревню, мы с Юркой наскоро что-то съедали и начинали работать у призаборной стенки. Это была довольно широкая стена выходящего на улицу соседского сарая. Сарай скатан из толстых круглых бревен, размеры стенки были и по высоте, и по ширине близки к размерам футбольных ворот, ну, может, чуть уже. Главное – не было громких хлопков от ударов мячом по стенке, звуки получались глухие, почти не слышные дальше забора. Это было важно, глухой звук от ударов мяча не раздражал соседей, мы могли часами пинать и прыгать у этой стенки. Юрка пинал, я ловил. Пинал Юрка осторожно, на «забирание» мяча без бросков и падений – я просто ловил спокойно руками. Мне бросали – я ловил.

Через пару месяцев мы перебрались на лесной стадион – лесная поляна с воротами – и по три-четыре часа пинали и прыгали там. Наконец, перебрались на городской стадион. Впервые я встал в настоящие футбольные ворота, с сеткой. Приходили мы туда часа в три и до вечера, до появления людей на стадионе, пинали-ловили, пинали-ловили. Юрка вначале и на стадионе бил «на прием». Но с каждым днем сильнее и коварнее. Было правило – ближе линии штрафной площадки не бить. И не били. Но через два-три месяца забить мне с такой позиции для Юрки стало проблемой.

Для меня же главной проблемой были синяки и ссадины. Поле стадиона жесткое, у ворот пяточок вратарской площадки не просто вытоптан, твердый, словно забетонирован. Мать мне нашла на трусы и свитер ватные накладки на локти и бедра. Но три-четыре часа ежедневных прыжков в воротах не могли спасти и ватные нашивки – я вечно ходил избитый, в синяках, ссадинах, царапинах, ранах и коростах.

О наших тренировках никто не знал. Летом тогда многие работали и мы тоже. С восьми утра и до четырнадцати мы катали бревна на пилораме, зарабатывали на свои нужды. По договоренности с матерью, половину зарплаты я отдавал ей на семейные расходы, а половиной распоряжался сам. А это – семьсот-восемьсот рублей, в пятидесятые годы сумма довольно приличная, добротный костюм тогда стоил 1200 рублей. На свои честно заработанные деньги я купил себе футбольные бутсы и футбольную форму вратаря, приобрел у спортсменов на Уктусе лыжные мази, полную лыжную экипировку и наконец – приличные лыжи. Одежду для себя я покупал всегда сам, на свои деньги, а в приобретенном в школьные годы, уже после десятого класса, приличном светло-сером костюме уехал поступать, а затем и учиться, в институт. Вот почему мы с друзьями сходились чаще всего вечером и о наших тренировках никому ничего не рассказывали. Приближался сентябрь, мы продолжали тренироваться, Юрка играл увлеченно, отрабатывал удары с обеих ног, к концу нашей работы он мог послать мяч практически в любое место ворот, куда хотел. И обеими ногами. Юрка точность ударов довел до автоматизма, но всегда щадил меня, точно посылал мячи для броска, для взятия.

Как-то Юрка говорит этак небрежно:

– Знаешь, там меня зовут сыграть за наш край – тогда играли улица на улицу, край на край – вратаря, конечно нет. Может, попробуешь? Поучимся на выходах.

– Конечно, если согласятся. С удовольствием.

– Согласятся. Тебя же никто, как вратаря, не знает, «дырка», подумают, пусть стоит. А мы поиграем.

Надо же начинать когда-то.

Собрались на лесном стадионе – это большая поляна в лесу, поставлены футбольные ворота, не обязательно по размерам, чаще всего меньше, чем на стадионе. Два края – две команды. Край – это несколько улиц, объединенные какими-то городскими признаками, ну например, улицы по одну сторону реки или железной дороги – это одна команда, по другую – соперники. Ребята свои, городские, знакомые, но в яростном противоборстве всегда и во всем – эстафеты, футбол, другие игры, соперничество на танцах – «наших девчонок не тронь!», на разных городских праздниках. В спорте – это честное соперничество. В остальном – местные разборки, часто споры разрешались жестокими драками, которые переходили порой в длительную вражду – с мезьей, «отловом» соперников, избиениями и новой мезьей.

Но главные страсти, конечно, разгорались в спорте, особенно в футболе. Это честь, самоутверждение, превосходство. После футбольных побед всякие споры, драки казались жалкими, недоказательными, по принципу – махать кулаками проще, это и дурак может, ты в игре докажи...

Собрались на игру. Кинули жребий – у кого какие ворота и кто играет в майках, а кто голышом, в одних трусах. Я жил уже в деревне, только переехали, за Юркин край играть не мог, но капитаны посоветовались и согласились – да пусть стоит, раз из деревни. Кто-то из глубины обороны запротестовал было, но капитан успокоил – «да не волнуйся ты, не видишь, это же «дырка». Пусть поиграет».

На разминке я попрыгал, но, памятуя Юркины наставления, очень не увлекался, не старался, просто освоился немного в воротах. Ворота – самодельные, меньше, конечно, стандартных, но газон у ворот идеальный, высокая трава, нога тонет. Я остался в спортивном костюме, трава это позволяла.

Начали – ребята играли неплохо, но наши защитники близко не подпускали, при прорывах сами ложились под мяч – на вратаря надежды не было. Я был спокоен, редкие мячи отбивал или забирал уверенно, как на тренировке.

Вот неожиданный выход слева и мощный, быстрый удар. Я прыгнул и отбил. Но в поле. И тут же повторный удар прямо по центру, верный гол, ворота пусты, я в стороне, метрах в четырех, но мяч вижу, прыгаю прямо с полулежача и снова отбиваю, далеко, в аут.

– Ни хрена себе, – закричал бьющий – вот это «дырка»! Вскоре Юрка забил, потом еще перед самым перерывом, разошлись на отдых, подошел капитан соперников.

– Ты что, вратарь? Когда это успел?

– Да нет, ты что, учусь вот, только-только.

– Да вижу я какой ты ученик. Что, скрывали? – спросил у Юрки.

– Да нет, действительно – первый раз.

– Ну, тогда не знаю, далеко видать пойдешь.

После этого ни одна команда не соглашалась на мое участие сыграть за Юркин край.

– Да не надо! Знаем мы. Ставьте своего.

Наконец сентябрь, учебный год. У нас новость – в школу пришел новый физрук – Барахнин Иван Андреевич. Он и закрутил спорт в школе. Сам активный, действующий спортсмен, призер многих лыжных соревнований, участник Российских и Всесоюзных гонок, отличный организатор и прекрасный человек. Все мы влюбились в него сразу, потянулись за ним, увлеклись его начинаниями. Вскоре он нашу школу сделал ведущим спортивным коллективом не только в городе – через год его работы в городе у нас не было соперников ни по одному виду спорта ни среди школ и техникумов, ни среди рабочих коллективов. Мы стали выигрывать соревнования с соседними городами и в области.

Сбылась мечта и Юры Авдюкова – в школе была создана футбольная команда, «Искра», вскоре эта школьная команда не имела в городе соперников. В первом же матче с городской взрослой командой «Спартак» мы победили со счетом 5:0! С нами сразу стали считаться. Но мы выигрывали с крупным счетом у всех, вскоре на базе нашей школьной команды создали сборную города. Мы стали играть в первой группе первенств Свердловской области. Город Реж в те годы постоянно бывал в призерах. Ну, а уж из пятерки сильнейших и вовсе никогда не выпадал. И главными заводилами в городской команде всегда были вчерашние школьники, воспитанники преданного школьному спорту человека – Баракшина Ивана Андреевича!

34

Советовался я со многими, с друзьями, партнерами, родственниками, с крупными руководителями и предпринимателями. И когда довольно серьезная, набравшая солидный вес в России и за рубежом охранная фирма дала положительную характеристику этим пришедшим ко мне людям – я решился. Дал добро на совместную деятельность.

Главную роль сыграло при таком решении, конечно же, не желание этой «совместной деятельности». У меня было с кем работать «совместно». Главную роль в этом «согласии» сыграл начавшийся «разлад» в отношениях с моим главным «Учредителем»!

Тем не менее – началась работа на поиск. Тан и особенно Ким приводили ко мне ежедневно каких-то людей, у которых якобы водятся солидные деньги и они готовы вкладывать огромные суммы в наши совместные предприятия. Кого только они не приводили – и негра с отцом миллионером, подписавшего крупные контракты, но так и не сумевшего показать свои деньги, и шведов – желавших немедленно приобрести солидную партию драгоценного товара для обработки в Москве. Им даже показали товар, но так они его и не проплатили. Появились «богатые» болгары, тоже подписали многомиллионный контракт на покупку обработанных камней, посмотрели первый лот, но так и не нашли денег для его оплаты. Были у нас и киприоты, и канадцы, и французы, и американцы – кто только не побывал у нас за эти полгода поисков, но дела не было.

Стало понятно, что все эти люди сами ищут у нас деньги, никаких инвестиций не планируют, не имеют ни возможностей, ни желания для ведения конкретного дела в России, сами главным образом высматривают – где и что плохо лежит.

Все эти полгода не только Тан, Джаваба и Ким, но и те люди, что пришли вместе с ними, не заработали и не внесли в кассу Компании ни рубля, не платили ни за аренду помещений, ни за телефонные разговоры. А говорили они по семи установленным для них телефонным аппаратам подолгу. Наши убытки от такой совместной деятельности стали солидными и я решил, наконец, прекратить эти бессмысленные, бесполезные поиски.

Но тут появилось предложение от «НОРД» и Акцептного Дома, приехали первые руководители этих организаций, состоялись конкретные переговоры, предложены убедительные проекты, что ж, решили мы, давайте попробуем.

Первыми появились юристы от «НОРД». Красивые буклеты, справочники, солидный адрес – Новгород, Кремль, предложение конкретное – они поставляют топливо – бензин, керосин, солярка – отправляют по адресам наших партнеров, мы все оплачиваем, по оптовым ценам Компании, а прибыль от реализации делим пополам.

К этой сделке подключилась одна из компаний Автозавода, выдают автомобили под залог, с оплатой по реализации. Что ж, солидные гарантии!

Всё конкретно, всем всё понятно, я даю согласие на проведение сделки.

На второй день у меня в гостях Президент «НОРД», с целой свитой помощников, уточняем детали, согласовываем суммы дохода, в деталях обсуждаем Контракт, расстаемся довольные друг другом. Сделка началась.

** * **

Заканчивалась школьная десятилетка. За три года старших классов сплоченность нашей группы доказала прочность школьной дружбы, уверенность в друзьях. Мы были первыми во многих начинаниях – и в школе, и в городе. Стали известными спортсменами и в области. Были заводилами в самодеятельности, в разного рода конкурсах и фестивалях, сами ставили спектакли, играли в них, устраивали обширные городские празднества, при этом все проходило «на-ура». За три года учебы в старших классах я не разу не был вторым в лыжных гонках, не то, что по школьникам вообще в соревнованиях, в которых участвовал, будь то городские, междугородные или областные соревнования. При Иване Андреевиче мы стали призерами области, я стал призером всесоюзных юношеских соревнований, а сразу после школы, в первый же студенческий год был привлечен на Всесоюзные сборы молодых лыжников в Бакуриани, в последующем стал одним из сильнейших лыжников студентов в Свердловске, летом бегал 10 и 5 тысяч метров по времени мастеров. Выигрывал различные соревнования городского, областного, ну и конечно, заводского и шахтного уровня.

Именно на шахте мне посоветовали уйти в спорт, обещали финансовую поддержку, и какое-то время, увлекшись, и имея действительно неплохие достижения я было решил заняться спортом – именно лыжными гонками, профессионально. В то время, будучи студентом Свердловского Горного института, я проходил производственную практику на одной из шахт Челябинского угольного Управления.

Тренировался по индивидуальному графику, в процессе тренировок участвовал во всех спортивных мероприятиях, как на шахте, так и в городе, конечно выигрывая все подряд соревнования. Вскоре обнаружил, что это не совсем нравится нашим профсоюзным руководителям – что это такое, приехал студент и все выигрывает, а мы что, у нас так никого и нет, мы что слабее этих «дохлых» студентов, ну-ка ребята, поднатужимся, надо что-то у этого нахального студента выиграть.

Выиграли 100 метров – устроили фальстарт, парень – шахтер убежал, я и бежать не стал. Всех это устроило. Был там один умный человек – начальник шахты. Вызвал он меня после всех майских праздников и фестивалей и посоветовал серьезно подумать о спорте. На профессиональном уровне.

– Георгий, ты спортивный, годы идут быстро, не успеешь осмотреться как следует, а вот уж и старик. По спортивным меркам. Не теряй время, займись любимым делом, ты же живешь спортом, все оцениваешь с позиций его, ты рвешься к победам в самом незначительном соревновании. Чего ж ты играешь с самим собой? Займись серьезно, профессионально и будешь доволен и счастлив. И многого добьешься. Я лично в этом уверен.

Но снова вмешался, постоянно преследующий меня по жизни, его величество случай – «вдруг». Снова вмешался рок того разбитого челябинского зеркала.

Дело было на практике, в Коркино. Работал я в лаве, навалоотбойщиком – это когда большой лопатой, «карагандинкой», гребешь из забоя на металлические «рештаки» взорванную угольную массу, освобождая забой для очередной «отпалки».

Работали по шесть часов, я работал в смену с шести вечера до двенадцати ночи. Как всегда после забоя, в душ, затем в шахтерскую столовую и на автобус, до города. Жили мы в общежитии, от автобусной остановки до общежития всего и идти-то меньше двухсот метров. Недалеко от остановки слышу в

палисаднике девичий писк – уйди, уйди – и вижу, парень, так себе, не очень крепок на вид, «лапает» девку. Ну и на здоровье, не мое это дело, разберутся сами. Иду, не обращаю внимания, в шахтерском городке это дело довольно привычное, но она вдруг кричит – «Юра, помоги!».

В общем-то меня в городке знали практически все – и по спорту, и по самодеятельности – но все же девичий просящий голос, да еще из палисадника, да еще из мужских объятий это было неожиданно. Спросил негромко:

– Кто здесь?

– Проходи, парень, мы тут сами разберемся.

– Да что-то плохо ты разбираешься, раз девка пищит. Ну-ка, подойдите.

Девчонка рванулась и подбежала к штaketнику. Нет, не знаю, незнакомая.

– Перелезть можешь?

– Ага, – прыг этак ловко через невысокую изгородь и уже рядом.

– Пошли.

– Ну, «стиляга», пожалеешь – донеслось вслед.

– Чего ты психуешь, думаешь, мне это надо. Девка же сама не хочет, пищит у тебя. Не злись, я только вон до остановки проведу, а там уж сами как хотите.

– Ничего, посмотрим, – он исчез.

Я довел девчонку до остановки, настроение испорчено – ну чего полез? – довольно грубо попрощался.

– Извини, но ты не из моего «романа», ты лучше завтра помирись с парнем, нехорошо получилось с ним, еще подумает чего о нас с тобой. А пока – прощай. И не сердись. – Ушел в общежитие.

На второй день у меня была последняя вечерняя смена. Закончили также в полночь и, после всех положенных после смены процедур, на автобусе доехал до общежития. Неподалеку, у входа – два парня.

– О, Юрок! А мы тебя дождаемся. Задержись, отойдем, ну вон туда, к киоску. – Отошли к газетному киоску. Там освещение, светло, узнаю вчерашнего невзрачного паренька из палисадника.

– Ну, какие проблемы решать будем? – спрашиваю.

Из подошедшего автобуса вышли ребята, из Орджоникидзе, студенты, тоже горняки, мы с ними вместе живем, в общежитии. Здоровые ребята, борцы.

– Что, Юра, проблемы, может, помочь?

– Да нет, по-моему никаких проблем, разберемся, отдохайте.

Тот, что повыше и поздоровей, небрежно, но вежливо, осторожно, спрашивает:

– Говорят, мешаешь деловым людям. В сердечные дела вмешиваешься. Верно?

– Это про вчерашнее? В садочке, что ли? Ребята, имейте совесть, она же сама меня окликнула, позвала по имени, что же я должен был делать?

– Зачем вмешивался, это дела семейные.

– Да помирись ты с ней, что произошло-то! Подумаешь, трагедия, я, правда, думал знакомая. Ну, извини, если что не так.

– За свои дела отвечать надо.

– Ребята, это уже не по правилам. Если я не прав, я же извинился. Вам что, мордобой нужен – да, значит ребятам нужен «реванш», по-простому не хотят, мира им не надо. И вижу, чувствую, старший берет «наизготовку», так, чуть-чуть развернул плечи, откинулся. Ясно, ждать нельзя. Бью коротким снизу в скулу. Парень упал. Второго достаю ногой с разворотом в живот. Тоже падает.

– До завтра, ребята. А если вы по серьезному, то не советую, всех «достанем».

И спокойно так, не торопясь пошел к дверям своего общежития. У самого входа скорее почувствовал, чем услышал, кто-то бежит, рядом. Разворачиваюсь – и тут же выпад рукой этого – невзрачного. Чувствую, достал, ножом. По инерции, замком, двумя руками бью по голове, подхватываю падающее тело и мордой об стену. Дальше все в глазах поплыло, но сумел зайти в прихожую общежития.

– Тетя Поля, кажется меня ножом, – отрываю от живота руку, да, кровь – вызовите врача... – и опускаюсь в стоящее в прихожей кресло. Сверху – топот. Это осетины, они вышли на балкон и все видели.

– Что ж ты, Юрок, мы ж тебе говорили... – и в дверь, скорей, поймать обоих.

Появилась скорая, увезли в больницу, сразу на операционный стол. В шахтерских больницах врачи дежурят круглосуточно, полными врачебными бригадами, мало ли что, в шахте случается всякое и частенько.

Проникающее, с выпадением сальника, операцию делают почти три часа, с местной анестезией, но кишки-то не заморожены, все слышу и ощущаю живую.

Живуч человек и терпелив, нужда заставит – многое вытерпит. В больнице пролежал больше двух месяцев. Все бы ничего, да швы поперечные, после больницы хожу не разгибаясь, брюшной пресс не работает. О тренировках пришлось забыть надолго.

О большом спорте – навсегда.

35

Первая и практически единственная сделка прошла как-то странно, в стороне от бухгалтерии и руководства Компании, нам привезли в конце сделки небольшие деньги, суммарно не покрывающие даже расходы Компании на содержание этих же людей, не говоря уж об арендной плате и затратам по телефонным разговорам. А говорили они по многу. Ким, например и его люди однажды наговорили с Польшей более сорока минут подряд, за один набор. Ясно стало, что эту группу надо контролировать по затратам. Был издан приказ по Компании, запрещающий проведение каких-либо сделок от имени Компании без ведома бухгалтерии, подписание договоров, контрактов – без визирования бухгалтеров, экономистов и юриста, печать должна ставиться только на подпись руководства Компании. Все междугородные и международные телефонные разговоры – только через секретаря, с записью в специальном журнале.

Тем не менее, появлялись документы, которые подписывали от имени Компании Тан, Джаваба, Ким.

Пришлось с ними расстаться. Они поклялись и дали письменную расписку, что вернут задолженность по аренде и телефонным разговорам в течение года – дай нам возможность раскрутиться! – но мы разошлись. Джаваба поклялся, что все свои дела будет проводить через компанию, мы решили подождать с ним, пока не расставаться.

Но началась интенсивная работа за нашей спиной, Джаваба открыл собственные счета в разных банках, наконец открыл и собственную фирму с созвучным с нашим названием, без нашего ведома и согласия, в офисе появляться практически перестал, о его делах мы иногда узнавали от его

многочисленных партнеров по телефонным звонкам, когда те его разыскивали.

Тогда был издан Приказ о запрещении Джавабе вести какие бы ни было дела от имени фирмы, об его увольнении из Компании, вернее о прекращении действия подписанного с ним контракта о совместной деятельности.

О его практических сделках от имени Компании, без ведома руководства, я подробно узнал уже на следствии – к тому времени я и сам, по его делам, оказался подследственным.

Через два года после того, как мы с Джавабой расстались.

** * **

Среднюю школу закончил довольно прилично, почти на пятерки – в Аттестате было всего две четверки. Одна лишняя, она отобрала право на получение Серебряной медали. Ничего, у нас в том году на три десятых класса и так получилось семь медалистов, если бы еще и я, это был бы уж явный перебор. К отметкам я относился довольно равнодушно, в первые ряды не рвался, состязаний не устраивал. Выпуск был сильным, оценки у всех хорошие, многие рвались в институт, лето прошло тоскливо и быстро, общаться было не с кем, все готовились к вступительным экзаменам. Я чувствовал себя свободнее – решил поступать в авиационное военное училище.

В военкомате все быстро оформили, отец написал мне образец автобиографии, перечислив подробно происхождение, родственников – он боялся, что я укажу происхождение из казаков, и потому заполнил все графы анкеты как было надо, самолично.

В Свердловске мы прошли тестирование, я как-то непонятно для себя попал в старшего по команде, через день мы прибыли в авиационное училище, в город Молотов, для прохождения медкомиссии и сдачи экзаменов. Полтора месяца в палаточном военном городке, на правом берегу широкой и стремительной Камы, пролетели незаметно. Сданы экзамены, пройдена медкомиссия, прошло зачисление. Но меня почему-то зачислили в интендантскую группу, на экономиста. Во мне воспылал дух протеста, я подал рапорт на отчисление.

Было это 31 июля. Последний день приема документов в институт. Вышли мы за ворота училища довольно растерянными без денег, без дома, привыкшие уже к военному обеспечению и распорядку, к тому, что за тебя все продумано и спланировано – и вдруг обо всем надо думать и заботиться самим. И где-то добывать деньги на пропитание.

Но осмотрелись, освоились. Прежде всего – подать документы. Куда? Мы с Толей Пестовым подружились в училище и отчислялись вместе. Решили поступать в Горный. Документы приняли у нас без всяких проволочек, выдали направление в общежитие и уже через день мы писали вступительное сочинение. Третье за лето – в школе, в училище и вот, наконец, в институте.

В институте мы сдавали шесть экзаменов, проходной бал получился в результате 23, на всех экзаменах можно было получить одну тройку, остальные не ниже «хорошо». Конкурс довольно солидный – около семи человек на одно место. Это к началу экзаменов. Уже после сочинения конкурс был три, а к шестому экзамену у нас, горняков, оставалось чуть больше единицы на место. Практически зачисленными могли быть все, кто сдал экзамены.

У меня, с этими экзаменами, начались приключения с самого первого. С сочинения. К тому времени мы заметно устали – довольно ответственные выпускные экзамены в школе, затем училище. Нервотрепка с медкомиссией, те же экзамены. Оказалось – в военном училище экзамены принимали довольно строго и серьезно, чего мы, надо признаться, не ожидали. Затем, полевая военная подготовка по «курсу молодого

бойца». Наконец новое испытание и новое нервное напряжение – эти экзамены в институт.

Создались такие условия, что надо сдавать, больше вариантов не было. Если при поступлении в училище остается возможность – в случае неудачи, можно поступить в учебное заведение – институт, техникум – на гражданке. Но экзамены в институт – это уже «последний рубеж». В случае неудачи, учеба для тебя закрывалась на целый год, а как там повернет время через год, еще далеко неизвестно. Так что ответственность особая, домой ни с чем возвращаться стыдно, доперебирал, скажут, туда хочу – туда не хочу, дурак парень, ну и работай в колхозе, запрягай по утрам свою лошадь.

Мы с Толей все это учитывали, когда решали подавать ли рапорт на отчисление из училища. За нами было такое решение, потому что наш возраст в том году еще не был призывным. А то бы и не отпустили.

И вот первый экзамен на этом последнем рубеже – сочинение. Тема – «Ленин у Маяковского».

Эту же тему я писал на выпускном экзамене в школе. Маяковского почти всего знал наизусть, накатал сочинение аж в двадцать четыре листа – не страницы, листа – и конечно где-то в цитатах сделал такую ошибку и получил свою лишнюю четверку в аттестат. Здесь, на своем первом экзамене в институт, я сократил свое сочинение раза в три, быстро написал, перечитал еще несколько раз и сдал на проверку. В успехе был абсолютно уверен.

Каково же было удивление, когда на второй день я увидел свою фамилию в списке не сдавших. Толя получил четверку, мы пошли с ним на спокойный и тихий тогда Комсомольский проспект, вниз, к Каме, погоревали, но что делать, надо забирать документы и ехать домой – денег в обрез, хватает только-только на дорогу, не хватает даже для «посошка». Толя ушел погулять на Каму, решили встретиться в общежитии за час до отхода моего поезда, он хотел меня проводить, я уныло отправился в институтскую канцелярию за документами.

Женщины, выдающей документы, не было на месте, вышла куда-то ненадолго.

Я спросил у девушки, сидевшей за соседним столом:

– Скажите, а где можно посмотреть сочинение, узнать, что хоть там за ошибки такие?

– Вообще-то, этого узнать нигде нельзя, если все ведомости подписаны и сданы в Комиссию. Кто у вас принимал?

– Валентина Николаевна.

– Зайдите в сорок седьмую аудиторию, она сейчас там, я ее недавно видела, спросите, может, она вам покажет.

– Спасибо.

Валентина Николаевна действительно была на месте, работала с партией новых сочинений, вид у нее усталый и на мою просьбу отозвалась неохотно.

– В какой группе сдавали?

– Вчера, в четвертой.

– Подождите, я кажется еще не сдала ваши ведомости, да, вот они, как фамилия? Да, есть, но у вас сочинение не закончено!

– Как не закончено, Вы что, Валентина Николаевна, закончено, «Ленин у Маяковского», двенадцать листов. – У меня аж руки задрожали от волнения, каким-то шестым чувством озарило – сдал!

– Каких двенадцать, молодой человек, вот седьмой лист, а дальше пошли чистые.

– Валентина Николаевна, так я же чистые листы, которые у меня остались, вставил в серединку, в

сочинение, а дальше посмотрите, дальше вон еще исписанные листы, вот, смотрите, еще пять, вот и двенадцатый, и концовка.

– Ну, кто ж так делает? Вы же взрослые люди, оставшиеся листы положено сдавать отдельно от сочинения, чтобы не путалось все это, ну, я не знаю, оценки уже выставлены! К сожалению, я ничего не могу изменить.

И мне вдруг стало всё безразлично, вся эта суета, эти разговоры, доказательства.

– Ладно, Валентина Николаевна, делайте, как хотите. Но я рад, что написал сочинение не на двойку, – повернулся и медленно, устало, как после тяжелой работы, пошел к двери.

В канцелярии женщина, выдающая документы была на месте. Я подошел.

– Посидите, тут что-то с вашим сочинением неладно, преподаватель у председателя приемной комиссии, просила вас подождать.

– Я пока прогуляюсь?

– Да нет уж, молодой человек, потерпите, тут, может, его судьба решается, а он – прогуляюсь, – она высказала все это с откровенным раздражением. Устали девки, понять можно. Сел в кресло, у стены, жду. Звонок по телефону.

– Ну вот, а ты погуляю, зайди в аудиторию, преподаватель ждет. Валентина Николаевна листала мое сочинение, все листы проштампованы, «принято», в конце красным карандашом – «хорошо», и подпись чернилами, печать синяя.

– Вот видишь, молодой человек, что ты мог натворить, хорошо, догадался зайти, ведь отчислили бы и никаких концов, ничего, никогда и никто бы уже не нашел. А сочинение неплохое, подошло бы и для гуманитарного Вуза, ошибок практически нет, это при таких-то цитатах! Ты где школу заканчивал?

Я рассказал.

– Любил литературу?

– Читать любил. И рассказывать потом.

– Да, это заметно. Не могу прийти в себя, честное слово, необычный, просто удивительный случай. Хорошо, ведомости не закрыли, успели мы с тобой, а то бы, ничего бы ведь потом уже не изменили. Поступай давай, да оплошностей таких не делай больше. Успеха тебе, Красноперов, удачи. Если поступишь, я буду очень рада. Говорю тебе от чистого сердца. И сердцем же желаю тебе – поступи!

Вышел из аудитории и не знал, а что же дальше? Что делать? Так я свыкся с мыслью, что еду домой – а теперь что?

Спать! Главное сейчас – спать! Накажу ребятам, чтобы никто не будил. До утра.

36

– Саныч, не гони. Поспи лучше, или сыграй вон в шахматы. С братанами моими сыграй, с младшими, а выиграешь – может, и со мной сыграешь.

Альберт вышагивает свои километры, он сегодня бодр, весел. И вообще сегодня день какой-то особенный – и настроение у всех хорошее, и кашля в камере особо не слышно. Шутки в камере, анекдоты. Вроде и известий новых никто не получал, и «дачек» лишних не было, а все как-то празднично настроены.

Утром Альберт выдал известие.

– Готовсь, братва, сегодня к нам гости могут нагряться.

– Что за гости? Баб, что ли, некуда размещать, к нам поделят?

– Бери выше. Комиссия ООН посещает тюрьму, к нам зайдут тоже. Спрашивать будут – как жизнь ваша тюремная, на что жалуетесь – интервью брать будут. То ли французы, то ли канадцы. Смотрите там, говорить говорите, да особенно не заговаривайтесь, они ведь уедут, а нам оставаться. Здесь, в камере оставаться. Чтоб шкуры свои нам потом не подпортить. – Понятно, Альберт получил конкретное задание.

– Ничего, – Володя резко поднялся со своей шконки, – поговорим, кое-что расскажем. И спросим, как там у них во «франциях» «зэки» живут.

Начался шумный обмен вопросами-ответами. Наконец, порешили – «базар» будут вести двое-трое, остальным отвечать, если только спросят. Подготовили темы разговоров – в основном это перенаселенность, жратва, некоторые процедурные вопросы – задержания там, побои, мало свиданий, ну и другое что-то, по мелочи. Потом побои решили упустить – не поймут, мы им об «операх», а они поймут о тюрьме, а в тюрьме обхождение все же сносное. Бывает, конечно, всякое, но и мы ведь, тоже, не «масло с салом». Нет, решили, об этом не надо. Успокоились.

– Ну что, Саныч, как в шахматы, слабо? А то ведь нам с тобой и сыграть не удастся, если у моих младших не выиграешь. – Альберт так шутит, в шахматы он не игрок, он профессионал по картам, вот здесь он действительно силен и в авторитете, по зонам это известно. И его за это уважают.

Но уважают Альберта не только за это. Он лидер по сути своей, по знанию, соблюдению тюремных законов, порядка, справедливости. А в шахматы он не игрок, хотя, как ходят фигуры, может, и знает. Но никто в камере этого не видел. Не играл он никогда в камере. В шахматы.

– А что, Саныч, давай сыграем, время есть, выспались, вроде, сегодня все и неплохо, – это Володя. Он сегодня тоже в настроении.

– Сыграем, давай, – отвечаю нехотя, играть что-то не хочется, но отвлечься надо, успокоиться. Я не очень верил всем этим комиссиям, и что какая-то польза от них может быть, но в споры не вмешивался, в обсуждениях не участвовал, пусть себе, надежда умирает последней. Лучше поиграть. Это надолго. Володя играет тщательно, без лихих «наскоков», без авантюры, не спеша, да и куда нам спешить... Володя продумывает каждый ход подолгу. В игре с ним прошло время «детских» комбинаций и неожиданных матов, шахматы он постигает медленно, но повторить ловушку с ним трудно. Память у него просто шикарная, он нередко наказывает меня за «дурные» ходы, с ним давно уже нужен глаз да глаз. И внимание.

– Давай, Саныч, слазь, доска расставлена.

Я устраиваюсь на «шконку» Альберта – он все еще выхаживает свое суточное расстояние – поджимаю ноги под себя, так удобнее сидеть за узеньким – едва шахматная доска умещается – столиком, делаю первый ход. Володя плотно усаживается на своей подушке, чтобы повыше сидеть и надолго задумывается.

– Может, вам чайку сварить? – это Андрей сверху, он накричался сегодня больше всех, руководил обсуждением встречи с комиссией ООН, лежать ему надоело, неспеша сползает. Как только начинаются шахматы – Андрею не до сна, он весь в партии, весь в ходах, в комбинациях, машет руками, разводит пальцами – да не так, да не той – но Володя спокоен, он давно ко всем этим Андреевским выпадам привык и совсем не обращает на них внимания, думает и считает по-своему.

– Конечно, – отвечает, не отрываясь от доски, Володя, – чайку попьем, и с радостью.

Игра идет неспешная, с паузами – то чай, то кто-то начинает рассказывать очередную историю походов, ох и мастера «брательники» в этих своих рассказах!

Мы не торопимся.

А действительно, куда нам спешить? Спешить нам некуда. Комиссия, в составе трех уполномоченных, переводчика и представителя СИЗО, появилась к вечеру, после шестнадцати. Всё осмотрели – постельные, стол, заглянули даже в «парашу» – чисто, задали несколько вопросов.

– Кто у вас старший?

Тяжелое, с долгой паузой молчание. Наконец Володя откликнулся:

– А мы без старшего.

– Но так не бывает!

– Бывает, мы же вот живем и ничего. – Уполномоченные поговорили между собой.

– Ну, это ваши дела. Как вас кормят?

– Как всех, не лучше и не хуже.

– Вас бьют здесь, в тюрьме?

– За что же нас бить, нет, никто нас не бьет.

– Сколько вас здесь человек постоянно находится?

– Сейчас семь, бывает и больше.

– А сколько бывает больше?

– Было и одиннадцать человек, но не долго, быстро расселили.

– Как же вы спите, вместе, по очереди?

– Да, по очереди.

– Какие у вас есть жалобы?

И все смолкли. Шумели, шумели – что бы этакое сказать, а пришло время и все притихли. Поговорили еще о чем-то незначительном и комиссия ушла. Захлопнулись тяжелые двери, в камере некоторое время было тихо, и вдруг – снова поднялся гвалт. Вот, надо было то сказать, надо было это.

– Давайте напишем! – кто-то запальчиво кричал, что ничего еще не потеряно, что все можно написать, пожаловаться, что тесно и болеем, и кормят плохо, а при арестах бьют и вообще, об «операх» надо было рассказать!

Я вытянулся на верхней шконке, смачно так вытянул руки и ноги, потянулся с хрустом.

– Бросьте, ребята. После драки кулаками не машут. Ваши тюремные законы я знаю плохо, а вот насчет работы разных комиссий – вы уж извините, тут я посильней вас разбираюсь. И говорю вам – не тратьте ни силы, ни время, никакая жалоба до комиссии уже не дойдет. Здесь надо было все выкладывать, а теперь поздно, поезд наш ушел.

Братва зароптала, но Альберт подытожил.

– Кто хочет, может писать. Я лично «пас» и с Саньчем согласен – никто ничего у нас уже не примет. Надо было говорить, что намечали, а мы, как до дела дошло, так и сникли. Какого рожна махать теперь кулаками!

На том все и закончилось.

* * *

В деревню вернулся студентом Горного института. Привез официальную справку Приемной комиссии о зачислении в институт. Отец, конечно, доволен и горд. Он и сразу-то не одобрял моего решение о военном училище – хватит нам одного офицера – Саша уже служил, окончив свои училища – а вот горный инженер, это да, это звучит!

Я подробно рассказывал о своих приключениях на экзаменах, и было что рассказать.

После сочинения три экзамена прошли спокойно – литература, физика и химия. Что интересно, на всех трех предметах я отвечал по тем же билетам, что мне достались в школе. При этом я однажды, шутя, при выборе билета, сказал, эдак между прочим, преподавателю – сейчас я вытаскиваю такой-то билет. На физике, это был третий из сдаваемых предметов, молодой преподаватель смутился, и заподозрив неладное, заново перемешал на столе все билеты.

А на математике произошло непонятное. Западение памяти. Вытаскиваю билет, всё вроде знакомо, спокойно помогаю рядом сидящему парню, что-то у него не заладилось, в нашей сдающей группе был закон – знаешь, помоги товарищу. Нам встречались абитуриенты с претензиями – я тебе помогу и ты поступишь вместо меня – в нашей группе этого не было. Старостой группы был назначен демобилизовавшийся из армии Валентин Малоземов. Он собрал нас в первый же день и сказал:

– Ребята, мы все только начинаем, как сложится жизнь каждого из нас – неизвестно. Давайте сделаем так, чтобы за наш первый шаг нам не было стыдно на всю нашу оставшуюся жизнь. Давайте сплотимся и попробуем поступить все. Не кто-то из нас, а все! Для этого надо помогать друг другу. Выбросим из головы конкурентные соображения, возьмем за правило, за обязанность, знаешь – помоги!

И действительно, на протяжении всех экзаменов он помогал всем, переживал за всех, приходил и сдавал в первой пятерке и не уходил, пока не сдаст последний из группы. Сплотил нас Валя, уже в абитуриентах сделал нас студентами, сам делился с нами последним и нас приучал к «общезитию», к товариществу. В итоге, в нашей группе не поступили только трое. Из тридцати!

В дальнейшем, Валя был отличным старостой студенческой группы, а когда – так получилось – Валя попал в вытрезвитель, в те годы в институте это означало отчисление, вся наша группа пошла к директору, мы дали обязательство, что больше никто из нашей группы подобных нарушений иметь не будет, поручились за Валентина и отстояли его в институте. Его даже оставили в старостах, мы просто не представляли, кто же из нас мог бы его заменить.

Так вот, математика, я сколько смог подсказал товарищам, взялся за свой билет.

«Ну, первый вопрос ерунда, отвечу сразу, геометрию записать, там рисунок, по тригонометрии – квадрат суммы синусов – элементарно, посмотрим, что за задача попадет. Спокойно, Георгий, сдадим!».

Наступила моя очередь отвечать, бойко начинаю первый вопрос по алгебре, но вдруг преподаватель спокойно так – хватит, это вы не из «той оперы», вы перепутали вопрос.

Оцепенение. Немая сцена!

Давайте второй вопрос.

Он у меня, слава богу, написан. Читаю, уже с меньшим энтузиазмом, меня снова прерывают – «достаточно, это вы знаете, давайте третий вопрос, «тригонометрию».

А в голове «стучит» алгебра – неужели завалил? При нашем конкурсе преподаватели долго не

рассуждают – не знаешь, заберите зачетку.

И дрогнул. Из головы все «вылетело».

– Ну что же вы. Квадрат суммы синусов?

– Не помню, вылетело все из головы.

– Странно, на консультации мне показалось, что вы довольно сильны в математике. Какие у вас оценки в Аттестате?

– Пятерки.

– Все три?

– Да.

– Странно все это. Знаете что, вы успокойтесь, посидите, да нет, прямо здесь за столом, я вызову очередного, буду принимать, а вы вспомните все и напишите.

Бесполезно, в голове шум, сумятица, ничего не помню.

«Да черт с ним, завалил и ладно, успокойся, отвлекись.» И стал прислушиваться к разговору за столом. Парень отстрелялся бойко, быстро, дошло дело до задачи и тут застопорилось. Задачу я понял и быстро решил в уме, думаю, как бы помочь, подсказать парню, вдруг слышу:

– Ну-ка, – повернулся преподаватель ко мне, – может, вы подскажите?

Спокойно пишу решение.

– Ну вот видите, значит, успокоились. А вот это, что это такое?

– Для этой задачи лучше применить квадрат суммы... – И дошло – это же мой вопрос в билете!

– А-а-а, я знаете ли...

– Знаю, знаю, успокойся, что хотел узнать, я узнал, а вот эту задачку – посмотри.

Решаю сходу.

– Так, так, а вот еще...

Мы с ним так увлеклись, что он совсем забыл о сидящем рядом пареньке, загорелся весь – ну-ка, ну-ка, а вот еще – и при мгновенном решении заразительно смеялся, как мальчишка, кричал – ну, я так и знал, а вот это, посмотри, и когда снова возникало решение, он по-детски смеялся и снова кричал, вытирая выступившие от смеха слёзы – ну вот, знал же я, есть математики в глубинке, а давай еще – и так двенадцать задач мы с ним решили за считанные минуты.

– Ну ладно, Красноперов, плевал я на твои билеты, зачту тебе, учись, встретимся на лекциях.

И действительно встретились, принимал у нас экзамены самый интересный математик в нашем институте. Да и значительно позднее, когда уже работал я с разными проектами, среди всех, кого я встречал – Виктор Ладыженский был наилучшим математиком.

Вышел я из аудитории мокрым, протянул зачетку Валентину.

– Сдал, тройку, кажись, поставил.

– Какая тройка, Юра,
хорошо!

Вечером мы пошли в ресторан.

Город Молотов, через год его переименовали в Пермь, был в то наше «абитуриентское» время уютным городком, с небольшим для областного города населением, компактный, с благоустроенным центром и обширным частным сектором, застроенным чисто деревенскими домиками – с дворами, подворьями, большими огородами. Город имел два железнодорожных вокзала, речную пристань, три трамвайные ветки – одна связывала между собой вокзалы, вторая шла на Мотовилиху, а третья, самая длинная трамвайная линия, шла в новый и самый крупный в городе микрорайон – Авиаавозод им. ИВ Сталина.

От главной железнодорожной станции Пермь-2 трамвай шел по пустырю километра четыре до первых городских застроек.

Центр города размещался в промежутке двух проспектов – Комсомольский и Карла Маркса, в основном был сосредоточен в конце этих городских магистралей, внизу, недалеко от Камы, на ее левом берегу, где находились основные корпуса Военного авиационного училища.

Вдоль реки путано, узкими улочками, простирались всякие хозяйственные службы, строения, заборы, все это бесконечными строениями тянулось вдоль извивающихся улочек. Прибрежный город, со всеми станционными, складскими, мелкозаводскими, речными и прочими службами, иногда самодеятельными городками, протянулся вдоль реки на многие километры. Напротив, на правом берегу, разместились военные лагеря авиационного училища.

Сама река выглядела грациозной, была по природе своей гордой, стремительной. Иногда на воду садилась гидросамолеты, работающие с Училищем, тогда толпы народа собирались на берегах, гвалт стоял невероятный, мгновенно, откуда что ни возьмись, среди этой толпы появлялись знаменитые пермские «лотошники», и чего только у них на лотках не было, чем только они не торговали – горячие пирожки, редкие тогда колбасные бутерброды, вода, напитки всех мыслимых и немыслимых видов, пиво, водочка на разлив, бусы, серьги, браслеты, разнообразная бижутерия, косынки, кофты, солидные костюмы и лёгкие «пижамы» – вот уж поистине, купеческий город Пермь, по недоразумению назвавшийся Молотовым!

Мы пошли в небольшой уютный ресторан «Кама», в самом низу улицы Карла Маркса, мы знали, там хороший оркестр. Разделись внизу, по шикарной старинной, почти винтовой, лестнице, с двойным закругленным поворотом, поднялись в зал. Выбрали место у широкого окна, за трехместным столиком.

Толя завтра уезжал, он, к сожалению, завалил физику, и мы с Валеу решили его проводить, да и самим расслабиться после напряженной, такой загадочной математики, не мешало. Тем более, что сданы все главные экзамены. У меня по вступительной сессии уже набран проходной балл. Хотя еще и оставался один экзамен, но по всем сданным предметам я уже набрал проходную сумму баллов. Но это ничего не значило, последний экзамен надо было сдавать, на любую оценку. Не сдашь – никакие баллы не помогут, отчислят. Завтра сдаем немецкий. Я его откровенно не знал – в школе у нас часто менялся иностранный, то немецкий, то английский, был даже французский недолго – все зависело от учителя, то приедет «немец», то «англичанин». Мы постоянно меняли школьный профиль иностранного и нам говорили – это же хорошо, вы будете знать два языка! – хотя понятно, что мы не освоили ни одного.

Оркестр в ресторане действительно был хорош, особенно восхищал виртуоз-аккордеонист. Толя у нас джентльмен и повеса, он в перерыве пригласил к столику этого аккордеониста. Молодой, симпатичный парень, балагур, анекдотист, весельчак.

- Работать будете здесь, в нашем городе, ребята, или что-то другое на уме?
- Мы в институт поступаем.
- Понятно, если не секрет – куда?

– В горный.

– Хороший институт, новый, недавно открыли. Вы будете третьим набором. Предлагаю – за вас, новых студентов и выдающихся инженеров в недалеком будущем.

Так, непринужденно, в легком «трепе», быстро пробежало время. «Плакал» Толин денежный перевод, присланный на обратную дорогу, здесь, в ресторане он и закончился – хорошо хоть билет заранее купили.

На следующий день, придя на экзамен по-немецкому, мы с удивлением увидели на месте принимающего преподавателя вчерашнего виртуозного аккордеониста из ресторана. Оказывается, он там по вечерам подрабатывал. Вытащив билет и получив словарь для перевода, я с удовлетворением в конце словаря нашел раздел грамматики по вопросам моего билета. Сдача экзамена прошла чисто формально. У меня в зачетке уже было набрано необходимое количество вступительных баллов, в таких условиях, да на последнем экзамене, думал я наивно, никто никогда валить не будет, на это и была вся моя надежда. Думаю, что все это абсурд, начни я заикаться со своим немецким, никакие баллы меня бы не спасли, не видать бы мне института, как тех ушей. Конечно же, спасла меня вот эта помощь со словарем, с нужной мне по билету грамматикой в этом словаре и спас меня вчерашний аккордеонист из ресторана. Разговорились мы вчера, распахнулись откровенно, а он нас понял и принял.

Все таки, охраняет меня по жизни ангел мой, хоть и «грешен» я безмерно!

Сдал на второй день в приемную комиссию зачетку, получил подтверждение о поступлении и через два дня был дома, в деревне.

Десять дней безмятежного отдыха. Купание, лес, стадион, встреча с друзьями, расслабленность, все завершено, все известно, никаких – «а вдруг». Отдых пошел мне на пользу – усталость за лето накопилась сверх всяких сил.

Дня за три до обратного отъезда во дворе накрыли столы, собралась почти вся деревня, приехали друзья из города, праздновали рождение нового студента – как раз накануне пришло официальное уведомление из института о зачислении меня в студенты, хотя такое же извещение я привез с собой. Извещение читали вслух, смаковали по разному, отец не уставал повторять:

– Горный инженер в нашей семье, надо же – и светился весь гордостью. Он был откровенно доволен.

Вскоре выяснилось, что из всего нашего большого и качественного, с армией медалистов, школьного выпуска в институт поступили всего двое. Кроме меня, в Медицинский институт поступил Юра Личис.

Поступление в институт – большое и радостное событие.

Но институт надо еще закончить, а это тоже не очень легко и не всем удается.

37

В нашей камере произошло что-то непонятное. Альберта неожиданно перевели в другую камеру, вниз, прямо под нами – об этом он сообщил нам «мулькой». Быстро установили связь, Андрей с Володей повели с Альбертом странную переписку – с обвинениями и оправданиями. Мне ничего не говорят, хотя к тому времени у нас с Володей и Андреем установилось определенное доверие. И однажды Володя показал мне записку Альберта, в которой тот распределял какие-то деньги.

– Что это, – не понял я.

– Новогодние деньги.

– Ничего себе, он что, из-за этого ушел в «подземелье»?

– Не знаю. Странно все это.

– Успокойся, Володя, деньги целевые, новогодние, не твои и не Андрея, он это знает и вряд ли долго выдержит. Растратить такие деньги то же самое, что растратить «общак». Будьте потверже.

Наступал Новый, три девятки, 1999 год. В камере решили скинуться, кто сколько может, закупить к празднику продуктов, вина, пива, шампанского. Все это купить к празднику не составляло в тюрьме особых проблем, курьеры были, такса известная – пятьдесят на пятьдесят – там это дело вполне отлажено. В некоторых камерах ставили и елочки – было бы желание. И деньги.

У нас, у всех постоянных обитателей камеры, имелись счета в бухгалтерии, мы имели право заказов через тюремный ларек, не праздничных, конечно, заказов, но мы могли распорядиться некоторыми деньгами. Кроме того, нам перед праздником поступило конкретное предложение – если хотите, можем сделать, сколько денег передадут, на столько и сделаем. Чего захотите, по вашему списку заказа.

Прикинули между собой, кто сколько может, передали «на волю», деньги родственники передавали через одного из людей Володи – Альберт категорически отказался привлекать к этой операции кого-либо «из своих» – определились с перечнем заказа, все было продумано, все было реально.

Вот с поступлением праздничных денег Альберт и исчез из камеры куда-то вниз. Деньги, конечно, были не у него, деньги находились у определенного человека за пределами камеры, точнее, даже за пределами тюрьмы. Это был человек Володи и распорядиться этими живыми деньгами мог только Володя. Его-то и завалил Альберт распорядительными «мульками».

«Направь вот столько туда, а столько сюда». Володя уперся – деньги на праздник!

Народ в камере собрался знатный, зажиточный – это чувствовалось по качеству поступающих к нам «дачек» – поступок Альберта не понравился всем, наступила тяжелая и опасная пауза, ясно стало, что дело миром не кончится. И поняли все, почему Альберт ушел вниз. Камера небольшая, любой шепот слышен во всех ее углах, а люди в тюрьме ушлые. Понимают происходящие не по словам – по настроению.

– Не волнуйся, Володя, не подставляй себя, определимся с деньгами.

– Знаешь, Саныч, мне волноваться поздно, я ведь «смертник», а деньги хоть и одной камеры, но «общаковские», мне поручили их и хранить, и приходить, я не позволю их тратить кто куда захочет – решили к празднику, значит, так и будет!

Альберт перестал подавать голос, это сразу вызвало беспокойство, напряженность.

– Саныч, будь начеку, скоро к нам кого-то «подсадят».

– Не буду я, Володя, вмешиваться в эти дела, мне не хватало еще, где – в тюрьме! – вмешиваться в проблему денег.

– Тебе и не надо вмешиваться. Присматривайся – кто к нам придет, ты же быстро определяешь людей по их манерам, по «растопыренным пальцам». Вот и присмотришь – наш, не наш.

– Это можно.

В камере повисло ожидание. А мне открылась еще одна сторона взаимоотношений в тюрьме. На первый взгляд, на «горячку», вдруг начинаешь сомневаться – не так уж всё и отлажено в этом сообществе «зэков». А «врубись» плотнее, так сразу и понимаешь – это еще одно подтверждение жесткого тюремного правила: если и главарь пошел «не в ногу», то и у него возникает «высокое напряжение». Да такое, что не все могут и выдержать. Разве не демократия, не справедливость? Все

равны в этом особом государстве! Альберт допустил явный «косяк», и его вряд ли поддержат, вряд ли пропустят, даже при его авторитете. И Альберт уходит в «подземелье».

«Кормушка» открылась неожиданно и в неурочное время, вскоре после обеда. Вызывают меня.

– С вещами на выход! Вещи собрать все. Сбор – десять минут!

Общее недоумение – вызов вне программы, не по расписанию. В такое время не вызывают. Со всеми вещами.

– Может, переводят куда?

– Переводят с утра, или после восьми, вечером, днем, в это время никого, никуда не переводят.

– Думаю – Андрей спрыгнул сверху, с верхней «шконки», заполнил весь проход, думаю, Саныч, тебя освобождают.

– Куда, зачем? Как это – освобождают?

– А вот уж чего не знаю, того не знаю – куда освободят, туда и пойдешь. Из тюрьмы, думаю, освобождают тебя, Саныч!

Загремела, открываясь, тяжелая дверь. В проеме – охрана и какой-то полковник. Продвинулся вперед, заслонил весь дверной проем.

Спокойно, без нажима называет мою фамилию.

– Да-да, я здесь, – не по-уставному отвечаю. Никаких последствий, ни окрика, ни замечаний.

– Пошли со мной. Вещей не брать. Зашли в комнату охраны.

– Вас освобождают. Есть постановление прокурора об изменении вам меры пресечения. Вы освобождаетесь под подписку о невыезде. Где вы будете жить?

Объясняю.

– Вот ручка и бумага, напишите свой адрес подробно.

– Может, лучше в виде заявления, чтобы официальнее?

– Ну напишите заявление. Вы, такой-то, после освобождения будете жить по такому-то адресу. Нам нужно оформить подписку и выдать вам деньги на проезд. Для этого нужен точный адрес.

Все это – корректно, уважительно. Я настолько отвык от такого обращения, что растерялся даже.

– Сейчас писать?

– Да успокойтесь вы! Все нормально, вас действительно освобождают, нужно выполнить кое-какие формальности. Напишите заявление на имя начальника Сизо, я его заберу, вы соберите вещи и ждите, вас позовут. – Он так и сказал – не вызовут, а позовут. Забрал мое заявление и ушел, меня вернули в камеру.

– Братцы, меня действительно освобождают. Приказано собрать вещи, а какие тут вещи, я все оставляю вам, все равно ничего из этого я уже никогда носить не смогу. Тут есть пара теплых свитеров, кое-какое белье, куртка – ну да разберетесь сами.

– Саныч, остынь. Без вещей тебя не выпустят, что-то с собой возьми. С освобождением вас, Саныч наш дорогой! Я так и подумал сразу, как только увидел в дверях самого начальника Сизо. Да в это время никуда вроде и не водят, если только на волю. – Андрей возбужден, искренне растроган.

– Так этот полковник, что, действительно начальник Сизо, наш «хозяин»?

– Да, Саныч, да, это действительно «хозяин», поздравляю, лицезрел лично, ты же его, не будь этого освобождения, в глаза бы никогда не увидел! Не всех, кого освобождают, он еще и навещает. Лично.

Володя залез на стол, закричал в открытую форточку, прямо в металлический лист.

– Альберт, отзовись!

Прошло некоторое время.

– Да, что, это ты, Володя?

– Альберт, у нас Саныча освобождают!

Тут же откинулась «кормушка».

– А ну, слазь со стола, в карцер захотел?

– Да ладно, начальница ты наша милая, остынь, не напрягайся, не каждый же день у нас такие праздники, у нас Саныча освобождают, не сердись, начальница, надо же Альберту сообщить.

Снова откинулась кормушка.

– Готов?

– Всегда готов!

– Выходи. Вот так раз! А где вещи?

– А зачем они мне? Все равно выброшу, не смогу носить тюремное. Пусть лучше ребятам достанется.

– Нет, уважаемый ты наш, не положено, все это мы уже проходили и не раз. Только выйдешь за ворота, тут же пожалуешься адвокату – отобрали, мол, в тюрьме и обобрали, все мои вещи охрана себе присвоила. Марш обратно и забери свои шмотки, не думаю, что здесь они кому-то пригодятся.

В камере Андрей уже все подготовил.

– Вот твои умывальные принадлежности, трусы, майка – они все равно грязные, вот еще полотенце. Из стирки, вроде высохло.

– Полотенце оставь, пригодится.

– Ну хорошо, полотенце оставим, вот еще какое-то бельишко, забери, сделай сумку потолще. За остальное спасибо, поделим.

– Этот пуловер, он шерстяной, теплый, лично тебе, Андрей, возьми, в зоне сгодится.

– Хорошо, спасибо. Ну, удачи тебе, Саныч, больше не попадайся.

– Это как придется. От сумы, да от тюрьмы...

– Кстись! Типун на язык. Успокойся и держись увереннее, смелее. «Помотают» тебя, конечно, ну да – назад ни шагу!

– Знаешь, Андрей, какой-то мудрец где-то на Востоке, кажется в Индии, и кажется Ганди, сказал – «если человек в своей жизни хотя бы один раз не побывал в тюрьме, ему не дано познать жизнь». Так что...

– Да ладно, «мудрец», смотри не перемудри в очередной раз!

Тепло распрощались со всеми. С Володей обнялись.

– С кем теперь в шахматы-то играть?

– Ничего, тренируйтесь с Андреем. О себе подумай, дурень, какие шахматы? Прощайте, ребята. Всем вам удачи!

Да уж. Она им не помешает.

** * **

Учеба как-то незаметно, но сразу, отошла на второй план. Захлестнули встречи, знакомства, новые события. Первые три дня устраивались с жильем в общежитии, затем – всеобщее институтское собрание, где нас, первокурсников, торжественно и весело приняли в студенты, выступил директор с теплыми поздравлениями, затем приветственный концерт старшекурсников, и в конце этого фестиваля замдиректора объявил о выезде на сельхозработы.

– Работать будем до середины октября, с собой берите самое необходимое, рабочая одежда должна быть своя, все остальное – инструмент там, тара, мешки – все это получим на месте. Общее веселье, заразительный смех прокатился по Актовому залу. Долго не можем успокоиться. – Предупреждаю всех, никаких ходатайств и заявлений, никаких медицинских справок – освобождаться никто не будет, даже не пытайтесь, не теряйте время. В общежитие все заселены временно, окончательное распределение – после села. Еще посмотрим, кто как работать будет...

Эта последняя реплика снова всех развеселила, сняла напряжение неожиданности – мы-то готовились сразу к учебе!

Меня вызвали на кафедру физвоспитания. За столом сидел немолодой уже человек, в спортивном костюме, перебирал какие-то журналы.

– Лыжник?

– Было дело.

– На сборах в Бакуриани летом был?

– Приглашали, но в этом году не до того было, сплошные поступления да вступительные экзамены.

– Тут на вас запрос пришел из «Науки», завтра пробежать три тысячи контрольных надо. Решают, наверное, вызывать ли на сборы.

– Завтра же в колхоз, на пароход завтра.

– Ну, ваша группа уезжает послезавтра. Это во-первых. А если прилично пробежишь, в колхоз вообще не поедешь – это во-вторых.

– На что же я жить здесь буду. Денег у меня нет.

– Это не твоя забота, если попадешь на сборы, прокормят. В институте тренировочный сбор. Будем готовиться к городской эстафете, к осенним кроссам, к зимнему сезону. Согласен?

– А что, можно и не соглашаться?

– Можно, но не советую. Познакомишься с городской спортивной элитой, потренируешься, наверстаешь кое-что упущенное летом, просто побегаешь – это тебе лишнее?

– Не лишнее, конечно, но я летом ничего не делал, в смысле тренировок. Какой же контроль, никакой контроль я не выполню.

– Вот и посмотрим, на что ты способен без тренировок, там и решим. Нам о тебе звонили из ЦС «Науки», посоветовали присмотреться, а не потерять осень – в твоих же интересах. Если думаешь и дальше бегать. Так что завтра, в пятнадцать будь на стадионе, там соберутся наши институтские «сборники», кое-кто из «обещающих» новичков, вот и с тобой познакомимся.

В комнату резко вошел немолодой, лет за пятьдесят, человек. Очки, глаза умные, цепкие, добрая улыбка.

– А, мастер, слышали, слышали, слухом не только земля полнится, ну что, бегать будем? А летом бегал, хоть немного? Нет? Понимаю, не до пробежек было, но теперь все позади, ты студент нашего института, а нам нужны и лыжники, и бегуны, на длинных у нас вообще пока никого, нет стайеров, не поступили, в московские Вузы тянутся, не хотят на Урале бегать, может, там кормят получше? – смеется – у нас пока их нет. Так что, мы тебе рады, не подведи, завтра всё посмотрим. А там и с «Наукой» решим. И программу, если понадобится, составим. Давай знакомиться. Иван Васильевич, зав. кафедрой физкультуры. О тебе мы знаем. Георгий Красноперов. Правильно? А это Константин Федорович, тренер. Ну, что, до встречи на стадионе?

– А как же колхоз?

– Да что он тебе дался, колхоз этот? – возмутился Константин Федорович, – успеешь ты наработаться, натаскаешься еще мешков, учиться пять лет, никуда от тебя колхоз не сбежит. Нам команду формировать надо, институт молодой, ваш всего лишь третий набор, но ребята поступают отличные, есть просто талантливые. Как же упускать их, в колхозе любой сработает, а выиграть соревнования и из сильных гонщиков не всем удается. Согласен?

– Да, это так.

– Вот и отлично. Значит до завтра. Встречаемся на стадионе. Кстати, а что это у тебя за история с училищем? Делать нечего?

– Иван Васильевич хитро прищурился.

– Нет, хотел поступать серьезно, да вот, передумал.

– Ну ничего, завтра обо всем и побеседуем. Спортивный костюм есть?

– Найдем для начала.

– Хорошо, потом разберемся. Если заслужишь.

Так состоялось наше знакомство с Иваном Васильевичем Пугачевым, заведующим институтской кафедрой физвоспитания и тренером легкоатлетов.

На следующий день с утра возились по хозяйству – комендант неожиданно выдала направление на проживание в общежитии, с конкретным номером комнаты на втором этаже.

– Осваивайся, пять лет здесь жить будешь. Заполни прописные бланки и паспорт оставь мне, я вас всех пропишу завтра, кто на сборы остался.

– Так, может, еще не возьмут.

– Ну, мне-то сказали, кого возьмут, кого надо заселить постоянно. Так что, не рассуждай, документы оставь, завтра пропишем.

На стадионе собралась довольно приличная группа ребят из вновь поступивших, из первокурсников. Старшекурсники никого не ждали, тренировались, чувствовали себя по домашнему, к нам пока не подходили – нам нужно еще пройти отбор, они, старшекурсники, в отборочных забегах не участвовали.

Из новичков составили предварительные группы по восемь-десять человек, двое из забега попадали в финал. Предварительные забеги проводились на тысячу метров, финал – на три тысячи.

Бежали явно не спортсмены, даже некоторые из победителей бежали так слабо, что ясно было – они должны готовиться к поездке в колхоз. К большой радости замдиректора.

– Что, не очень смотрятся ребята? – Иван Васильевич незаметно подошел к нашей скамейке.

– Причем здесь смотрятся, просто смысла в этих забегах никакого нет. Разве что нормы ГТО принять для отчета, дополнительно.

– Это ты так легко рассуждаешь, а послушал бы ты их доводы вчера на кафедре, чуть не мастера, мы, мол, себя покажем. А на деле – просто не хотят в колхоз ехать. Вот и колотят себя в грудь. Ну, а нам, почему бы не попробовать, не посмотреть, может, и верно кто-то интересным покажется. Что же до норм ГТО, так придет время и эти нормы принимать будем. У всех студентов, не только у избранных, так что не торопись, и нормы ГТО сдавать будешь. А сегодня побежишь сразу в финале.

– Да как-то неудобно, Иван Васильевич, тоже ведь новичок, первокурсник.

– Ничего, соберем вас всех в одном забеге – и кого мы заявили, и кто сам заявился, посмотрим, кто на что способен. Победители забегов тоже побегут с вами.

– Толпа же будет!

– Потому и побежите три тысячи, растянитесь, три – это не пять, но и не одна, случайностей, при вашей-то сегодняшней подготовке, не будет. А кого к какой дистанции тянет – потом разберемся.

Забег я выиграл легко, с приличным – метров в пятьдесят, отрывом, время хоть для сентября было и не контрольным, но и не обидным, учитывая «застойное» лето.

– Ну что, вполне прилично для первой прикидки, поработаем, побегаем, думаю в перспективе что-то вполне может и получиться. – Иван Васильевич улыбался довольно приветливо, видимо, не разочаровался.

Отбрали нас, первокурсников, человек пятнадцать, с каждым побеседовали – кого куда и на что тянет, кто что умеет, кто чем занимался в школе и распределили по тренерам. Волейболисты, боксеры, футболисты и даже один баскетболист, Митя, этакий застенчивый увалень, под два с лишним метра ростом, позднее, где-то через год, на практике, его прикрепили ко мне – «побегай с ним, способный парень, глаз точен, но уж очень не скоординирован. Побегай по утрам, да подлиннее пробежки-то, покувыркайся с ним, занятный парень».

Достал тогда меня этот парень. Бывало после танцев, с дивчинами у реки провозгаешься до утра, только спать перед занятиями завалишься, хоть чуть-чуть вздремнуть, а Митя тут как тут, «Подъем, на зарядку». «Митя, ну сделай сам!» «Ну уж нет, ты сам приказал, буди, как бы не отбрыкивался. Вставай давай, все равно не отойду от тебя, пока не встанешь».

Сколько на той практике было этих занятий после бессонных ночей, с Митиной зарядкой! Упорный парень. Через пару лет стал отличным «центровым» в баскетболе.

В легкую атлетику для эстафетной команды взяли троих и присоединили к старшекурсникам. Начался спортивный сбор – шла подготовка к городской комбинированной эстафете.

Наша группа в составе студенческого отряда первого курса уехала, вернее уплыла на стареньком пароходе – говорили, что этот пароходик был очень популярен у «киношников» еще в тридцатые годы и часто снимался в разных фильмах о Волге – вниз по Каме, куда-то в деревню, на сельхозработы. Старшекурсники уехали еще раньше, сразу по прибытии в институт, после летних каникул.

Так мне и не пришлось пожить с группой. Вечно на сборах, на соревнованиях, в разъездах, и практику

проходил отдельно, и сессии часто сдавал по индивидуальному графику.

Городская комбинированная эстафета была в старой Перми, тогда еще в Молотове, традиционной, с участием всех трудовых и студенческих коллективов. Кроме беговых, в эстафете отдельными этапами были велосипед, гребля, бег с препятствиями – яма с водой, узкое, как гимнастическое, бревно, групповой бег в противогазах и другие интересные выдумки. Всего в эстафете было около тридцати этапов. Команда должна была быть разносторонней и ровной на всех этапах. Мне определили беговой этап около 900 метров. Бегали мы много, участвовали и в тренировках по гребле, на воде, по Каме, и велосипед «крутили» часто и помногу.

Команда института по итогам прошлого сезона выступала по первой группе, готовились мы усердно, нагрузки были солидными. Когда в середине сентября пришли по реке баржи с арбузами и мы сгоряча, желая подзаработать, согласились одну баржу разгрузить, нас еле до утра хватило – измотались «на смерть», не смогли участвовать в дневной тренировке. Иван Васильевич собрал после этого всех и категорически запретил до проведения эстафеты отвлекаться «на заработки». «Вас же кормят, чего же еще? Все остальное потом, после эстафеты!».

День проведения эстафет был в городе настоящим праздником. На стадионе и по всему маршруту эстафеты собирались толпы людей, беговое пространство на всем протяжении огораживалось канатами, закрепленными на специальных приставных столбиках, проезд всех видов транспорта по маршруту закрывался – это было действительно массовое мероприятие и проводилось оно по всем улицам города.

В парках, центре города и на набережной играли духовые оркестры, работали буфеты и многочисленные торговые лотки, ларьки, палатки. Люди приходили семьями, детей угощали мороженым, взрослым было что и выпить, и закусить. Порядок везде соблюдался абсолютный, за этим следила милиция и солдаты местного гарнизона.

Я получал свою эстафетную «палочку» этапов за пять до финиша. Уже отработали велосипедисты и гребцы, пробежали свою дистанцию ребята в военной выкладке и противогазах. Все отработали неплохо – мы шли в первой тройке. Я свой этап пробежал ровно и спокойно – вторым «принял», пошел, вторым и финишировал. Впереди оставались чисто беговые этапы, самый коварный, заключительный, с многочисленными препятствиями, проходил по стадиону и был чрезвычайно зрелищным. К этому финишному этапу мы подошли вторыми. Коля Старовойтов, наш «финишер», все препятствия прошел отлично, без ошибок, но потерял равновесие и соскочил с бревна. Пришлось вернуться и пробежать по бревну снова, ясно, что он теперь по этому бревну не бежал, а осторожно шел. Нас обошли армейцы, но третье призовое место для команды молодого института считалось весьма почетным, мы праздновали победу.

38

Формальностей при освобождении было больше, чем я ожидал. Спустились с охранником вниз, меня закрыли в «пенале», и надолго, минут сорок я там просидел, задрав вверх ноги – «пенал» оказался слишком тесным, коленки упирались в дверь. Наконец, появилась женщина, одетая не по форме, в простой гражданской одежде – пальто, сапожки, шаль пуховая.

– Я из бухгалтерии, мы должны начислить вам проездные и суточные, вы не помните – сколько стоит билет от Москвы до вашей станции, где вы будете выходить? Ну, до этой вашей деревни?

– Сколько стоит билет, не знаю, это на электричке, час, примерно, езды.

– Все ясно, подсчитаем. Что у вас изъяли при задержании?

- Только часы, остальное мелочь.
- Что значит мелочь, перечислите.
- Часы, больше ничего.

Часы мне вернули. А больше действительно ничего и не было. Ремень и шнурки – пошли они к дьяволу, исчезли, правда, двести рублей, так это еще на Иваси, нет, кроме часов ничего у меня не изымали. Да и часы-то, думал я про себя, вряд ли найдут. Нет, все в порядке, принесли часы и действительно – мои.

Снова закрыли в «пенал». Через какое-то время пришла медсестра и меня провели в медпункт. Взяли кровь на анализ, из вены – это на случай, если вдруг у меня появится какая-то болезнь, так это доказательство, что заболевание произошло не в тюрьме, «вот, у нас есть анализы, от нас он вышел здоровым».

И снова в «пенал».

Через какое-то время – снова женщина из бухгалтерии, та, в гражданском.

– Получите 150 рублей – это вам на дорогу до Москвы, за электричку до вашей деревни и суточные на два дня. Распишитесь в ведомости. Теперь подпишите акт, что вам все вернули, деньги на проезд выдали и что претензий у вас к администрации Сизо нет.

Ничего себе! Отправляют по первому разряду, даже денег выдали на дорогу!

Ну, кажется все. Нет, при выходе мне предъявляют постановление прокурора об изменении меры пресечения – ознакомьтесь и распишитесь, дают подписать «расписку о невыезде», выдают фирменную «справку об освобождении», с наклеенной фотографией таким, каким я поступил в Сизо – усталый, грязный и заросший после Иваси. За все полученные документы расписываюсь в специальном журнале.

Загремела, открываясь, внутренняя дверь, затем, с металлическим скрипом – наружная, и вот она – свобода!

За воротами тюрьмы меня ждет адвокат. С машиной.

– Едем к следователю.

– Это еще зачем? Я освобожден, документы у меня на руках, я еду домой, понадоблюсь, вызовет. Повесткой. Так что, отвезите меня на вокзал.

– Вы смутно себе представляете ситуацию, Георгий Александрович. С вашим освобождением возникла «напряженка». Рубоповцы возмущены, обвиняют следователя в мягкотелости, в потакании вам, как обвиняемому, они категорически против вашего освобождения, требуют пересмотра решения. Следователь вынужден был заявить, что отпускает вас под залог и чтобы не подставить его, а это может осложнить следствие, мы должны сейчас поехать и оформить этот залог.

Интересное получается кино. Чей же вы адвокат – мой или следователя? Мне все становится ясно, все связалось воедино, понятно и ваше молчание на суде.

– Меня освободил не следователь, а прокурор. И справка об освобождении у меня на руках!

И освободили не под залог, а подпиской о невыезде.

– Что ж, можете ехать домой. Но я вам не советую ссориться со следствием.

А может, я действительно чего-то не знаю? Легко рассуждать, когда ты у себя в кабинете, на свободе, ничего тебе не грозит. А вот когда побываешь в тюремной камере, постоишь несколько ночей

на ногах, когда каждый миг нужно беречь и защищать не только свое достоинство, но и родное имущество, одежду, передачу, когда после всего этого вдруг выходишь на волю и тебе ох как не хочется возвращаться назад – тогда готов кажется на любые уступки. И знаешь, что тебя обманывают, но что делать, да черт с вами, подавитесь вы этими деньгами!

– У меня нет денег под залог.

– Мы со Светой обо всем договорились. Они приедут завтра утром и привезут деньги, они уже нашли, перехватились где-то, отец, говорят, приедет, отдадим. – Они оказывается все уже решили с дочерью. Света, конечно, на все согласна, лишь бы отца вызволить. Привезет конечно, займет да привезет. Только – чем отдавать будем?

– Хорошо, едем к следователю.

Времени – ночь, десятый час, меня уставшего, грязного, невытого и небритого, в тюремном моем одеянии везут в Управление МВД, допрашивают заново по всем вопросам, которые добрый десяток раз задавались на следствии в Сизо, повторяемся, хотя все давно выяснено, мне все надоело, я смертельно устал, скорее бы закончить, но заявляю и следователю:

– У меня нет денег под залог.

Снова вмешивается адвокат.

– Сейчас я внесу за вас деньги, а Света приедет, вернет. Они должны подъехать к девяти утра.

– Делайте что хотите, только быстрее, я всего этого не выдержу.

– Ну, Георгий Александрович, возможности человеческого организма безграничны, до конца еще не исследованы, мы и сами не знаем, сколько чего можем пережить и вытерпеть, – следователь явно не торопится, заполняет какие-то протоколы. Адвокат уехал за деньгами, мы ведем беседу, следователь при этом беспрерывно что-то пишет, глаза мои слипаются, я засыпаю непроизвольно. Не тут-то было, спать начальник не дает.

– Прочтите и подпишите Протокол об освобождении под залог, так, теперь – подписку о невыезде.

– Но я же подписал такую подписку в Сизо!

– Это подписка о невыезде из Нижнего.

– Но мне определено место проживания по месту прописки!

– Да не волнуйтесь вы так, это условно, чтобы мне вас не искать, как позвоню адвокату, или вам напрямую, чтобы приезжали немедленно. Следствие же не закончено, нам еще много времени предстоит с вами беседовать. А жить, да, все правильно, жить вы будете дома, в родной деревне.

– Что же меня ждет в итоге?

– Думаю, два года условно. На большее не тянет. Но все зависит от вас, как мы будем общаться, суд учитывает, когда обвиняемый содействует следствию, помогает разобраться в истине, не скрывает правду. Еще лучше, если бы вы вернули деньги.

– Да не брал я никаких денег, это же всем ясно! И вам в том числе.

– Да нет, мне пока этого не ясно.

Вернулся адвокат, привез деньги, сорок пять тысяч, а нужно пятьдесят.

– Ничего, оформим как промежуточный залог, но утром надо внести остальную сумму. Деньги до

утра оставим для хранения на вахте. – Следователь оформил получение, мы все вместе спустились вниз, на вахту, сдали деньги дежурному милиционеру, я расписался за них, что сдал на хранение до утра, в каком-то журнале и мы, наконец, покинули здание Управления. Адвокат везет меня в гостиницу.

– Вот вам двести рублей, на вечер хватит, за номер я расплачусь, завтра разберемся. А может, в «сауну»? Я знаю одно очень привлекательное местечко. – Ясно, проверка на «вшивость» и на денежные возможности. Мент есть мент! Все таки оба они – и следователь, и адвокат – уверены, что деньги у меня есть, где-то припрятаны, очень уж надо им это выведать.

– Какая сауна, Николай, я еле живой.

– Ну хорошо, отсыпайтесь, еще успеем.

В номере я долго стоял под горячим душем, потом в буфете выпил залпом стакан водки, вернулся в номер, лег и мгновенно провалился в сон. Как будто кто-то меня «выключил».

Утром проснулся от чьего-то присутствия. Глаза еще открыть не могу, но чувствую – рядом кто-то есть. Наконец, с трудом, но все-таки открыл глаза. На стуле, рядом с кроватью, сидит адвокат.

– Вы что, как тут оказались?

– Дверь закрывать надо.

– Да закрывал вроде с вечера.

– Нет, открытая дверь была, а вами уже интересовались какие-то «кавказцы».

– Какие «кавказцы», кому я там нужен.

– Вот видите, до сих пор вы не можете понять ситуацию. За вами могут охотиться люди Джавабы или Тана, им выгодно вас «убрать» и все на вас свалить. Будьте же вы, наконец, благоразумны! Не выдумал я про «кавказцев», мне администраторша сказала, что приходили, спрашивали. Хорошо, я вчера с ней договорился, чтобы никакой никому о вас информации не давала.

«Да, – думал я – благоразумие мне бы не помешало. Прежде всего, чтобы расстаться с вами, дорогой адвокат.

Уж больно тяните вы на опера». Но делать нечего, надо было доигрывать весь этот спектакль до конца. Пусть думают, что я ничего не понимаю. Так безопаснее, в объективности наших органов я убедился на собственной шкуре – был бы человек, а повод для задержания найдется. Сформулируют.

Приехали дочь с зятем, привезли и отдали деньги. Взамен получили документ – «Копия квитанции» об изъятии денег у задержанного. Не квитанцию о получении денег под залог в связи с изменением меры пресечения, а выдали, практически, протокол об изъятии. Но такие тонкости мы обнаружили только дома, когда все успокоились, стали рассматривать документы по освобождению. Документ получила дочь при внесении денег, но кто в той ситуации рассматривать будет эту квитанцию – скорее бы домой!

Из Сизо я вышел пятнадцатого, но только двадцать четвертого получил разрешение на выезд домой, в Москву. А двадцать пятого, дома, в обстановке возбужденных рассказов о пережитом, особенно после известия о предательстве близких родственников, родной сестры, семью которой содержал и обеспечивал нормальной жизнью в течении стольких лет, племянника, которого практически спас однажды от смерти – у меня случился инфаркт.

* * *

После эстафеты на несколько дней наступило затишье, мы отдыхали, ближе знакомились с городом. Институт наш базировался в одном здании с Горным техникумом, нынешний корпус института еще только проектировался. Жили мы недалеко от стадиона «Динамо» и я повадился ходить туда каждое утро, бегал там стометровки. Пятьдесят стартов ежедневно. С отдыхом после каждой «десятки». Вскоре познакомился с «динамовским» тренером по лыжам. Лыжников он тренировал в лесу, а с утра работал с пятиборцами, бегали вымеренные кроссы. Начинали они на стадионе, убегали на кроссовую тропу в примыкающий к стадиону парк и заканчивали снова на беговой дорожке. Ко мне он долго присматривался, потом не выдержал, подошел.

– Ты неправильно стартуешь, задняя колодка далековато, вот посмотри, – он показал старт и поинтересовался:

– Спринтеры, вроде, в одиночку не тренируются. Ошибок много можно наделать. Ты откуда?

– Из Горного, институтский, но я не спринтер, я лыжник. А если бегаю летом, то только длинные – пять или десять.

– Ну ты парень даешь, я думаю – что за спринтер стартует так неловко, а ты выходит лыжник. А почему сотки бегаешь?

– Резкость потерял за лето. Выносливость вроде в норме, а ускориться не могу.

– Зимой в эстафетках стартуешь?

– Когда как, не обязательно, чаще на последнем этапе бегу. Но и стартовал не один раз. Но не люблю старт – мне разгон нужен, а на быстром старте задыхаюсь, долго не могу прийти в себя. Пока опомнишься – все уже далеко убежали, а догонять – сами знаете, не всегда и догонишь.

– А с сотками не перебарщиваешь? Ты ведь по пять тысяч набегаешь.

– Я же с отдыхом. А потом – как получить скоростную выносливость? Только на сотках, ну еще четыреста. Но четыреста для меня пока тяжело.

– Хочешь, потренируемся вместе?

– С охотой, только не знаю, не сочтут ли предателем, скажут в «Динамо» перешел.

– Не скажут, я договорюсь с Иваном Васильевичем.

Так я познакомился с Баженовым Виктором Степановичем, он тогда в Перми чуть ли не единственным мастером спорта в лыжах был, бегал еще, для себя, но прилично, не все молодые могли за ним удержаться на длинных «тягунчиках».

Я стал тренироваться с «динамовцами», но бегал только за институт. Впрочем, бегал я и с институтскими, тренировал нас тогда Петр Васильевич, мы его звали просто Петя, был он молод и чрезвычайно талантлив. Но что-то у него произошло, какой-то несчастный случай, он перестал выступать, попал в полное забвение, его разыскал Иван Васильевич и предложил работу. Спас парня от хандры и полного разочарования. За работу тот взялся горячо и добросовестно, быстро составил нам индивидуальные планы, по которым мы после общей часовой разминки и работали.

Динамовские пятиборцы часто уезжали на сборы и зимой мы с Баженовым бегали вместе едва ли более десяти пятнадцати раз. Но он очень помог мне в технике скольжения и особенно в работе руками. Через год Петя, после пояснения, как надо работать правильно, всегда для показа посылал на «технический» круг меня. «Покажи как надо».

Но все это зимой, а пока свое свободное время я проводил на стадионе. Вечером с легкоатлетами бегунами работал Пугачев, я и у него понемногу бегал, в общем, с пугачевскими нагрузками да с моими

«соточками», за день прилично набиралось. Поэтому в дни тренировок с Пугачевым я пробежал меньше соток, но и этого хватало, уставал жутко, по вечерам никуда не тянуло, хотя город был веселым, молодежным, развлечься было где и было с кем. Ребята наши и развлекались, и тренироваться успевали, я же жил в общепитии как отшельник – ни с кем и никуда. Но, как говорится, «судьбу на телеге не объедешь».

Однажды бежали мы кросс вместе с пятиборцами – я часто стал тренироваться с ними по их полной программе. Мне особенно нравилось фехтование и как-то быстро мне удалось освоить основные приемы. Конечно, с ними я тягаться не мог, но все чаще и чаще стал кое у кого выигрывать. Ребята шутили – бросай ты лыжи, мы из тебя сделаем классного пятиборца!

Так вот, однажды бежали мы, пятиборцы в беге нам, лыжникам, не соперники, я бежал впереди, вдруг за что-то запнулся, упал, рукой воткнулся в колючую проволоку и распорол ладонь. Баженов привел меня в медпункт.

– Варя, посмотри, ладонку распорол, обработай, если что-то серьезное, доставим к врачу, в больницу. – И ушел, у него там команда осталась.

Протянув руку для обработки я поднял глаза на Варю и обомлел, забыв про рану.

Передо мной – диво, белокурая царевна, точеное лицо, прямые волосы, не очень длинные, но и не короткие, спокойно свисающие до грациозной, вот уж поистине лебединой, шеи, перетянутая выше талии блузка, с полоской живого тела между обтяжкой и юбочкой. Я не удержался, прикоснулся свободной ладонкой за живое. Она не дернулась, не записиховала, серьезно так посмотрела прямо в глаза.

– Мал еще, подрасти.

– Да ничего вроде, девчонки не жалуются, – бравировал, конечно, никаких девчонок я еще не знал.

– Ладно, девчоночник, потерпи, сейчас больно будет. Где это тебя угораздило, рана-то глубокая!

– В траве проволоки кусок, колючей, я упал и рукой прямо на нее, да «с протяжкой». Вот, сама видишь.

– Ничего страшного, потерпи. Сейчас обработаем, до утра не разбинтовывай, а завтра снова загляни ко мне.

– Да я теперь каждый день лечиться здесь буду. Знаешь, сколько у меня этих болезней!

– Иди уж, болезненный.

В медпункт теперь я заходил и до, и после тренировки.

А вечерами мы уходили на Каму, садились в лодку, спускались до одинокого острова, там, на старых покосах, в копнах душистого и не пересохшего еще сена, появился у нас укромный уголок и впервые познал я наслаждение и счастье любить красивую женщину, любоваться, восторгаться ею, беречь – и женщину и любовь. Это было что-то удивительное, непознанное, ненасытное. Мы сооружали в сене нечто глубокой «ложбины», расстилали принесенные с собой одеяла, падали на это легкое сооружение, утопали в мягкой копне и... исчезали. Из этого мира, из жизни, из бытия. Молодые, ненасытные, мы забывали все, спохватывались на некоторое время, устав от очередного взрыва страстей и снова вскоре, через минуты, погружались в наслаждение. Едва только заканчивался очередной приступ ненасытности, едва мы откидывались, задохнувшись, на колючее сено, гибкие и чувствительные Варины пальцы легко скользили по уставшему телу, касались безумного места, ласкали его, возбуждая и снова взрыв, стон, безумие, снова ненасытное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Женское тело извивалось, нежные бедра становились могучими, они твердо сжимали мое, ни к чему ни чувствительное, забывшееся в экстазе тело, они

заставляли – еще, еще – мы почти теряли сознание.

Возвращались поздно, спать я уже не мог, тренировался через силу. Пугачев вскоре заметил что-то неладное и быстро отправил нас в спортивный лагерь. На очередные сборы.

Лагерь был далеко, за Камой, там мы много гребли и бегали, а я никак не мог дожидаться возвращения, встречи с любимой и единственной, о которой день и ночь думал, писал ей стихи, завалил медпункт письмами, этими стихами, и не получил ни одного ответа.

Вернулись мы в конце октября, уже и снегу насыпало, я в тот же день побежал в медпункт. Вари там не было.

– А где Варя, – робко спросил я у старушки, сидевшей с вязанием в медпункте.

– Варя? А вы кто ей будете?

– Никто, друг.

– Юра, что ли?

– Да, Юра.

– Варя просила вам передать, что она выходит замуж, чтобы вы не вздумали искать ее, и не дай бог, навесить. У нее могут быть из-за вас неприятности. Так что, вы уж, молодой человек, не подведете девушку перед венцом.

Я вышел убитый и растерянный, пошел крутить круги по беговой дорожке, сколько я их накрутил – не замечал, и дал себе клятву – отныне никаких женщин, никаких девушек, нет коварнее и злораднее красивых, и пошли они все к черту!

Так началась, пронеслась скоротечно и закончилась моя первая и единственная в те мои восемнадцать лет любовь.

Никогда больше, ни к одной женщине, не было у меня такого искреннего и восторженного влечения.

39

Домой Олег привез меня на своей машине. «Жигуленка» мне не вернули, когда я спросил, могу ли забрать машину, следовательно ответил, что он ее еще не смотрел, ему надо убедиться, что там ничего не спрятано – в общем очередная чушь, отговорка, что им далась эта старенькая, выпуска 1976 года, машина, мне до сих пор непонятно.

Встретились мы с женой у калитки, ни о чем не говорили, обнялись молча и долго так простояли – все было ясно без слов.

Дети уехали, мы остались вдвоем, тогда-то она и рассказала, как ее преследовали, оскорбляли, как над ней буквально издевались Катков и его команда.

За домом установили слежку, телефон прослушивался, Катков постоянно рвался в дом – «мне надо показать вам одну бумагу!». Жена его не пустила.

– Покажите постановление на повторный обыск!

– Да я на вас ОМОН напущу!

– Напускайте, я знаю, что вы все можете, все в вашей власти, но домой я вас без детей и адвоката не пущу.

– Ничего, дождетесь, мы выгоним вас обратно в вашу Якутию, что вы сюда приехали, жили бы в

своем Мирном!

– Ну вот, видите, вам уже дали право определять, кому где жить! Я же говорю, вы всеильные, вы можете все.

Сама с утра из дому уезжала к внукам – родители их большую часть времени проводили в Нижнем. То с передачей, то у адвоката или у следователя.

В деревне, вокруг дома и на дорогах, Катков расставил посты из своих людей – раз добровольно не пускает, подкараулим, когда будет возвращаться и зайдем в дом вместе с ней, куда она денется.

Возвращаясь, жена проезжала на одну остановку дальше, внимательно с горки осматривала местность, засекала, где расположены посты, обходила их задними тропами. Перебиралась с большим трудом – женщине под шестьдесят! – через высокий забор, и заходила в дом. Постовые так не разу ее не заметили.

Это продолжалось до середины декабря, посты сняли, когда стало известно, что меня освобождают.

Зачем они так рвались в дом? Ясно – подбросить компромат, «вещдоки», пограбить хорошо обставленный дом северянина. Как ограбили офис. Невдалеке постоянно дежурила грузовая автомашина. Постовые оставались дежурить и на ночь, в доме у соседа, жена из окон хорошо видела этих «дежурных».

Оперативники не ограничились слежкой за домом – преследовалась вся семья. Вызвали на допрос сына.

– Расскажите всё о преступной деятельности отца.

– Никакой преступной деятельности отца я не знаю, ее не было, всё, что делал отец в компании, всё проводилось в рамках закона.

– Ну что ж, посидите, подумайте, изложите на бумаге всё, что вам известно. Два часа вам хватит, за это время мы получим постановление на ваш арест и увезем вас в «Бутырку».

– Я готов, но при условии, что вы выпустите отца. Посадите меня вместо отца, он болен, немолод, ему долго не выдержать. Вы потом установите, что он ни в чем не виноват, но будет поздно, вы загубите человека.

– Не волнуйтесь за отца, о себе побеспокойтесь, вам придется сидеть самостоятельно, за свои грехи.

– Никаких грехов у меня нет и не было. – И таким образом в течении шести часов, непрерывно, с постоянным запугиванием, даже звонки кому-то по телефону.

– Ну что там, долго нам еще ждать постановление на арест? – И для Саши – сейчас принесут, постановление уже подписано.

Но так ничего и не дождавшись, через шесть часов непрерывного допроса, вынуждены были сына отпустить.

– Подпишите протокол и можете быть, свободны – пока.

Вызывали и допрашивали зятя, пришли с обыском на квартиру дочери. Дома был один несовершеннолетний внук, это никого не остановило, пригласили понятых, но тут появилась Нина Александровна, успела приехать из осажденного дома. Сразу к телефону.

– Вы куда это собираетесь звонить? – Катков был с опером из Нижнего. Тот, правда, молчал, записывал что-то, составлял протокол. Катков же буквально наслаждался своим безнаказанным

хамством.

– Я звоню своему адвокату и пока он не приедет, производить обыск не дам.

– У нас есть постановление прокурора!

– Вот, адвокату его и покажите. Что это у вас за постановление и почему можно обыскивать квартиру дочери, если вы арестовали отца.

– А что, в Москве у вас есть адвокат?

– Конечно, мы убедились в вашей «порядочности», пришлось и в Москве нанять адвоката. Вот, ему вы все свои постановления и покажете. А пока побудьте на кухне. В квартиру у вас не пуцу.

– Вы ответите за свое самовольство, за сопротивление правоохранительным органам.

– Это вы-то правоохранительные, вы, рвущиеся в дом, хозяина которого арестовали? Обыск в доме производили, что вы там еще хотите делать, зачем постоянно дежурит автомашина? Зачем вокруг дома установили посты?

– Это не наша машина, может, на вас «бандиты» наехали, откуда мне знать, мы не дежурируем, а вот закончим здесь и поедем с вами в дом, нам нужно показать вам одну бумагу.

– Если не ваша автомашина, бандитская, как вы говорите, вот я их и не пустила, чего же вы возмущаетесь? А бумагу покажите здесь, вот сейчас адвокат приедет и покажите. Зачем обязательно в дом? В дом вы сможете зайти только в присутствии детей и нашего адвоката.

Катков от волнения вспотел, аж потекло под носом.

– Вы, молодой человек, с женщиной разговариваете, так хоть «сопли» вытрите. Офицер, наверное, ведите себя прилично.

Соседи отказались быть понятыми, Катков пригласил кого-то с улицы, но тут вмешался Маслов, опер из Нижнего. Тот-то сразу понял, что всё, что они здесь «вершат» – сплошное беззаконие!

– Пойдем отсюда, она нам еще не такого наговорит.

– Хорошо, мы уйдем, но вместе с вами, Нина Александровна, поедем сейчас к вам в деревню.

– Никуда я не поеду, я не могу бросить внуков одних, родители уехали в Нижний к деду, посетить его в тюрьме и передать продукты, мы ведь знаем как вы его там кормите.

– Ну, тогда мы вас вызовем в Управление.

– Вызывайте, арестуйте меня хоть сейчас, если есть у вас такое право! Но нет у вас ничего, ни постановления, ни разрешения, «блефуешь» ты, лейтенант, было бы у вас хоть что-нибудь, вы никогда бы не ушли отсюда. А теперь прощайте, или дождитесь адвоката, только не в квартире, мне внуков кормить надо, а они видите, напуганы, так что попрошу подождать где-нибудь поблизости, но – вне квартиры.

И оперы ретировались. Больше не появлялись. Но осаду дома не прекратили.

Арестовали дом, квартиру дочери и квартиру, в которой живет сестра. Правда, сестра сама попросила арестовать квартиру, в которой живет. Чтобы не выплачивать за нее деньги, даже за коммунальные услуги, зачем? За аренду она и так уже много лет не платит. Подождут и коммунальные выплаты. А там глядишь – «квартира нам достанется! Кто у меня ее заберет, если брата не будет! А ему подделом, умнее будет, теперь уж все равно, раз посадили не выпустят. Да еще и лучше, если не выпустят, а еще лучше, если б он и совсем исчез, я тогда такой «хай» подниму – вот, брата не стало, они, его «родственнички» и сестру хотят загубить, из квартиры, что брат дал,

гонят!..».

Но могла ли она, родная сестра, ходила за мной, как веревочкой привязана с самого детства, могла она сама решиться на такое предательство? Не верю. Не она это, что-то произошло, чего я пока не знаю. Кто-то подбил ее на это, надуумил. Может, подкупил? Пригрозил?

А может, кто-то заставил?

Нина приехала к ней сразу после моего ареста.

– Вера, ты же знаешь, денег у нас нет, Юре надо помогать, ты знаешь, сколько мы заплатили за эту квартиру. У тебя таких денег тоже нет, но сколько ты сможешь заплатить?

– Конечно, конечно, Нина, о чем ты говоришь, мы уже советовались, наскребем пятнадцать тысяч, больше пока нет, хватит этого?

– Конечно, хватит, договорились, я тогда завтра же заверяю у нотариуса на тебя доверенность, и оформляй на себя квартиру, а деньги когда можно забрать?

– Отдадим сразу, как только оформишь доверенность.

Доверенность была готова через два дня. Позвонила Вере.

– У меня все готово, приезжать?

– Ишь, какая ты быстрая, у меня нет таких денег, я же не ворую.

– Ты что же, мне воровать советуешь?

– Ничего я не советую, денег у меня таких нет, а чья квартира будет – суд разберется! Иск на вас мы уже подали. – И все это грубо, резко, с ненавистью.

Что произошло между двумя разговорами?

Не могли, ни она, ни тем более ее бездельник сын, всю жизнь, вот уже скоро сорок лет, а все еще живет за чужой счет, не заработал еще ни гроша ни себе, ни матери, не могли они пойти на такой разрыв. Вначале мои подозрения пали как раз на сына, подумал я, что это его установка и его очередная попытка ухватить «на халяву». Но поразмыслив, пришел к выводу, что нет, «мелковат» он для таких решений. Трусоват. Тут есть кто-то еще. Властный, жесткий и главное с деньгами. У кого есть чем заплатить. Бесплатно на предательство не идут. Даже в таких ситуациях.хлопотно это и опасно.

И уж ясно, по чьему-то приказу они дали судье «наводку» и на квартиру Светланы. А что, вдруг и здесь удастся собрать «пеночки»? Уж больно эта Светлана активно ведет себя вокруг отца! Поунять бы надо! Припугнуть!

У судьи, подавая исковое заявление (что «искать»? плати за аренду и живи), Вера разволновалась:

– У них же еще одна квартира есть, у дочери, я и адрес знаю, как мне ещё с той-то квартирой быть?

Судья строго одернула.

– Не знаю, как вы будете еще и с «той-то квартирой», но мне больше ни жалоб, ни заявлений не пишите, не приму.

Сестра написала следователю.

Неужели, ради получения в Москве квартиры «на халяву» сестра смогла бы «добить» брата родного? Нет, не верю. Кто-то очень хотел это сделать ее руками. Кто-то ловко управлял растерявшейся и доверившейся женщиной.

Дурные люди. Не понимают, если не будет брата, то уж точно из квартиры их выгонят. И без всякого суда.

Если, конечно, все это затевалось ради квартиры. Квартира стала мгновенно не нужна, как только меня выпустили. И сестра вместе с сыном срочно уехали, даже не оставив адреса. Куда? На какие деньги?

Да воздастся каждому по делам его...

* * *

Первый семестр прошел незаметно, учились всего два с половиной месяца – только в середине октября студенты вернулись с сельхозработ. Нас, естественно, в это же время вернули со «сборов». Знакомство с институтскими программами, плавно перешедшее в лекции, новые связи, новые друзья, жильцы по комнате в общежитии, все это ускоряло время.

Не успели как следует освоиться, а вот они уже и экзамены. За первый семестр.

Сессия далась легко, экзамены сдал без троек. В зимние каникулы пермские лыжники – студенты, уехали в Свердловск, на мои родные Уктусы. На зимние сборы и соревнования. Открытие зимнего сезона в Молотове удалось нашей команде, мы прочно заняли ведущие позиции в областном обществе «Наука». Нас с Юрой Мельниковым включили в сборную, студенты серьезно готовились к соревнованиям как в области, так и к Всесоюзным.

Лыжников студенческой сборной не особенно коснулись начавшиеся тогда, в 1954-м году, реорганизации в спортивных обществах – вместо многочисленных разрозненных и «самостийных», создавалось одно мощное студенческое общество «Буревестник». Студенты города поддержали эти преобразования, понимая все выгоды сильного перед слабым. На городскую студенческую сборную лыжников это никак не повлияло, ибо в отличие от других видов спорта – боксеры там или легкоатлеты, где начались переходы и переоформления из одного общества в новое и формирование новых сборных, у лыжников в «Науке» были действительно все сильнейшие, так что у нас сменилась только вывеска.

На Уктусе в январе проводилась гонка сильнейших лыжников Союза, мы заявили и двоих из команды к этой гонке допустили. Мне пришлось стартовать перед группой сильнейших, где первым, сразу за мной, через тридцать секунд, стартовал чемпион мира Владимир Кузин. Достал он меня быстро, но я долго и довольно успешно держался за ним, как он сам потом рассказывал – бежит и бежит какой-то пацан, я уж начал нервничать, думаю, плохо бегу, ускоряюсь, а он все за мной, завел меня пацан, еле оторвался. Кузин ту гонку выиграл, но потом нашел меня, расспросил кто да что, подарил камышовые палки, я с ними бегал всю свою лыжную жизнь. Они и сейчас у меня хранятся, как реликвия.

На Уктусе я знал все дороги, тропы и тропинки, бегал там и летом, и зимой, и осенью, тащил там на себе однажды, почти восемь километров, по целинному глубокому снегу, одну талантливую девушку из горного института, со сломанной ногой – упала неудачно на крутом спуске. Выбиваясь из сил, дотащил таки ее к подножию трамплина, где ждала вызванная тренером «Скорая», я долго потом не мог прийти в себя от страшной усталости, сидел, никем невидимый, на пороге уктусской избушки, что под трамплином, с онемевшими от перенапряжения ногами. Спасибо хозяйке, вынесла крынку свежего молока, я проглотил его залпом, будто это не литровая корчажка, а обычный чайный стакан.

Много там было чего на Уктусе.

Скучал я по Свердловску, по своим друзьям, что все остались здесь, в Свердловске, по Уктусу, по лыжне, такой родной и знакомой. Связался с друзьями, они договорились с руководством горного

института, те пообещали, что со следующего учебного года я буду учиться в Свердловске, тогдашней столице лыжного спорта. Да и дома все таки до Режа еще не было автомобильной дороги, но и на поезде мы тратили на проезд не более двух часов.

Ребята в Перми, в студенческой группе, не без чьей то «подсказки», решили придержать меня и предложили избрать секретарем комсомола. Я категорически отказался, возникла конфликтная ситуация, дело перешло в институтский комитет, но там меня поддержали. Не сразу, правда, нашелся один ретивый – «билет на стол!» – но секретарь, да и остальные члены комитета его одернули – «у парня есть конкретная цель, надо поддержать!» – на том все и закончилось.

Еще одно событие, «на прощание», случилось со мной на зимней Мотовилихонской лыжне. Как-то, близко к вечеру, качусь спокойно по накатанной лыжне, вдруг слышу – детский плач. Сразу за поворотом вижу – бредет по бегущей рядом с лыжной санной дороге пацан, не более трех лет, в слезах, в соплях, но с санками, вцепился в них и упорно тащит за собой.

– Ты чей, – спрашиваю, – откуда, как сюда попал?

Не может пацан ничего вымолвить, губы свело от испуга и холода, и не плач у него, а стон.

– Ты успокойся, теперь уж никуда не денешься, найдем твой дом, успокойся, говорить можешь? Ну-ка, отвечай, только спокойно – давно идешь?

Кивает головой, снова мычит, сказать ничего не может. Начал я размышлять – впереди, километрах в восьми, есть деревня, но так далеко уйти он не мог, да и, скорее всего, как пацан вышел из дому, покатился куда-то, так прямо и идет. Позади, по санной дороге, есть хутора, три-четыре усадьбы. Скорее всего – оттуда. Прямо так и «топчет» по санной тропе, как вышел, так и идет. Может, в деревню к кому-то направляется?

– Ты успокойся, и не плачь, я тебя довезу домой, ты только скажи, ты где живешь, там? – показываю я в обратную сторону.

– Т-а-м, – в растяжку выдавил пацан. Уже проще, теперь мы знаем, куда направиться. Спрятал санки в кусты, сделал пометку из ветвей, посадил пацана на загривок, поехали по дороге. Морозец – градусов двенадцать, замерз бы пацан! Что интересно – санная дорога близко к лыжне подходит только в этом, одном-единственном месте, значит, не суждено было пацану погибнуть, именно в этом месте и в это время встретились мы.

Пацан на шее немного согрелся, повеселел, что-то заговорил.

– Ты, парень, сиди смирно, не крутись, мне не удержаться, упадем еще и побьемся, мать-то что тогда скажет нам? – Повеселел, смеется.

Вскоре показались домики, у дороги люди, что-то кричат, машут руками. Значит здесь, правильно идем.

Пацана собрались искать по лесным дорогам, следов в сторону от санной дороги нет, значит не ушел в лес, идет где-то по дороге, вот и распределяются люди – одним туда идти, другим в обратную сторону.

– Мама! – вдруг звонко закричал пацан и аж подпрыгнул на моей шее.

– Ваш? – спрашиваю, подъезжая.

Нас окружили – что, где, как? Зашли в избу, чай, мужик изловчился с чаркой, но я решительно отстранил рукой.

– Да куда ж ты, дурной, они ж спортсмены, куда ты со своим самогоном! – у матери радость, так вся и светится.

– Заезжай, Юра, всегда рады будем, обогреешься, чайком завсегда угостим.

Так и рос где-то рядом с нашей лыжной мой «лесной крестник». Раста, мальчик, будь счастлив, настойчив и радостен.

40

«Я сижу на крыльце-веранде своего дома. Осень. Вечер. Темнеет, как всегда в конце осеннего дня, быстро. Небо закрыто преддождевыми, нет, даже предгрозовыми, тучами. Воздух посвежел. Погода – не по-осеннему жарко. После жаркого, сперттого дневного зноя приятно повеяло прохладой. Я сижу, полузакрыв глаза, отдыхаю, наслаждаюсь свободой. На темном небе очень медленно, как-то издалека, появилось слабое свечение. Оно медленно приближалось. И вдруг ярко вспыхнули, как будто кто их включил, три светящиеся точки, три пористых кучковатых облака. Они стремительно приблизились из глубины черного горизонта и зависли над нами. Облака казались бесформенными, но привлекали внимание своим непривычно ярким для темного вечернего неба, свечением. С зеленоватым оттенком, они выглядели так, как будто их кто-то подсвечивал сверху. Постепенно они стали походить на мягкие, свободно разложенные для отдыха, воздушные подушки. И среди этих подушек стал постепенно «проявляться» какой-то образ. Вначале появились неясные черты лица. Но вот все четче формируется это лицо и на небе, среди этих подушек четко вырисовывается образ Христа. Именно таким, каким мы привыкли его видеть на иконах. На плечах его выделялись яркие золотые одежды. Тучи неожиданно расступились, вокруг Христа прояснилось синевой чистое небо. Христос смотрел на Землю величественно и строго. Через какое-то время он сделал движение, как будто хотел что-то сказать. Я машинально, скороговоркой прочел «Отче наш...», и только после этого вспомнил, что всегда, там, в тюрьме, в трудные моменты я читал «отче наш», но по бумажке, я не помнил молитву наизусть. Я машинально закрыл глаза, прошептал про себя «Господи, прости прегрешения наши», а когда глаза открыл на небе ни образа, ни светящегося облака, на котором сидел образ Христа, уже не было.

Но оставалось еще два, таких же освещенных и таких же ярких, как будто их освещало само Солнце, облачных островка. Правое от меня облако легко держало на себе голый череп. Именно такой, как он есть в музеях на плечах костистых скелетов. Череп был чуть-чуть развернут на запад, его глазницы слегка светились, но я не мог видеть, есть ли что живое в этих глазницах. С запада надвигалась большая черная туча и этот череп вдруг стремительно, броском стал погружаться в эту тучу и исчез прямо на моих глазах. Вместе с этой черной, грозовой тучей.

А в центре всего этого «видения» в обширном нагромождении легких, ярко освещенных подушек из белых облаков, стал вдруг «проявляться» и основательно устраиваться на этих воздушных своих подушках, как на собственной мягкой и обширной постели, солидный, седой Старец. Он развалился на облаках-подушках в позе Зевса, как тот изображен в Лувре. Слева от Старца появились какие-то фигуры, лица, образа, а справа снова медленно и величественно «проявился» Иисус Христос, в тех же золотистых, пышных одеждах. И – чудо! Старец медленно развернул голову, устремил взгляд на землю – и улыбнулся. Улыбка задержалась. Старец, все так же глядя на землю, улыбался несколько минут и на землю нахлынуло восхищение. Восхищение и трепет.

Старец некоторое время оглядывал еще землю, добродушно и приветливо улыбаясь, затем стал неспешно укладываться на своих облаках-подушках и медленно исчез вместе с этими подушками. Окружающие его облака стали меркнуть, тускнеть, темнеть, но в самом верху затухающих облаков снова возник образ Христа. Он посмотрел на Землю, на всех нас, сидящих на крыльце и исчез стремительно, не затухая – исчез, будто все возникшее «видение» кто-то выключил. Исчез образ Христа и так же стремительно, мгновенно исчезли все светящиеся облака.

На небе бушевала гроза, раскатистый гром содрогал окрестности, молнии полосовали наступившую темноту. Я начал протирать глаза. Мне не верилось, что вот, только что, здесь на этом грохочущем небе развернулось такое странное и такое величественное Видение.

Я и не заметил, что на крыльце давно сижу один, дети и внуки, остерегаясь бушующей грозы, давно укрылись в доме, лампочки и на крыльце, и в доме погашены, телевизоры выключены, а на меня словно нашло какое-то оцепенение, я сижу, под впечатлением увиденного, я не могу пошевелиться. Хотел крикнуть, позвать, кого-нибудь, но голоса нет, я без звука открываю рот, никто меня не слышит. Нет ни неба, ни света, одни тучи и полыхающие молнии. И вдруг все также неожиданно наступает тишина. Все вокруг меня исчезает...»

** * **

Проснулся и не могу понять, где это я. Вокруг стерильная белизна, небольшая комната, на четыре кровати и нас, мужиков, четверо.

– Очнулся? Тут такой переполох из-за тебя, ты ведь, как знаешь, не просто спал, а целых двое суток проспал – Старик лежит на спине, повернул ко мне голову. – Скажу врачу, они просили сообщить, как очнешься.

– Где это я?

– Как где, в реанимации, где ж еще. Тебя и привезли-то в беспамятстве. А потом – спишь и спишь, врачи уж забегались. Ну да, слава богу, очнулся. Звать, что ли, врачей-то? Тут вот и кнопка есть.

– Подожди, дай очухаться, осмотреться.

– Ну давай, осмотрись.

В палату вошли трое врачей, заведующая отделением, лечащий врач и ассистент заведующей.

– Как себя чувствуете?

– Нормально. Долго я пролежу?

– Вы куда-то спешите?

– Да мне после Нового года надо в Нижний ехать.

– Забудьте вы пока про поездки. Месяца на два. А может, и подолее.

– Но мне нужно, доктор.

– Ладно, ладно, успокойтесь, время у нас еще есть, давайте пока полечимся, там видно будет. – И начала диктовать что-то врачам. Я уснул снова.

Уезжая из Нижнего, я дал слово следователю, что вернусь. К седьмому января. И теперь сослаться на болезнь, даже если это инфаркт, не в моих правилах – ясно, что все это будет понято как уклонение.

С другой стороны, врачи правы – можно до Нижнего и не доехать. Что ж, решили мы с домашними, пока лечимся, там посмотрим, созвонимся с адвокатом, со следователем, найдем решение.

Через несколько дней мне стало легче, меня перевели в общую палату и я снова обратился к врачу с просьбой о выписке – мне не хотелось «увиливать» от хода следствия. Лечащий врач категорически возражала, я обратился к заведующей кардиологическим отделением, снова отказ, тогда я спросил напрямую – что я должен сделать для выписки?

– Больной, неужели вы не понимаете, что речь идет о вашей жизни? Сейчас вы лежите месяц, ну два, долечитесь, а если прерваться сейчас, вы же потом из больницы не будете вылезать, это же не простуда, это сердце, теперь вы вечный его заложник. Что там у вас за дела такие, что вы готовы так рисковать – не только здоровьем, а возможно, и жизнью?

– Мое слово, я обещал приехать и я приеду.

– Тогда пишите расписку, что вы уходите из больницы по собственному желанию, несмотря на наши возражения. Заявление пишите на имя Главного врача, сама я решить ваш вопрос не просто не могу, я категорически возражаю.

Я написал расписку, заявление и на следующий день уехал домой. Седьмого января я был в Нижнем. Конечно, меня сопровождала жена, адвокат все знал от Светы, следователь встретил меня с сочувствием и с некоторой опаской – как бы не случилось чего, не умер бы при допросах. Хотя, что там было еще допрашивать, понятия не имею, всё обо всем я уже давно рассказал, но вопросы, как двойняшки, все повторялись и повторялись. Ясно, что у следствия, у обвинения, у «заказчиков» всего этого судебного «дива» что-то не ладилось, не складывалось, не связывалось.

– Давайте, Георгий Александрович, мы Вас устроим в наш городской кардиоцентр, это солидное учреждение, пользуется заслуженным уважением и не только в нашем городе, подлечитесь там, а мы параллельно будем продолжать нашу работу.

– Если лечиться, так в своей больнице – я там в компьютере с восьмидесятых годов, со всеми своими органами и болячками. Но не думаю, что у нас с вами много осталось работы – все, что я знал, я рассказал, больше ничего добавить не могу, все бухгалтерские и банковские документы у вас, остался следственный анализ и подготовка дела в суд. А до суда у меня еще будет время подлечиться.

Закончив следственные мероприятия, допросы, очные ставки, следователь отпустил меня домой и больше нам с ним встречаться не пришлось.

В 1999 году девять месяцев пролежал я в больнице. В 2000 – семь.

В декабре 2001 года я получил постановление о закрытии уголовного дела.

Следователь лично проследил за тем, чтобы внесенные под залог деньги были возвращены.

* * *

В Свердловск перевелся спокойно, быстро. Лыжников в горном тренировал тогда Белоносов Борис Захарович, в команде его звали БЗ. Сам бегал неплохо – один из лучших лыжников России, он был талантливым тренером, команда горняков выступала сильно, стабильно, была одной из сильнейших не только в Свердловске, но и среди команд технических Вузов Союза.

В Свердловск, на Уктусские горы приезжали тогда, в пятидесятые годы, лыжники не только наших Советских республик, но и из многих стран Европы.

Открытие лыжного сезона в Свердловске проводилось в начале декабря, в этих первых соревнованиях участвовали и зарубежные команды, находящиеся там «на сборах».

Открывался сезон эстафетами 4x10 км. И всегда эти соревнования становились международными – участвовали с нами чехи, немцы, поляки и все те команды, что свою подготовку к серьезным зимним стартам проводили в Свердловске.

Команда горняков зачастую была в призерах, а порой и выигрывала. Если на первых этапах намечалось отставание, немедленно стартовал БЗ и отыгрывал потерянные на предыдущих этапах

секунды. И это случалось неоднократно. Был даже случай, когда на третьем этапе наш парень «завис» и пришел одиннадцатым. БЗ принял эстафету, обошел восемь участников и финишировал третьим. Призовым.

В институте его уважали, в команде верили ему и любили. Вот в такую команду попал я из Перми. На первой же прикидке БЗ остался доволен и зачислил меня в команду. Вскоре я был в первой, «эстафетной», четверке.

Техника у меня всегда была неплохой, но как бежал Женя Усольцев – это надо было видеть! Мы часто тренировались вместе. Он останавливался на затяжных подъемах и следил за моей работой. Затем на техническом кольце Женя показывал на мои ошибки – сильно закрепленную поясицу. Женя, с его гибкостью, легко демонстрировал тонкости выпукло-вогнутого попеременного перемещения спины и правильного удержания центра тяжести. Над этим мы с ним работали вместе.

Уже на следующий сезон я стал вторым среди Свердловских студентов на 15-ти километрах, третьим на тридцатке, на Всесоюзных соревнованиях Минвузов стал четвертым. В наших институтских соревнованиях мы попеременно делили победы с Геней Лебедевым.

Выиграли мы в тот год и гонку патрулей среди команд города. Было тогда такое спортивное соревнование – гонка патрулей. Проводилась эта гонка в ближайшее к 23-му февраля воскресенье, проводилась в честь праздника Советской армии, под патронажем Военкомата. Организацию проведения этой гонки в институте брала на себя Военная кафедра.

Дистанция – 20 километров, на себе – карабин и двадцатикилограммовый мешок с песком. Стрельба из карабина на одном огневом рубеже, пять выстрелов, за промах – две минуты штрафа. Эта гонка патрулей – предшественник нашего российского биатлона.

Военные обставляли гонку торжественно, солидно. Перед ответственной гонкой с утра есть как-то не хочется – волнение перед гонкой всегда, а при волнении не до обильных застолий. Но военные с утра заказывали в институтской столовой обильный завтрак на всю команду, студенты «нахаляву» переждали и в гонке случалось всякое.

Вот и в тот, победный день, нас обильно накормили, ребятам было уже не до гонки, сытые до отрыжки они не спешили с лыжной смазкой, а уж о разминке и вообще думать не хотели.

Появляется БЗ, сразу все понял, он же просил на кафедре, у военных, покормить ребят не до, а после гонки.

– В глазах у вас лень и сытость. Вам сегодня не до соревнований. Или вы сейчас, до старта, пробежите «пятерочку», на прикидку, или я снимаю вас с выступления.

– Без амуниции?

– Нет, с полной выкладкой. – И дает общий старт.

– Юра, иди замыкающим, посмотри там, кто и что.

Вскоре действительно, один от переедания захотел в кусты.

– Ты что, с ума сошел? БЗ дал контрольное время, не уложимся – снимет с соревнования!

– Не могу, Юра, обкакаюсь, подстрахуй.

– Хорошо, давай винтовку и мешок, быстро «опростайся», налегке догонишь нас, ладно, пока я понесу твою загрузку, но только – быстро, «дристани» и вперед!

Через пару километров он нас догнал, в задание мы уложились, до главного старта оставалось еще

часа полтора, мы растянулись на лежаках в своем домике, на Уктусах мы снимали домик, ребята по одному сбегали в туалет, к главной гонке все были готовы.

Вот такой он был, наш БЗ.

В общем, в команду я вписался, освоился, вскоре меня даже избрали председателем лыжной секции института.

С учебой тоже все было успешно, когда мы были в городе посещение институтских лекций стало законом, а имея на руках лекции, сдать экзамены не составляло особенного труда.

Лекции обязательно, в день их прослушивания, надо было прочесть – это закрепляло услышанное и легко вспоминалось при подготовке к экзамену.

Практические занятия и курсовые работы тоже давались легко, при этом в курсовых я всегда выполнял новые разработки – пусть тема была еще только в литературе, но в курсовых я обязательно применял такие литературные новинки, с практическими расчетами применительно к конкретному предприятию.

Все шло по задуманному и четко разработанному плану на перспективу, а затем, практика на Челябинских шахтах и тот злополучный палисадник в Коркино.

В Свердловск я вернулся согнувшись, разогнуться не мог – швы не давали мне разогнуться, они расходились и начинали «слезиться». Дело в том, что там, в Коркино, я не долечился, уговорил врачей выписать меня пораньше, сказал, что поеду домой, там полежу, полечусь, успокоюсь. А в дороге швы разошлись, «слезились» и не срастались.

Настроение было отвратительным. В Свердловске прямо с вокзала я поехал к БЗ домой – расскажу, думал, все сразу да и в деревню, на молоко, к родителям, они ведь еще ничего не знают.

У БЗ, при виде меня, аж слезы выступили от досады – он многое поставил на нас с Генкой.

– А ведь я догадывался о чем-то этаким. Ты перестал слать отчеты по тренировкам, зная твое усердие и дисциплинированность, я сразу понял, что-то случилось. И вот он ты, молодец, добился таки своего, с дурацким твоим характером, вечно до всего тебе дело, вечно ты лезешь в каждую дырку нахальной затычкой!

– Мать! – позвал он жену – накрывай на стол, режима теперь у него нет, налей-ка нам чего-нибудь покрепче.

Я еще, по инерции, учился какое-то время в институте, даже пытался ходить на тренировки, заявлялся на гонки, но все валялось из рук, учеба не заладилась, бегать не мог, пошел вразнос, появились «друзья», стал завсегдатаем в ресторанах – пьянство, разврат, драки, какие-то дачи, деревенские домики с недельными оргиями, голые женщины, проходящие по кругу в «русской рулетке», узнал я о ней тогда впервые, это когда девочки становятся в круг, выставляют голые попы, юные жеребчики идут со своим «стоячим» хозяйством по живому кругу, по разу вставляя каждой девочке через «зад» – кто куда попадет – и проигрывает той, на которой «кончил».

Как-то сидим мы всей своей ватагой в ресторане «Отдых», что располагался тогда в одном из подвальных помещений на улице Луначарского, изрядно уже подпили, подходит к нашему столику какой-то смазливый «музыкальный мальчик», шепчет мне на ухо – «Юра, там наших бьют, в туалете» – я бегом, врываюсь, никого, два мента хватают за руки – «что, мастер, попался!» – Я по зубам, бегом на выход, ушел дворами, больше в «Отдыхе» не появлялся, но понял, что «на крючке».

Разврат требовал крупных денежных затрат, вначале меня завлекали за имя, за известность, но

вскоре это исчезло, потребовали и от меня равноценных взносов «за девочек». Денежные долги росли и, наконец, привод в милицию.

Что мы там натворили в пьяном виде, никто не помнил, но видимо не очень опасное, так как нас отпустили, после письменного обязательства – «завязать!».

И я как будто проснулся. Отлежался неделю в общежитии, пошел в деканат и оформил «академический отпуск». На один год.

Больше в институте не появился.

41

Так за что же сидел я в тюрьме? За какие такие грехи, за какие недоработки, за какое преступление?

Обвинения, предъявленные при аресте, не только абсурдны и нелепы с позиций юриста, они насмешливы по сути своей над теми, кто подписал эту «глупость». Однако ж, людей этих я познал, общаясь с ними – далеко не глупые люди, скорее даже умные люди, и видят глубоко, и смотрят пронзительно, нет, такие на «туфту» не клюнут, эти действуют сознательно, целеустремленно, умело.

Значит, посадили меня не случайно, и посадили за что-то другое.

За что?

Работать на государство я начал рано, с двенадцати лет, как и многие пацаны моего поколения. Конечно, делал я то, что мог, что было мне, пацану, под силу.

Работал в колхозе с лошадьё, запрягал ее с самого «ранья», возил и мусор, и отходы, и дрова, и продукты развозил по магазинам, или обслуживал столовую. Работал и на покосе, и на посевной, и на уборочной. Делал то, что поручали, что надо было делать, что никто другой делать не мог – накладно было поручать эти работы взрослому мужику. В те-то годы, когда так не хватало мужиков этих.

Но, взрослея, мы, пацаны, начинали работать на все более тяжелых сельских работах. Да и не только на сельских – катали бревна на пилораме, гоняли плоты на лесосплаве, подрабатывали грузчиками на разного рода складах, загружали и разгружали железнодорожные вагоны и речные баржи. После седьмого класса, это с четырнадцати лет, я уже стоял в рядах косарей на колхозном покосе, а там отстать невозможно – вмиг «пятки отрежут». После восьмого класса – возил мешки с зерном от комбайна, старые рогожные мешки, под сто килограммов – их ведь поднять с земли надо, погрузить на телегу и все это на ходу, в движении – не отстать от комбайна!

Вырос нормально, в школе не отлынивал, был на острие ударных начинаний, руководил и пионерией, и комсомолом, «затычка», как иногда мы говорили, в каждом трудном дел. И конечно же, организатор выполнения новых, всегда «последовательных» решений Партии и Правительства.

Надо признать, то было время огромного энтузиазма всего народа, абсолютная вера в родное советское правительство, в руководителей, в Сталина. Так и в городе – любое начинание и решение городских властей подхватывалось на предприятиях, в учебных заведениях, школах с воодушевлением, шли на «субботники», на посадку деревьев, кустарников на городских улицах, уборку строительного мусора на новостройках – люди шли добровольно, с большой охотой, с песнями, музыкой, митингами! Никому и в голову не приходило, что за такие работы надо требовать какую-то оплату, вознаграждения, благодарности. Участие в таких работах считалось честью, работы выполнялись с радостью, и все это было не показное – естественное!

После окончания института я не ушел на «агитационные», советско-партийно-профсоюзные должности, хотя предложений имел достаточно, в том числе и в газету, и на работу в различного уровня Советах. Нет, сразу после института ушел в производство.

В производстве мне казалось все проще, яснее, там если ты тупой, не способен организовать программу, руководить хотя бы бригадой, там тебя быстро распознают и при случае выпроваживают куда-нибудь на общественно-политические, «выдвиженческие», должности.

Ведь как было на практике, звонит, скажем, секретарь горкома директору – слушай, нет ли у тебя подходящего хлопца, горняка, инженера, мне позарез нужен инструктор в производственный отдел. Директор день-два думает, ну не отдаст же он приличного специалиста, лодыря, неумеху спихнуть представилась возможность, конечно – его и отрекомендует! Подальше от глаз своих.

А этот лодырь и бездарь вскоре набирает силу, «пыжится», становится важным начальником. И уже мы, производственники, смеемся сквозь слезы, возмущаемся и критикуем его заскоки на всяких совещаниях, пленумах и съездах, да куда там, поезд-то ушел, чиновник «состоялся», издает глупые и смешные циркуляры, принимает «важные» решения, а мы продолжаем возмущаться, но уже неудачным строем, общественно-политической путаницей, хотя сами все это и создали, и подготовили, и выдвинули, и проголосовали.

Но если ты пришелся «ко двору» на предприятии, если ты понял, чего стоит и как важен участок твой, цех, завод, объединение, если и тебя поняли и приняли, то в производстве работа в удовольствии, понимание своей нужности, удовлетворение от собственной самоотдачи.

Нет такой отрасли в деятельности разумного человека, как живое производство, где бы ты был так самостоятелен в своих решениях, если ты прав, если уверен, что именно эти решения единственно правильные, если другие, не эти твои решения – выношенные временем и вымученные разумом – ошибочны и могут принести вред. Ты всегда докажешь эту свою правоту и эту свою «правильность», на любом «начальственном» уровне, если доказать умеешь. Что ж, уметь доказать это тоже и искусство, и обязанность руководителя-производственника. К тому же, эти решения ты сам ведь и выполняешь.

Нигде нет такой свободы, как в производстве, ибо никто это производство не знает лучше тебя, никто не может возразить против твоих решений, если ты уверен и докажешь, что другие решения хуже. Здесь чиновник бессилен, ибо он слабее тебя, он не знает, можно ли это запретить, он даже не знает, а сколько же всё это «стоит»? И он боится, вдруг, если он будет против, так, в силу своей всегдашней чиновничьей подозрительности, в своей всегдашней уверенности, что его хотят обмануть, а вдруг это обойдется убытками государству и он окажется виновным? И он боится, потому, что не знает, а что же он рассматривает.

В искусстве, в литературе, в журналистике, так же как, скажем, в строительстве и сельском хозяйстве, любой бездарный чиновник, выдвинутый по принципу – возьми себе боже, что нам уж совсем негоже – считает себя великим специалистом, тут уж он умеет повертеть решениями, указаниями, запретами. Другое в промышленности – там решения конкретны.

Талантливому человеку в производстве, в промышленности легче и думается, и работается, и дышится. А талантливый человек, он во всем талантлив. Возьми любого крупного организатора производства, промышленности – он тебе и споет не хуже сегодняшних громких, но безголосых артистов, и стихи прочтет проникновенно и к месту, и в суждениях о театре не все и не всегда с ним на равных сойтись могут, и в среде спортсменов или «болельщиков» он как в родном доме.

Не прими, Георгий, за хвастовство, но мне пришлось по жизни встречаться с крупными

руководителями промышленности, производства, с такими, как Н. А. Косыгин, П. Ф. Ломако, В. П. Березин – знаменитый начальник «Дальстроя» и начальник «Главзолото», А. В. Лобов, директор «Индигозолото», а затем главный инженер «Главзолото», В. В. Рудаков, директор «Якуталмаз», затем первый и единственный начальник «Главалмаззолото», да разве всех перечислишь! Все это были мудрые руководители, смелые, оперативные организаторы. И замечательные люди.

А с другой стороны, в новое время, встречался я по работе с Б. Н. Ельциным, разговаривал в Москве с М. С. Горбачевым, в перерывах первого и единственного общесоюзного совещания директоров крупнейших советских промышленных предприятий, был на приеме у Н. С. Черномырдина, в бытность его Председателем Правительства, общались мы по делам строительным со многими руководителями министерств и ведомств, начальниками нового руководящего поколения. Сравнить есть с кем. Но, надо ли – жизнь сама сравнивает и сама дает характеристики.

Это «в верхах», в высших, как теперь говорят, эшелонах власти. А пониже, на производстве? Там в наше время тоже были специалисты! Вот всего один пример.

Дружили мы в молодости с Мишей Некрасовым. Вместе учились в институте, в одной группе учились.

Когда меня направили в Мирный на строительство подземного рудника – первого нашего Советского подземного рудника для добычи алмазов, совершенно неожиданно там в Мирном встретились мы с Мишей – он командовал карьером «Мир», той знаменитой трубкой «Мир», которую еще в пятидесятых годах «раскурил старый якут». Через какое-то время меня назначили директором Горно-обогатительного алмазодобывающего комбината, а Миша стал моим заместителем по производству. Он тогда был уже заслуженным человеком, Лауреатом Государственной премии, но не в этом суть моего рассказа. Я вспоминаю эпизод, как нельзя лучше характеризующий Мишу, а в его лице специалистов – горняков того, нашего поколения, выпуска пятидесятых-шестидесятых годов, это пример, как вели они себя в сложных и даже опасных условиях, пример смелости их решений, оперативности в сложных ситуациях. И, кстати, на этом примере хочу показать о возможности, если очень хочется, справиться с угрожающим паводком, с неожиданными капризами стихии.

Случилось это в конце восьмидесятых годов, на строительстве третьей очереди Гидроэлектростанции на реке Вилюй, в поселке Светлый.

Мне, директору Комбината, поздней ночью позвонил Первый секретарь Горкома Власов и сообщил тревожную, прямо-таки аварийную весть.

– В Светлом, в месте строительства электростанции, паводком размывает дамбу, вода грозит затопить практически готовый котлован строящейся электростанции – сказал мне Власов.

Мы тогда испытывали нехватку электроэнергии, строительство Гидроэлектростанции являлась целью и задачей всех алмазодобытчиков – и горняков с речниками, и строителей, всех наших подрядчиков и субподрядчиков. За стройкой внимательно следили Мирнинский Горком и Якутский Обком партии, они строго спрашивали за срыв графиков строительства.

И вот – весенний паводок, конечно «неожиданный», конечно редкий, однопроцентный, что происходят один раз в сто лет, а у нас на Вилюе да на Лене почти ежегодно.

Горняки, Ленские речники – эти давно научились пропуску весенних паводков, к ним тщательно готовились, нас редко такие паводки заставляли врасплох. Паводок на реках, где работали драги и гидравлики, пропускался по специально подготовленным каналам-водосливам мимо промышленных участков, а на карьерах работал водоотлив в виде каскада мощных насосных станций.

Но не везде и не все придавали серьезное внимание весенним паводкам. Вот и у строителей – снова все неожиданно и аварийно.

Рассуждать некогда, надо принимать меры, потом разберемся, кто виноват, кто недосмотрел, а сегодня нужны конкретные дела, делить опасность поздно, задача общая и беда общая.

Власов заметно нервничает – еще бы, положение угрожающее, до утра строители могут не выдержать, пропадет труд многолетней работы. А в котловане довольно интенсивно ведутся бетонные работы. Авария может остановить строительство на долгие месяцы.

– Георгий Александрович, ситуация чрезвычайная, сможете вы что-нибудь придумать, помочь как-то строителям?

– Василий Михайлович, для принятия решения мне нужно хотя бы полчаса.

– Хорошо, согласен, сейчас почти два часа, я жду вашего звонка в два-тридцать.

Прежде всего я созвонился со стройплощадкой, причем говорил не с начальством, говорил с прорабами, лучше их обстановку в котловане не знает никто.

Подключил диспетчерскую службу, отдал приказ о подготовке техники – «Белазы»-сорокатонники своим ходом, бульдозеры, «Катерпиллеры» и «Камацу», увезти на трейлерах. На каждую машину посадить не менее двух машинистов – один работает, второй отдыхает.

В ночных столовых предприятий Комбината получить под расписку необходимое количество продуктов, термоса с горячим чаем – утром бухгалтерия с торговлей рассчитается.

Технику снимать прямо с производственных участков – если паводковая вода размывает плотину на стройке и затопит котлован, убытки будут с нашими потерями неизмеримо большими, а восстанавливать плотину все равно придется и нам тоже. Со своими потерями производства в этой ситуации считаться не приходилось. С Филимоновым, тогдашним руководителем Диспетчерской службы, договорились, что выезд намечаем на три часа ночи.

Опытный горняк, дисциплинированный Главный диспетчер Валерий Филимонов проявил буквально производственный подвиг в полчаса собрал и отправил на стройку ударный отряд техники.

Возглавил аварийную группу Миша Некрасов, ответственный и, главное, оперативный руководитель.

Техника прибыла на место в четыре часа и прямо с места – «в бой!»

Миша позвонил мне:

– Можем не справиться, опоздали мы, пораньше бы часа на три-четыре. Расстановку техники я уже сделал, к работе приступили, но положение здесь критическое, вода в котлован уже поступает, с каждым понижением линии размыва поток все увеличивается. Но главное, я никого не могу найти из строительного начальства!. Начальник стройки заявил диспетчеру, что он уже в командировке и все права и обязанности по руководству стройкой передал главному инженеру. Представляешь? Это при аварийной-то ситуации, когда под угрозой сама стройка! И Главного тоже найти не могу. Как же здесь раскрутиться?

Чувствуется – Миша возмущен до крайности.

– Миша, прежде всего всю власть по ликвидации аварии возьми на себя. Гони всех, кто будет мешать или путаться у тебя под ногами. И взыскивай за неоперативность, за неисполнительность, вплоть до отстранения от выполнения задания. Ничего, одного-двух выгонишь, остальные забегают. Власов туда, на стройку, уже позвонил, сказал руководству, что ты там назначен руководителем по

ликвидации сложившейся аварийной ситуации. И не распыляйся, брось всю технику, и ту, что с тобой пришла, и все, что ты там найдешь в котловане «живого», на ходу, все брось на самый трудный участок, туда, где вода уже углубилась и течет рекой, на остальные потоки плюнь – заделаешь в самом низком месте, мелкие ручьи «заткнешь» потом, их заткнуть будет проще, отсыпишь дамбочку по всему верхнему периметру котлована. Давай так, если до восьми утра «захлебнешься», я высылаю тебе еще один аварийный отряд.

Некрасов не вылезал с плотины Гидростанции почти неделю, всю организацию работ и всю ответственность за горные работы взял на себя, ушел из котлована, только когда закончил все работы. Укрепил дамбу, по всему периметру котлована сделал надежную обваловку, перекрыв даже самые незначительные ручейки, вода в котлован больше не поступала, а котлован не пришлось даже откачивать – поступило туда так мало воды, что она спокойно, фильтрацией, ушла вниз по каменному основанию.

Вот с такими организаторами производства посчастливилось мне встречаться и работать. И это один пример, а рассказать о таких эпизодах, привести таких примеров я смог бы во множестве.

В производство я пришел горным мастером, на самую первую «ступеньку» инженерного руководства. Работал я в угольной шахте – на проходке горизонтов, в добычной лаве, работал на «безопасности», следил за скоплением газов в самых глубоких тупиковых выработках, знаешь что это такое? – это когда один идешь в закрытую выработку, спускаешься метров на двести ниже работающего горизонта, в руках у тебя единственный контрольный прибор – шахтерская лампа, по высоте пламени которой ты и определяешь уровень загазованности, и пишешь на контрольной доске – внимание, уровень газа такой-то! А рядом, на шахтный километр в округе никого, ты один, случись что, просто споткнись, упали – задохнешься и помочь некому.

Работал я и на проходке стволов, добывал золото на россыпях, где не единожды по самую грудь в холодной весенней воде спасал заброшенную паводком на берег драгу, поднимал утонувшие драги, запускал их в работу, даже вопреки решениям комиссии Главка – списать, не тратить на подъем утонувшей драги ни времени, ни средств. Нет, поднимал, запускал в работу, доказывал, что послужит еще драга, добудет еще не одну тонну драгоценного металла.

Строил и запускал новые драги и гидравлики в установленный проектом срок, даже когда областные проверяющие предлагали вычеркнуть объект из годового плана, как нереальный. А мы запускали, и точно в срок, по принятым обязательствам.

Я всегда знал где взять при зачистке дополнительно золото, если до плана не хватало нескольких килограммов.

Как-то Компанейцев, тогдашний руководитель Объединения «Уралзолото» позвонил:

– Слушай, не хватает трех килограмм до плана. Объединенческого. Неужели повиснем на таком пустяке? Придумай что-нибудь.

Сижу, думаю, а что здесь придумаешь, все «зачистки» мы знаем «на зубок», думай – не думай, все давно спланировано и подсчитано.

– Ира – звоню секретарю – пригласи ко мне Любовь Фёдоровну – это главный обогатитель.

– Любовь Федоровна уже уехала на зачистку, на тридцать третью драгу.

– Ну тогда Кузнецова и Декунова!

Это главный геолог и главный маркшейдер. Приходят, объясняю ситуацию.

– Георгий Александрович – в голос – мы свой план выполняем, на кой хрен нам голову морочить чужими заботами!

– Да не чужие это заботы. Объединение горит, у них плана нет, Компанейцев не приказывает, просит помочь. У него десяток таких приисков, а он нас просит, значит верит, надеется. А я вот, убей меня, не могу ничего придумать. Вы-то, старые волки, посообразайте, помогите, делать же надо что-то!

– Слушай, – говорю Кузнецову, – надо посмотреть на драгах, где у нас ртуть применяют. Там надо посмотреть. Люба уже уехала на зачистку, на дальнюю драгу, с ней я хотел посоветоваться. Давайте без неё соображать, все равно, придумывать что-то придется. Не скажешь же Компанейцеву – извини, нет у нас ничего. Оставайся со своими тремя килограммами!

– На 47-й. – Кузнецов мгновенно оживился – на 47-й. Там так запутаны шлюзовые магистральные трубы, в каком-нибудь «колене» обязательно накопилась «амальгама». Разреши мне, я поеду и подчищу. Не волнуйся, уж я их озадачу там. И не десятком там пахнет килограммами! Эта «амальгама» копится там уже не один год!

– Поезжай, Василий Иванович, только для убедительности и твоей безопасности я туда к утру тоже подъеду.

На зачистке «трубопроводов» взяли сорок шесть килограммов. «Гэбэшники» мучили нас допросами после этой зачистки не один день.

«Зачем скрывали золото?»

Еле убедили тогда «гэбэшников», что не умышленно это, что сами не ожидали такого накопления в трубах. Убедили.

Строил я и первый в Советском Союзе подземный алмазодобывающий рудник.

Тогда, при назначении, Начальник «Главалмаззолото» сказал мне:

– Я тебе, не приказываю, я тебя прошу, начни проходку стволов. Мы крутимся вокруг этого рудника уже более восьми лет, но проходку так еще и не начали. Закончи строительство проходческого комплекса, начинай проходку, даю тебе на всю эту подготовку два года, справишься, сделаешь первые «закопушки» – считай, что свою задачу выполнил.

А там надо было сначала начать, а уж потом закончить. Начали проходку не через два года, начали через четыре месяца.

Полностью же проходку двух стволов до проектных глубин, более тысячи метров каждый, закончили через три с небольшим года. С «гидроизоляцией!» это был, пожалуй, один из немногих, если не единственный, в Советском Союзе рудник, где проходчики работали «по сухому». Был я на рудниках в Норильске, на Урале, на Оренбургских рудниках, в Прикамье – везде проходчики работают не просто «под дождем» – под «ливнем»! Даже на нефтяных шахтах, этих «сверхопасных» шахтах по возгоранию – полной гидроизоляции я не видел! Наши же стволы пройдены по сухому, хоть и пересекли двухсотметровый водяной слой. Таково качество гидроизоляции. Ни одного изоляционного кольца я не разрешал принимать, пока сам не спущусь в ствол в проходческой бадье, не осмотрю каждый вновь сваренный шов, не проверю на просвечивание специальным прибором качество этих швов. Проверял сам. Хоть днем, хоть ночью.

От горного мастера прошел путь до Директора одного из крупнейших в мире Горно-обогатительного комбината, не перешагнув ни одной промежуточной ступеньки, добыл за свою жизнь тонны золота и платины, миллионы карат алмазов. Все, что умел, что знал, отдал производству. Мог

стать и кандидатом многих наук, и доктором, предлагали, и не раз, а в последние годы и в академики вербовали, и много таких «академиков» появилось в последнее время, академиков без всяких наук – все это не для меня, все это напускное, бутафорское, дипломы таких «академиков» сегодня легко приобретаются в подземных переходах Московского метро.

Может, именно поэтому, как начинал я жизнь свою ещё в «колхозном» безденежье, так и сейчас, на старости лет, существую на свою, далеко не максимальную даже по российским меркам, пенсию. До максимальной не дослужился, не доплатил, видать, из зарплаты – а сколько выплачено всяких «налогов» да «взносов» за сорок-то с лишком лет с тех северных заработков...

Знаешь, Георгий, был я однажды во Франции, в бытность свою еще директором, познакомились мы там с одним пенсионером, побывали у него в гостях, в загородном доме, недалеко от Парижа. Разговорились о пенсиях, он нам и пожаловался:

– Конечно, вам в Советском Союзе хорошо, вы что заработали, то получаете, и в старости тоже. А у нас что? Я вот проработал в фирме «Рено», на заводе, на сборочном конвейере, труд адский, а платили так – чтобы только «существовать». У меня средний заработок при расчете пенсии получился всего 18 тысяч франков, да, за месяц, конечно, так что вы думаете? – когда я получил право уйти на пенсию, мне исполнилось тогда пятьдесят два года, пенсию мне начислили не полностью, всего 12 тысяч. Да, конечно, в месяц. И только когда исполнится мне шестьдесят, вот только тогда мне начнут выплачивать все 18 тысяч. Разве это справедливо? Я же заработал, я же «выплатил» положенное налогами своими да спецвзносами, плати и ты мне – мало ли что годов не хватает! Нет, у нас не то, что у вас в Советском Союзе, у нас этого проклятого капиталиста не убедишь.

Мы не стали с ним спорить о пенсионных системах, мы просто промолчали.

Не могли мы ему, убежденному в справедливости наших порядков, сказать, сколько этой пенсии получаем мы. По сравнению даже с нашим заработком.

Так вот, я снова и снова спрашиваю себя, за что родная власть меня, прожившего такую сложную, беспокойную и преданную государству жизнь, наказала? По ложному «доносу», по команде людей, с мнением и позицией которых не согласился!

Чем же, в таком случае, наше время отличается от «репрессий» тридцатых, когда, по утверждению нынешних исследователей, «садили» по установке, когда Суд «народный» боялся возразить этой самой «установке»? Выходит, вся наша жизнь – сплошные репрессии?

Да и только ли я, все ли в наших тюрьмах сидят справедливо?

Я сидел в камере с мужичком – по другому не скажешь, уж очень был он забит и безобиден. Взяли его у картофельного поля. После уборки урожая он пошел и насобирал мешок картошки. Его взяли у дороги и посадили за «воровство». Украл картошку с убранного картофельного поля!

Другой мужик рассказал мне, что взяли его на поле, где закончили уборку капусты. Он пошел на это убранное поле с мешком, насобирал, конечно, оставленных кочанов, наполнил свой мешок, ну сколько в том мешке? – пять-шесть вилок брошенной уже капусты, вышел на дорогу, едет мотоциклист, с коляской, он поднял руку, доведи, мол, тяжело мешок нести.

На мотоцикле его подвезли прямо к отделению милиции – расхититель народного добра. Дали по суду три года.

А один и того интереснее рассказал – идет мужик по дороге, догоняет его грузовик, из кузова за борт на каждом ухабе валится капуста – перегрузили видать грузовик, хотя на наших деревенских дорогах и с недогруженным повалятся кочаны из кузова. Мужик возьми да и собери в мешок

потерянное. Собрал, а тут, так некстати, УАЗик милицейский. Забрали мужичка, и сидит он, сердешный, пока под следствием, ждет решения своей судьбы. Мужика бы поблагодарить, что собрал выброшенное, потерянное, а его в тюрьму!

И это, заметьте, не в военные голодные годы, не в годы, как теперь говорят, «репрессий» – в наше с вами, что ни на есть, самое современное, самое «демократическое» время, время депутатских парламентов, местных и федеральных собраний!

А содержание в этой нашей – «народной» – тюрьме! Сижу я однажды на «Иваси», жду вызова к следователю. Камера на пять «шконок», но абсолютно пустая, меня одного туда поместили. Открывается с металлическим скрежетом дверь, вводят молодого мужчину, ну где-то под тридцать, завели и оставили у двери. Не имеет права дежурный по этажу входить в камеру к заключенным. Но человек сам, своими ногами, передвигаться не может. Боится от стены оторваться. Ноги не держат И ведь ведут! По лестницам крутым да по коридорам. Его бы на носилках надо нести, а его ведут!

– Помоги, – говорит – не дойду до кровати.

Взял его под руку – иди, а он не может. Не может он ногу передвинуть, боится шаг вперед ступить. Ноги как «столбы», опухшие, не передвигаются, не сгибаются, еле-еле, прямыми ногами, с моей поддержкой, дошел он до «шконки», а сесть не может, ноги не может согнуть – падает на кровать, ноги я ему закинул, лежит и плачет, плачет молча, слезы так и текут, он их и не вытирает.

– Избили, что ли? – спрашиваю.

– Какое там, «столбовой» приступ у меня, стоял долго в камере, там ни сесть, ни лечь некуда. Еле добрался сюда, в больницу направили.

И точно, в больнице я его видел, в рентген-кабинете сошлись, повеселел, двигается с трудом, но самостоятельно.

Вот только – вылечится ли?

Что же это за страна такая, что за народ такой выносливый и безразлично-терпеливый? Да, конечно, согласен, может, и не всё надо валить на обстоятельства, на терпение народное, и на себя не грех иногда оглянуться. Каждый из нас кузнец – и своей судьбы, и своей жизни. Ковать, наверное, надо качественней. Да и осторожней. Нельзя доверяться, оглядываться надо, бдительность, она и в Москве – бдительность.

Семь миллиардов, которые мне приписали – деньги немалые, чтобы спрятать их, замаскировать, отвести подозрение от «важняка», надежный надо иметь «громоотвод». Надежный и солидный, чтобы достоверней выглядело. А я уши развесил, потерял бдительность, вот и «наехали» умные люди.

Ковать судьбу надо, как и железо – пока горячо. И кое что уже проклевывается.

Допрашивали меня однажды в одном из кабинетов РУБОПА, там оперативников человек пять-шесть собралось. Ребята обсуждали между собой текущие дела. Время вечер, после девяти, а они еще на работе, где-то какую-то засаду намечают.

– В общем, жди, я за тобой заеду в двенадцать. Не проспи, – сказал, уходя, на прощание молодой капитан своему, видимо, помощнику.

Ночью, в двенадцать, а времени уже девять. Это при их то зарплате.

Маслов ушел к начальству обсудить протокол моего допроса, я сидел здесь же в кабинете, к тому времени многим, наверное, ясна была моя невиновность, они меня не стеснялись, да и не боялись, видать, огласки тайн своих через меня, обсуждали свои дела при мне.

– Вас, наверное, молодые люди, при ваших заработках, разговоры о миллионах да миллиардах в тоску вгоняют, – пошутил я неловко.

– Да нет, – спокойно ответил один из офицеров, – нам эти разговоры, как гинекологу осмотр женщины. Мы уже «атрофировались» к этой теме.

Вот так-то. А ведь семьи у них, дети, и жилья еще у многих наверняка нет, а вот ведь, смотри-ка, они и по ночам кого-то выслеживают. И не зарплаты ради.

Кто-то, значит, должен вычищать мусор и в мешках денежных.

Много, конечно, дерьма в органах, как и везде в нашей сегодняшней жизни, но есть у нас и вот эти молодые ребята, даже по ночам выслеживающие «крамолу». И очень я надеюсь, что эти её найдут, увидят.

И отличат. Где мошенник, а где – «громоотвод».

** * **

Вот уже несколько месяцев лежу я в постели – у меня отнялись ноги, я не могу ходить.

Дом наш на краю деревни, место красивое, тихое, чистое, рядом индивидуальные сады, совсем близко спокойная, глубокая и удивительно, по сегодняшним временам, чистая река Уча. До болезни, до всего, что произошло со мной за последние два года, здесь по садовым тропинкам у меня был вымерен круг в пятьсот метров, летом я по этому кругу бегал, а зимой прокладывал лыжню. Какая это радость – пробежаться утром по-морозцу по натоптанной лыжне, по белому снегу. Воздух в деревне настолько чистый, что снег за всю зиму даже не темнеет. Немного, наверное, таких мест в Подмосковье осталось.

В памяти неторопливо проплывает жизнь, пережитое, потерянное, приобретенное. Удивительно, всегда мечтал отдохнуть, поваляться в постели, никуда не спешить, не суетиться. А когда такое пришло – оказывается, ох как трудно это «ничегонеделание», трудно и тоскливо.

Так что же теперь – все, лежать и ждать? Ждать?

Нет, так не годится, не по-нашему это. Кризис прошел. Да, больно пока, ну и что? Потихоньку начинать надо оживать, да, вот здесь, прямо в постели. Силовые упражнения, сгибать-разгибать ноги, спину. Что там еще, ну-ка вспоминай свои упражнения!

Ничего, не ты первый, не ты последний. Ходить, надо ходить – по стенке, с палочкой, но ходить и ходить, не торопиться, не опережать возможности, спешить нам некуда. Ничего-ничего, главное не раскисать, не впадать в панику, здоровье, оно ведь мое здоровье, а раз мое, никто за меня о нем не позаботится. Поднатужимся, расходимся, еще и до лыж доберемся.

Давай, а что, вот прямо сейчас и начнем, пока никого нет дома. Без «ахов и охов».

Не торопись, спускай ноги спокойно, так, сразу на обе пятки, теперь на обе ступни, взял палку, ну, с Богом, встаем, держись за стенку, пошли.

Ходить нестерпимо больно, но что делать, не ждать же в самом деле какого-то конца! Хотя, о чем это я? Конец в моем положении не какой-то. Конец в моем положении один.

Ходить по несколько раз в день, ежедневно, еженедельно, ходить и ходить, нагружать ослабевшие ноги, и – ходить, ходить, ходить.

Первые месяцы ушли на простое передвижение, на силовую гимнастику с гантелями. Главная нагрузка – на ноги, на спину. Наконец, научился приседать. Да, научился, хотя когда-то приседал по

пятьдесят раз за одно упражнение.

Ноги вроде чуть окрепли, передвигаюсь уже без стенки.

Еще несколько недель непрерывной напряженной силовой работы и вот – хожу без палки. Теперь не торопиться, закрепить, привыкнуть и – ходить, ходить.

И снова несчастье, неосторожно уронил одну гантель – восемь кило – на ногу, прямо ударил по большому пальцу, боль нестерпимая, но это твоя вина, ходить стало еще больнее, но ходить, ходить! А главное – дошло. Раз боль, значит живое, значит нога оживает, уже и боль чувствует!

Снег выпадет, начнем и на лыжах учиться. Как хорошо бежалось когда-то на Уктусских горках. И здесь, среди садовых плетней и заборчиков круг у меня тоже интересный. Сам сочинял!

Вот и снег. Правая нога у меня нормально, волочится левая, надо разработать технику передвижения. Просто устоять на лыжах я смогу. На моих некрутых спусках. Но начинать-то надо на равнинке! Левая мало помогает – только держать равновесие, пусть левая нога просто стоит на своей лыже, не до толчка, а правой – вперед, подталкивай, вот, так и передвигайся...

Лыжня как будто чувствует, что мне тяжело, крепко, устойчиво держит и направляет лыжу, скольжение хорошее, конечно, мази еще старые, беговые, спортивные.

Подтянем и левую, главное не лежать, главное – ходить, ходить, ходить.

И жить. Надо жить, жить еще надо. Надо заставить себя жить.

Конец первой части

...

Москва-Байбаки

1999–2003 г.г.

...

Примечание:

Все встречающиеся в книге имена, фамилии – друзей, родственников, коллег по работе, а также руководителей разного уровня, вплоть до руководителей страны, названия предприятий, ведомств, все названия городов – все это автором вымышлено, любые совпадения случайны.

Ю. А. Запевалов.